

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д.Ушинского»

**Вопросы отечественной
и зарубежной истории, политологии,
образования**

Материалы конференции «Чтения Ушинского»

**Ярославль
2007**

ББК 63.3 (2) Я 434 +
63.3(0) Я 434
УДК 930, 930: 372.8,
93/99; 930.9, 93/99 (4/9)
В 748

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им.К.Д.Ушинского

В 748 Вопросы отечественной и зарубежной истории [Текст]: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2007. – 330 с.

В данном сборнике опубликованы тексты докладов ежегодной научной конференции «Чтения Ушинского» за 2007 год, сгруппированные по кафедрально-тематическому принципу. Они отражают результаты преимущественно инициативных научных исследований преподавателей кафедр всеобщей истории, отечественной истории, политологии и социологии, теории и методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, вновь создаваемой кафедры теологии.

Редколлегия: Л.М.Архипова, профессор, доктор истор. наук
(отв. ред.),
Г.Н.Кочешков, профессор, доктор истор. наук,
М.В.Новиков, профессор, доктор истор. наук
(отв. ред.),
А.Б.Соколов, профессор, доктор истор. наук,
А.С.Ходнев, профессор, доктор истор. наук

ISBN 978-5-87555-381-3

©Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д.Ушинского, 2007

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ В ИСТОРИИ, ИСТОРИОГРАФИИ, КУЛЬТУРЕ И ПОЛИТИКЕ

© Н.В. Новикова (ЯГПУ)

«Антропологический поворот» в отечественном гуманитарном знании и наследие Клиффорда Гирца

30 октября 2006 г. на восьмидесятом году жизни скончался выдающийся американский ученый, почетный профессор Принстонского университета Клиффорд Гирц, с именем которого связывают рождение влиятельнейшего направления в системе наук о человеке – «символической» или «интерпретативной» антропологии. Творчество Гирца, как отмечают многие исследователи, способствовало значительному росту интереса историков к антропологии, хотя далеко не все его идеи и заключения получали одобрение и принимались представителями исторического цеха. Обсуждение роли и значения наследия Гирца лежит в контексте анализа эпистемологической ситуации в гуманитарных науках в целом и общей тенденции к «антропологизации» истории, наметившейся еще в начале XX в., получившей новый импульс в середине 1960-х гг. и устойчиво развивающейся и сегодня.

Как известно, содержанием так называемого «антропологического поворота» стала переориентация историков с исследования надличностных структур и процессов, с построения абстрактных холистических моделей культуры на постижение «исторической действительности в фокусе человеческого сознания»[11. С. 234], изучение «микроэтнографической ткани культуры»[6]. Являясь своего рода интернациональным феноменом, в национальных контекстах антропологически ориентированная история воплощалась в деятельности различных школ и направлений (школа «Анналов» во Франции, новая культурная история в Англии, микроистория в Италии, «история повседневности» в Германии; в России в подобном направлении работает группа ученых, объединившихся вокруг альманаха «Одиссей»), а к началу 1970-х гг. плодотворный междисциплинарный синтез вызвал к жизни новое направление в области социальной истории –

историческую антропологию. В рамках этой дисциплины обеспечивается связь «между синхронным, антропологическим, уровнем анализа и диахронным, историческим, измерением исследования»[6].

Примечательно, что историки, как правило, отмечают «однонаправленный» характер взаимоотношений истории и антропологии, рассуждая о том, что они могут «позаимствовать» у коллег. Например, автор книги «Историческая антропология» М.М. Кром выделяет три «типа междисциплинарных заимствований»: «Наиболее простой и распространенный – привлечение этнографического материала, относящегося к данному региону и к данной конкретной теме... Другой, тоже широко распространенный тип заимствования – привлечение для объяснения изучаемого феномена (магии, колдовства, какого-либо ритуала и т.п.) сравнительного материала, почерпнутого из работ этнологов, описывавших культуры, весьма удаленные от той, которая в данный момент является предметом исследования... Более рискованным выглядит третий тип заимствования: когда историки берут из работ антропологов не отдельные наблюдения и выводы, а их концепции целиком»[8]. Вместе с тем междисциплинарный союз истории и антропологии важен и для развития последней, так как способствует утверждению антропологии как гуманитарной, не естественной науки, основной задачей которой является не описание явлений культуры, а их понимание и интерпретация.

Этой же цели служит и творчество К. Гирца, посвятившего свои работы «реконструкции воображаемой вселенной, в которой пребывает человек изучаемой культуры»[7]. Новаторским оказался подход Гирца к определению природы *понимания* в культурной антропологии. Ключом к пониманию сообществом культурантропологов признавалась способность ученого к эмпатии, его «необычайная восприимчивость, почти сверхъестественная способность думать, чувствовать и воспринимать подобно туземцу»[3. С. 90-91]. В многолетней методологической дискуссии, посвященной вопросу о том, что значит «видеть все глазами туземца», Гирц переформулировал проблему «в терминах того, как следует проводить антропологический анализ и оформлять его результаты, взамен вопроса о том, какой должна

быть психическая организация самих антропологов»[3. С. 92]. Отправной точкой его рассуждений является убеждение, что «этнограф не воспринимает... и чаще всего не может воспринять то же, что воспринимают его информанты». Критикуя устоявшиеся модели и методики этнографической работы, главный их недостаток Гирц видит в европо(лого)центристском характере восприятия и трактовки изучаемых культур: «Западноевропейская концепция человека как отграниченного, уникального, более-менее целостного мотивационного и когнитивного микрокосма, динамического центра сознания, эмоций, суждения и действия, организованных в легко различимое целое, противостоящее и другим подобным целым, и социальному и природному окружению, должна рассматриваться, сколь это ни печально для нас, в качестве одной скорее необычной идеи в контексте всех мировых культур. Если мы стремимся достичь понимания, мы должны не столько пытаться втиснуть опыт других в рамки такой концепции, к чему обычно и сводилась на деле столь превозносимая “эмпатия”, сколько отставить в сторону эту концепцию и взглянуть на опыт других сквозь призму их собственных представлений о личности»[3. С. 94-95]. И свою полевую работу антрополог строил в соответствии с провозглашенной программой: «...В каждом случае я пытался реконструировать... наиболее интимные понятия не с помощью попыток вообразить себя кем-либо еще - сборщиком риса или племенным шейхом, - чтобы затем посмотреть, что же я буду думать по данному поводу, но путем поиска и анализа символических форм - слов, образов, институтов, поступков,- посредством которых люди в рассматриваемых обстоятельствах реально представляют себя самим себе и другим людям»[3. С. 94].

Таким образом, ключевыми в творчестве К. Гирца являются понятия культуры, символа и интерпретации. Приравнивая культурную деятельность к созданию и использованию символических форм, под *символом* антрополог понимает «любой предмет, любое действие, явление, свойство или связи, которые могут служить средством передачи и восприятия смысла»[7]. Гирц утверждает: «Именно эти средства передачи смысла и наделения значением... формируют представления человека о себе и актуализируют их, делают их публичными, обсуждаемыми и,

что наиболее существенно, позволяют подвергать их критике и отстаивать, когда возникает такая необходимость»[2]. *Интерпретацию* же ученый трактует как исследовательскую стратегию, состоящую в том, чтобы, погрузившись в сеть взаимоотношений людей, научиться читать наборы символов («текущий» текст) на их языке (иногда вместе с ними, иногда через их плечо)[12]: «Изучение культур чужих народов (своего тоже, но это другой вопрос) связано с пониманием того, что они думают о себе, о своей деятельности и о целях этой деятельности... Чтобы понимать, что люди думают о себе и о том, чем и для чего они занимаются, необходимо достичь рабочей степени проникновения в те смыслы, в рамках которых разыгрывается их жизнь. Однако вовсе не требуется испытывать чужие чувства или думать чужие мысли, что попросту невозможно. Не требуется для этого и уподобляться местному уроженцу — цель заведомо недостижимая и фальшивая. Нужно просто научиться, будучи чужаком, наделенным собственным миром, жить среди этих людей»[2]. Гирц подчеркивает, что интерпретирующим является сам процесс понимания, поскольку этнограф отбирает и фиксирует факты, следуя установленной исследовательской программе, в соответствии с определенной академической традицией, спецификой восприятия наблюдаемого объекта и особенностями культурного контекста, которые невольно воспроизводит ученый.

В процессе интерпретации Гирц видит движение от факта к его репрезентации, методы которой в научных исследованиях связаны со стратегиями построения нарратива научной работы. Образ видения материала, замечает он, есть лишь частная «точка зрения, которая, как все точки зрения, является частичной и вырастает из конкретной традиции интерпретации исторического опыта... Другие традиции интерпретации... поставляют другие репрезентации»[6].

«Интерпретативная» антропология разработала целый набор понятий и методов, с помощью которых можно было построить обновленную концепцию культуры. Пожалуй, самым востребованным у историков стал метод «насыщенного» или «плотного описания». Как писал Гирц, исследователь находится в «вечном движении» между «записыванием» и «спецификаци-

ей» («диагнозом») – между определением значений, которые имеют определенные социальные действия для самих действующих лиц, и развернутой констатацией того, что дает нам почерпнутое таким образом знание об обществе, в котором оно почерпнуто, и об общественной жизни в целом[4. С. 196]. «Насыщенное описание» предстает как попытка понять неизвестное, «чужое» в «текстах» культуры с помощью описательной реконструкции, осуществляемой возможно более полно и предполагающей анализ символических форм (слова, институции, способы поведения и т. п.) и постижение скрытого в них мира смыслов[10. С. 132-133]. Результатом успешного вхождения в культуру должна стать способность исследователя читать поведение ее носителей как текст, то есть отличать спонтанное от культурно обусловленного, умение, как говорил американский философ Гилберт Райл, отличить мальчика, который подмигивает, от мальчика, который моргает[1. С. 4].

Однако то, что привлекало в умопостроениях К. Гирца одних историков, вызывало неприятие и критику у других. Наиболее последовательно свою позицию выразил итальянский ученый Дж. Леви в статье с выразительным названием «Опасности гирцизма». Методология Гирца, отмечает Леви, ведет свое происхождение от философской герменевтики, в особенности от той ее версии, которая разработана Хайдеггером и Гадамером. В противовес объективистской модели, сводящей человека к субъекту, а все вещи – к объектам манипуляции, эта версия по существу отождествляет историю с языком: человек не распоряжается языком (речью), на котором говорит; наоборот: язык распоряжается человеком. Одно из следствий этой теории – “текстуализация” поведения, веры, устной культуры и ритуала, которые представляются чем-то целым, обладающим неким значением. «Материалист» Леви упрекает Гирца в стремлении вырвать текст из контекста, отделить его от речевой ситуации, в которой он был произведен, а затем придумать обобщенного автора (балиец, «первобытная точка зрения» и т.п.), чтобы дать представление о мире или о контексте, в который текст искусственно помещается заново. Леви видит в этом порочный круг (от текста к контексту и обратно), в котором нет надежных критериев истин-

ности и соответствия, а в итоге невозможно отличить обоснованную интерпретацию от необоснованной и произвольной[9].

В рассуждениях Дж. Леви, крупного представителя школы микроистории, которая также использует символы как средство изучения обществ, российские исследователи усматривают элементы соперничества, борьбы за интеллектуальную гегемонию[5, 6]. Вместе с тем ими подчеркивается близость исследовательского опыта К. Гирца, начинавшего свою карьеру в 1960-е гг. в США, к интеллектуальной ситуации современной России. Как отметил А.Л. Елфимов, «по некоторой исторической иронии, современной [недавно переведенную на русский язык книгу Гирца «Интерпретация культуры»] делает и то, что мир, над которым размышлял Гирц, - мир рубежа 1960-1970-х годов, уставший от социальной и политической дискриминации и требовавший установления либерального межкультурного диалога, - слишком отчетливо напоминает мир, в котором мы сегодня находимся»[6].

Нет сомнения, что идеи, объяснительные модели и некоторые категории, разработанные К. Гирцем, представляют значительный интерес для исследователей, изучающих общества и культуры прошлого, анализирующих различные символические системы и образы, которые и представляют собой символические конструкты. «Интерпретативная» антропология предлагает историку определенный подход (позволяющий войти в другую культуру, начав, казалось бы, с непостижимого, «непроницаемого» — ритуала, текста или действия); определенную программу («постараться взглянуть на события с точки зрения местного жителя, понять то значение, которое он вкладывает в свои слова и действия, и выяснить общественное измерение этого значения»); а также концепцию культуры как «символического мира». Особенно интересным для историков представляется стиль мышления К. Гирца. Как отметил главный редактор «Нового литературного обозрения» А. Дмитриев в своем вступлении к обсуждению книги Гирца «Интерпретация культуры», достойной внимания может быть идея «опыта самоанализа гуманитария, критического рассмотрения собственного исследовательского инструментария в его сложной соотношенности с изучаемым объектом»[5].

В 2004 г. журнал «Новое литературное обозрение» принял первую в отечественной гуманитарной науке попытку развернутого анализа творчества К. Гирца. В дискуссии на страницах журнала приняли участие литературоведы, социологи и историки, которые обсуждали возможности и пределы заимствования методологии интерпретативной антропологии. Хочется думать, что это обсуждение будет продолжено и российские историки примут в ней активное участие.

Библиографический список

1. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
2. Гирц К. Путь и случай: Жизнь в науке // Новое литературное обозрение. 2004. № 70 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/gi3.html>
3. Гирц К. С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии // И.Ф. Девятко. Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996. С.90-105.
4. Гирц К. Насыщенное описание: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997. С.171-203.
5. Дмитриев А. От редактора // Новое литературное обозрение. 2004. № 70 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/dm2.html>
6. Елфимов А.Л. Об антропологии и гуманитарных науках: несколько заметок о творчестве К. Гирца // Новое литературное обозрение. 2004. № 70 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/el7.html>
7. Костырко В. Символы и системы: Клиффорд Гирц в поисках неструктуралистской семиотики // Новое литературное обозрение. 2004. № 70 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/kost6.html>
8. Кром М.М. Историческая антропология: пособие к лекционному курсу // <http://www.countries.ru/library/antropology/krom/hasc.htm>
9. Леви Дж. Опасности гирцизма // Новое литературное обозрение. 2004. № 70 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/le4.html>

10. Оболенская С.В. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта. Индивидуальная биография как опыт исследования «истории повседневности» // Одиссей. 1996. С. 128-147.

11. Репина Л.П., Зверева В.В., Пармонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004.

12. Христофорова О. Между сциентизмом и романтизмом: Клиффорд Гирц о перспективах антропологии // Новое литературное обозрение. 2004.

№ 70 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/hri5.html>

© А. А. Турыгин (РГГУ)

История понятий Райхарта Козелека в контексте развития германской историографии

Как отдельное направление современной германской историографии история понятий сформировалась относительно недавно, в середине XX века. Тем не менее, своими корнями она глубоко уходит в немецкую историко-философскую традицию (М. Хайдеггер, Г. – Г. Гадамер). Лейтмотивом к её появлению в 1960-70-е гг. послужило общее недовольство традиционной историей идей. Отказываясь признавать «онтологический статус идей» в истории и их выражение в понятиях, сторонники новых подходов обратили внимание на «прерывность» идей и, как следствие, изменение содержания исторических понятий. Обратившись к истории языка, исследователи обнаружили, что он включает в себе «множество основных, ключевых и утративших свое первоначальное значение слов. Некоторые из них, внезапно появившись, быстро блекнут, другие, напротив, с момента своего появления в период античности сохраняют свое значение и продолжают использоваться до настоящего времени» [2. S. XIII]. Это позволяло утверждать, что изменение социально-политического языка связано с изменением идей, которые с его помощью выражаются. Основным фактором «прерывности» исторических идей выступали внешние социально-политические и экономические обстоятельства и их изменения в разное время и разные исторические эпохи.

Дальнейшее развитие истории понятий в контексте исторической семантики происходило под воздействием «лингвис-

тического поворота» (1980-е гг. XX в.). В результате в современной западной историографии сложились три исследовательские школы, занимающиеся проблемами анализа языка: французская (М. Фуко, М. де Серто), кембриджская (Кв. Скиннер, Дж. Поккок) и немецкая (Р. Козеллек).

Программные положения истории понятий были изложены во «Введении» к фундаментальному, многотомному исследованию, выходявшему под заголовком «Исторический лексикон социально-политического языка в Германии» с 1972 по 1997 гг. Редакционный состав, как отмечает Л. Шорн-Шютте, был подобран таким образом, что оказалось возможным совместить три основные традиции германской историографии: Райнхарт Козеллек представлял историко-философскую, герменевтическую традицию Г. – Г. Гадамера, Отто Бруннер являлся известным специалистом ранней истории Европы до конца XIX в, а Вернер Конце был влиятельным социальным историком середины XX в. [5. S. 272]. В методологическом отношении основу «Лексикона» составила теория модернизации, одна из наиболее распространенных теорий в западных гуманитарных науках второй половины XX в. Исследуя изменение значения основных, «ключевых» исторических понятий, его авторы стремились проследить этапы возникновения современного общества, начало которому было положено в эпоху нового времени.

Авторы «Лексикона», полностью разделяя общее убеждение в том, что «язык всех источников представляет собой метафору истории, дающую ключ к познанию», исследовали значение около 300 основных понятий с момента их возникновения до периода современности. При этом под основными понятиями ими понимались «не специальные исторические термины, а ведущие понятия исторического процесса, составлявшие предмет исторического исследования» [2. S. XIII]. К их числу авторы «Лексикона» относили такие понятия, как «прогресс», «история», «государство», «общество», «класс», «гражданин» и многие другие. Обращение к самым разным понятиям, широко используемым в гуманитарных науках, также позволяет говорить о междисциплинарной открытости «Лексикона», что соответствовало характерной для второй половины XX в. научной тенденции.

История понятий в том виде, в котором она предстает у Р. Козеллека, ориентирована на анализ основных исторических понятий в различных исторических контекстах, на связь «семантического поля» (т. е. синонимичных понятий) понятия с историческим временем.

Одной из центральных идей концепции истории понятий у Р. Козеллека является идея «переломного времени» (Sattelzeit), приходящегося на вторую половину XVIII – первую половину XIX вв. (1750-1850 гг.). Конечно же, для каждой из европейских стран «переломное время» наступало по-разному. В одном из интервью Р. Козеллек указывает, что «для Франции это, конечно, классический период при Людовике XIV, потом революция 1789 г., тогда тоже были большие изменения. В Англии – это гражданская война... В Италии «переходное время» наступило раньше, это эпоха Возрождения, великое время Флоренции и Рима, искусства, ремесла и банковская система» [1. С. 336-337]. Применительно к истории России «переломным временем» принято считать период с 1700 г., так называемый «петровский период». Как раз с начала XVIII в. в политическом языке империи начинают широко артикулироваться западные понятия, приобретая, тем не менее, национально-исторический окрас.

На «переломное время», по мнению Р. Козеллека, приходится то, что «старые понятия» полностью или частично утрачивают свое прежнее значение и, в зависимости от обстоятельств, приобретают иной смысл. «Переломное время» характеризуется напряжением между «сферой опыта» (Erfahrungsbereich) и «горизонтом ожиданий» (Erwartungshorizont), иными словами, между смыслом, который вкладывался в понятия прежде, и новыми значениями, которые будут им придаваться или уже начинают придаваться под воздействием внешних факторов (войн, революций, реформ). То есть если прежде, до начала революционных событий, понятия, используемые в национальных европейских языках, отражали суть накопленного опыта, то позже с ними начинают связывать будущие ожидания как возможные результаты уже произошедших событий. Так, понятие «дворянин» до Французской революции включало понятия «честь», «достоинство», «благородство», «власть». После революционных событий оно

приобрело новые оттенки и стало синонимично понятиям «реакционер», «противник свободы», «злодей».

Намерению авторов «Лексикона» проследить изменение значений основных исторических понятий соответствовала логика написания статей. Сначала в них изучалась история слова в эпоху раннего нового времени (с 1700 г.), в основной части описывались изменения в содержании понятий в конце XVIII – начале XIX вв., и, наконец, в последней части исследовалось их современное значение. В качестве примера можно привести понятие «гражданин» (Bürger). В истории языка на протяжении длительного времени сохранялось данное Аристотелем определение этого понятия, которое в статье «Лексикона» сравнивается со значением, ему придаваемым в римском праве, в учении о «суверенитете» Жана Бодена, законодательстве Германской империи, политических и юридических текстах XVIII – XIX вв. (Г. Ф. В. Гегеля, К. фон Роттека, К. Маркса, Ф. Энгельса). Оказалось, что понятие “гражданин” в ходе исторического развития изменяло свое значение. Так, при его употреблении в 1700 году имели в виду горожанина, в 1800 - гражданина государства и в 1900 - человека непролетарского происхождения [3. S. 20]. Все это позволило проследить историю развития понятия от обозначения определенной социальной группы, сословия, класса до субъекта, обладающего конституционным статусом.

Проблематизируя связь исторических понятий с современностью, Р. Козеллек выделяет ряд критериев, которые характеризуют современные социально-политические понятия: **демократизацию, отражение в содержании понятия больших периодов времени, идеологизированность, политизацию** [2. S. XVI - XVIII].

Довольно долго, вплоть до эпохи Просвещения, специфической особенностью языка являлась его привязанность к определенной среде, сословию. Можно было говорить о языке аристократов, юристов, ученых, богословов и т.д. С течением времени «языковое пространство» начинает расширяться и включать большее количество участников. Этому способствовало появление множества самых разнообразных журналов, массовой литературы. В то же время связанные прежде с определенным сословием уже отмеченные выше понятия «честь», «достоинст-

во» со временем утрачивают свою индивидуализированность и становятся неотъемлемой частью нации, народа, общества. При этом оторванные от сословной принадлежности понятия приобретают самые различные значения. Так, понятие «свобода прессы» одними членами общества понималось как освобождение от цензуры, другими – как своеобразная «дерзость», «распущенность» прессы [2. S. XVII].

Таким образом, множественность понятий, их оторванность от определенной социальной среды, группы и всеобщая применяемость свидетельствовали об особом виде их демократизации.

Вторым, не менее значимым критерием современных понятий является отражение в их содержании больших периодов времени, динамики определенных процессов. Так, первоначально абстрактное и размытое понятие «республика», характеризующее форму правления, под воздействием внешних обстоятельств приобретает иной смысл, поднимаясь до понятия «партия», когда речь шла об удовлетворении определенных требований, или выступает как понятие «движение» и «интеграция», когда имеется в виду определенный процесс. Многочисленные «измы» («республиканизм») указывают на «моторы и индикаторы разворачивающегося во времени процесса» [2. S. XVII].

Еще одним критерием является идеологизированность понятий. По Р. Козеллеку она определяется в зависимости от контекста использования понятий – экономического, теологического, политического, историко-философского – и свидетельствует о структурных изменениях в тех или иных сферах общественной жизни [2. S. XVII].

Говоря о том, что многие понятия периода современности стали формироваться на рубеже XVIII – XIX вв., важно отметить еще один момент. Все понятия потеряли бы свой смысл, если и вовсе не исчезли бы, без присущей им политической значимости, приобретенной в ходе революционных событий. Употребление в эпоху нового времени таких понятий, как «революционер» и «реакционер», зависело от отношения личности к определенным политическим событиям и, в то же время, позиционировало её в дихотомическом соотношении «своего» и «чужого», что имело для нее политические последствия.

Все перечисленные критерии имеют гипотетический характер и служат для того, чтобы отделить понятия эпохи нового времени, артикулируемые современностью, от существовавших ранее понятий.

Потенциал истории понятий проявился в сравнительно-исторических исследованиях и дискуссиях конца 1980-х – начала 1990-х гг. под общим заголовком «Бюргер, бюргерство, буржуазное общество» («Bürger, Bürgerlichkeit, Bürgertum»).

В одной из статей вместе с У. Шпрее и В. Штайнмецом, Р. Козеллек исследует сравнительную семантику понятий «буржуазное общество» (Bürgertum) в Германии, «средний класс» (middle class) в Англии и «буржуазия» (bourgeoisie) во Франции за время с 1700 до 1860 гг. [4. S. 34]. Авторы статьи утверждают, что в общеисторическое понятие «буржуазное общество» в разных странах и в разное время вкладывались национально-типические, в том числе языковые особенности. Это придавало ему специфический смысл [4. S. 34]. Так, к середине XIX в. понятие «буржуазное общество» в Германии служило для того, чтобы представить все общество в его горизонтальных связях, в совокупности всех его элементов – социальных групп, подгрупп, слоев. Оно позволило представить и вертикальные общественные связи, но ровно настолько, насколько это позволяло подчеркнуть промежуточное положение бюргерства. Объединяя рамками понятия «буржуазное общество» различные социальные группы, находящиеся на одной общественной ступени, нельзя было видеть в какой-либо одной из них субъекта классовых противоречий [4. S. 34]. Английское понятие «средний класс» распространялось не на все общество, а на относительно замкнутую большую социальную группу «семей с доходом в 10 фт. ст». Принадлежность к среднему классу в Англии была связана с определенной профессиональной квалификацией. Во Франции понятие «буржуазия», начиная со времени Французской революции, практически сразу стали сравнивать с понятием «класс». Это делалось для того, чтобы «придать значения общественным требованиям» и «коллективно добиваться руководящих позиций», власти [4. S. 35].

Подчеркивая важность истории понятий, Р. Козеллек указывает на две особенности историографии. С одной стороны, она

исследует обстоятельства, которые ранее уже были вербально осознаны. Ключом к их интерпретации выступает анализ языка исторического источника. С другой стороны, она реконструирует обстоятельства, ранее вербально не артикулируемые. В этом случае историография использует определенные категории, которые позволяют понять обстоятельства прошлого, причем эти категории формулируются и берутся из современного языка. Так, экономические предпосылки раннего капитализма определяются при помощи категорий, которые в его эпоху еще не были известны, по крайней мере, не были отражены в языке эпохи. В обоих случаях методологическим средством познания прошлого выступает анализ языка и основных исторических понятий.

Библиографический список

1. Интервью с Р. Козеллеком // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 15. М., 2005.

2. *Geschichte Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. - Einleitung.* / Hrsg. O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bd. 1 (A-D). Stuttgart, 1972.

3. *Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte*, in: *Historische Semantik und Begriffsgeschichte* / Hrsg. von R. Koselleck. Stuttgart, 1979.

4. *Koselleck R., Spree U., Steinmetz W. Drei bürgerliche Welten? Zur vergleichenden Semantik der bürgerlichen Gesellschaft in Deutschland, England und Frankreich*, in: *Bürger in der Gesellschaft der Neuzeit. Wirtschaft, Politik, Kultur.* / Hrsg. H. – J. Puhle. Bd. 1. Göttingen, 1991.

5. *Schorn-Schütte L. Neue Geistesgeschichte*, in: *Kompass der Geschichtswissenschaft* / Hrsg. J. Eibach, G. Lottes. Göttingen, 2002.

© Е.Е. Лях (ЯГПУ)

Отражение особенностей мировосприятия и повседневной жизни христиан в образах раннехристианского искусства

История христианства I – IV века - совершенно особенный период. Это время, предшествующее государственному признанию христианской церкви, время становления, христианского мировоззрения, христианского учения и его выживания в условиях гонения со стороны римского государства.

Осмыслить этот период помогают не только канонические и апокрифические писания, свидетельства апологетов и Отцов Церкви, но и памятники раннехристианского искусства – саркофаги, надгробные плиты, медальоны, фрагменты живописи катакомб. Важнейшими из этих источников являются образы раннехристианского искусства, сохранившиеся в катакомбах II – IV веков. Это катакомбы св. Присциллы (III –IV в.), св. Тразона (IVв.), св. Петра и Марцеллина (II - IVв.), Via Latina (IVв.), св. Каллиста (III – IVв.), св. Джордании(III – IVв.), св. Домитиллы (IVв.). Росписи катакомб обычно называют фресками. Они многочисленны и расположены по стенам и сводам катакомбных помещений и галерей.

Существует множество классификаций образов и сюжетов катакомб. Наиболее известная классификация принадлежит одному из авторитетнейших исследователей раннехристианского искусства - Дж. Б. Де Росси. В основе его классификации лежит внутреннее значение изображений (образов). Они разделены на 6 групп:

- изображения посредством художественных знаков (якорь, голубь и т.д.);
- эмблемы и литургические действия;
- изображения Спасителя, Богоматери и др.;
- аллегорические, выражающие Евангельские притчи;
- события из жизни святых и истории церкви;
- исторические факты, события Ветхого и Нового Завета.

Изображения 1-4 групп неоднократно становились предметом исследования. В этой работе основное внимание будет уделено изображениям событий из жизни святых и истории церкви, образам Ветхого и Нового Завета.

Прежде чем перейти к смысловому анализу изображений и их связи с повседневной жизнью и системой представлений

христиан, необходимо остановиться на особенностях раннехристианского искусства, проявившихся в первую очередь в живописи катакомб. Эта живопись своеобразна и специфична, что неоднократно подчеркивали ее исследователи. Первое, что отмечается ими, – крайняя упрощенность, схематичность и даже некоторая небрежность раннехристианских изображений в сравнении с произведениями римско-эллинистической эпохи и более поздними памятниками христианского искусства. На фресках не всегда четко прописаны лица изображенных, фигуры. В сюжете «Три отрока в печи огненной» у юношей на руках по 4, а не по 5 пальцев.

Причиной схематичности живописи нельзя считать неумение художников. Об их мастерстве свидетельствует прекрасная цветовая гамма фресок катакомб, великолепные психологические «портреты», особенно женские портреты в катакомбах св. Тразона, «Vigna Massimo». Часто своеобразие живописи катакомб объясняется безразличием христиан к красоте и даже «боязнью красоты». Однако с этими объяснениями нельзя согласиться. Само понятие «красота», «прекрасное» хотя и не занимало центрального места в трудах апологетов и Отцов Церкви, тем не менее неоднократно обсуждалось ими. Сам Бог – Творец рассматривался как художник, а мир как Его прекрасное творение. Христиане первых веков хорошо чувствовали наслаждение, получаемое от созерцания красоты природных пейзажей, - наслаждение духовное, активно способствующее мыслительной, созерцательной, вообще любой духовной деятельности человека [1. С. 197]. В своей работе «Эстетика Отцов Церкви» В.В. Бычков на протяжении нескольких глав проводит анализ понятий «красоты» и «прекрасного» в понимании христиан I – IV веков. Он аргументированно доказывает, что данные понятия не только не были чужды христианам, но приобретали у них новый смысл. Понятие красоты было теснейшим образом связано с природой как творением Бога, с добродетелью, гармонией, миром, естественной и внутренней красотой человека [1. С. 200-206]. Следовательно, схематизм, упрощенность изображений объясняются другими причинами, взаимосвязанными между собой.

Их условно можно назвать «внешними» и «внутренними». «Внешние» - это обстоятельства, в которых возникло и раз-

вивалось христианское искусство, а «внутренние» - это особенности религиозного сознания христиан I – IV веков. Кратко поясним эти причины.

Христианское искусство появляется в чрезвычайно неблагоприятных внешних обстоятельствах, в период гонений, которые заставляли христиан скрываться. В катакомбах они чувствовали себя в относительной безопасности, так как места погребений в Римской империи считались неприкосновенными, а римское законодательство допускало существование погребальных коллегий любого вероисповедания. Погребальные коллегии имели право собираться в местах погребения своих членов, иметь свои алтари и совершать богослужения. Таким образом, катакомбы были вынужденным местом христианских собраний, и эта временность не способствовала развитию христианского искусства.

Христиане I – IV веков жили в окружении утонченной римско-эллинистической культуры и эстетики, которые отражали иное, чуждое христианству миропонимание. В античном мировосприятии культовые, священные изображения были тесно соединены с понятием об идолах, неприемлемых для христианства. Живя в этих условиях и не отвергая понятие «красоты» и «прекрасного», христиане должны были очень осторожно использовать свои священные образы, в первую очередь, чтобы не ввести в заблуждение неопитов. Более того, в этих условиях им необходимо было выработать собственные принципы искусства. Ими становятся полезность (прежде всего для совершенствования души), ярко выраженная духовная ориентация и интеллектуализация. «Идеальное искусство должно возводить человека от мира чувственного к миру умопостигаемому» [1. С. 181-185]. Новые принципы раннехристианского искусства наиболее ярко проявляются в искусстве, начиная с V века.

Внутренними причинами, повлиявшими на характер раннехристианского искусства, являются раннехристианское сознание и особенности восприятия христианами I – IV веков самого христианского учения. Первая из этих особенностей – *эсхатологичность* сознания. Она отражена во всех памятниках раннехристианской мысли, в первую очередь в «Откровении Иоанна Богослова». Это особое, торжественно-радостное ожидание

возвращения Мессии, «благая весть» о Его приходе здесь и сейчас, в самое ближайшее время. В такой обстановке сложная символика не нужна. Главное – ясность и простота выражения мысли, а для этого не нужен символ, достаточно знака. Другой особенностью религиозного сознания христиан является острое *восприятие христианства как «мистериальной религии»*. На эту особенность раннехристианского сознания обратил внимание В.Вейдле, один из исследователей искусства [2. С. 172]. Именно особое мистериальное понимание христианства, существовавшее только в «доконстантиновский» период, привело к появлению самой значительной черты раннехристианского искусства – его *сигнитивности или знаковости* [2. С. 172]. «Знак, в отличие от символа, передает смысл без заботы о выражении этого смысла» [2. С. 168-169], поэтому сигнитивное искусство безразлично к форме выражения мысли. Здесь в изображении опущено все, кроме необходимого, для того, чтобы сцена была узнаваема и смысл ее был понят. Именно этой лаконичностью, знаковостью и объясняется упрощенность образов, их некоторая небрежность (четыре пальца у юношей, «намалеванное» пламя и т.д.) Сигнитивное искусство изображает, но изображение можно заменить словом или иным знаком. «В сущности, раннехристианское искусство вообще не искусство, а лишь особый язык религиозной мысли, система зрительных образов, выполняющих функцию знаков... В нем важна не трактовка тем, а их выбор и сочетание... Оно изображает не божество, а Его функции», - делает вывод В. Вейдле [2. С. 171.]

Эти особенности раннехристианского *сознания*, отраженные в раннехристианском искусстве, ведут к переосмыслению понятия образа. Греческий термин «ейкон» многозначен. Это «образ», «изображение», «подобие», «статуя», «мысленный образ», «сравнение», «притча». Синонимом этого термина являются «подобие», «зеркало», «символ», «знак», «загадка», «знамение» [1. С. 216]. Столь же многозначно латинское «*imago*». Христианство наследовало многоликость термина «образ» и с его помощью описывало весь универсум, общество, человека, Св. Писание. «Мир мыслился как система образов, возводящих к первообразу» [1. С. 216]. Такое широкое использование христианами понятия образ отражает одну из важнейших черт христиан-

ского мышление – его иконологичность или ипостасность. Иконологичность мышления снимает противоречия между мифологией и философией, позволяя преодолеть культурный и интеллектуальный разрыв между элитой и основной массой населения, создавая общий язык понятий и символов, допускающий различные уровни интерпретации [9. С. 421-423]. Причины распространения раннехристианского и позднеантичного образного мышления В.В. Бычков видит в невозможности понятийного осмысления большинства явлений природы и в надлогичном характере христианского учения.

Представление о том, что такое образ и какие существуют образы, можно найти в трудах апологетов и Отцов Церкви - Иринея Лионского «Против ересей», Тертуллиана «Против Гермогена», «Против Маркиона», «Против валентиниан», «О плоти Христа», Арнобия «Против язычников», Лактанция «Божественные наставления», Климента Александрийского «Педагог», «Строматы» и частично у других апологетов. Они рассматривают такие проблемы, как соотношение понятий «образ» и «подобие», «образ» и «изображение», особенности изобразительных, пластических образов и другие проблемы. Раннехристианские писатели выделяли три типа образов: миметические (подражательные), символические (символично-аллегорические), знаковые [1. С. 226-227]. С точки зрения В.В. Бычкова, в раннехристианском искусстве сочетаются символично-аллегорические и знаковые образы. Образ-знак, доминирующий в искусстве доконстантиновского периода, позволял, с одной стороны, скрывать содержание образа от непосвященных, чтобы они не исказили и не осквернили его, а с другой стороны, сложный образ-знак побуждал смотрящего активизировать поиски истины.

При характеристике живописи катакомб кроме знаковости образов необходимо отметить, что все фигуры людей представлены фронтально или в 3/4. Такой ракурс станет одним из самых распространенных в средневековом искусстве. Он обозначал покой, в отличие от изображений в профиль, связанных с активностью и с более низким социальным статусом изображенного лица. Ракурс в 3/4 будет использоваться для изображения сакрального. Кроме того, в живописи соблюдались традиции

древности - фигуры наиболее значительных лиц показаны более крупными, по сравнению с другими.

Существовал ли обязательный перечень сюжетов для всех катакомб, были ли каноны изображения, план росписи, или они расписывались хаотично? Источники не позволяют точно ответить на эти вопросы. Вероятнее всего, катакомбы расписывались скорее стихийно, чем по заранее намеченному плану, так как были временным местом собраний христиан.

Рассмотрев особенности раннехристианского искусства, проведем анализ изображений. Сигнивативный характер искусства, неразрывность изображения и текста ведут к попыткам их комплексного прочтения, к стремлению проследить внутренний диалог между изображениями и раннехристианскими текстами. Целью данной работы является анализ связи между образами раннехристианского искусства, повседневной жизнью христиан и некоторыми особенностями мировосприятия христиан I – IV вв.

Живопись катакомб красноречиво свидетельствует об *особенностях восприятия христианами окружающего мира*. Первое, что удивляет исследователя, - это цвет. Фрески катакомб удивительно сочетают лаконичность, условность образов с необыкновенно живыми красками. Цвет изображений сразу разрушает стереотипное восприятие раннего христианства как мрачного периода подземного, «катакомбного» существования христиан, скрывающихся от гонений и не замечающих или отвергающих красоту окружающего мира. Цветовая гамма образов различна: от нежно-зеленых, розовых, голубых, золотисто-желтых тонов до охристо-коричневых. Она включает все цвета окружающего мира и передает восхищение природой и красотой мироздания, что и выражено христианином в произведении «Октавий». «Мы...вышли на открытый морской берег. Легкие волны, забежавшие на песчаные края берега, как будто углаживали их для прогулки. Море, всегда волнующееся, даже во время безветрия, всплескивалось на землю если не седыми, пенистыми волнами, то легкими, колеблющимися струями, нас... восхищала игра волн, когда мы стояли на самой окраине воды: они то приближались к нам, как бы лаская наши ноги, то убегали без следа, скрывались в море» [7. С. 227]. И таких описаний природы в

раннехристианских произведениях множество. В живописи катакомб удивляет минимальное использование художниками темных тонов - коричневого и черного. Солнечные, яркие краски в сочетании с благородно-торжественными лицами, позами, жестами изображенных создают праздничное, возвышенное настроение, отраженное в большинстве раннехристианских текстов. «Вся жизнь христианина - один долгий праздничный день», - писал Климент Александрийский. Ощущение радости новооткрытой веры, важности миссии ее распространения, светлая эсхатология, мистериальность всего происходящего - именно это характерно для мировоззрения христиан первых веков.

Среди образов Ветхого и Нового Завета в живописи катакомб особое внимание уделяется чудесам («Исцеление расслабленного», «Воскрешение Лазаря», «Умножение хлебов», «Источение воды из скалы» и др.) *Интерес ко всему необычному и чудесному* является еще одной характерной чертой мировоззрения христиан, отраженного в раннехристианском искусстве. Интерес к чуду был характерен для всех жителей Римской империи I-V вв. Среди греков и римлян огромной популярностью пользовались маги, пророки, предсказатели, наиболее читаемой литературой были сонники, сочинения по гаданию, хиромантии, парадоксографические произведения. Античные романы также были полны описаний чудес. Показателем могущества того или иного бога или героя становились совершенные им чудеса. Они занимали значительное место не только в живописи, но и в массовой раннехристианской литературе, созданной в I-V вв. и причисленной позднее к новозаветным апокрифам, в которых проповедь апостолов, сопровождаемая чудесами и знамениями, является самой распространенной причиной обращения в христианство. Именно чудеса и знамения, а не критика греческой и римской философии и религии, не интеллектуальные доказательства преимущества Нового Завета часто становились для неопитов свидетельствами истинности христианства.

Среди многих чудес, изображенных в живописи катакомб, одним из самых распространенных, а значит и одним из самых важных является «Воскрешение Лазаря». Фигура Лазаря небольших размеров, завернутая в пелены, напоминает мумию. Она изображена стоящей в дверях дома с двускатной крышей. К

ней палочкой или жезлом (символ власти) прикасается молодой Христос. Фигура Христа всегда явно больше фигуры Лазаря. По подсчетам В. Вейдле, этот сюжет повторяется более 50 раз [2. С. 174], уступая, что вполне объяснимо, образам Моисея и Ионы. Почему это чудо так важно? Знамена, чудеса превращения демонстрировали почти все боги римского пантеона, но ни одно из них не воскрешало «умершего, который уже смердит, ибо четыре дня, как он во гробе» [Иоан.11.39]. Таким образом, «Воскрешение Лазаря» для большинства христиан и даже язычников было важнейшим аргументом могущества христианского Бога, истинности христианского учения, а образ Христа, «могущественного», «милостивого», «справедливого» и «милосердного», во многом совпадал с образом бога, к которому обращались в своих эпитафиях жители восточных провинций Римской империи [3, 4, 11].

Удивление и немалый интерес вызывает присутствие в живописи катакомб образов античных героев и исторических личностей. Это Орфей с сирингой, сидящий на лугу и пасущий овец (кат. св. Домитиллы III в.); Геракл с Кербером или гидрой (кат. Via Latina IV в.); Гиппократ, сидящий в окружении учеников и изучающий строение человеческого тела (кат. Via Latina IV в.). Присутствие античных образов свидетельствует еще об одной важной черте христианского мировоззрения – *диалогичности*. Влияя на массы языческого населения, формируя их сознание, христиане не отвергали огульно античную культуру и традицию, но находились в постоянном диалоге с ней. Проповедуя и доказывая правоту своего учения, христиане должны были облечь свою проповедь в простую форму, понятную для большинства жителей империи, для этого следовало использовать знакомые для греков и римлян образы, «элементы знаковых систем своей аудитории, тот фонд представлений о мире, человеке, силах, управляющих ими, который содержится в ее сознании» [5. С. 6]. Это было несложно, т.к. сами христиане были вчерашними язычниками. Заимствуя старую форму, они вносили новое содержание, иначе расставляли акценты. Привлекая образы античных богов и героев, христиане сравнивали их с образом Иисуса Христа. Образы Геракла как избавителя от сил зла, Орфея как спасителя и целителя души, Гиппократа как врачевателя тела могли

отождествляться с теми или иными качествами Иисуса Христа. Но Он один превосходил всю плеяду античных богов и героев. Однако античные образы были слишком близки язычеству, поэтому их изображения единичны. Вскоре христиане отказались от них совсем.

Самыми распространенными образами в раннехристианском искусстве являются образы молящихся – Оранты. Их можно увидеть не только в катакомбах, но и на саркофагах, надгробных плитах христиан. По данным В.Вейдле, это изображение самое распространенное. Оно встречается около 160 раз [2. С. 174], что гораздо чаще, чем изображения Доброго Пастыря, который, как известно, олицетворял Иисуса Христа. Изображения молящихся есть во всех катакомбах I-IV вв. Молящимися изображены мужчины, женщины, дети. В катакомбах св. Петра и Марцеллина фигуру Доброго Пастыря окружают фигуры молящихся мужчин и женщин. В этих же катакомбах есть изображение Ноя, молящегося в ковчеге, молящегося Ионы, извергаемого из пасти кита. В катакомбах св. Джордании представлен молящийся Даниил во рву со львами, молящимися изображены три отрока в огненной печи в катакомбах св. Каллиста, св. Присциллы, Via Latina и на фрагменте саркофага из музея Латеран, в Риме. Все молящиеся изображены стоя в древней молитвенной позе «с распростертыми руками и поднятыми вверх очами» [10. С. 31]. Именно при этой позе «на теле отпечатлевается как бы образ того особенного свойства, которое приличествует душе во время молитвы» [10. С. 31]. Поза молящегося с распростертыми руками напоминает крест, который иногда изображается поверх одежд молящихся. Например, в катакомбах св. Присциллы «Три отрока в печи огненной» стоят в молитвенной позе, а поверх их зеленоватых одежд изображены кресты. Трактовка образов молящихся различна: молитва о спасении души, или молитва спасенной души, или олицетворение молитвы как таковой.

Большое количество образов «Орант» свидетельствует об огромном значении, которое *первые христиане придавали молитве*. Почему же так важна молитва в повседневной жизни христиан? Как Христос молился, прося поддержки у Отца, так и христианин через молитву просит помощи у Бога. О важности молитвы не раз говорят Евангелия, деяния, послания. "Итак,

прежде всего, прошу вас совершать молитвы..., ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" [1Тим.2.1-4]. Молитва дает надежду на помощь и спасение в самых безвыходных ситуациях. О важности молитвы рассказывают не только многочисленные фрески катакомб, но и сочинения раннехристианских писателей, а также массовая раннехристианская литература, в первую очередь, новозаветные апокрифы. Молитва и память о заповедях прокладывает путь к небу [10. С. 11]. Согласно «Учению 12 апостолов» («Дидахе»), одному из древних и авторитетных памятников христианской мысли, составленному на рубеже I – II веков, христианин должен молиться три раза в день, читая «Отче наш». Подробному объяснению этой важной молитвы посвящено сочинение Тертуллиана «О молитве». Ориген считает, что молиться можно стоя и преклонив колени здоровым людям, больные же могут молиться сидя и даже лежа [8. С. 31]. Где нужно молиться? Месту молитвы не придается особого значения. Ориген утверждает, что лучше молиться в «местах молитвы», в молитвенных собраниях, однако в принципе можно везде. Но главное внимание уделяется внутреннему состоянию молящегося: молиться нужно «без гнева и сварливости», «с собранностью духа», сосредоточив мысли, «помня о величии Творца, разумом и сердцем воспарив к Богу» [8. С. 31]. Именно это состояние души лучше всего воплощено в образах молящихся в катакомбах.

При анализе фресок катакомб привлекает внимание большое количество женских образов. Женщины участвуют в сценах евхаристии, поклонения волхвов, множество женщин изображено молящимися. В катакомбах св. Тразона и св. Домитиллы есть прекрасные «портреты» христианок. Художник уделил огромное внимание не только лицам, но и одежде, украшениям (серьги, бусы, браслеты). Одежда, украшения, прически свидетельствуют о принадлежности женщин к различным социальным слоям. Многочисленные женские образы фресок подтверждают сведения канонических писаний, новозаветных апокрифов и сообщения раннехристианских писателей о социальном составе раннехристианских общин и об активном участии женщин в их жизни. Причины этого активного участия различны.

Важнейшими из них И.С. Свенцицкая считает неприятие раннего замужества, желание играть самостоятельную роль в политической и социальной жизни, неудовлетворенность своим положением. Последняя из этих причин ярко выражена в речи христианки Мигдони: «Ибо в пустыне мы живем, потому, что живем подобно животным, которые речью не владеют» [6. 210]. Христианская проповедь, обращенная ко всем социально и морально обездоленным, не могла не привлекать внимания женщин. Христианки, отрекающиеся от всего ради своей веры, вызывали восхищение даже язычников. Повседневная жизнь христианок, посвятивших себя служению Богу, была очень тяжелой, особенно если их мужья оставались язычниками. Женщины в полной мере испытали на себе слова Христа о том, что «возложат на вас руки, и будут гнать вас, ...преданы же будете и родителями, и братьями, и родственникам, и друзьями, и некоторых из вас умертвят, и будете ненавидимы за имя Мое» [Лк.21.12-19]. Христианское предание сохранило имена многих из них. Это Фекла, Тертия, Бландина, Перпетуя, Фелицита, София и многие другие женщины.

Таким образом, живопись раннехристианских катакомб является важным источником, дополняющим сообщения канонических и апокрифических писаний, сведения раннехристианских авторов. Она ярко и образно раскрывает особенности повседневной жизни христиан, их мировоззрение. Эти знания обогащают духовный опыт людей последующих поколений.

Библиографический список

1. Бычков В.В. Эстетика Отцов церкви. М., 2000.
2. Вейдле В. Умирание искусства. М., 1999.
3. Голубцова Е.С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I-III веков. М.: Наука, 1977.
4. Голубцова Е.С. Мировоззрение горожанина и крестьянина Малой Азии I-III веков // Культура Древнего Рима. М.: Наука, 1985. Т. II.
5. Гуревич А.Я. Культура и общество Средневековой Европы глазами современников. М.: Искусство, 1989.

6. Деяние Иуды Фомы апостола / Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М.: Прицелье, 1997.

7. Минущий Феликс Октавий // Сочинения древних христианских апологетов / Пер. П. Преображенского. СПб.: Алетейя, 1999.

8. Ориген. О молитве. 31 // Ориген. О молитве. Увещевание к мученичеству / Ред. Н. Корсунского. СПб., 1897.

9. Померанц Г.С. Иконологическое мышление как система и диалог семиотических систем. М., 1983.

10. Тертуллиан. О молитве // Тертуллиан. Избранные сочинения / Сост. А.А. Столяров, М., 1994.

11. Свенцицкая И.С. Особенности религиозной жизни народных масс в азиатских провинциях Римской империи (II-III вв.): язычество и христианство // ВДИ. 1992. № 2. С. 54-71.

© Ю. Е. Барлова (ЯГПУ)

Конструирование образа политика в политическом пространстве XVIII века: на примере Ч. Дж. Фокса

В наше насквозь политизированное время слова «политик», «политика», «политическое» не сходят со страниц журналов и газет, с телеэкранов и радиоэфира, постоянно присутствуют в разговорах людей различных социальных, профессиональных, этнических, религиозных групп. Их эмоциональная окраска в целом одинакова. «Политика – грязное дело»; «дай политике свободу рук, и они окажутся в твоих карманах»; «привилегия политиков состоит в том, что они могут врать и пользоваться доверием одновременно» - вот короткий перечень самых распространенных афоризмов, посвященных политике и политикам [1. С. 372-374].

Сложно сказать, когда в общественном сознании сложился стереотипический образ политика как беспринципного, нечестного, своекорыстного человека. Думается, что это был постепенный процесс, шедший параллельно с повышением интереса к политике со стороны широких масс населения. Безусловно, его следует атрибутировать к эпохе нового времени, когда политическая борьба переставала быть уделом избранных и становилась

«достоинством общественности». Именно тогда, кстати, появляется и выражение *«профессиональный политик»*, широко употребляемое сегодня, несмотря на то, что ни одно высшее учебное заведение не выдает диплом с указанием подобной профессии.

Несколько раньше, чем в других европейских государствах, конструирование образа «профессионального политика» (в том виде, в каком мы привыкли его воспринимать сегодня) началось в Англии. В XVIII в., судя по широкому спектру свидетельств, в политической культуре этой страны политика была не просто коммуникативным пространством, а настоящим полем битвы «из плоти и крови». На этом поле вращивался и образ политика-профессионала: своеобразного «медиатора», связующего звена между властью и обществом, лидера партии (фракции), популиста и демагога, способного поступиться принципами ради политической выгоды.

Понятно, что в складывании образа политика не последнюю роль играли его персональные воплощения, одним из которых можно считать **Чарльза Джеймса Фокса (1749-1806)**.

Фокс пришел в политику 19-летним юношей, будучи избранным в парламент от «карманного округа» своего отца, лорда Холланда, и оставался в политике вплоть до своей смерти в 1806 г. – то есть 38 лет. Он почти сразу же примкнул к парламентской оппозиции, точнее, к фракции рокингемитов – группировке вигской ориентации во главе с маркизом Рокингемом, - и большую часть своей политической карьеры посвятил противостоянию режиму правившего тогда Англией короля Георга III Ганноверского. В 1770-е годы он выступал в защиту свободы североамериканских колоний, которые в 1776 г. провозгласили государство США. В 1780-е годы Фокс основал собственную оппозиционную парламентскую фракцию «фокситов», которая все чаще стала ассоциироваться с партией вигов в целом. Три раза – в 1782, 1783 и 1806 г. – Ч. Дж. Фокс входил в правительство, и каждый раз в должности государственного секретаря по внешним сношениям (министра иностранных дел). Самым скандальным его пребывание на этом посту оказалось в 1783 г., в составе «беспринципной» правительственной коалиции, которую он образовал из соображений политической выгоды со своим главным на тот момент оппонентом, лордом Нортом. В это же время Фокс

предложил свой на шумевший «индийский билль Фокса» - законопроект, по которому контроль над деятельностью Ост-Индской компании, управлявшей британскими владениями в Индии, переходил бы к парламенту. Впрочем, в общей сложности период его пребывания у власти продолжался недолго - меньше года. После отставки «беспринципной коалиции» у Фокса появился новый оппонент – известный политический деятель, с 1784 г. премьер-министр Англии, Уильям Питт-младший. Противостояние Фокса и Питта на политической арене вошло в учебники английской истории и стало визитной карточкой эпохи второй половины XVIII века. Кульминацией этого противостояния были Вестминстерские выборы 1784 г., которые, по сути, раскололи всю страну на два враждебных лагеря в зависимости от отношения к Фоксу и Питту. В ходе «битвы» с Питтом-младшим Фокс, с одной стороны, заводит близкую дружбу с наследником британского престола принцем Георгом (будущий английский король Георг IV), с другой – с радикальными политическими ассоциациями, выступавшими за парламентскую реформу. В то же время, когда в 1785 г. Питт предложил план парламентской реформы, в большой степени отвечавший чаяниям как вигов, так и радикалов, Фокс – опять же из политических соображений – отказался поддержать его. В 1788 г. Фокс принял активное участие в кампании, связанной с т.н. кризисом регентства (когда приступ безумия короля спровоцировал битву за предполагаемое регентство между Питтом-младшим и принцем Георгом). В 1789 г. он поддержал начавшуюся во Франции революцию, в 90-е гг. XVIII века предложил в парламенте меры по ограничению работоторговли и усовершенствованию судебной системы. Скончался Чарльз Джеймс Фокс в 1806 г. в возрасте 59 лет, на несколько месяцев пережив Питта.

Итак, политическая биография Фокса выглядит довольно противоречивой. Он не отличился как государственный деятель, не добился никаких существенных реформ как оппозиционер. Однако почти во всех справочниках и энциклопедиях его имя прочно ассоциируется с определением «политик». Есть еще один интересный факт. Этот человек, не проявивший себя великими свершениями, стоит на третьем месте после короля Георга III и Питта-младшего по числу посвященных ему политических

карикатур: в коллекции печатных оттисков Британского музея его образ фигурирует около 8 тысяч раз, и это менее чем за столетие! Учитывая, что карикатура во второй половине XVIII в. была одним из основных каналов политической пропаганды и коммуникации, интересно проследить, как конструировался образ Фокса-политика в политических карикатурах того времени (то есть, по сути, как выстраивали этот образ его оппоненты, ведь карикатура – это насмешка, издевка над своим персонажем), и сравнить этот образ с «самопрезентацией» Фокса – то есть с тем, как он сам выстраивал свой политический портрет в речах, письмах, публичных действиях и других средствах политической коммуникации.

Начнем с **хронологии карикатурных образов Ч. Дж. Фокса**. «Фокс» (fox) в переводе с английского означает «лиса». Неудивительно поэтому, что первые изображения Фокса в карикатурах обыгрывали этот «лисий» образ. Политик, лицо которого в то время еще не было широко известно, изображался либо в виде лисицы, либо в виде человека с головой лисицы. В 1771 г. он был изображен как «Молодой политик» [2. № 4892], сидящий у парикмахера и разрывающий «Великую хартию вольностей» на бумажки для бигуди-папильоток. В серии печатных оттисков, посвященных приходу оппозиции к власти в 1782 г. и окончанию войны за независимость США, Фокс также изображен как лиса – зачастую даже без человеческого тела. На одной из таких карикатур, называвшейся «Убийство Британии, или развлечения республиканцев», он в виде лисицы кусает истерзанную женщину-Британию за ногу, на другой – «Пленный принц, или Свобода сошла с ума» - лиса-Фокс защелкивает кандалы на ноге Георга III, «захваченного в плен» пришедшим к власти оппозиционным кабинетом Рокингема [2. № 5979]. Характерно, что лиса произносит: «Я команду толпой!», что лишь подтверждает существование в политическом дискурсе сторонников Фокса усердно создаваемого последним образа себя как «Друга народа». Таким образом, вплоть до 1782 г. мы не видим лица Фокса на карикатурах, и «лисий» образ этого периода – это политик-популист, хитрый и беспринципный.

«Человеческое» лицо Фокса – толстого, неряшливо одетого, с густыми черными бровями, мясистым носом и пухлыми

щеками - было впервые мастерски написано в 1782 г. знаменитым карикатуристом Дж. Гиллреем. На протяжении не одного десятка лет оно воссоздавалось известнейшими художниками юмористического жанра – Роуладнсоном, Бойном, Сэйерсом - с удивительной точностью и похожестью. Это свидетельствует о том, что Фокс становился все более популярным и узнаваемым внешне, несмотря на присутствие в ряде картинок «дополнительных намеков» на личность изображаемого – таких, как лисье тело, пририсованное к портрету, или лисий хвост, торчащий из-под пиджака [2. № 6012]. В это время визуальный образ Фокса обрывает новыми деталями и штрихами. Его изображали как Люцифера, Сатану (сам он, кстати, говорил, что рад этому, т.к. образ Дьявола «сильнее», чем, например, часто использовавшиеся тогда отрицательные образы крысы или Иуды). В ряде карикатур проводилась ассоциация Фокса с Кромвелем, что было намеком на противостояние королю: например, он скакал верхом на лошади с надписью «Ганновер» на спине (символ Ганноверской королевской династии, правившей Англией) с «вершины славы» в «долину уничтожения», скандируя: «Или Кромвель, или никто!» [4. С 180-182]. Очень много карикатур было создано на тему упоминавшейся выше «беспринципной» коалиции Фокса и Норта. Так, в «комической ленте» (прообраз современных комиксов, придуманный в XVIII в. английскими карикатуристами) под названием «История любви лисицы и барсука, или Коалиционная свадьба» новобрачные Фокс и Норт топят в огненном котле Джона Булля – символ рядового англичанина – и лихо отплясывают с обвенчавшим их дьяволом. В пафосном же оттиске «Британия, поднявшаяся на борьбу и сбросившая коалиционных монстров» женщина-Британия со щитом и фригийским колпаком стряхивает с себя кукольных Фокса и Норта [4. plates 68, 69]. Наконец, именно в этот период, с легкой руки Гиллрея, Фокса начинают изображать с неизменными атрибутами азартного игрока - картами, игральными костями, рулеткой, пустыми вывернутыми наружу карманами, пустым кошельком. Таким образом, этот этап конструирования образа Фокса в карикатурах был отмечен усилением «персональной составляющей» и добавил к образу хитрой и беспринципной «лисы» следующие образы:

партийный (вигский) лидер, противник короля и монархии в целом (Кромвель), дьявол-искуситель, игрок (мот, растрачник).

Следующий этап в выстраивании образа политика начинается, пожалуй, одновременно и в связи с противостоянием Фокса и Питта-младшего, возглавившего в декабре 1783 г. министерство. После провала «беспринципной» коалиции престиж Фокса сильно пошатнулся, что привело, словами исследователя британской карикатуры М. Джордж, к «исключительной динамике ситуации...- настроая обществнности против оппозиции» [4. С. 178]. С другой стороны, с этого времени Фокс и Питт были «намертво связаны своим противостоянием» в визуальной пропаганде того времени, т.к. в течение последующих 22 лет главными героями карикатур так или иначе оставались три персонажа: Фокс, Питт и король. «Про-королевские» и «про-министерские» карикатуры смаковали следующие темы:

- дружба Фокса с принцем и их совместный распутный, разгульный образ жизни - карточные и иные азартные игры, пьянство, женщины (например, карикатура Джона Бойна «Распутливатель малолетних и его принц» [4. plate 64];

- провал «индийского билля» Фокса и его участие в импичменте генерал-губернатора британских владений в Индии Уоррена Хейстингса: эта серия юмористических оттисков обыгрывала новое прозвище Фокса «Карло-Хан» («Карло» как вариация имени «Чарльз»). На одной картинке Карло-хан уносит на плечах мешок с индийскими богатствами, на другой едет задом наперед верхом на ослике, вместо морды у которого лицо Хейстингса, на третьей падает с индийского слона вниз головой с криком «Это тайное влияние короны!», на четвертой, под названием «Политические бандиты», нападает с ножами на «Спасителя Индии», на пятой – опять в образе сатаны – рвет на части хартию Ост-Индской Компании [3. С. 67-69];

- знаменитые «Вестминстерские выборы» 1784 г., в результате которых фокситы лишились большинства в парламенте, доставшегося сторонникам Питта-младшего. Учитывая общественный настрой против оппозиции, не удивительно, что в этот период проплаченные Питтом и короной карикатуристы издевались над Фоксом самым причудливым образом. Чего стоит, например, пресловутая аллегория Роуландсона «Ночной кошмар в

Ковент-Гардене», изображавшая Фокса обнаженной девушкой (точнее – дородной девицей-трансвеститом), обуруваемой ночным кошмаром в виде проникших в ее (его) опочивальню дьявола и коня. Эта карикатура была пародией на популярное тогда живописное полотно Фьюзли «Ночной кошмар», выставленное в Королевской академии искусств и растиражированное в виде гравюр. Подразумевалось, что повод для кошмара «героини»-Фокса – боязнь поражения на выборах, отчаяние и «закат» надежд виггов на парламентское большинство. Характерно также, что на туалетном столике вместо дамских принадлежностей мы видим коробочку для игральные кости и сами игральные кости; это свидетельствует о том, что автор «не забывал» напоминать зрителю об образе Фокса-игрока [2. № 6543]. В этот же период продолжается насаждение визуальной аллегории «Фокс-Кромвель». Карикатурный портрет Фокса, выполненный Сэйерсом, под названием *«Амбиции от Кромвеля, Способности от Катилины, ...Политика от Макиавелли»* [2. № 6426] сопровождался воображаемым диалогом с избирателем: «Почему Фокс напоминает Кромвеля?» - «Т.к. он республиканец, сердцем привязанный к монархии, ...тиран, лицемер, враг конституции страны». Очевидность связи между *насаждаемыми* в карикатурах и *реальными* стереотипами подтверждается криками избирателей в адрес Фокса на собрании в Вестминстере: «Нет Великому Моуглу, ... тирану, узурпатору, оборотню, предателю, Катилине!»;

- история с «кризисом регентства» и безумием короля Георга (которой посвящена моя публикация в прошлогоднем выпуске «Вопросов отечественной и всеобщей истории»). Несмотря на активное участие Фокса в кампании за предоставление регентства принцу Георгу, его образ в карикатурах на эту тему появляется несколько реже – возможно, это связано с тем, что министерство избрало главной «мишенью» самого принца. Однако даже там, где Фокс как персонаж отсутствовал, можно было усмотреть визуальные намеки на его «незримое участие». Так, например, на одной из карикатур на крышке гроба, в котором были «похоронены вигские надежды», художник изобразил игральные кости и пустой кошелек, которые должны были снова напомнить зрителю об образе жизни Фокса [4. С. 202].

Таким образом, на этом этапе своей «карикатурной репрезентации» Фокс представляется уже как настоящий «профессиональный политик» - пусть со знаком минус, но один из самых популярных людей своего круга.

Последний период «карикатурной хронологии» образов Фокса – 90-е гг. XVIII в. и первые годы XIX в. Одобрение Фоксом французской революции, несмотря на очевидную опасность уничтожения государственности, самосуда толпы и террора, поставило анти-фокситских карикатуристов в специфическое положение, т.к., смакуя эту тему, они только подтвердили бы «постоянство» Фокса и верность его своим «демократическим» и «республиканским» принципам. Поэтому о Фоксе в карикатурах «революционного» периода напоминали периодически, избегая оценки его политических убеждений. Его вновь рисуют как игрока, на этот раз вконец проигравшегося и рисковавшего быть выдворенным из аристократического круга. Таковы две картины Гиллрея 1792 г., на которых Фокс изображен уже потрепанным картежником за игральным столом: на одной он делает самую низкую ставку, на другой шепчет: «Надеюсь, меня отсюда не выкурят» [3. С. 90-91]. Показательна также карикатура Гиллрея на смерть Фокса (1806 г.) Называется она «Посещение больного на смертном одре». Каждый посетитель больного шепчет что-то свое, в основном нелicenseприятное, в отношении главного героя, а сам лежащий на смертном одре Фокс обращается к доктору: «Терпеть не могу компаньонов, запрещающих мне выпить по маленькой! Что, здесь нет никого, кто дал бы мне мой лекарственный напиток? (имеется в виду алкоголь – Ю. Б.)». Эту картинку можно назвать довольно циничной в силу ее трагикомического дизайна и черного юмора, а также учитывая, что она появилась после смерти своего персонажа [3. С. 91].

Итак, «карикатурная хронология» дает нам представление о том, каким видели Фокса его политические противники, каким они стремились преподнести его образ своей «целевой аудитории» - избирателям и общественности. Но интересно, что *сам* Фокс, конструируя *свой собственный* образ как политика, отнюдь не избегал ключевых аллегорий, приписываемых ему оппонентами.

Во-первых, ему всегда был свойственен эпатаж – важное качество, демонстрируемое в наши дни многими политиками. Современники отмечали, что в 80-е гг. он «постоянно носил в палате общин голубой потрепанный плащ и желтый, такой же потрепанный, жакет» [5. С. 26-28]. Голубой и желтый были цветами оппозиции (то есть конструируемый Фоксом образ – *«оппозиционер», «мятежник»*), а потрепанность одежды, вероятно, должна была символизировать близость Фокса к народу (*«друг народа», «демократ», «враг короны», «республиканец»*). Правда, справедливости ради отмечу, что когда к власти пришел кабинет Рокингема, Фокс и союзники «сбросили желто-голубую униформу и были разряжены как на парад – в кружевах, с мечами и в припудренных париках» [5. С. 28]. Фокс был замечен и как участник дуэлей – например, в 1779 г. с Уильямом Адамсом он дрался из-за «неразрешенных дебатов» (! – Ю. Б.) – что это, как не конструирование образа *«горячей головы-правдолюба»?* [7. С. 407-408].

Многие современники, писавшие о Фоксе, указывали на его необычную личную харизму, магнетизм. «Несмотря на внешнюю уродливость, скандальную личную жизнь и ошибки в политической карьере, - отмечал один из них, - его добрая и щедрая личность притягивала... Он был спорщиком, ... умел доводить аргументы противника до абсурда и в логичной и остроумной манере доказать свою правоту. Человек мог отдать Фоксу голос с гордостью и уверенностью». «Его речь, как игра на бильярде, - писала в дневнике герцогиня Девонширская, - слова, как удары, следуют один за другим – пиф! – паф!» [8. С. 404-405]. Что это, как не «облагороженный» образ *«популиста-демагога»?* Что же касается доброты и щедрости Фокса, то, в общем-то, этот образ вполне перекликался с образом игрока и транжиры – такого, каким его презентовали политические оппоненты. Известно, что во время выборов Фокс на свои деньги устраивал пользовавшиеся популярностью бесплатные обеды для избирателей. Во время Вестминстерских выборов 1784 г. он проплатил пять таких обедов для более чем тысячи человек. То есть, не отказываясь от образа «транжиры», Фокс будто бы «облагораживал» его, трансформируя в образ *«щедрого человека»* - как читалось «между строк», *друга народа*.

Наконец, еще два основных мотива антифокситской пропаганды - Фокс как Кромвель, подрывающий основы монархии, развращающий наследника престола, и Фокс как глава «аристократической вигской клики», поборник клановости в политике и аристократической оппозиции. «Испорченный сын эгоистичного отца» – называл его примерный семьянин Георг III, обвиняя в пороках своего сына.

Фокс ни минуты не посвятил опровержению этих образов. Об этом свидетельствуют его же высказывания, приведенные ниже. «Утверждается, что *влияние короны* в этой стране уменьшилось. Но не является ли оно до сих пор серьезным и расширенным?... Давайте не будем думать, что я хочу преуменьшить права, легально предоставленные Его Величеству... И если бы эта прерогатива осуществлялась не в тени королевского влияния, а в честной и открытой манере, мне следовало бы лишь поаплодировать ей». «*Клановость* действительно существует, - говорил он в 1785 г. - Но из нее эта страна черпает слишком много выгоды, чтобы быть ей врагом. Эти связи покоятся на либеральных и системных принципах, и их нельзя разрушить никакими урегулированиями» [7. С. 372].

Более того, можно предположить, что Фокс умело использовал созданный его противниками образ оппозиционера и врага монархии в тех условиях, когда партии тори и виги существовали лишь номинально, на самом деле будучи разделенными на множество фракций. Он сумел сделать фракцию рокингемитов частью собственной фракции фокситов, провести ассоциацию собственной фракции с оппозицией в целом – и тем самым усилить свою популярность как политика и закрепить соответствующий ей имидж. В ходе борьбы с Питтом его образ помог ему поляризовать общественность в зависимости от симпатий к позиции себя или Питта по вопросам не локального, а общенационального характера (королевская прерогатива, независимость парламента, коррупция, колониальная политика) – т.е. придать себе и своей фракции общенациональный статус оппозиционной партии, а себе – партийного лидера. В 1790-е г. рокингемиты и фокситы образовали общий партийный фонд, два специальных избирательных фонда и создали центральную организацию, координирующую деятельность оппозиции, то есть, по сути, был

сделан шаг на пути к образованию либеральной партии в XIX в. и формированию современной двухпартийной системы.

В заключение сравним образ Фокса как политика с современными дефинициями политика, предложенными, например, словарем Вебстера. По мнению составителей справочника, политиком может считаться «человек, вовлеченный и активно участвующий в *партийной политике* как профессионал», «способный оживить, *возбудить общественное мнение*», «являющийся членом исполнительного или законодательного органа власти» (за исключением членов правительства, бюрократов, представителей судебной власти и армии), а также «лицо, *манипулирующее мнением группы* к собственной выгоде». (6) Как видим, эти дефиниции полностью стыкуются с полученным образом Фокса, охарактеризованного в энциклопедии «Британника» как «*британский политик*», «*лидер партии вигов в палате общин*», «*блестящий оратор*», «*всегда в политической оппозиции*» (9).

Таким образом, Чарльз Джеймс Фокс может считаться примером «таблюдного», стереотипного политика. Этот образ конструировался и его политическими оппонентами, и его сторонниками, и им самим в визуальной и вербальной пропаганде второй половины XVIII столетия. Сконструированный образ не столько препятствовал, сколько способствовал популярности Фокса как оппозиционного лидера. Наконец, именно такой образ соответствует определению политика в современном понимании этого слова.

Библиографический список

1. Энциклопедия афоризмов. М.: Наука, 2006.
2. Catalogue of Political and Personal Satires in the collection of British Museum. Vol. V., L., 1949
3. Donald, D. The Age of Caricature: Satirical Prints in the Reign of George the Third. L., 2001
4. George, M. D. English Political Caricature in the 18th century. L., 1959
5. Historical and Posthumous Memoirs of his own time by Sir William Wraaxall, Bart. 7 vols. L., 1836. Vol. III

6. Merriam-Webster Online Dictionary. // <http://www.m-w.com/cgi-bin/dictionary?book=Dictionary&va=politician>
7. Parliamentary Register. Vol. XVII
8. Foord, Archibald S. His Majesty's Opposition 1714 – 1830. Oxf., 1964.
9. Fox, Charles James. // Encyclopaedia Britannica. 2007. // <http://www.britannica.com/eb/article-9364786>

© А.Н. Савинова (КГУ)

Король, армия и власть в трудах Фридриха II

Традиции прусского просвещенного абсолютизма в сочинениях Фридриха II облеклись в философскую форму, а положения политической философии переводились в законодательный акт, задуманный в духе этих традиций. С одной стороны, идейно – философское наследие Фридриха II – это взгляды и рекомендации человека, который за своё полувековое правление значительно расширил территорию прусского государства, с другой, – это свод воззрений выдающегося теоретика эпохи Просвещения. «Выдвигая его (Фридриха) в число писателей в духе идей XVIII в., – продолжает Кареев, – мы должны обратить особое внимание на то, что Фридрих II сам был не только «просвещенным монархом», но и «просветителем», не только практическим представителем, но и теоретиком «просвещенного абсолютизма», так как написал несколько сочинений, в которых изложил свои взгляды на государство, на его права и задачи, на обязанности государей» [1. С.320].

Проблема армии и власти – одна из центральных в политическом творчестве короля. Без сильной армии невозможно упорочить государственную власть, как по отношению к внешним, так и к внутренним факторам, к такому выводу приходит он в своих сочинениях. Пруссия, окруженная могущественными враждебными соседями и движимая естественным импульсом зарождающейся империи, по мнению Фридриха, будет вести частые войны. Исход этих войн будет определяться боеспособностью вооруженных сил, стратегическим планированием, общим состоянием дел и политической стабильностью в прусском королевстве.

Рассматривая достоинства и недостатки различных форм правления в «Рассуждении о политической ситуации в Европе» еще в 1738 г., Фридрих не только указал на различные злоупотребления неограниченной монархии, но и увидел связь между причинами «нарушений европейской системы» и самой «природой правления государей». Заблуждения многих государей, по его мнению, основаны на неверном истолковании собственного предназначения: будто бы «миллионы людей... сотворил Бог нарочно и единственно для их величия и гордости, что подданные определены быть их орудиями и исполнителями». Отсюда бывают несправедливости во внутренней и внешней политике, втягивание подданных в разорительные войны, в то время как истинное назначение монарха состоит в справедливом управлении, заботе о народном благосостоянии, а не в притеснении соседей [2.С.30]. Фридрих подводит итог своим рассуждениям в весьма категоричной форме: «Словом, стыдно и бесчестно разорять своё государство... и присваивать такие земли, на которые не имеем законные права, это есть полная несправедливость и противозаконное преступление» [2.С.44]. Таким образом, в самой природе неограниченного абсолютистского правления кроются причины внешних катаклизмов. Взгляды на тот момент наследника прусского престола, несомненно, отличались просвещенным характером и некоторым максимализмом, которые по прошествии сложных, насыщенных военными и дипломатическими событиями лет последующего правления должны были себя исчерпать.

Избавить Европу от постоянных потрясений, по убеждению короля, могла лишь мудрая и просвещенная власть. В своем «Опыте о формах правления и обязанностях суверенов» (1781г.) король обосновал фундаментальные принципы теории «просвещенного абсолютизма»: «Суверен представляет государство, он и его народы образуют единое тело, кое не может быть счастливо без объединяющего их согласия. Государь есть для подданного то же, что голова для тела: он должен видеть, думать и действовать для всего общества» [3.С.197]. Таким образом, понимание сути монархической власти не претерпело значительных изменений в политической теории Фридриха. Естественно, что руководство всей внутренней и внешней политической жизнью

Пруссии всецело находилось в ведении самого короля, воспринимавшего государство как органично взаимодействующую систему.

Принцип соблюдения системности в сфере политики, по его глубокому убеждению, является главным залогом её успешного функционирования. Наиболее основательное теоретическое обоснование этого принципа прусский король дал в «Политическом завещании» своим наследникам в 1752 г. Он писал: «Все составляющие власти тесно связаны друг с другом. Финансы, политика и военное дело неразделимы. Недостаточно хорошо управлять только одной составляющей, нужно хорошо управлять всеми... Правитель, который правит самостоятельно, который сам создал политическую систему, не будет медлить при принятии решений. Ведь он всегда учитывает конечную цель» [4.S.235]. Такой подход к организации внутренней и внешней политики требовал от монарха высокой степени ответственности и предъявлял к нему высокие требования: «Как невозможно было бы для Ньютона открыть закон притяжения, работая совместно с Лейбницем или Декартом, так невозможно установить и удержать политическую систему, если она не задумана одним человеком... правитель должен сам придумывать политику и воплощать её в жизнь». Итак, область внешней политики представляла собой особую подсистему общего управления государством, которая также структурировалась по принципу системности. Внутренние структуры управления внешнеполитической сферой прусского государства по организационному принципу делились на линию официальной и тайной дипломатии, которые так или иначе замыкались на личной дипломатии монарха. Однако полная монополизация внешней политики в руках короля не являлась политическим изобретением Фридриха II, в этом вопросе он продолжал линию абсолютизации власти своих предшественников.

Противоречивость политики Фридриха II, в которой король-просветитель, поклонник наук и искусств, выступал также в качестве циничного политика и завоевателя, для которого чуть ли не смысл жизни заключался в упрочнении своего государства с помощью военных успехов, объясняется во многом политическими расчетами и господством в сознании монархов нового

времени принципа «государственного интереса». При вступлении на престол Фридрих заявил о своём разрыве с прежней политикой: «У меня иные принципы, я рассматриваю интересы страны как свои собственные. У меня не может быть интересов, не направленных на благополучие государства. Я заинтересован только в том, что может облегчить участь моего народа и сделать его счастливым»[5.S.314]. Несомненно, субъективно Фридрих был убежден в том, что его политика «государственного разума» соответствует национальным интересам Пруссии (в том значении, как он их понимал): «Истинное достоинство доброго государя состоит в искренней приверженности к общему благу, в любви к отечеству и к славе» [6. S.277].

Однако в политической практике короля, особенно во внешней политике, декларируемый принцип достижения «блага народа и государства» путём неразрывного синтеза интересов монарха и государства, зачастую приводил к диктату личной дипломатии короля в решении международных проблем.

Несомненно, милитаризм являлся важным принципиальным положением внешнеполитической доктрины Фридриха II, неизменно четко определявшего армию как приоритетное направление государственной политики: «Военные должны занимать в государстве первое место» [7.S.236]. Быть солдатом и главнокомандующим Фридрих считал почетной обязанностью прусского короля. В отличие от многих монархов он самостоятельно руководил армией, подчёркивая, что «позор для монархии, когда изнеженные правители передают управление армией генералам и тем самым расписываются в своей трусости или бездарности. В Пруссии это почетное дело, совместно с цветом дворянства и элитой нации укрепляют дисциплину, которая создает славу Отечеству, в мирное время обеспечивает ему уважение, а во время войны приносит победу». Знание военной науки, управление и командование армией обеспечивали целостность системе власти прусского абсолютизма. Король был уверен, что «не будучи полководцем, властитель никогда не совершит ничего значительного, будь он даже умнейший человек, лучший экономист, хитрейший политик» [7.S.237].

От внимания ярого противника любой феминизации монаршей власти, каким был Фридрих, не мог ускользнуть факт

невозможности выполнения женщиной-правительницей функций главнокомандующего. Это был еще один рациональный довод в пользу его твердого намерения оставить прусский престол в руках представителя мужской линии династии.

Все же в его концепции армия – это не «самоцель», а лишь вспомогательное средство осуществления политики «государственного разума», что составляет существенное отличие от взглядов его отца. В то же время нельзя не заметить определенное влияние стиля прямолинейных суждений короля-солдата. На вопрос о том: кто приносит больше пользы прусскому государству, гражданские или военные? Фридрих II высказывается вполне определенно: «Необходимо поощрять представителей профессии (военных - А.С.), составляющих мощь государства, уважать эти столпы государственности... предпочитать их добрым и мягкосердечным людям, которые хороши только как декорации для прихожей»[7.S.236]. Государство должно гарантировать благосостояние военным не только в периоды войны, но и в мирное время.

Историки находят многочисленные смягчающие обстоятельства «любви к агрессии» во внешней политике Фридриха II. Исследователь, специализирующийся по международным отношениям в новое время, Х. Духхардт, рассматривая вопрос об исторической ответственности за начало общеевропейской Семилетней войны, указывает на то, что перерастание войны за рамки регионального конфликта произошло в первую очередь из-за системных изменений политической структуры Европы[8.S.115-116]. К середине XVIII века Пруссия становится одной из главных участниц событий, получивших название «дипломатической революции», суть которой состояла в коренном изменении соотношения сил в европейской системе, когда два давних противника – Франция и империя Габсбургов – объединились против нового фактора влияния в Европе – Пруссии. Духхардт подчеркивает отсутствие во внешнеполитической доктрине короля стремления к интернационализации военных конфликтов. «Субъективно Фридрих был убежден в том, что само его государство находится... под угрозой исчезновения с политической карты Европы. Поэтому он чувствовал себя вправе нанести превентивный удар»[8.S.118]. Следуя этой аргументации, действия Пруссии

можно оценивать как соответствующие существующему в то время праву народов.

Акцент на вопросах внешней политики является отличительной чертой политических завещаний Фридриха II от аналогичных документов его предшественников. Причина этого, по мнению Х. Духхардта, заключается в том, что «выдающиеся деятели ранней истории Пруссии... были в первую очередь просто «внутренними князьями» Священной Римской Империи... Их серьезной заботой, которой они отдавали предпочтение перед всеми другими делами, было обустройство своего государства. Поэтому область внешней политики помещалась в их тестаментариях далеко позади прочих задач, что вполне соответствовало воззрениям большинства германских князей XVII-XVIII в.» [9.С.127]. Гораздо более обстоятельно к вопросам внешней политики подошел Фридрих II.

В своем первом Политическом завещании, написанном в 1752 г., он подверг критике «инстинкт агрессии». В духе просвещенного абсолютизма выдержаны следующие его высказывания: «Народ принимает правителя не для того, чтобы он укрепил власть, а в надежде, что он будет справедливым и человечным, а также будет способным защитить его от нападения со стороны других» [7.С.245.] Фридрих отвергал то, что он называл «непрерывной агрессией» крупных монархий, чаще всего подразумевая под ними Францию и Австрию, стремившихся установить свою гегемонию на европейском континенте. В первом завещании он отмечал, что любой политик имеет право прогуливаться в бескрайнем поле химерических проектов, которые все же порой могут стать реальностью, если их постоянно не терять из виду и если несколько поколений, сменяющих друг друга, продвигаясь к одной и той же цели, «обладают достаточной способностью основательно скрывать свои намерения от любопытных и зорких глаз европейских держав» [7.С.267]. Таким образом, свои планы территориальных приобретений он всегда строил с учетом возможной реакции на них со стороны сильных европейских государств.

Усиление прусского государства, его военной мощи Фридрих связывал с постоянной динамикой «равновесия сил» в Европе, следствием которой является столкновение различных

интересов и устремлений, в которых решающую роль играет сила государства. Обосновывая рост мощи собственной армии, он писал: «Враги государства умножаются со славою его, следовательно, по такой соразмерности должно умножать силы в государстве для отражения неприятелей»[7.S.360].

Как существующее право народов соотносилось с наступательной доктриной самого короля, который, по мнению некоторых ученых, был не только партнером России и Австрии по делу первого раздела Польши, но и главным заинтересованным лицом и инициатором этого неблагородного начинания? [10]. Нет сомнений в том, что выше всего король ставил интересы Пруссии, как он их субъективно понимал. Более того, он рассматривал патриотизм и «государственную пользу» как главные моральные принципы любой политики, в том числе и международной.

Библиографический список

- 1.Кареев Н. История Западной Европы в новое время. История XVIII века. Т.3. СПб.,1904. С.320.
- 2.Фридрих II. Рассуждения о политической ситуации в Европе // Оставшиеся творения Фридриха II. Т.VI. СПб., 1790. С.30.
- 3.Цит. по: Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права. Т.2. М., 1999. С.197.
- 4.Friedrich der Grosse. / S. 235.
- 5.Цит по: Ranke L. Zwölf Büche preussischer Geschichte, Bd. 2, 1930.
- 6.Friedrich der Grosse. Geschichte meiner Zeit. /Die Werke Friedrichs des Grossen. Bd 2. Berlin,1912.
- 7.Friedrich II. Das Politische Testament von 1752. /Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte der Neuzeit. Band XXII. Osnabrück, 1996.
- 8.Duchhardt H. Das Zeitalter des Absolutismus. München, 1998.
- 9.Духхард Х. Россия в представлении Фридриха Великого // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI- XX вв. М., 2002.

10.Стегний П.В. Первый раздел Польши и российская дипломатия // Новая и новейшая история. 2001. №1, 2.;Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795, М., 2002; Туполев Б.М. Династия Гогенцоллернов // Монархи Европы: судьбы династий. М., 1996.;Туполев Б.М. Фридрих II,Россия и первый раздел Польши // Новая и новейшая история. 1997. №6. Туполев Б.М. Фридрих II, Россия и Первый раздел Польши // Россия и Германия: Сборник вып. РАН Институт всеобщей истории / Отв. ред. Б.М. Туполев. М., 1998.

© А.Э. Афанасьева (ЯГПУ)

Кочевники Казахской степи в отчетах русских наблюдателей

Среднеазиатское направление внешней экспансии России приобретает особую актуальность в 50-60-х гг. XIX века. Контакты с юго-восточными соседями, однако, имеют гораздо более длинную историю: еще при Иване Грозном границы России вплотную подошли к казахским степям, а в 30-40-е гг. XVIII в., после двух с половиной столетий пограничных конфликтов, российское подданство приняли казахи сопредельных с Россией Младшего и Среднего жузов. С вхождением в состав империи новых территорий начинается сбор информации о населяющих их народах: первые труды, призванные описать новых подданных империи и включить их в рамки существующих этнографических схем, появляются уже в 50-60-е гг. XVIII в. (работы П. Рычкова, В. Татищева, Г. Миллера, затем – П. Палласа и др. [1]).

«Текстуальное производство» присоединенных территорий продолжается в XIX веке по мере укрепления позиций России в регионе и ее дальнейшего продвижения на юго-восток. Данные о степных народах, их обычаях, образе жизни и физико-антропологических характеристиках были неизменной частью отчетов чиновников, врачей и военных, путешествующих по казахским степям. Тем не менее, в 1820-х и 1850-х гг. правительство инициирует масштабные кампании по составлению военно-статистических и медико-топографических описаний всех частей Европейской и Азиатской России, что отражает потребность государства в систематизированном и всеобъемлющем знании об империи [2]. Этнографические сведения занимали центральное

место в программе описаний: именно обитателей исследуемых земель предстояло отнести к той или иной этнической категории, определить степень их культурного развития и предрасположенность к «оцивилизации». Накопление информации об особенностях хозяйственного уклада, образа жизни, религиозных воззрений народов империи имело вполне практическую цель - обеспечить наиболее эффективные пути взаимодействия государства с подданными обширной империи, способствовать задачам имперского строительства.

Каким был характер производимого российскими специалистами знания о народах степных окраин? Насколько собранные ими данные были сходны с ориенталистскими конструкциями их западных коллег, изучавших колонизируемые народы?

Среднеазиатский регион представляет особенно интересный контекст для анализа репрезентативных стратегий российских исследователей в отношении коренного населения имперских рубежей: в отличие от западных окраин империи с их длительной культурной традицией и христианским вероисповеданием, или сибирской «империи на берегах северных рек» [З. Р.224 – 227] с преобладающим уже в XVIII веке русским населением, Средняя Азия (большую часть которой занимает Казахская степь) и к концу XIX в. воспринималась как далекая окраина с полудиким населением, разительно отличавшимся от русских в этническом, культурном, политическом и религиозном отношении. Стратегические и экономические соображения русских в регионе обусловили их поступательное движение на юг, особенно стремительное в 60-х гг. XIX в. Освоение Казахской степи и дальнейшая экспансия сопровождались специфической риторикой, в рамках которой создавались и фиксировались наборы стереотипов о коренном населении степи, выстраивались противопоставления себя «азиатскому Другому», утверждалась собственная идентичность русских, традиционно проблематичная в плане определения себя как «европейцев» или «азиатов».

Систематическое изучение казахов начинается в начале XIX века и связано с именем А.Левшина, ученого и чиновника Оренбургской пограничной комиссии. Его фундаментальный труд «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей» (1832) [4] был переведен на несколько европейских язы-

ков, а заложенные им схемы описания казахов впоследствии дублировались практически в каждой работе, имевшей целью всестороннее изучение этого народа. На протяжении всего XIX в. набор тем для описания остается практически неизменным, содержание описаний варьируется лишь незначительно. Некоторые нюансы можно отметить в определении «дикости», приписываемой казахам. Если в начале века «дикость» относится преимущественно к их «хищничеству и буйству», а также к привычке к произволу, то постепенно эта характеристика приобретает значение «невежества», «нецивилизованности», отсутствия просвещения, натуралистичности и грубости нравов. Такое изменение коннотаций может быть связано с постепенным «усмирением» казахов: в течение XIX в. от частых бунтов, нападений на русские поселения и стычек с российскими отрядами кочевники переходят к вполне мирному сосуществованию с русскими крестьянами и казаками и признают полномочия имперской администрации. Это открывает возможности для их «оцивилизовывания», с одной стороны, и представляет отечественным наблюдателям новый повод для апологии российского присутствия в регионе – с другой.

В физико-антропологическом отношении казахи описываются как крепкие, приземистые и в целом некрасивые: научные оценки (как, например, выделение турецкого и монгольского влияния на тип лица) перемежаются здесь с эстетическими, особенно очевидными в изображении женщин. Ни один наблюдатель, говоря о казахских женщинах, не упустил возможности упомянуть об их непривлекательности. «Что касается до красавиц киргизских (киргизами в XIX веке называли казахов – А.А.), - писал А.Левшин, - то они не поражают европейцев. Румянец их игривый, глаза сверкают; но неприятная форма оных и всегда выдающиеся скулы не удовлетворяют понятиям нашим о красоте» [4. С.32]. Уже в конце XIX века оренбургский историк и этнограф Ф.Лобысевич почти буквально воспроизводил формулу своего предшественника, указывая на «безобразие» казашек «по самому их типу. Узкие, маленькие глаза, выдающиеся скулы и загорелое до красноты лицо, до крайности грубое, большой рот – вот портрет любой киргизки» [5. С.35]. Как и в западном колониальном дискурсе, внешность здесь оценивается в соответст-

вии со степенью приближенности к европейским стандартам; более положительную оценку получают те, чей облик в наибольшей степени напоминает внешность европейцев, как, например, жители городов с лицом арабского типа, противопоставленные обитателям степей «с их физиономией сынов природы» [6. С.4]. Характерно, что, рассуждая о внешности казахов, российские ученые без колебаний идентифицируют себя с европейской культурой.

Поведенческие характеристики казахов в изображении русских наблюдателей в целом вписываются в образ «полудикого» народа, пребывающего в «младенческом состоянии». Внутри этого образа можно выделить несколько типологий, в рамках которых «детские» черты казахов видоизменяются, приобретая дополнительные коннотации. В отчетах начала века эти свойства - нетерпеливость, болтливость, непостоянство – соседствуют с четко негативными характеристиками кочевников: мстительностью, лживостью, вероломством, жестокостью, грубостью, склонностью к порывам страстей, что относит казахов к категории «низких дикарей». «Хладнокровный путешественник, - отмечает А.Левшин, - видит в них только полудиких и сравнивает их с Геродотовыми скифами, Чингисовыми монголо-татарами, нынешними бедуинами... готтентотами и другими подобно им грубыми племенами Азии и Африки» [4. Р.19]. Такие определения, как отмечалось выше, по-видимому, связаны с ощущением исходящей от кочевников угрозы, весьма актуальной в эти годы. С течением времени коннотации опасности исчезают из описаний нравов казахов, которые в основном изображаются в достаточно мирном ключе как «народ первобытный, народ-дитя, послушное, кроткое, но невежественное и дикое» [7. С.28]. Отмечаются любопытство и доверчивость казахов, что вновь приближает их к «детскому» состоянию: тем самым создается временная дистанция между описываемой культурой и собственной культурой наблюдателя; кроме того, это позволяет автору принимать патерналистскую позицию. Отдельные комментаторы выстраивают романтизированный образ кочевников как «благородных дикарей», акцентируя внимание на их «неиспорченности» цивилизацией, прямоте и честности [8, 9]. Несмотря на указанные вариации, все описания объединяет неизменное отнесе-

ние казахов к низшей ступени эволюционной лестницы народов, к «отдаленному прошедшему времени»; тем самым подчеркивается цивилизационное превосходство наблюдателей и легитимируется их право на трансформацию всего уклада жизни «наших номадов».

Особую роль в конструировании местного населения как объекта знания и как «примитивного Другого» играли медицинские описания. Статус врачей как представителей научного знания, имплицитно предполагавший высокую степень объективности и обоснованности их суждений, придавал свидетельствам медиков особенный вес. Медицина создавала корпус экспертного знания об имперских окраинах, направленного на понимание и объяснение материального мира этих мест и здоровья тех, кто их населял. В рамках медицинского дискурса формировались обобщения о подверженности кочевников влиянию болезней, обосновывались мнения о жизнеспособности туземцев, рекомендовались меры к улучшению условий их жизни. Наблюдения врачей за местными медицинскими практиками неизменно сопровождались выводами о низком уровне развития народа, погрязшего в предрассудках и суевериях. Признавая за казахской народной медициной отдельные успехи в лечении тех или иных эндемических болезней, врачи полностью отказывали ей в научности, а столь экзотические способы целительства, как заворачивание больного «в горячую шкуру, снятую с зарезанной кобылы» [10. С.265] и прикладывание к язвам свежих теплых внутренностей животных, становилось поводом для рассуждений о пользе просвещения казахов и внедрения системы российской медицинской помощи на степных территориях. Наиболее резкие оценки вызывала деятельность местных знахарей «баксы», которые, вместе с муллами, читавшими над больными «бессмысленные» молитвы, объявлялись обманщиками и шарлатанами, чьи действия («кривляния») не только бесполезны, но нередко опасны для здоровья. Приоритетом казахского мировоззрения, относившего болезни к козням злых духов, врачи указывали на истинные (научные и рациональные) причины заболеваний, заключавшихся, по их мнению, в отсутствии гигиены и санитарии среди кочевников. Изображение казахов как невежественных, суеверных, находящихся во власти местных шаманов, предполагало необходимость просвещения, из-

менения их повседневной жизни, тем самым полностью укладываясь в рамки цивилизаторского проекта русских в Средней Азии.

Описывая жизнь казахов, российские специалисты концентрировались на тех ее сторонах, которые казались им наиболее чуждыми, а значит, демонстрировали наиболее яркие различия между кочевниками и самими наблюдателями. Вполне естественно, что их внимание привлекало нечто необычное, однако позитивистские идеи той эпохи заставляли их к тому же вписывать эти практики в шкалу развития народов. Явно или нет, врачи и другие российские комментаторы сравнивали кочевников с собой и неизбежно приходили к выводу о превосходстве собственной культуры. Наблюдения за жизнью казахов обеспечивали путешественников материалом, на основании которого Казахская степь выстраивалась как отсталая, варварская и нуждающаяся в просвещении - более того, готовая к доминированию русских.

С другой стороны, артикуляция имперской ментальности, напоминавшая европейскую во всех своих основных чертах (культурное превосходство над Азией, определение Востока как неподвижного, твердое убеждение в том, что Россия свыше наделена миссией цивилизовать азиатские общества), укрепляла представление о себе как о западной стране. В традиционно проблематичной для России ситуации поиска идентичности Азия давала возможность России доказать свою принадлежность к Европе.

Библиографический список

Работа выполнена при поддержке Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung), грант AZ 01/SR/06.

1. Рычков П. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2002; Его же: Топография Оренбургской губернии. Сочинение П.И. Рычкова 1762 года. Оренбург, 1887; Татищев В.Н. История Российская. В 3 т. М., 2003; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л, 1937; Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773 – 1788.

2. РГВИА. Ф.879, д. 633, 1012.

3. Meinig D.W. A Macrogeography of Western Imperialism: Some Morphologies of Moving Frontiers of Political Control. /Settlement and Encounter. Ed.by F.Gale and G.H.Lawton. Melbourne, 1969.

4. Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. В 3 ч. СПб., 1832.

5. Лобысевич Ф. И. Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб, 1878.

6. Ягмин А. Киргиз-кайсацкие степи и их жители. Сочинение штаб-лекаря Альфонса Ягмина. СПб., 1845.

7. Лобысевич Ф. Киргизская степь Оренбургского ведомства. М., 1891.

8. Маев П. Путеводитель от С-Петербурга до Ташкента. СПб., 1870.

9. Гольдберг С.И. Из воспоминаний о командировке в Киргизскую орду. (Отд.оттиск из Больничной газеты Боткина за 1900 год). СПб., 1900.

10. Жильцов. Баксы. (Нечто о киргизской медицине) // Православный благовестник. 1895. Т. 1. №5.

© А. В. Литвинов (ЯГПУ)

Влияние эфиопского духовенства на преобразования в Эфиопии конца XIX – начала XX века

Рубеж XIX-XX в. ознаменовался для Эфиопии чередой политических, экономических, культурных, военных и иных реформ. В исторической литературе эти преобразования, как правило, связывались с инициативами выдающегося эфиопского императора Менелика II (1889-1913) и его преемников – Лиджа Иясу (1913-1916) и регента Тафари Макконена (1916-1930), будущего императора Хайле Селассие I, которые осуществляли переустройство традиционного общества, несмотря на его сопротивление. По словам отечественного историка Г. В. Цыпкина, «в то время как наиболее просвещенные правители Эфиопии... стремились к контактам с христианскими державами Европы в надежде использовать их достижения для модернизации страны, эфиопское общество отвергало все новое, что приходило в Эфиопию из внешнего мира»[1]. Поскольку мировоззрение

большинства эфиопов находилось под сильным влиянием монофизитского духовенства, церковь в силу своей консервативности становилась естественным противником реформ. По свидетельству британского консула У. Плаудена: «Как ни велика власть военных феодалов, влияние, которым пользуются в стране священнослужители, не меньше. Церковь держит в окопах разум людей, создает угодные ей обычаи, формирует нравы и все общественные отношения, которые остаются почти неизменными...» [2]. Союз между церковью и государством обеспечивал социальную основу и стабильность эфиопской монархии. Как писал протестантский миссионер С. Гобат, «... духовенство служило светской власти поддержкой в осуществлении государственной политики, отлучало противников от церкви и обеспечивало духовную работу в период военных действий» [3]. Влияние духовенства в эфиопском государстве подкреплялось существованием традиционного образования, которое служило важным средством подготовки кадров для государственного и церковного аппарата. Так, вплоть до середины XX в. верховный суд почти целиком состоял из образованных служителей церкви. Образование давало возможность занять должность царского духовника, светского главы церкви, настоятеля крупного собора, придворного историографа или стать привилегированным сановником. Поэтому, как свидетельствовал С. Гобат, «почти все видные люди посылают своих детей в монастыри учиться читать и зубрить псалмы» [4]. Церковное образование прививало эфиопской элите, в том числе и правителям, традиционную систему ценностей.

Влияние церкви подкреплялось и ее экономическим положением. По мнению британского путешественника Г. Дафтона, «бесчисленное духовенство, составляющее примерно треть населения, обладает третью всей земли в стране» [5]. Естественно, эфиопские монархи должны были учитывать мнение церкви во всех своих начинаниях. Совпадение целей монарха с задачами церковной организации способствовало осуществлению преобразований, расхождение интересов, напротив, приводило правителя к краху. Не случайно деятельность монофизитского духовенства стала одной из главных причин падения Теодроса II (1855-1868), который посягнул на церковные земли, и Лиджа Ия-

су (1913-1916), который пытался заручиться поддержкой мусульманской общины Эфиопии.

Духовенство формировало негативный образ прибывавших в страну европейцев, проповедовало идею национальной исключительности. Так, С. Гобат писал о настроениях местного населения: «Большинство полагает, что белые приходят в Абиссинию лишь в поисках золотых копей» [6], а эфиопский ученый Вольде Селассие считал, что «европейцы потому только сюда и приезжают, что здесь все гораздо лучше, чем в Европе» [7]. Католики с легкой руки эфиопского духовенства получили прозвище «западных волков», сохранявшееся вплоть до середины XX века [8], а к протестантам нередко относились хуже, чем к язычникам, так как они, по мнению монофизитских священников, «не соблюдают абсурдных постов и придерживаются богохульных учений» [9], «не почитают святых или не верят, что Христос действительно присутствует в святом причастии» [10]. Обрядовые и догматические различия усложняли контакты Эфиопии с западными странами, но в то же время близость вероучения способствовала сближению этой страны с императорской Россией. Например, супруга Менелика II императрица Таиту говорила, что «у Эфиопии нет, и не может быть иных друзей, кроме русских; только они желают добра моей стране – все другие европейцы жаждут нашего уничтожения... наше духовенство видит в... русских не только братьев по религии, но также великодушных защитников» [11]. Это подтверждает и врач Н. П. Бровцын, записавший в своем эфиопском дневнике 31 января 1899 г.: «Со всех сторон в эти последние дни приходится слышать, что Менелик всем говорит, что он теперь может положиться только на русских. Все хвалят наперерыв нашего посланника и с презрением отзываются о других» [12]. Негативное отношение эфиопских священников к европейцам вызывало их ответную реакцию. Так, английский полковник У. Харрис охарактеризовал монофизитское духовенство как «нетерпимое и предубежденное» [13], а С. Гобат писал, что псалмы – «это все, что они познавали» [14]. По свидетельству французского путешественника А. д'Аббади, эфиопы любую книгу считали Псалтирью [15]. О низком уровне образования священников говорил и наш соотечественник А. И. Кохановский: «Духовенство часто не умеет писать... О

жизни Христа и его учеников знают очень мало. Псалмы Давида представляют исключительное духовное чтение. “Сколько у вас Давидов!” – сказал один образованный абиссинец, входя ко мне и видя груды книг на полках и на столе» [16]. Любопытно, что одного из эфиопов, первый раз посетившего Лондон, больше всего поразил книжный склад Библейского общества, где хранилось Священное Писание на 300 языках мира: «Из всего прекрасного и удивительного, что я увидел в Лондоне, Дом Библии лучше всего!» [17]. Естественно, что при низком уровне образования и знания окружающего мира, при наличии предубеждений эфиопским священникам и их пастве было трудно воспринять предлагаемые европейцами нововведения. Поэтому в источниках и в исторической литературе можно найти множество повествований о том, как эфиопское духовенство не принимало новых методов медицины, считая, что болезнь вызывается злыми духами [18], клеймило кинотеатры, как «дома сатаны» [19], а фотоаппараты, как «дьявольскую работу» [20]. Поэтому церковь в преобразованиях в Эфиопии конца XIX – начала XX века, как правило, оценивалась историками как сугубо консервативная сила, препятствующая всяческим реформам.

С высоты XXI века нетрудно упрекнуть эфиопское духовенство, по своему мировоззрению средневековое, в консервативности и назвать его деятельность одной из причин отсталости эфиопского государства, провала модернизационных преобразований. Ведь, несмотря на традиционную систему образования, большинство населения страны оставалось неграмотным, а в экономике господствовали феодальные пережитки, которые церковь всячески поддерживала. Но не следует забывать, что модернизация общества не была целью эфиопского священства. Задача церкви состояла не в поощрении быстрого развития страны по европейскому пути, а в сохранении древней традиции, в воспитании в человеке глубокого уважения к этой традиции, к соотношению своих поступков с деяниями отцов и дедов, к принятию существующего природного и социального порядка как богоустановленного. Несмотря на консерватизм, церковь на протяжении многих веков обеспечивала социальные потребности экономически не развитого эфиопского общества, обеспечивала вполне успешно, пока это общество оставалось в изоляции от за-

падного мира. Однако с середины XIX в., т. е. со времени увеличения контактов с европейскими державами, монофизитская церковь перестала удовлетворять всем общественным потребностям и потому перестала быть источником единственной системы мировоззрения эфиопской элиты, превратившись в консервативную организацию, вынужденную терпеть рядом с собою новые явления с Запада. Эфиопская церковь, как и все общество, вынуждена была отвечать на вызов времени и приспосабливаться к изменившимся условиям существования. Поэтому оценка участия церковных деятелей в преобразованиях в Эфиопии не может быть однозначной.

Эфиопская церковь вполне могла примириться с некоторыми новыми явлениями в обществе при двух условиях: 1) они могли быть полезны христианству; 2) они привносились в страну посредством тех иностранцев, которым эфиопы доверяли ввиду относительной близости веры (египтяне-копты [21], армяне, позднее русские и греки). Так, духовенство перестало вести агитацию против кинотеатров с 1910 г., т. е. только спустя 12 лет после того, как они появились в Эфиопии. Это было связано с тем, что один грек показал в фильме хождение Христа по водам [22].

Беспокоило церковь и распространение по стране бесплатных западных миссионерских школ, выпускники которых, как правило, становились католиками и протестантами и могли попасть в государственный аппарат в качестве секретарей, переводчиков, делопроизводителей. Поэтому духовенство приняло самое деятельное участие в создании в Эфиопии образования светского типа. Митрополит Матфей предложил Менелику пригласить в качестве учителей коптов, в правоверии которых у эфиопов не могло быть сомнения, и в 1906 г. десять коптов во главе с профессором Ханна Салем-беом прибыли в Эфиопию и основали начальные школы в Аддис-Абебе, Хараре, Анкобэре и Дэссе. В октябре 1908 г. эти учителя составили преподавательский костяк первой современной бесплатной школы в Аддис-Абебе имени императора Менелика II [23]. Британский путешественник Д. Крейг следующим образом характеризовал значение этих коптов: «По-видимому, не будет преувеличением сказать, что будущее страны находится в руках этих молодых египтян, и

от качества их преподавания зависит, станет образование для Абиссинии благом или нет» [24]. Позднее сеть таких школ была расширена. Хотя образование, даваемое в них, было значительно слабее европейского, эти учебные заведения составляли в эфиопском обществе достойную конкуренцию миссионерским и давали кадры для государственного аппарата. К тому же, в эфиопских школах нового типа, по словам регента Тафари Макконена, велось «не только преподавание иностранных языков и знаний, но и изучение Священного Писания нашей страны и веры православной. Тот, кто хочет получить иностранное образование, не зная, как следует, языка и литературы своей страны, уподобляется лодке без весел» [25]. Это позволяло ученикам во многом сохранять традиционное мировоззрение. Церковное образование оказывало влияние и на тех, кто продолжал свое обучение за границей. Так, получивший традиционное образование, а затем в начале XX века прошедший обучение в Германии, Тайе Гебре Марьям видел первую причину отсталости Эфиопии в том, что «народ необразован и недостаточно слушает слов Евангелия; потому что у него нет ни истинного знания, ни истинной любви и скромности» [26]. Этим Тайе не сильно отличался от эфиопских богословов. Таким образом, церковь оставалась властительницей душ большей части общества Эфиопии и в начале XX века.

В этот же период церковь стала активно использовать в своих интересах и книгопечатание. Например, из 27 книг, перечисленных в каталоге эфиопского издательства «Берханэнна Селям» за 1929 г., 3 было посвящено царствующему дому, 7 составляли учебные пособия, 5 – поучения и духовные стихи, 1 – журнал и больше всего – 11 книг – относилось к богослужебной и апокрифической литературе [27]. Духовное чтение занимало первое место в среде грамотной части эфиопского общества.

Наконец, стоит отметить, что именно глава Эфиопской церкви, а не государства первым совершил официальный визит за пределы Африканского континента. В 1903 г. митрополит Матфей посетил такие центры восточно-христианского мира, как Петербург и Константинополь [28]. После его посещения Русская дипломатическая миссия в Аддис-Абебе, которая считалась временной, приобрела постоянный характер. В данном случае

представитель духовенства выступил совсем не как традиционный изоляционист. Напротив, он стремился противопоставить западному влиянию восточное.

Таким образом, участие Эфиопской церкви в преобразованиях конца XIX – начала XX в. носило разнообразный характер. Духовенство поддерживало те реформы, которые не затрагивали его социального положения, и препятствовало коренным изменениям традиционного общества. Эфиопская церковь выступала за постепенное, эволюционное, ограниченное развитие страны во избежание глубоких потрясений, но иногда для сохранения позиций в обществе брала инициативу на себя. Стоит отметить, что необходимость противостояния европейской культурной агрессии сплотила разделенное на множество направлений эфиопское духовенство. Со времени правления Менелика II (1889-1913) церковное единство постепенно усиливалось.

Библиографический список

1. Цыпкин Г. В. Эфиопоцентризм и эфиопское общество// Евроцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте. М., 2000. С. 92.
2. Correspondence Respecting Abyssinia. 1846-1868. L., 1868. P. 107-108.
3. Gobat. S. Journal of Three Years' Residence in Abyssinia. L., 1834. P. 175.
4. Ibid. P. 312.
5. Dufton H. Narrative of a Journey through Abyssinia in 1862-1863. L., 1867. P. 140.
6. Gobat. S. Journal of Three Years' Residence in Abyssinia. L., 1834. P. 193.
7. Болотов В. В. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. Отдельный оттиск из журнала «Христианское чтение» за 1888 г. СПб., 1888. С. 459.
8. Чернецов С. Б. Эфиопская феодальная монархия в XVII веке. М., 1990. С. 183.
9. Harris W. C. The Highlands of Aethiopia. Vol. II. L., 1844. P. 19.

10. Dombrowsky F. A. Ethiopian Attitudes towards Europeans until 1750// Proceedings of the Eighth International Conference of Ethiopian Studies. Vol. I. University of Addis Ababa, 1984. P.155.
11. Цит. по: Prouty C. Empress Taytu and Menelik II. L., 1986. P. 262.
12. Цит. по: Чернецов С. Б. Эфиопский дневник русского врача, 1898-1899// Вестник Восточного Института. Acta Institutionis Orientalis № 2 (10). Т. 5, 2001.
13. Harris W. C. The Highlands of Aethiopia. Vol. II. L., 1844. P. 19.
14. Gobat. S. Journal of Three Years' Residence in Abyssinia. L., 1834. P. 312.
15. См.: Abbadie A. d'. Catalogue raisonne de manuscrits ethiopiens appartenant a Antoine d'Abbadie. Paris, 1859. P.114.
16. Кохановский А. И. Абиссиния. Доклад министру иностранных дел С. Сазонову А. Кохановского, бывшего врача при императорской российской миссии в Абиссинии, от 1 июня 1913 г. // Новый Восток. Вып.1. 1922. С. 46.
17. Pankhurst R. The Foundation of Education, Printing, Newspapers, Book Production, Libraries and Literacy in Ethiopia// Ethiopia Observer. Vol. VI. Addis Ababa, 1962. P. 250.
18. См.: Пономаренко А. А., Чернецов С. Б. Pamфлет «Государь Менелик и Эфиопия» нэгадраса Гебре Хейвога Байкедэня – одного из первых эфиопских просветителей// Африканский этнографический сборник XIII. Л., 1982. С. 147.
19. См.: Цыпкин Г.В. Эфиопия: от раздробленности к политической централизации. М., 1980. С. 262.
20. См.: Prouty C. Empress Taytu and Menelik II. L., 1986. P. 111.
21. Копты – египетские христиане монофизиты, находящиеся в каноническом общении с Эфиопской церковью.
22. См.: Цыпкин Г.В. Эфиопия: от раздробленности к политической централизации. М., 1980. С. 262.
23. См.: Pankhurst R. The Foundation of Education, Printing, Newspapers, Book Production, Libraries and Literacy in Ethiopia// Ethiopia Observer. Vol. VI. Addis Ababa, 1962. P. 259.
24. Craig J. I. Abyssinia// The Cairo Scientific Journal, 1908. P. 367.

25. Pankhurst R. The Foundation of Education, Printing, Newspapers, Book Production, Libraries and Literacy in Ethiopia// Ethiopia Observer. Vol. VI. Addis Ababa, 1962. P. 266-267.

26. Цит. по: Aleme Eshete. Alaqa Taye Gabra Mariam (1861-1924)// Rassegna di Studi Etiopici. Vol. XXV, 1971-1972. Roma, 1974. P. 29-30.

27. См.: Gaselee S. The Beginning of Printing in Abyssinia// The Library, Fourth Series. Vol. XI, №. 1, June 1930. P. 95-96.

28. См.: Prouty C. Empress Taytu and Menelik II. L., 1986. P. 269.

© Ю.А. Климова (ЯГПУ)

**Досуг англичанина в оценке русских путешественников:
представления о спорте и физических упражнениях во вто-
рой половине XIX – начале XX вв.**

В статье сделана попытка изучить восприятие и оценки русскими путешественниками спорта и его значения для англичан во второй половине XIX – начале XX вв. Если рассматривать спорт как форму досуга [1], то представления одной нации о досуге, а следовательно, и о культуре другой нации, при равном участии прочих объективных и субъективных факторов, так или иначе должны были оказывать влияние на формирование образа «другого», в данном случае образа англичанина, а также Англии, в глазах россиян. Так, согласно утверждению современного британского исследователя Э. Кросса, в спортивной сфере «тоже создавались предпосылки для развития российско-британских отношений»[17. С. 171].

Во многих доступных источниках русского происхождения так или иначе говорится о спорте в неразделимой связи с упоминаниями об англичанах и их образе жизни. Современный российский исследователь Л. Завьялова отмечает, что «увлечение спортом было ...заимствовано российской публикой у англичан»[14. С. 153]. Это было возможно, в частности, потому что, как утверждает Э. Г. Кросс, «куда бы британцы ни поехали, они

всегда берут с собой свои игры, привычки, литературу и массу других примечательных вещей», он называет это явление «бременем империи»[17. Там же]. С ним соглашается его соотечественница, пишущая под псевдонимом Джеймс Моррис [6. С. 283]. Взаимодействие англичан и россиян в сфере спорта, в том числе, в изучаемый нами период шло довольно плодотворно, так как после реформ 1860-х гг. и до Первой мировой войны в результате в России появляются спортивные клубы, которые привлекали к себе все больше и больше новых членов [14. Там же].

Положительная роль спорта и физических упражнений, согласно мнению русских путешественников второй половины XIX века, в том, что все это благотворно воздействует на здоровье. Вот что говорит Е. Н. Водовозова, посетившая Англию в 1862 г: «Какого бы пола и возраста не был англичанин, на все гимнастические упражнения он смотрит, как на главную поддержку своего здоровья...Ребенок получает отличное физическое воспитание, его стараются закалить к житейским невзгодам и суровой атмосфере страны»[8. С. 82]. А. И. Герцен, живший в Англии с 24 августа 1852 по 15 марта 1865 г., тоже положительно высказывается о здоровье и физической подготовке англичан: «Страшно сильные организмы у англичан. Как они приобретают такой запас сил и на такой длинный срок – это задача. ...Эта прочность сил и страстная привычка работы – тайна английского организма, воспитания, климата ...Он (англичанин – Ю. К.) скачет верхом через плетни и загородки, правит всякой лошастью, гребет во всякой лодке и умеет в кулачном бою поставить самый разноцветный фонарь»[10. С. 98].

Действительно, физическим упражнениям и спорту не только как досугу, но и как средству поддержания хорошей физической формы и здоровья в Англии XIX- начала XX века уделялось много внимания. Спорт входил в обязательную программу школ и университетов. Это было следствие пропаганды рационального и продуктивного (плодотворного) досуга как общий ответ на политическую нестабильность в виде рабочих волнений и проблем в сфере здравоохранения [3].

Воспитательное значение физических упражнений и спорта отмечает О. Иващенко, с января 1905 года учившаяся в школе для девочек в Англии. По ее свидетельству, подвижные

игры в английских школах введены не только для развлечения воспитанниц, они «приучают учениц играть дружно, заодно с другими, имея в виду общую цель, тогда как для личного тщеславия остается мало места» [15. С. 203], то есть в играх развивается взаимопомощь и стремление послужить общему делу.

Однако в этот же период встречается и другое мнение по поводу последствий занятий спортом и их значительной роли в воспитании детей. Русские путешественники считают, что излишнее внимание к физическому развитию оставляет в стороне развитие умственное и духовное. У Е. Н. Водовозовой читаем следующее: «англичане ... вдаются в другую крайность, самым тщательным образом укрепляя мускулатуру тела, развивая в детях любовь только к физическим играм, забавам и зрелищам и совсем забрасывают развитие ума»[8. С. 128]. А. И. Герцен также отмечает недостаток умственного и духовного развития англичан при всей их замечательной физической подготовке: «Англичанин учится медленно, мало и поздно...» [10. С. 92]. Более того, автор источника убежден, что у англичан «жизнь введена на наезженную колею и правильно идет от *известного* (курсив авторский – Ю. К.) рождения *известными* аллеями к *известным* похоронам; страсти слабо ее волнуют»[10. Там же]. То есть можно видеть, что, следуя довольно старой традиции, россияне поддаются влиянию старого стереотипа англичанина, как человека глубоко практичного, просчитывающего все до мелочей и вследствие этого не подверженного влиянию страстей. В этот стереотип вносятся и подчиняются ему другие реалии английской жизни – занятия спортом. Согласно мнению русских путешественников, они преследуют сугубо практическую цель – улучшить здоровье, чтобы всю полученную энергию этот здоровый и физически развитый человек мог направить на практическую деятельность, работу и бизнес. Тем самым, снова русские путешественники отказывают англичанам в духовности и тонком умственном развитии [13. С. 197].

Упоминания о межнациональных спортивных состязаниях в источниках также трактуются как доказательство практичности англичанина. Так, например, Е. Н. Водовозова говорит об английской национальной игре в крикет, упоминая ее значение для взаимоотношения с британскими колониями. «Англичане

стараятся распространить и поддержать эту игру не только у себя, но и во всем свете». Объясняется же это практическими соображениями англичан, которые «стараятся воспользоваться малейшим случаем, который мог бы развить добрые отношения, укрепить связи...»[8. С. 125]. В какой-то степени такое убеждение имеет основание. По мнению зарубежного исследователя Пола Уорда, в Англии со скамьи публичных школ утверждалась связь между спортом, национальным характером и имперским управлением. Это сопровождалось широким спектром мер культурной политики, нацеленных на учеников, которым, вследствие своего положения на социальной лестнице, хотя и не было суждено управлять Империей, но которые должны были исполняться добродетелей игры в команде, дисциплины и уверенности [7. С. 75]. Кроме того, спорт служил привитию национальных ценностей уровня имперской значимости, а также более широкой цели связывания британских сообществ внутри Империи [7. Там же]. Воспитывающую роль спорта, важную для формирования перечисленных выше качеств, отмечает и зарубежный исследователь Стелла Маргетсон: «участвуя в равной мере в спорте, которым занимались люди, стоящие выше их на социальной лестнице, молодые англичане из среднего класса начали приобретать добродетели и хорошие качества правящей расы... крепкий здравый смысл ...и деловые способности, которые всегда характеризовали их класс; и смелость, быстроту и выносливость, которые являются распространенными характеристиками аристократии», что позволяло им «успешно править огромным количеством перемешанных зависимых рас»[5. С. 174].

В ряде случаев мнение русских путешественников о практичности, бездушности и серьезности англичан отказывает им вообще в способности веселиться и получать удовольствие от спорта. М. Горький, посетивший Англию с 30 апреля по 16 мая 1907 года, так говорил о спорте: «много спорта и мало оживления. Люди играют скучно, как будто исполняя необходимую обязанность. Пока она еще не надоела, но уже скоро будет тяготить человека»[11. С. 344].

Такие мнения, с одной стороны, могут объясняться общим ухудшением англо-русских дипломатических взаимоотношений во второй половине XIX века. Так, Э. Г. Кросс отмечает,

что в этот период «последовательные правления двух Александров (Александра II и Александра III – Ю. К.) и Николая II отмечались дальнейшим ухудшением в англо-русских связях»[4. С. 58]. Российский исследователь А. Б. Давидсон также утверждает, что враждебность объяснялась ухудшением отношений вследствие Крымской войны, противоречий в Центральной Азии в 1870-е гг. и стала открытой в связи с русско-турецкой войной 1877-78 гг., когда Британия не дала России воспользоваться плодами ее победы над Османской империей [12. С. 7]. Ситуация еще ухудшилась в связи с заключением англо-японского соглашения. Последовавшая затем британская поддержка Японии во время русско-японской войны 1905 г. привела русско-английские отношения к упадку [4. С. 58-60].

Тем не менее даже когда после заключения конвенции 1907 г. улучшившееся англо-русское взаимопонимание вело к важным обменам визитами (один из них состоялся в 1912 г.), похожие мнения все еще существовали. С. Вольский в 1912 г. написал письмо из Лондона, где он рассказывает о жизни студента в Оксфорде. Автор информирует читателей, что английский студент – «ярый спортсмен. Он целые часы добросовестно ездит вверх и вниз по узенькой, илистой речке, тренируя мускулы для предстоящих состязаний, или яростно бегают по зеленым площадкам в погоне за футбольным или крокетным шаром»[9. С. 150-152]. Политическая жизнь его не интересует, однако результаты спортивных состязаний волнуют в крайней степени. Когда студент решает заняться литературой, «его единственные музыкально-вдохновительницы – футбольный шар и весло...»[9. Там же]. Журналы, издаваемые студентами отдельных колледжей, по свидетельству С. Вольского, никогда не касаются общественных, политических или философских вопросов, зато в сфере спорта они неистощимы. Снова прослеживается некое принижение умственных способностей, и в некоторой степени русский корреспондент даже отказывает молодым англичанам в серьезном отношении к жизни, хотя тут же оговаривается, что «нельзя, однако, сказать, чтоб университетская молодежь совершенно игнорировала серьезные темы»[9. Там же].

Российский исследователь О. А. Казнина, ссылаясь на мнение О. А. Новиковой, являвшейся знатоком английской пси-

хологии и внесшей свой вклад в исследование национального характера, также считавшей, что по сравнению с Англией Россия богата духовно, называет это «старомодным мнением»[18. С. 14]. Следовательно, можно говорить о ригидности и живучести этого стереотипа.

С другой стороны, одной из причин могло быть непонимание россиянами важности спорта для англичан, вследствие разного восприятия спорта и его значимости у этих двух наций. Например, возьмем такой факт, как количество страниц, посвященных спорту в газетах той и другой стран. Так, В. Керженцев, много лет живший в Англии до и во время Первой мировой войны, констатирует следующее: «двум ...отделам, занимающим в русских газетах задворки, английская пресса отводит почетное место – бирже и спорту. Спорт – неизбежный отдел всякой газеты, и ему отведена по меньшей мере страница. В дорогих газетах описываются главным образом конские скачки и гольф, в дешевых более демократические состязания – крикет и футбол. Спорт главный конек вечерних изданий»[16. С. 131]. Э. Г. Кросс приводит два мнения, которые также подтверждают приведенное выше предположение. В своих воспоминаниях «Петроград в прошлом и настоящем» многолетний житель Петербурга Барнс Стивенли полагал, что «настоящие русские не любят то, что мы зовем спортом, и не могут понять, зачем так заводится из-за ерунды». И вот другое мнение 1914 г., принадлежащее членам Российского олимпийского комитета: «в России можно назвать всего несколько человек, которые ... горячо пропагандировали спорт, внедряли его на практике и поддерживали» [Цит. по 17. С. 173]. Приведенные свидетельства подтверждают, что в России спорт воспринимался иначе, чем в Англии, и этому могли в какой-то мере способствовать отличия в культуре и ментальности россиян.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в изучаемый нами период русские путешественники и публицисты видят спорт как очень важную и неотъемлемую часть досуга и повседневной жизни англичан, отмечая его положительное воспитательное и оздоровительное значение. Однако вместе в тем встречаются и отрицательные оценки, которые можно объяснить как общим ухудшением отношений между Россией и Англией со

второй половины XIX в., а следовательно, преобладанием отрицательных черт в российском образе англичан и их страны, так и влиянием уже укоренившихся в российском обществе стереотипов, ригидность которых не мешает им быть актуальными и в период улучшения дипломатических отношений России и Англии с 1907 г.

Примечания

1. В современной зарубежной историографии существует дискуссия, включать ли спорт в сферу досуга, так как в конце XIX века такие исследователи, как Памела Хорн, Джеймс Уолвин, наблюдают процесс коммерциализации спорта.

2. Borsay P. A history of leisure: the British experience since 1500. Basingstoke (Hants.); New York: Palgrave Macmillan, 2006.

3. Clark S. H. The Development of Leisure in Britain after 1850 // <http://www.victorianweb.org/history/leisure2.html>

4. Cross A. Anglo-Russian relations and the twilight of the British community in Petersburg/Petrograd/Leningrad// Россия и Британия/Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 1997. Вып. 4: Связи и взаимные представления. XIX-XX века/отв. ред. А. Б. Давидсон.- 2006.

5. Margetson S. Victorian High Society. London: B. T. Batsford LTD, 1980.

6. Morris J. Pax Britannica. Trilogy. London; Boston: Faber and Faber limited, 1968-1973. Vol.2: The climax of an Empire. L., 1968.

7. Ward P. Britishness since 1870. London; New-York, 2004.

8. Водовозова Е. Н. Жизнь европейских народов. Т. 2: Жители севера. Издание II. СПб., 1881.

9. Вольский С. Нечто об английской интеллигенции // Заветы. 1912 г. Сентябрь.

10. Герцен А. И. Былое и думы. М., 1969.

11. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 6. М., 1970.

12. Давидсон А. Б. Введение // Россия и Британия /Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 1997. Вып. 4: Связи и взаимные представления. XIX-XX века /отв. ред. А. Б. Давидсон. 2006.

13. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825 – 1853. М., 1982.

14. Завьялова Л. «Новый род собрания, называется клуб...»: метаморфозы Английского клуба в России // Родина. 2003. № 5/6.

15. Иващенко О. Воспоминания об английской школе. Киев, 1972.

16. Керженцев В. Англия и англичане. Очерки современной Англии. Пг., 1918.

17. Кросс Э. Г. Величайшие дары: английские игры в России // Родина. 2003. № 5/6.

18. «Я берег покидал туманный Альбиона...»: русские писатели об Англии 1646-1945 / Подг. О. А. Казнина, А. Н. Николокин М., 2001.

© А. С. Ходнев (ЯГПУ)

Особенности конструирования образа Лиги Наций в пьесе Дж. Б. Шоу «Женева» (1938)

На первый взгляд, изучение образов международного института, созданных воображением писателя, не может быть объектом исследования историка. Однако, во-первых, Х. Уайт утверждал, что научная историография напрямую связана с литературными стилями и любая работа историка может быть «охарактеризована в терминах языкового протокола» [7. С.491]. Следовательно, историк вполне легитимно может покинуть «историческое сознание» как автономный образ мысли и вторгнуться в мир художественного вымысла, при этом не причинив особого ущерба для «исторического знания» как особой сферы гуманитарных наук, существование которой Х. Уайт поставил под сомнение. Во-вторых, фантазии писателя могут быть интересны историку с точки зрения изучения интеллектуальной жизни эпохи или того, как популярные идеи века могли влиять на поведение людей, иными словами, – на ментальность.

Случай Дж. Бернарда Шоу (1856-1950) – особый. Лауреат Нобелевской премии в области литературы (1925) и других наград (премия «Оскар» в 1938 г. за экранизацию «Пигмалиона»), Дж. Б. Шоу в 1930-е годы был одним из самых популярных

писателей в мире. Внимание публики было привлечено не только к его пьесам, но к некоторым ключевым посланиям/призывам, которые общественное мнение связывало с этим героем: пропаганды социализма, равноправия женщин, вегетарианства и трезвого образа жизни. Известно, что в 1884 г. Дж. Б. Шоу принял участие в создании Фабианского общества, существующего по сей день с участием таких видных лейбористских политиков, как Тони Блэр и Дэвид Бланкет. А в 1894 г. Дж. Б. Шоу, С. Уэбб, Б. Уэбб и Г. Уоллес приняли решение создать знаменитую сегодня Лондонскую школу экономики. Все это – серьезные и долго живущие идеи и начинания известного писателя. Следовательно, можно предположить, что сочинения Дж. Б. Шоу могли оказывать существенное влияние на общественное мнение своей эпохи или что Шоу удалось выразить в текстах ментальность времени.

По поводу влияния фабианцев и их концепции «пропитывания» (“*Permeation*”) буржуазного общества идеями социализма и о том, стало ли фабианское общество чем-то вроде Иоанна Крестителя для лейбористской партии, в историографии существуют давние и острые споры. Сами фабианцы репрезентировали себя в качестве «наиболее важной группы» – главной опоры победы эволюционного социализма на английской почве [3].

Однако «ревизионистская» историография (1960-е – 1980-е) под влиянием исследований Э. Хобсбаума [2. Р.1] и других утверждала, что фабианцы не оказали значительного влияния на основное течение социализма. Фабианские социалисты, в оценке историков этого направления, оставались элитарной и нерелевантной группой: элитарной потому, что «игнорировали классовые корни политики рабочего класса в пользу конъюнктуры высокой политики», нерелевантной потому, что лейбористская партия выросла из контактов без посредников между независимой рабочей партией и профсоюзами [1. Р. 179]. Словом, Дж. Б. Шоу с его идеями, согласно мнению левых лейбористов, принадлежал XIX веку, был нерелевантным, неуклюжим политиком и не мог отражать никакого общественного мнения в 1930-е годы.

Выразим несогласие с этой точкой зрения, поскольку тексты произведений Дж. Б. Шоу и многие его высказывания показывают обратное. Ему удалось отразить если не идеологию лейборизма 1930-х г., то ментальные представления значительной части британского общества, при этом не важно, какого эстетического качества были его тексты. Для историка чем менее удачен литературный текст с художественной точки зрения (меньше наличествует воображения художника), тем больше в нем можно обнаружить обычных конструкций, характерных для ментальности британского образованного человека определенного времени.

Одной из любимых идей Дж. Б. Шоу была политика мира, поддерживаемого Лигой Наций, первой универсальной международной организацией. К этой идее он возвращался не раз на протяжении 1920-1930-х гг. в нескольких памфлетах [4, 5], статьях и, наконец, в пьесе «Женева» (1938) [6].

Ее нельзя отнести к шедеврам Дж. Б. Шоу, поскольку во второй половине 1930-х годов у знаменитого писателя наступил, по мнению критиков, творческий спад. Однако пьеса вызвала интерес у публики после премьеры осенью 1938 г. в Лондоне, несмотря на немалый размер, не позволявший просмотреть ее за один вечер (представления шли два вечера подряд). Сам Дж. Б. Шоу относился к новому творению с большой долей самоиронии. Он писал 19 декабря 1938 г. С. Кэмпбелл: «“Женева” – очень плохая пьеса; я на днях смотрел ее и едва не заболел. Впрочем, отличная вещь для актеров. Не спектакли, а предвыборные митинги... Мне поневоле приходится писать пьесы вроде “Женева”. А я бы вовсе этого не хотел» [8. С. 254.]

Текст был опубликован в 1945 году. Тогда же и появилась часть комментариев Шоу, например, предисловие. В публикации также имеются пространные авторские заметки. В текстах Шоу комментарии, часто превышающие размер самой пьесы, имели важное для автора значение. В связи с этим Дж. Б. Шоу не отделял текст «Женева» от комментариев. Тем не менее, есть основания рассматривать публикацию «Женева» не как единый текст, а два: первый – сама пьеса, написанная в 1938, второй – предисловие и комментарии автора. Дело в том, что второй текст

не был закончен в 1938 г., а, как уже говорилось, частично позднее, в 1945.

Сюжет комедии «Женева» навеян предвоенным кризисом. По убеждению Шоу, Лига Наций не была оценена по достоинству современниками. Самая большая, по его мнению, несправедливость – взгляды на роль Международного комитета интеллектуального сотрудничества. Бегония Браун, секретарь Международного комитета интеллектуального сотрудничества, по ошибке направила несколько запросов в Международный суд в Гааге. В результате Британская империя в союзе с Японской империей объявила войну СССР, при этом Австралия и Новая Зеландия были настолько с этим не согласны, что заявили о выходе из Британского содружества. Далее в войну вступают другие большие и малые страны. Однако Лига Наций еще действует, и назначено заседание суда в Гааге, которое должно решить, наконец, все споры. На заседание собираются все лидеры мира и произносят длинные речи. В одном зале ведут соревновательную дискуссию Бомбардоне, Батлер, Фланко – легко узнаваемые зрителем 1930-х по своим прототипам (Муссолини, Гитлер, Франко), а также комиссар Посский (Россия), лидеры Великобритании, журналист из США, который, как потом выяснилось, и заварил всю кашу. В общем, все серьезно, как подлинная политика, и почти не приходится смеяться при прочтении пьесы. Улыбку у русского читателя может вызвать имя домработницы комиссара Посского: Федоровна Боллибуушка (*Feodorovna Ballyboushka*) [б. Р. 64]. Знал, наверно, писатель о роли русских бабушек в домашнем хозяйстве. Описания убранства апартаментов Комитета интеллектуального сотрудничества или Лиги наций (ЛН) явно уступают Дворцу правосудия в Гааге и т. д. Словом, пьеса изобилует типичными гиперболизациями и метафорами.

Тем не менее, текст пьесы Шоу, авторские комментарии позволяют сделать важные наблюдения по поводу представлений человека второй половины 1930-х гг. о возможности международной организации предотвратить войну. Образ международных институтов, созданных в воображении драматурга, значительно отличается от представлений, реально существовавших в ментальности. И это можно легко проследить на примере анализа пьесы «Женева».

С целью исследования особенностей конструирования образа международной организации в пьесе «Женева» была применена методика подсчета повторяемости ключевых слов (смысловых единиц), составляющих кластер знаний о предмете. Были выбраны 14 ключевых слов (смысловых единиц), связанных с описанием международных институтов, их целей и деятельности. Их количество подсчитано отдельно в тексте пьесы и в комментариях автора.

Ключевые понятия	Текст пьесы «Женева»		Комментарии автора	
	количество	процент	количество	процент
1. мир	12	2%	2	1%
2. война	75	14%	55	37%
3. государство	34	7%	18	13%
4. народ	75	15%	28	19%
5. права	1	0%	1	1%
6. человек	25	5%	11	8%
7. Лига Наций	14	3%	3	2%
8. правосудие	20	4%	1	1%
9. обращение	5	1%	1	1%
10. суд	54	11%	5	3%
11. бомбы, бомбежка	0	0%	8	6%
12. безопасность	0	0%	2	1%
13. изменения	14	3%	8	6%
14. судья/суд	184	35%	1	1%

В результате были обнаружены не только различия между двумя текстами, но и очевидные несоответствия между прямыми образами международной организации в текстах и ментальными представлениями, выраженными кластерами повторяемости.

Бросается в глаза незначительное – 2-3% – упоминание Лиги Наций в двух частях текста. Дж. Б. Шоу, очевидно, не верил к 1938 г., как и большинство европейцев, в возможности ЛН, – до этого времени он был большим энтузиастом международной организации [5].

Вместе с тем, образ международной организации в условиях предвоенного кризиса приобрел в тексте «Женевы» новые

черты. Заметное место приобрели апелляции к Международному суду в Гааге и попытки решить международные конфликты путем международного арбитража (№ 14, 10 табл.).

В обоих текстах нет упоминания об особых правах человека и приоритете этих прав перед суверенитетом государства. Это необычно, потому что после войны при создании ООН и ее деятельности в первые послевоенные годы это стало главной темой для общественного мнения, и во втором тексте это должно было прозвучать (№ 5 табл.). Шоу проводит эту идею в тексте пьесы с известной долей иронии: при помощи ошибок Бегонии Браун в Международный суд в Гааге поступают обращения простых граждан. По уставу Лиги Наций таким правом обладали только правительства государств. В пьесе Шоу, как и в ментальных образах, люди должны обладать правом обращаться в международный суд, минуя государства (№ 4 в табл.).

Тем не менее, роль и значение государства растут после войны, если судить по подсчету смысловых единиц (№ 3 табл.).

Совершенно непонятно, почему проблема безопасности, столь популярная во второй половине XX века, совсем не волновала Шоу (№ 12 табл.). В тексте отсутствует прямое упоминание этого вопроса, следовательно, широких дискуссий (с отражением в ментальности) по нему и не было.

В памяти Шоу, как и в коллективной памяти многих англичан, сохранились воспоминания о бомбежках во время войны (№ 2, 11 табл.).

Травматический шок, вызванный военными воспоминаниями, инициировал надежды на перемены. Международные отношения должны были измениться, чтобы не повторялись кризисы и войны между государствами (№ 13 табл.). Появилась уверенность в том, что была необходима новая система международных организаций, при этом данная парадигма не требовала особых обоснований, как это было в конце первой мировой войны.

Библиографический список

1. Bevir M. Fabianism, Permeation and Independent Labour Party // The Historical Journal. 1996. Vol. 39. № 1. P. 179-196.

2. Hobsbawm E. The Lesser Fabians // Our History Pamphlet. № 28. Winter, 1962.
3. Pease E. R. The History of the Fabian Society. N.Y.: E. P. Dutton & Company Publishers, 1916.
4. Show, Bernard G. Common Sense about the War // the New York Times Current History Magazine. 1915. Vol. 1. № 1. P. 11-59.
5. Show, Bernard G. The League of Nations // Fabian Tract. № 226. L., 1929. P. 5.
6. Show, Bernard G. Geneva // *Show, Bernard, G. Collected Plays with Prefaces*. Vol. 7. L.: Max Reinhardt, 1974. P. 11 – 176.
7. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века/Пер. с англ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
8. Шоу Б. Дж. Письма. М.: Наука, 1971.

© А. М. Ермаков (ЯГПУ)

**«Сестра Марта», «стерва Шарлотта» и другие: образы немецкой женщины в советской периодической печати
1933-1945 гг.**

Советский Союз и Третий рейх пристально следили за действиями друг друга, прежде всего в области военного строительства, внешней политики, экономического развития. Предмет взаимного интереса двух диктатур составляли и социальные мероприятия, в том числе политика в женском вопросе и положение женщин, их роль в государстве, экономике, обществе. Существование параллелей «Международный женский день» (1918 г.) - «День матери» (1935 г.) и «Почетный крест германской матери» (1939 г.) - орден «Материнская слава», «Медаль материнства» (1944 г.) позволяет высказать предположение об учете нацистским и советским руководством позитивного и негативного опыта непримиримого политического и идеологического врага. К моменту прихода нацистов к власти у советских людей уже сформировался образ Германии и немцев. Как вспоминает известный отечественный историк-германист В. В. Чубинский, для граждан СССР Германия ассоциировалась с самой сильной в капиталистическом мире компартией, спартаковцами, красными фронтовиками и Ротфронтом [12. С. 47]. Этому соответствовал и

образ немецкой женщины-пролетарки, представительницы «широких масс», знающих, «чего они хотят». Публикации в советской периодической печати представляли ее как убежденную коммунистку, революционерку, искренне радующуюся успехам социалистического строительства в СССР, верящую в скорую победу социализма в Германии, испытывающую на себе «страшную ненависть социал-демократов» и в любой момент готовую дать отпор фашизму. Немецкая женщина страдает от последствий мирового экономического кризиса и чрезвычайных декретов правительства Генриха Брюнинга: ее муж – безработный, доходы семьи из трех человек составляют 16,6 марок в неделю, а жилье стоит 15,9 марок в месяц, хорошую пищу купить невозможно [8. С. 5].

Как показывает содержание материалов советской периодики и их обнаружение накануне или сразу после Международного женского дня, созданный в СССР образ немецкой женщины был призван показать советским людям преимущества советского политического, экономического, общественного и социального строя, бесспорную правоту коммунистической идеологии. С этой целью авторы статей и очерков о немках в советской периодической печати часто прибегали к сравнению положения женщин в двух странах, причем это сравнение не просто было в пользу СССР, а представляло его как идеальное для женщин всего мира государство, а Третий рейх – как страну, где жизнь женщины невыносима из-за господства крайне реакционной формы господства буржуазии – фашистской диктатуры.

Эволюция образа немецкой женщины в Советском Союзе в 1933-1945 гг. прошла два этапа, связанных с изменениями в советско-германских отношениях, переменами в положении женщин в гитлеровском рейхе, изменениями в отношении немки к идеологии и политике нацизма, сменой курса женской политики советского руководства в связи с принятием 27 июля 1936 г. постановления ЦИК и СНК СССР о запрещении аборт и затруднении процедуры развода.

В январе 1933 – мае 1937 гг. на страницах советских периодических изданий господствует образ немецкой женщины, который можно условно назвать «сестрой Мартой». Это - пролетарка, страдающая от политического и экономического гнета

фашизма и капитализма и активно, самоотверженно, героически выступающая вместе с мужчинами-рабочими под руководством КПГ за скорую социальную революцию в Германии. Ее не могут остановить пытки, издевательства, каторга, поскольку смертельная борьба ведется, в конечном счете, ради счастливого будущего ее детей.

Главная героиня советских публикаций января – сентября 1933 г. – коммунистка, революционерка, страдающая от фашистского террора и надругательств, сражающаяся вместе с мужчинами-рабочими за немедленное свержение власти Гитлера и установление диктатуры пролетариата. В феврале 1933 г. Лена Оверлах рассказала читательницам журнала «Работница» о том, что немецкие пролетарки «боролись в первых рядах во время многих сотен забастовок за последние недели; они показали себя на деле организаторами забастовок, борцами с полицией и фашистским террором, доказывают и свою политическую зрелость для занятия выборных ответственных постов, для руководства массами на производстве» и еще сыграют выдающуюся роль на предстоящих выборах в фабрично-заводские комитеты. Оверлах утверждала, что «в тяжелой борьбе немецких работниц их сестры по труду из СССР служат блестящим образцом», растет их интерес к жизни в Советском Союзе, к успехам строительства социализма в этой стране. Для немецких работниц становится все яснее растущая опасность империалистической войны и нападения империалистов на Советский Союз, они «еще более организуются под лозунгами революционных профсоюзов на защиту СССР, против империалистической войны» [9. С. 11]. Эмма Фурман убеждала читательниц советского женского журнала, будто «все более революционирующиеся работницы сознают необходимость организованно бороться вместе со всем рабочим классом под руководством единой революционной партии – коммунистической партии Германии» и «в день 1 мая 1933 г. немецкая работница совместно с рабочим классом всей Германии будет защищать под руководством преследуемой коммунистической партии Германии права рабочих, отвоеванные пролетариатом. Вместе со всем рабочим классом они будут бороться под руководством своей партии за советскую Германию, за рабоче-крестьянскую республику» [11. С. 9]. «Несмотря на кровавый

террор», немецкие женщины и девушки регулярно распространяют коммунистическую газету «Роте фане», ведут разъяснительную работу среди «разочарованных» социал-демократических рабочих, приближают «день последнего боя за диктатуру пролетариата», когда КПГ приведет «массы к победам» [7. С. 4].

Впечатление недолговечности нацистского господства усиливалось и благодаря информации о том, что «гитлеровские банды пытаются также и женщин и детей. Со всех концов страны приходят известия об убийствах работниц и даже детей. На улице Дюссельдорфа национал-социалистские банды убили в своем бешенстве ударами кнута женщину, которая была в последних месяцах беременности. В рабочем квартале Дюисбурга работница, открывшая окно, была убита пулей фашиста». Журнал «Работница» рассказывал, что национал-социалисты не только расстреливают женщин-коммунисток наряду с мужчинами якобы «при попытке к бегству», но и пытаются, бьют, насилуют их, говоря: «Вы не произведете больше на свет коммунистической твари, через девять месяцев у вас родятся гитлеровские юнцы» [11. С. 8].

С сентября 1933 г. этот образ становится более отчетливым, насыщенным, персонифицируется. Официальная пропаганда изображает немецкую женщину как политически бесправного человека, на которого нацистские вожди смотрят как на существо второго сорта. Вследствие нацистской политики она страдает от безработицы, а если и находит рабочее место, то ее тяжелый и порой вредный для здоровья труд крайне низко оплачивается. Безработные девушки и женщины принудительно направляются в трудовые лагеря, чтобы бесплатно работать на кулаков и помещиков, они не могут получить желаемого школьного и университетского образования и вынуждены подчиняться запретам на профессию. Результатом этого положения является расцвет проституции, регламентированной и поощряемой гитлеровским правительством. Не каждой немецкой женщине удалось создать семью, а многие из тех, кто обзавелся семейством, страдают от побоев мужа, полного бесправия в решении семейных вопросов, невозможности прокормить своих детей. Особенно тяжело приходится матерям, у которых государство может отобрать ребенка

и которые вынуждены рожать лишь под давлением драконовского антиабортного законодательства. Однако для миллионов немецких женщин, прежде всего трудящихся, есть светлый идеал – Советский Союз, положение женщины в котором во всех отношениях являет собой образец.

Образ «сестры Марты» заслоняет собой расплывчатые и нечеткие образы немецких крестьянок, женщин-служащих, учительниц, представительниц городского среднего класса. Советскому читателю они представлены как «обывательницы», поддавшиеся на гитлеровскую пропаганду и обманутые нацистским режимом. Эти женщины так же, как и пролетарки, лишены политических прав, работы, семьи, но не являются бескомпромиссными противницами нацизма.

После многолетнего молчания советских периодических изданий на страницах газет и журналов с первых месяцев 1942 г. появляется и быстро оформляется, насыщается деталями новый образ немецкой женщины, который вслед за автором статьи в «Комсомольской правде» капитаном Карой можно назвать «стервой Шарлоттой» [5. С. 3]. Так место пролетарки, антифашистки, страдающей под гнетом нацизма и борющейся за социализм, занял «мерзкий облик соучастницы кровавых злодеяний гитлеровцев», «стервы», с нетерпением ждущей фронтовой посылки с награбленной одеждой, посудой, продовольствием, «кровопийцы», «немецкой волчицы», истязавшей и доводящей до самоубийства советских женщин, угнанных на работу в Германию. В качестве доказательств приводились многочисленные письма немкам своим мужьям-военнослужащим. Одна из них напутствовала: «Бери все хорошее, что может нам пригодиться. В особенности я обрадовалась бы, если бы ты прислал шерстяное платье и теплое белье. Еще пришли какой-нибудь светленький материал для блузок. Туфли мне тоже нужны, номер 38». Другая заказывала прислать вещи для ее детей: «Ничего, если они испачканы или в крови, их можно выстирать» [3. С. 5; 10. С. 5; 1. С. 18-19; 6. С. 11].

И хотя автор утверждал, что «все честные немецкие женщины отвернутся от этой жадной хищницы, понуждающей своего мужа-бандита на кровавое злодейство», образ немецкой женщины как грабительницы и стяжательницы вытесняет преж-

ние представления. О «честных» немках советские периодические издания упоминают все реже, внушая читателям, что в германских женщинах, требующих от своих мужей и сыновей присылки продовольствия и награбленных вещей, «Гитлер задушил голос совести». Поэтому «в нашем сердце поднимается жгучая ненависть. Сердце требует отмщения» им [6. С. 11].

Образ немки, угнетенной фашизмом, напротив, утрачивает конкретные очертания, размывается. Сообщения советской периодики об оппозиционных национал-социалистическому режиму действиях немецких женщин немногочисленны и граничат с неправдоподобностью: «В конце декабря прошлого (1941. – А. Е.) года на Ангальтском вокзале в Берлине большая толпа женщин пыталась помешать отправке на фронт двух воинских эшелонов. Женщины легли на рельсы перед паровозами. Полиция и штурмовики не могли разогнать толпу. Вызванный отряд СС стал стрелять в женщин из пулеметов. Было много убитых и раненых» [10. С. 5]. Это полуфантастическое сообщение создавало видимость того, что «на священную войну против своего смертельного врага – фашизма» поднялись «не только все советские патриотки – русские, украинки, белоруски и женщины прибалтийских стран... На эту борьбу поднялись англичанки, француженки, американки, китайки. На эту борьбу начинает подыматься и немецкая женщина» [3. С. 5]. Последняя фраза противоречила утверждениям советской печати 1933-1937 г., в соответствии с которыми женщины Германии стояли в первых рядах борцов против нацизма, рассказам о рабкорке Марте, ее дочери Ганне и других антифашистках-мученицах. Очевидно, что за отсутствием примеров из жизни современной Германии журнал «Работница» был вынужден обратиться к покойной героине, авторитет которой в Советском Союзе стоял вне подозрений и сомнений: «Советская патриотка знает прекрасный образ немки – великого борца против фашизма – Клары Цеткин, отдавшей свою жизнь за освобождение женщины» [3. С. 5]. Автор явно перестарался, написав вместо «посвятила жизнь» героическое и мученическое «отдала жизнь», хотя было общеизвестно, что Цеткин умерла своей смертью, едва не достигнув 77-летнего возраста, и не в гестаповском застенке, а в подмосковном селе Архангельском.

В последние месяцы войны советская пропаганда приступила к формированию новых представлений о немецких девушках и женщинах. Образ немки совершенно утратил все позитивные черты и насытился крайне негативными характеристиками в последние месяцы войны. Об этом свидетельствует статья о девушках, исполнявших вспомогательную службу в вермахте и частях СС – блиц-медель или блиц-медхен. «Девушки-молнии», как звучит дословный перевод этого нацистского неологизма, несли службу, главным образом, в войсковой связи и военно-административных учреждениях. Однако, как показывала публикация в журнале «Работница» за апрель 1945 г., их направляли и в концентрационные лагеря, где они отличались крайней жестокостью и садизмом. Автор статьи в советском журнале А. Вербицкий назвал блиц-медхен «женщиной в зелёном мундире, с пистолетом у пояса и свастикой на рукаве». «Она состоит в карательных частях СС, СД или гестапо». Блиц-медхен - это «женщина-палач», «гитлеровская волчица», «волчица с автоматом», «людоедка», «бандитка», «гитлеровская выученица», «гадина», интенсивно работающая во многих фашистских лагерях смерти – Майданеке, Бабьем Яру, Погулянке, Понырях. Садизм этих женщин «непередаваем»: «Где появлялась такая блиц-бандитка, там возникали стрельба, крики, смерть». На совести немки зверские расправы с советскими военнопленными, женщинами, детьми, обитателями еврейских гетто. Если немецкие пролетарки всегда боролись против фашизма, то закономерен вопрос А. Вербицкого о том, «из какой среды комплектовались отряды блиц-медхен», и приводимые в статье вопросы узницы одного из нацистских лагерей латышки Анисы Вернее: «Какая мать родила ее? Что за страна воспитала подобную?» Оказывается, «привилегированные блиц-медхен - это чистокровные немки, прошедшие специальные курсы гестапо и СС. Многие из них знатного рода и состоят в молодёжной организации «Гитлерюнг» (искаженное от Гитлерюгенд. – А. Е.). Выправка у них офицерская, они умеют метко стрелять, знают секреты пыток, владеют наукой кровожадности. Они убивают и записывают цифру в блокнот. Гиммлер — их вождь и бог. Есть и другая категория блиц-медхен. Это — девицы с преступным прошлым, выходцы из тюрем и с каторги. Гитлеровцы отобрали их из гущи убийц,

воровок и проституток всего континента. Среди них взломщицы из Венгрии, фальшивомонетчицы из Австрии, морфинистки из Бельгии. Их выпустили на свободу, вручили маузер и отправили в Россию. Многие из них награждены железными крестами и офицерским званием» [2. С. 13].

Преступницы – не собирательные образы, у них есть имена, и А. Вербицкий называет такие имена, как прежде советские журналисты называли имена немок-героинь антифашистской борьбы: студентка из Дармштадта Гретга Китель и «белобрысая, мутноглазая «фрау» из Берлина» Луиза Фредерман. Соответствующим образом должно было быть и поведение советских людей: «Стремительное наступление наших войск приближает час решительного возмездия. Мы будем помнить не только о немцах, но и о немках, пришедших в нашу страну мучить и убивать. Мы не забудем злодеяний берлинских «фрау» с маузером у пояса. Мы найдём их!» [2. С. 13].

При конструировании образа немецкой женщины советская периодическая печать не всегда пользовалась достоверной информацией, допуская появление «уток». В частности, журнал «Работница» упоминал книгу профессора из Лейпцига Эрнста Бергмана «Познание и материнство», в которой говорилось: «Единобрачие – извращение и ведет к порче расы. К счастью, у нас достаточно парней с доброй волей и хорошо приспособленных. Один парень может оплодотворить 20 девушек». В советской публикации утверждалось, что «от слов фашисты переходят к делу. В Германии установлены дни, когда девушек направляют с места работы на «брачные пункты», где их насилуют молодчики «чистой расы». Тех, кто отказывается выполнять позорную обязанность, отправляют в концентрационные лагеря». Тот же мотив повторялся и в одном из апрельских номеров журнала: «Женщина же должна превратиться в машину по производству солдат. Так как мужчины угнаны на войну и рождаемость в Германии сильно понизилась, фашистские варвары требуют, чтобы всякая женщина того возраста, когда она способна рожать, но сейчас живет вне брака, должна быть зарегистрирована и оплодотворена в принудительном порядке» [3. С. 5].

Очевидно, неизвестный автор этой публикации имел в виду организацию «Лебенсборн» (Источник жизни), созданную

под эгидой СС в декабре 1935 г. для ухода за женами, невестами и новорожденными детьми эсэсовцев, которые считались особенно ценным «человеческим материалом». Уже к концу 1939 г. «Лебенсборн» принял в своих 14 общежитиях 1 436 матерей, из них 823 незамужних, а до 1945 г. здесь было зарегистрировано 12 тыс. рождений, причем половина появившихся на свет детей были внебрачными. Руководство организации с гордостью подчеркивало, что «полноценные немецкие женщины» отказываются от аборта и «дарят нации» ребенка, который как рабочая сила в будущем «внесет в немецкую экономику сумму в 100 000 рейхсмарок». В «Лебенсборне», конечно же, никого не подвергли сексуальному насилию, и следует предположить, что неизвестный советский автор либо воспользовался неверными сведениями, либо преднамеренно искажил их [13. S. 205; 14. S. 95].

Традиционным для советской пропаганды было и не соответствующее действительности заявление о том, что «в Германии царят голод и нищета», что женщины умерщвляют себя и своих детей, потому что «нечем прокормиться». «В то время когда германские хищники капитала и особенно главари фашистской банды утопают в золотом дожде прибыли и легкой наживы на войне, широкая масса германских женщин доведена до полной нищеты и не имеет чем накормить своих детей» [3. С. 4]. Наконец, в традиционном русле периодические издания рассказывали об участии немецких женщин в забастовках, «которые нередки даже на оборонных предприятиях», и стихийных голодных демонстрациях, начинающихся «у пустых продовольственных магазинов». «Работница» сообщала, что «в Гамбурге в начале января 1942 г. женщины разгромили три магазина и тяжело ранили при этом двух полицейских» [10. С. 5].

Журналисты СССР допускали искажения в толковании некоторых заявлений германской печати, приписывая их авторам то, чего они в действительности не имели в виду. Так, доказывая, что проституция является «фашистской добродетелью», советская периодическая печать превратно истолковала заявление референта по вопросам работы с женщинами в германском МВД Паулы Зильбер фон Гроте на многотысячной женской манифестации в Бреславле о том, что «политическая и экономическая борьба – это дело мужчин... Задача женщины – борьба за душу

своей семьи и народа и воспитание детей в национал-социалистском духе». Обращение к незамужним и бездетным немкам одарить весь немецкий народ «женской лаской» и «материнской любовью» не имело ничего общего с призывом «пополнять собой ряды немецких гейш, увеселяющих тевтонских победителей», как утверждал корреспондент «Правды» Гофман [4. С. 4], а имело цель побудить эту категорию женщин к активной деятельности в учреждениях социальной опеки и благотворительных организациях.

Не всегда сбывались и прогнозы советских журналов и газет. Так, совершенно неверными оказались предсказания того, что Гитлеру не удастся справиться с безработицей и что нацисты, вопреки их декларациям, не собираются вытеснять женщин с производства. Следует отметить и то, что советский читатель не мог составить себе правдоподобного представления об уровне доходов и условиях труда немок на промышленных предприятиях, об отношении немецких женщин к нацистскому режиму и лично Гитлеру, об охране материнства и детства в Третьем рейхе, ничего не знал о жизни германских крестьянок, женщин из городского среднего сословия, служащих, о положении дел в нацистских женских организациях, а с середины 1936 г. не получали никакой информации о преследованиях за аборт в гитлеровской Германии.

Библиографический список

1. В защиту детей от фашистского варварства // Работница. 1942. Апрель. №8. С. 18-19.
2. Вербицкий А. Блиц-медхен // Работница. 1945. Апрель. № 4. С. 13.
3. Гопнер С. Что несет фашизм женщине // Работница. 1942. Апрель. №8. С. 4-5.
4. Гофман. Проституция – фашистская добродетель // Правда. 1934. 8 марта. С. 4.

5. Кара С. Найдено в немецкой землянке // Комсомольская правда. 1943. 3 марта. С. 3.
6. Л. К. Смерть немецким оккупантам! // Работница. 1942. Сентябрь. №17-18. С. 11.
7. Л. Р. Лагери принудительной повинности. Письмо из Германии // Работница. 1933. № 26. Сентябрь. С. 4.
8. Наше терпение истощилось. Письмо из Германии рабочим и работницам СССР // Работница. 1932. Июнь. № 16. С. 5.
9. Оверлах Л. Работницы Германии всегда готовы защищать СССР // Работница. 1933. Февраль. № 4. С. 11.
10. Против гитлеровской тирании // Работница. 1942. Февраль. № 4. С. 5.
11. Фурман Э. Фашизм и трудящиеся женщины Германии // Работница. 1933. Апрель. № 12. С. 8-9.
12. Чубинский В. В. Моя «оккупация» Германии. Русский офицер в Берлине и окрест. 1946-1950. СПб., 2005.
13. Thalmann R. Zwischen Mutterkreuz und Rüstungsbetrieb. Zur Rolle der Frau im Dritten Reich // Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonn, 1992.
14. Schneider R. Frauen unterm Hakenkreuz. Hamburg, 2001.

© Т.М. Гавристова (ЯрГУ)

Презентация истории Африки в литературе и изобразительном искусстве

Проблема интерпретации, реабилитации и репрезентации истории всегда занимала умы ученых - историков. История имеет дело с такими категориями, как событие и факт, личность и время, память и образ. Историкам приходится реконструировать прошлое. В их задачу входит восстановление исторической памяти и справедливости. Манипуляция фактами: намеренная и непреднамеренная - в работе историков тоже имела место, что приводило к искажению представлений о прошлом. Примером тому служит история Африки. На протяжении веков она рассматривалась с позиций европоцентризма в контексте европейской и американской истории, истории колониализма и рабства. В результате в учебной и научной литературе и справочниках

утвердилось представление об Африке как о «диком» (отсталом) континенте, населенном варварами, каннибалами, колдунами. Африканцев воспринимали как людей «без истории», «вне истории» - вне прошлого, настоящего и будущего.

Выдающиеся государственные и политические деятели, ученые, писатели, художники страдали от фобии непризнания, «невидимости» («незаметности») и были готовы сделать все для того, чтобы изменить ситуацию. Как притча в этой связи выглядит начало повести Б. Окри «Удивляя Богов», где автор в своеобразной (поэтико-метафорической) форме выразил свое отношение к проблеме «невидимости»: «Лучше быть невидимым. Его жизнь была гораздо лучше, когда он был невидимым, но в то время он об этом не знал. Он родился невидимым. Его мать тоже была невидимой, и поэтому она могла его видеть... Его люди трудились на фермах под согревающими лучами солнца. У них были свои легенды и традиции, их не записывали, а запоминали. Все знали их по памяти... Его отправили в школу, где он узнал много странного, узнал чужой алфавит и открыл для себя, что время можно выражать словами. В школе он впервые узнал, что невидим. Он искал себя и свой народ в исторических книгах, которые читал, и с удивлением, присущим юности, понял, что их не существует. Это настолько взволновало его, что он решил, как только вырастет, отправиться туда, где есть люди, которые действительно существуют, и посмотреть, как они выглядят... Однажды ночью он уехал, семь лет провел в странствиях, работал, где мог, изучил много языков... Молчал... больше слушал... набирался знаний... Если кто-то интересовался... почему он так много путешествует... у него было заготовлено два ответа: "Я не знаю, зачем путешествую. Я не знаю, куда направляюсь"... "Я путешествую, чтобы узнать, почему я невидим... в поисках секрета моей неприметности"... Те, кто работал с ним в эти годы, видели в нем просто человека. В действительности они не видели его вообще» [4. С. 3-4].

Сделать свой народ «видимым» было трудно. Вслед за выдающимся историком, антропологом Ш.А. Диопом многие африканцы задумывались о том, как вписать африканскую историю в мировую. В ходе второй половины XX века они сделали свои достижения достоянием гласности, сумев извлечь из руин

памяти информацию о том, что могло бы составить славу континента, сознавая, что «видимыми» Африку и африканцев делают средства массовой информации (телевидение, радио, печать, Интернет). Следуя установке Ш.А. Диопа о том, что историю Африки должны писать африканцы, интеллектуалы интерпретировали прошлое и настоящее через символы, образы, знаки, приущие африканской культуре, начав, таким образом, процесс переоценки ценностей.

Ученые: историки, философы - заявляли о необходимости переписать мировую историю с позиций афроцентризма. Литераторы и художники, напротив, взяли за основу тезис о беспристрастности как интеллектуальной и нравственной добродетели, поставив во главу угла идею подлинности и правдоподобия. В своих произведениях они создавали интригу и использовали ее в собственных интересах как способ «раскрутки» через освещение парадоксов и перипетий мировой и африканской истории в процессе ее презентации. Историю они рассматривали как процесс познания другого: другого пространства и времени, другой культуры и цивилизации, других людей. В отличие от ученых, которые должны были объяснить и доказать всему миру, что африканцы – тоже люди, что у них есть своя история и культура и они являются частью мировой, писатели и художники стремились в первую очередь показать, рассказать, продемонстрировать.

Рубеж XX-XXI вв. ознаменовался расцветом литературы и искусства «африканского зарубежья». Африканцы Б. Окри и Н. Фара, Э. Анатсуй и К. Сеторджи, О. Огуйбе и О. Удечукву, Уатара и Й. Шонибаре вошли в мировую писательскую и художественную элиту. Используя эстетику, присущую контекстуальной культуре, основанной на чувственном восприятии мира, и соединив ее с вербальной, они превратили творчество в подобие игры - в стиле постмодернизма. Новизна их метода заключалась в том, что эмоциональный опыт (ощущения) они пропускали сквозь сознание (воображение). Функциональное использование исторических сюжетов и то, что примат политической истории был поставлен во главу угла, сделали их произведения актуальными и злободневными.

Африка, ее «вчера», «сегодня» и «завтра», - три ступени временного опыта, традиционного для системы африканских знаний и ценностей, находилась в центре их внимания. Как африканцы, они воспринимали мир в неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего. Уникальное чувство истории позволяло им «вжиться», «вчувствоваться» в нее. Сквозь века они умели видеть и слышать, ощущая себя действующими лицами истории. Обращаясь к прошлому, писатели и художники стремились постичь смысл настоящего и будущего, пытались, каждый по-своему, интерпретировать историю. Делали они это посредством образов, которые рождались сами собой, рефлексивно, в ходе постижения истории, погружения в нее. Их визуализация основывалась на интериоризации вещей, знаков, звуков, ритмов, ароматов.

Воспоминания об Африке воплощались в навсегда утраченные образы детства - «сны», «грезы» об Африке, в песню памяти, гимн континенту, молитву за него. Для Уаттары – это были маги и духи. См.: «Масада» (1993); «Танец духов» (1993); «Культура Нок» (1993). Для О. Удечукву – дороги, лики, письмена. См.: «Девочка и кукла ибибио» (1977), «Дорога в Абуджу» (1982), «Люди ночи» (1985), «Лики и безликие» (1985), «Беженцы: мать и дитя» (1985), «Дорога в Нсукку» (1987), «Портрет философа» (1989), «Письмена в Небесах» (1989), «Под масками» (1989), «Великолепный маскарад» (1991); «На Земле есть множество разных вещей» (1993), «Разные головы, разные мысли» (1998). Для О. Огуйбе - сломанный велосипед, на котором он с родителями бежал из родной Абы, бомбежка, разрушенные дома, горы трупов, постоянное чувство страха.

«Скопище страха» - так назывались выставка О. Огуйбе, состоявшаяся в 1992 году в Лондоне, и сборник его стихов и рисунков [3]. Все пережитое им в годы войны практически вытеснило из памяти радужные воспоминания детства. Политические реалии рождали жесткие ассоциации. Клетка, камера пыток, тюрьма, крик, плач, зловоние, трупы, смерть. Они вызывали ощущение того, что мир находится накануне грандиозных исторических катаклизмов, крушения привычных социальных устоев, религиозных верований, морали. В глазах О. Огуйбе и О. Удечукву Африка была и остается территорией страданий, для К.

Сеторджи – это пепелище, кладбище. Для В. Шойинки – открытая рана, зловонная яма. Для Б. Окри – зона, зверинец.

Переосмысление истории шло постепенно и носило многоуровневый, многоплановый характер. Представления о прошлом менялись от поколения к поколению. Африканцы подвергали его многофункциональному анализу, исходя из того, что история дает не более чем образ. В литературе и искусстве получили распространение реконструкция и презентация исторического прошлого, его визуализация и моделирование. В результате возникла визуальная поэзия и вербальная живопись. У их истоков стояли поэты-художники Нсук-кской группы (У. Океке, О. Удечукву, О. Огуйбе и другие). Они широко использовали такие материалы, как бумага, тушь, гуашь, чернила, совмещая традиции европейской и африканской живописи, слово и рисунок.

О. Огуйбе занимал механизм погружения личности в глубины собственного духа, момент творческого озарения, что сближало его с импрессионистами и свидетельствовало об увлеченности эстетикой чань-буддизма. Особая манера, основанная на поэтико-метафорическом мышлении, позволяла раскрыть внутренний смысл произведения через символ, образ, знак. Иногда достаточно было штриха или намека. О. Огуйбе использовал минимум художественных средств, что позволяло зрителям по-своему трактовать увиденное. Его работа "Художник" (1993), изящная арабеска, вобрала в себя искусство поэзии, фотографии, плаката, музыки. Каллиграфически выписанный текст (фрагмент стихотворения "Восхитительный гитарист" палестинского поэта Махмуда Дервиша, члена Организации освобождения Палестины) гармонично сочетается с едва намеченным, почти бесплотным образом художника (музыканта, поэта), невидимым, незаметным, но страстно, как сам О. Огуйбе, желающим стать известным – видимым. Не менее интересен и созданный им образ Нельсона Манделы. См.: «Мандела» (1994). По форме - это «хвала», гимн в честь выдающегося борца против апартеида, за права и свободы чернокожих жителей Южной Африки.

Обращение к историческим сюжетам, как правило, было связано со стремлением вернуться к корням. За интерпретацией прошлого существовал «плотный, непроницаемый, неисчерпаемый фон личных и культурных мотиваций» [2. С. 473.]. Худож-

ники видели Африку и воплощали представления о ней по-разному: в черно-белых тонах (У. Океке, О. Огуйбе, О. Удечукву) и цвете (Уаттара, Й. Шонибаре); в дереве (К. Сеторджи) и глине (Э. Анатсуй). Знания об Африке, ее истории и культуре выполняли своеобразную компенсирующую функцию. Они обогащали, возвышали, компенсируя слепоту других – нежелание замечать - видеть.

Скульптор Э. Анатсуй изучал символы и знаки культуры Нок, идеограммы акан и графику игбо и использовал их в процессе создания своих композиций. См.: «Письмена на стене» (1979), «Лик африканской истории» (1988), «Лоскутное одеяло истории» (1992-1993) «Руины памяти» (1979), «Миграция I» и «Миграция II» (1988), «Очередь за визами» (1992), «Разрушение» (1992), «Приобщение к истории» (1995). К. Сеторджи использовал в процессе создания композиций простое, иногда даже не обработанное дерево, гладко оструганные доски, палки, напоминающие штыки, самодовольные напыщенные бревна, заставляя зрителей скорбеть, сопереживать, сочувствовать жертвам геноцида и холокоста. (См.: «Скорбь выживших», «А судьи кто?», «Беженцы», «Только статистика»).

Й. Шонибаре, выдающегося мастера постановочного искусства, занимали сюжеты всемирной истории. В ее контексте он создал самые известные свои инсталляции: «Салон Викторианского филантропа» (1996), «Дневник Викторианского денди» (1998), «Битва за Африку» (2003). Й. Шонибаре с иронией относился к идеям о «цивилизаторской роли» белой расы и «варварстве» чернокожих «дикарей». Он встал на путь разрушения стереотипов и, чтобы доказать, что искусство универсально, а талант и успех не зависят от расы, этноса, конфессиональной принадлежности, создал подобие «театра абсурда» - цикл инсталляций, героем которого сделал чернокожего африканца, шеголя, франта, поместив его в декорации Викторианской эпохи (1837-1901) – в общество белых.

Локализация образа и своеобразие эстетики приближали автора к воображаемому: к мечте - к атмосфере, в которой жили и творили его кумиры – Ч. Диккенс, У. Теккерей, С. Бернар, С. Ш. Брандте. (См. цикл: «Дитя XIX века», 2000). Й. Шонибаре постигал ее зрительно, через произведения предшественников,

оформлял художественно и втягивал публику (посетителей выставок и галерей) в процесс познания, заставляя мыслить, чувствовать, сопереживать. Его блестящий цикл «Битва за Африку» посвящен событиям Берлинской конференции (1884-1885), на которой 14 стран-участниц встали на путь раздела континента. В изысканных декорациях в стиле конца XIX в. автор разместил 14 безголовых фигур (по числу государств, представленных на конференции). Обезглавив участников «битвы за Африку», облачив их в костюмы из тканей африканского производства, он поставил под сомнение вопрос о целесообразности политических решений без каких-либо акцентов на расу и этнос. Ироничная интерпретация прошлого сделала художника знаменитым.

Инсталляции Й. Шонибаре парадоксальны и, на первый взгляд, лишены всякого смысла. Их абсолютная ирреальность демонстрирует намерение вырваться за пределы обыденности. Постановочное пространство заполняют фигуры без голов в одеждах из африканских материалов, помещенные в английские интерьеры прошлых столетий. Автор сознательно прибегает к подобным эскападам. Кодирова смысл композиций, он втягивает зрителя в игру, целью которой является расшифровка видимого декора. Введение в постановочное искусство иных культурных норм (черные лица, африканские ткани) призвано акцентировать внимание на социально-культурной идентичности, аутентичности, эксклюзивности. Реализация идей происходила путем их укоренения в создаваемой композиции. «Врастая» вместе с героем в реалии прошлого, художник демонстрировал собственные амбиции и комплексы. Он считал себя наследником Викторианской эпохи и подчеркивал принадлежность двум мирам, европейскому и африканскому.

Африканские писатели и художники всегда ратовали за то, чтобы рассматривать свои произведения как часть универсальной культуры. Они были далеки от этнологизации и эстетизации истории Африки, остановив свой выбор на одной из самых простейших форм общения со зрителем - повествовательной. Тематика их произведений не ограничивалась историческими сюжетами. Она была шире. За пределами Африки африканцы презентовали не только историю своей страны и континента, но и себя самих, свое отношение к окружающему миру. Индивиду-

альные эмоции как обертоны сопровождали главную для них тему. Познавая себя, они демонстрировали уникальный дар тиражирования информации, превратив творчество в источник знаний и механизм их распространения. Для них это был «театр, где искусный актер играет сразу все роли» [1. С.11.], кафедра, трибуна. Мессианские настроения не были им чужды. «Невидимые», «незаметные», они стремились стать видными и пролить свет на мир, к которому принадлежали.

Таким образом, литература и искусство «африканского зарубежья» развивались как механизм самопознания и самовыражения с характерной социально-гуманитарной направленностью. Социально-исторической подосновой произведений стала не столько африканская, сколько европейская действительность. Африканцев занимали экология истории и культуры, экология духа, универсальные проблемы бытия. В Африке они мало кого интересовали. Гораздо актуальнее были проблема выживания, нищета, голод, эпидемии, нехватка питьевой воды. К тому же в большинстве стран континента вплоть до настоящего времени не существовало ни сколько-нибудь развитой зрительской, но даже и читательской аудитории. В Африке мало развита инфраструктура книжного, музейного, галерейного дела, так что писателям и художникам, чтобы выжить, приходилось самим заботиться о своем будущем. Их ангажированность за пределами Африки во многом была связана с успешной презентацией себя и континента. Они сумели уйти от «экзотизма» и, используя разнообразные способы воздействия на зрителя, развенчали миф о «чернокожем дикаре», сделав персонажами своих произведений ученых и поэтов, политических деятелей, военных и беженцев, героев и мучеников, победителей и жертв. Поставив перед зрителем новые проблемы, предложив новые решения и трактовки, художники «африканского зарубежья» вписали новую страницу в историю Африки – страницу ее свершений и славы.

Библиографический список

1. Миллер Г. Тропик рака. М., 1992.
2. Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004.
3. Oguibe O. A Gathering Fear. Bayreuth, 1992.
4. Okri B. Astonishing the Gods. L., 1995.

**Колониальная власть в оценке индийских предпринимателей
(1885-1946 гг.)**

Проблемы колониализма, а также влияние колониализма на развитие национальной буржуазии и становление капитализма в зависимых странах хорошо изучены в отечественной и зарубежной литературе. В то же время реальная эволюция взаимоотношений класса предпринимателей и колониальных режимов показана недостаточно. Так, применительно к Индии единственным выразителем позиции национальной буржуазии по отношению к колониализму выступает партия Индийский национальный конгресс (ИНК), основанная в 1885 г. либеральными представителями имущих кругов. На наш взгляд, это неполная картина взаимоотношений между индийскими предпринимателями и колониальной властью, которая не учитывает изменений в социально-экономической и внутривнутриполитической ситуации. Вехами эволюции оценки колониальной власти индийскими предпринимателями выступают 1913-1915 гг., 1927-1931 гг., 1944-1946 гг.

С 1885 г. и до 1913 г. политические интересы индийских предпринимателей на общеиндийском уровне озвучивались именно и только ИНК. При этом сами индийские предприниматели были искренне благодарны англичанам за предоставленную возможность заниматься промышленным бизнесом. Кроме того, метрополия обеспечивала необходимую для успешного ведения дел стабильность политической жизни, упрощенную форму технологического трансферта, не требовавшую лишних материальных затрат. Именно благодаря деятельности англичан уже во второй половине XIX века в Индии зародилась национальная фабричная промышленность.

Неудивительно, что в целом оценка деятельности метрополии индийскими предпринимателями была скорее положительной. Действия ИНК в этот период характеризовались как политика трех "П" - просьб, петиций, протестов. Целью были реформы в области просвещения и экономики. Программа ИНК

была составлена теоретиками национальной экономической школы – Дадабхаем Наороджи, Махадевом Говиндом Ранаве, Гопалом Кришной Гокхале и Ромешем Чандрой Даттом. Видные общественные деятели и публицисты второй половины XIX века, осознававшие всю горечь положения коренного населения Индии, не желали осуждать британское правление в целом, и Конгресс выступал не как антиправительственная организация, а как “лояльная оппозиция Ее Величества”. [2. Р. 59] Можно сказать, что такой «лояльной оппозицией» было деловое сообщество в целом.

Ситуация начала меняться в начале XX в., когда промышленное развитие Индии продолжалось, но шло слишком медленными темпами. Причиной тому отчасти была политика метрополии, покровительствовавшей коммерческим организациям европейской и компрадорской буржуазии. Для индийской буржуазии деятельность правительства перестала казаться гарантией успешного бизнеса. Поэтому предприниматели почувствовали необходимость создать собственную, без участия европейского капитала, организацию, целью которой была бы защита интересов капитала национального.

Базой для создания таковой стали ежегодно созываемые Промышленные конференции. Одной из их важных функций было привлечение общественного мнения на сторону национального предпринимательства. Они также осуществляли тесное сотрудничество с Индийским национальным конгрессом. Многие предприниматели-националисты понимали, что для того, чтобы требования бизнеса были услышаны, необходимо солидное представительство, а не разрозненные коммерческие ассоциации. Поэтому в 1913 г. на 9-й Промышленной конференции была принята резолюция, которая призывала всех заинтересованных в развитии национальной промышленности принять участие в деятельности уже существующих индийских коммерческих палат, торговых ассоциаций, предпринимательских союзов и промышленных объединений. Конференция также озвучила потребность корпоративного национального бизнеса Индии в необходимости координации действий представительских коммерческих организаций. Консолидации деловых кругов во многом способствовала обострившаяся экономическая ситуация в

стране накануне Первой мировой войны, вызванная кризисом в финансово-кредитной и промышленной сферах экономики [4. Р. 8].

В 1913 г. промышленники Бомбея предложили созвать Индийский коммерческий конгресс, первый съезд которого прошел в 1915 г. Он должен был воплотить мысли национальных капиталистов об объединении разрозненных организаций делового мира в противовес ассоциациям и палатам, где доминировали европейцы и компрадоры [7. Р. 761].

По итогам заседания было объявлено о создании специального комитета по подготовке к созданию принципиально новой представительской организации деловых кругов. Индийский деловой мир сделал первый шаг на пути объединения на общендийском уровне. Потребность в нем была продиктована необходимостью защиты экономических интересов, а также солидарностью с национально-освободительным движением, возглавляемым ИНК. Неудивительно, что именно после первого съезда ИКК, ставившего целью выработку общей стратегии национального бизнеса, англичане впервые объявили о намерении осуществить чаяния индийской торгово-промышленной буржуазии и провозгласили индустриализацию Индии целью государства в области экономики [9. С. 143].

Таким образом, оценка колониальной власти индийскими предпринимателями несколько изменилась, и примером тому являются первые робкие попытки давления на правительство, относительно успешные. Очевиден также и тот факт, что реальную оценку действий метрополии давал уже не столько ИНК, сколько корпоративные союзы национального бизнеса, поставившие целью объединение в рамках всей страны.

Такая цель была достигнута в 1927 г., когда была создана Федерация индийских торгово-промышленных палат (ФИТПП) [7. Р. 763]. Именно на заседаниях Федерации предприниматели получили возможность открыто выражать свое мнение по политическим вопросам, в том числе и по отношению к колониальному правлению. Защитив себя корпоративно, индийская буржуазия демонстрировала более взвешенное отношение к колониальным властям. Промышленники почувствовали себя вправе требовать от метрополии помощи в деле становления нацио-

нальной индустрии в обмен на сохранение лояльности по отношению к правящему режиму.

Экономический кризис, начавшийся в 1929 г., характеризует очередной этап эволюции отношения национального бизнеса к колониальной власти. Одновременно в Индии наблюдался подъем национально-освободительного движения под руководством ИНК и его лидера М.Ганди, главным методом борьбы служили массовые кампании гражданского неповиновения колониальным властям. Индийские предприниматели в принципе считали такие действия нелегитимными, но деятельность метрополии толкала представителей деловых кругов на союз с ИНК во имя реализации поставленных целей [8. Р. 17]. Последней попыткой урегулировать противоречия путем компромисса при сохранении существовавшего режима стала поездка на конференцию «круглого стола» в Лондон представителей ФИТПП – Г.Д. Бирлы и П. Тхакурдаса.

Из их выступлений можно заключить, что оба они стояли на позициях предоставления Индии экономической самостоятельности. Представители делового мира настаивали на том, чтобы финансовые вопросы решало национальное, а не колониальное правительство. Однако обоим было понятно, что английская сторона не готова идти на уступки. По возвращении из Лондона Г.Д. Бирла и П. Тхакурдас отмечали явное нежелание метрополии идти на компромисс не только с ИНК, но и с деловыми кругами Индии.

М.К. Ганди, представитель ИНК на конференции «круглого стола», оказался в аналогичной ситуации и также был не в состоянии убедить собравшихся в важности предлагаемых им политических преобразований. Из писем, отправленных из Лондона М. Десаи, личным секретарем председателя ИНК, крупному предпринимателю и конгрессисту Дж. Баджаджу, становится ясно, что М.К. Ганди был одинок в своем противостоянии общей тенденции. Например, по вопросу о курсе рупии представители индийской стороны не решились поддержать Махатму из-за давления со стороны англичан [1. Р. 68].

Таким образом, оценка колониальной власти представителями индийского национального бизнеса в данной ситуации резко ухудшилась. На заседании ФИТПП после возвращения из

Лондона делегатов конференции «круглого стола» открыто звучали предложения поддержать возобновившуюся кампанию гражданского неповиновения. Это свидетельствовало о столь сильной неприязни, что представители деловых кругов готовы были даже утратить легитимный статус. Надежды на компромисс с колониальной властью рухнули. Англичане не трудились скрывать, насколько мало их трогают проблемы индийских предпринимателей.

Следующий этап в эволюции отношения бизнеса к колониальной власти приходится на 1940-е гг. В 1944 г. деловое общество Индии опубликовало свой вариант плана экономического развития страны, впервые ставший результатом коллективных усилий «капитанов национальной индустрии». Этот документ, получивший в предпринимательской среде краткое название «Бомбейский план», продемонстрировал не только классовую зрелость индийской буржуазии, ее готовность самостоятельно управлять экономическими процессами в масштабах всей страны, но и независимую политическую позицию по отношению к колониальному правительству [6].

В 1945 г. были опубликованы результаты работы колониального правительства, заключенные в документе под названием Заявление о промышленной политике Правительства Индии. [5] Содержание документа свидетельствовало, что правительственная политика сформулирована в том же ключе, что и «Бомбейский план». Однако на данном этапе представители делового сообщества уже выступали с критикой в адрес колониальных властей. В частности, один из основателей и лидеров ФИТПП Г.Д. Бирла в марте 1946 г. выступил с речью, осуждавшей правительственную политику в области планирования [3].

Основным ее содержанием было осуждение правительства за бездействие и неспособность управлять экономикой Индии. Г.Д. Бирла утверждал, что представленный правительством план экономического развития, «более или менее копирующий «Бомбейский план» [3. P.1], не мог быть осуществлен колониальным правительством, чему препятствовали такие положения официального документа, как сохранявшиеся финансовые гарантии британским предпринимателям. Деятельность одного из авторов «Бомбейского плана», А. Далала, приглашенного в состав

правительства для осуществления экономической политики государства, не принесла облегчения промышленности Индии. Г.Д. Бирла критиковал ограничения деловых связей с “нестерлинговыми” государствами, которые касались как покупки технологий, так и приглашения специалистов. Для того, чтобы пригласить американского специалиста для консультации в Индию, например, надо было сначала объяснить, почему такой консультации нельзя было получить в Англии. [З. Р.8]. Иными словами, предложенное государственное планирование, фактически, не улучшало ситуации в экономике страны. Бирла называл это “планированием для ограничения” развития индийского производства [З. Р. 9]. Он утверждал, что если судить об эффективности этого плана с точки зрения увеличения производства, то следовало констатировать полный провал. “Были только траты денег, времени и энергии и никаких достижений”, зато увеличился дефицит товаров [З. Р. 13]. Налицо, таким образом, явно отрицательное со стороны национального бизнеса отношение к колониальной власти, высказываемое открыто.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что на оценку колониальной власти индийскими предпринимателями в 1885-1946 гг. влияли многие факторы: качественное становление класса индийской национальной буржуазии, ее политизация, объединение в рамках страны, освободительное движение, учение Ганди, экономическая ситуация, законодательство метрополии. Логика отношений подталкивала к неизбежному столкновению интересов. Если в 1885 г. индийцы хотели видеть и видели заботливого опекуна в лице колониальной власти, то уже в первой четверти XX века она была препятствием, сдерживавшим развитие национального бизнеса и экономики страны в целом. В 1930-40-е гг. оценка колониальной власти индийскими предпринимателями была уже негативной, однако если в 1930-е гг. об этом не решались говорить открыто, то 1940-е гг. демонстрируют реализованную возможность высказать претензии, которые копились десятилетиями.

Библиографический список

1. Bajaj J. Gandhi M.K. To a Gandhian Capitalist. Correspondence between Mahatma Gandhi and Jamnalal Bajaj and members of his family. Bangalore. 1951
2. Beasant A. How India wrought for freedom. New Delhi. 1975.
3. Birla G.D. A Critique of Government Planning. New Delhi. 1946.
4. Silver Jubilee Souvenir 1927-1951. FICCI. New Delhi. 1951.
5. Statement of Government's Industrial Policy. Planning and Development Department. April. 1945.
6. Thakurdas P. Tata J.R.D. et al. A brief Memorandum Outlining A Plan of Economic Development For India. Bombay: Commercial Printing Press. 1944
7. The Indian Year Book and Who's Who 1931. Bombay. 1931.
8. Venkatasubbiah H. Enterprise and Economic Change. 50 years of FICCI. New Delhi. 1977.
9. Датт П. Индия сегодня. М., 1948.

© А.В. Мильто (ЯрГУ)

Исторические сюжеты в произведениях Нуруддина Фары

Проблема интерпретации, презентации и реабилитации истории всегда имела особое значение для народов тех стран, которые сравнительно недавно обрели суверенитет и государственность, в частности африканских. Для африканцев прошлое - необходимый элемент самоутверждения человечества в его новом обретении надежды, почти утраченной в двадцатом веке, принесшем кровавые войны, межэтнические конфликты, геноцид, поставившем народы на грань выживания. Обращаясь к прошлому, они стремились постичь смысл настоящего и будущего, пытаясь, каждый по-своему, интерпретировать историю.

Одним из африканских интеллектуалов, посвятивших себя презентации африканской истории, является сомалийский писатель Нуруддин Фара. Несмотря на то, что большая часть его жизни прошла в изгнании (он был вынужден покинуть родину – Сомали - в 70-х гг. XX в. и с тех пор сменил немало стран в по-

исках «места под солнцем»), Н. Фара стал основоположником сомалийского романа, первым сомалийцем, написавшим роман о Сомали. За пределами Африки он обрел успех и славу, став знаменитым. Обращаясь к Африке, он пытался реабилитировать себя и свой народ в глазах современников и потомков.

Писателя занимала интерпретация прошлого и настоящего. В своей деятельности он исходил из задач, диктуемых ему общественной жизнью, и рассматривал волнующие современность вопросы. Для него это было стремление объяснить себе самому и другим то, что происходит в его стране. Ему было необходимо понимание со стороны читателей. По существу, Н. Фара повел себя как историк, как специалист по социальной антропологии. Он возвел в абсолют современность - настоящее, сконцентрировав внимание на его истоках, и превратил историю современного человека в так называемую историю настоящего времени, в наблюдательный пункт. Произведения Н. Фары сочетают в себе африканские легенды и мифы, исламские принципы с журналистской беспристрастностью для объяснения бурной истории своей родной страны. Ему было близко утверждение М. Блока о том, что «незнание прошлого неизбежно приводит к незнанию настоящего; но столь же тщетны попытки понять прошлое, если не представляешь настоящего» [1. С. 27].

Тоска по родине стимулировала обращение к африканским сюжетам. Для романов Н. Фары характерна непосредственная сосредоточенность автора на Сомали и всем сомалийском: истории, культуре, обычаях, языке, мифах, людях, кланах, семьях, идентичности. Африка всегда оставалась для него источником вдохновения и главной темой произведений. В его романах нашли отражение перипетии истории независимого Сомали: взаимоотношения между расами, этносами, полами, проблемы идентичности, выживания, дискриминации и сегрегации женщин. Нападки на традиционные общественные институты (племенные кланы, патриархальные семьи), критика политического курса сомалийского диктатора Мухаммеда Сиада Барре (1969 – 1991) превратили Н. Фару в изгнанника.

Описанию жизни и быта сомалийцев в условиях господства диктаторского режима писатель посвятил свою первую трилогию «Вариации на тему африканской диктатуры» («Слад-

кое и кислое молоко» (1979) [9], «Сардины» (1981) [7], «Сезам, закройся» (1983) [3]), созданную за границей. Он провел параллели между колониальной практикой и авторитарным режимом в постколониальном Сомали. Автор описал политическую, экономическую, идеологическую обстановку, сложившуюся в стране. Он воссоздал атмосферу политической тирании и репрессий, царившую в государстве в годы правления генерала М.С. Барре, свергнутого в 1991 году. М. С. Барре разогнал парламент, политические партии, установил диктаторский режим и взял курс на строительство социализма. В 1977 году он развязал войну с Эфиопией за приграничный Огаден, закончившуюся поражением сомалийских войск. Из-за этого осложнения политической обстановки пресеклась дружба Сомали с СССР.

Идеология, на которую опирался авторитарный режим, представляла собой смесь из заимствованных в искаженном виде элементов сначала советского социализма, а после разрыва с СССР – американской демократии, положенных на самобытную почву ислама и трайбализма и подчиненных нуждам диктатуры. По мнению Н. Фары, конфликт между традиционным кланово-племенным укладом и современными веяниями с запада препятствовал развитию независимого государства. Преследуя собственную выгоду, генерал М.С. Барре искажал традиционное толкование ислама, подкупал и принуждал шейхов выступать в поддержку его режима и призывать население к восхвалению диктатора, сравнению его с пророком Мухаммедом и Аллахом. Шейхи, которые поддерживали генерала М.С. Барре, удостоивались всевозможных наград и почестей, те, кто отказался ему подчиниться, были арестованы, некоторые казнены. Чтобы обеспечить диктаторскому режиму поддержку большинства населения Сомали, нанимались самые знаменитые певцы, которые пели хвалебные песни генералу М.С. Барре на родине, а также в пропагандистских турах в Европе и на Среднем Востоке.

Подавлялось любое свободомыслие: заключение в тюрьму без суда и следствия, пытки и даже казни стали обычным явлением. Использование сети шпионов и информаторов создало атмосферу напряжения и страха, усиленную законами, такими как запрет собираться компаниями более пяти человек. В результате вооруженной авантюры на эфиопской границе, прекраще-

ния помощи со стороны СССР, непродуманной экономической политики, репрессий в стране появилось большое число недовольных авторитарным режимом, создавались тайные оппозиционные группы. Трилогия «Вариации на тему африканской диктатуры» представляет собой весьма красноречивый обвинительный акт деспотизму в Сомали.

Трагическим последствиям межклановых распрей и гражданской войны в Сомали автор посвятил свою вторую трилогию – «Кровь на солнце» («Карты» (1986) [6], «Дары» (1992) [4], «Тайны» (1998) [8]). Замысел первого романа «Карты» возник в годы пограничной войны с Эфиопией (огаденской войны). Нападение на Огаден было вызвано идеей реализации правительственной доктрины «пятиконечной звезды» - соединения в границах единого государства всех сомалийских земель: Итальянского, Британского и Французского Сомали (ныне Республика Джибути), а также восточных частей Эфиопии. Во всех этих землях действительно живут представители сомалийских кланов. В 1977 г., не признавая совместную границу с Эфиопией и пытаясь поднять в сомалиязычных районах антиэфиопское восстание, Могадишо выдвинул войска в эфиопский Огаден. Сомалийские войска были разгромлены. Н. Фара описал тяготы войны на примере конкретных людей – сложных и противоречивых человеческих судеб. Посредством их отношений в романе раскрыта проблема идентичности: личной и коллективной, этнической и национальной. В центре внимания автора судьба двух персонажей: Аскара, осиротевшего сомалийского ребенка, и его приемной матери Мисры, женщины с эфиопского нагорья. Война разрушила их, казалось, неразрывную связь: Аскар убил Мисру.

Роман «Дары» – любовная история, однако фоном, на котором разворачиваются события, является гражданская война, экономическая депрессия, голод. После свержения в 1991 г. диктатора Мухаммеда Сиада Барре Сомали быстро раскололось по клановому признаку. Гражданская война, отсутствие какого-либо государственного устройства, крушение экономики вызвали в стране страшный голод. Международное сообщество приняло меры по доставке гуманитарной помощи миллионам голодающих в Сомали. Н. Фара тонко исследовал сложную пси-

хологию дарения: от частных подарков до обезличенной международной помощи богатых государств беднейшим странам. Писатель акцентировал внимание на социально-психологических проблемах, на том, чем обернулась она для миллионов голодающих. В центре повествования история женщины, сумевшей выжить в голодные годы. «Дары» предлагают читателю более оптимистичный взгляд на разорванную войной землю, чем «Карты», которые сосредоточились на войне в Огадене 1977 года, и «Тайны», которые отразили недавнюю историю насилия Сомали.

В романе «Тайны», завершающем трилогию, Н. Фара сосредоточил внимание на традиционной, хотя и переживающей кризис, клановой организации в Сомали. Роман словно отражает смысл старинной поговорки, популярной в Сомали: «Я и Сомали – против всего мира; я и мой клан – против Сомали; я и моя семья – против клана; я и мой брат – против нашей семьи; я – против своего брата» [2. С. 7]. Это формула хаоса. Н. Фара описал его через историю разрушения одной семьи, окруженной тайнами, ложью, коррупцией. Писатель обратился к мифам и легендам, чтобы показать связь времен и приверженность разных народов к единым, общечеловеческим ценностям, совершил экскурсии в прошлое, чтобы понять смысл настоящего.

Недавно Н. Фара начал работу над третьей трилогией: в 2004 году свет увидел ее первый роман «Связи» [5], в котором автор поделился с читателями впечатлениями от возвращения домой. В романе нашла отражение собственная история Н. Фары, как две капли воды похожая на истории сотен тысяч беженцев, которых гражданская война в Сомали заставила покинуть родные дома. Его герой приехал в Могадишо впервые за двадцать лет. Но Сомали, в которое он прибыл, кардинально отличалось от того Сомали, которое он в свое время покинул. Н. Фара описал страну, которая как геополитическое понятие существовала только на картах и в сводках информационных агентств. В действительности даже подобия единого государства не было и в помине. Сомали поделено на десятки не зависимых друг от друга территорий, в каждой из которых правит лидер местной вооруженной группировки, опирающийся на собственный клан. Этой земле чужда логика, чужд закон и порядок.

Теме беженцев посвящена другая книга: «Вчера, завтра: голоса сомалийской диаспоры» [10] - первая работа писателя, написанная в жанре публицистики (2000). Свою основную задачу автор видел в том, чтобы попытаться выработать объективную оценку происходившего в мире беженцев и эмигрантов и привести мнения всех сторон. Книга, написанная сомалийцем о сомалийцах, позволяет читателям увидеть внутреннюю сторону жизни сомалийской диаспоры. Она включила интервью с беженцами в двух бывших колониальных державах, Великобритании и Италии, а также Швейцарии и Швеции. Каждую главу Н. Фара начинает с момента появления сомалийцев в этих странах и истории складывания взаимоотношений с их гражданами.

История Сомали, рассказанная Н. Фарой, воплощена в истории его персонажей, благодаря чему приобрела свой неповторимый облик и индивидуальность. Главные герои его произведений такие же противоречивые, как их родина. Они остро переживали не только социально-политический, но и духовный кризис, время физического и интеллектуального взросления, отчуждения, одиночества. Через изучение конкретной истории конкретного человека писатель стремился познать историю общества и государства. Его мир многогранен и населен большим количеством людей, выражающих разные мнения. В одной семье зачастую уживаются и приверженцы генерала М.С. Барре, и члены оппозиционного движения. Положение в патриархальной сомалийской семье олицетворяет положение в Сомали. Используя характерные для африканской традиции символы, образы и знаки, автор провел параллель между диктатурой в семье и государстве.

Проблема идентичности привлекала внимание писателя. Конформист и гражданин мира, он был далек от того, чтобы строить свои отношения с людьми на основе этносоциальных и конфессиональных связей. Однако в Сомали в годы гражданской войны каждый соотносил себя с каким-нибудь кланом. Сомалийцы подчеркивали клановую принадлежность: маджертен, раханвейн, марехан – консолидации в их среде не было. Ее отсутствие привело к разобщенности - к тому, что лидеры вооруженных группировок были возведены в ранг полномочных и практически законных представителей сомалийского народа.

Еще сложнее положение сомалийских эмигрантов. Они разрываются между двух миров: между домом и изгнанием, между разными мировоззрениями, между мечтами и реальностью. По мнению Н. Фары, «в эпоху неокOLONиализма человека преследует неопределенность: он рождается в неопределенности, живет в неопределенности, умирает в неопределенности. Он попал в ловушку и не может выбраться из нее, пока не обретет себя. Он живет взаимы у будущего, поскольку его настоящее неопределенно» [11. С. 2]. Сам писатель давно уже решил, что для него не существует никаких границ. Их нет в его мыслях и нет в его жизни. Все его творчество направлено на то, чтобы раздвинуть границы, разрушить стереотипы.

Своими романами Н. Фара познакомил миллионы читателей с африканскими реалиями. Его произведения выполняли социальную и просветительскую функцию, показывая проблемы бытия и человечности, несмотря на то, что в большинстве своем отражали личный опыт, эмоциональный, социальный, профессиональный: положительный и отрицательный. Возможно, поэтому его книги популярны во всем мире и переведены на 17 языков.

Библиографический список

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. М., 1986. С. 27.
2. Сомали: ад для живых // Эхо планеты. 1992. № 45. С. 6 – 7.
3. Farah N. Close Sesame / N. Farah. Allison & Busby, 1983.
4. Farah N. Gifts / N. Farah. Serif, 1993.
5. Farah N. Links / N. Farah. Riverhead, 2004.
6. Farah N. Maps / N. Farah. Pantheon Books, 1986.
7. Farah N. Sardines / N. Farah. Allison & Busby, 1981.
8. Farah N. Secrets / N. Farah. Arcade, 1998.
9. Farah N. Sweet and Sour Milk / N. Farah. Allison & Busby, 1979.
10. Farah N. Yesterday, Tomorrow. Voices from the Somali Diaspora / N. Farah. Cassell, 2000.

11. Meyer L. A Somali writer dissects his country's civil war, dictatorial past, and neocolonial present / L. Meyer // Los Angeles times. 1999. March 11.

© А. С. Загзузина (ЯрГУ)

Образ современной Сирии в отечественной учебной литературе

Сирия (в период независимости - Сирийская Арабская Республика, САР), в арабской научной литературе нередко именовавшаяся «Внутренней Сирией» («Сурийа ад-дахилийа») [1. С. 65.], - одна из ключевых стран Арабского Востока. Её культурно-историческое развитие богато и многообразно. В отечественной историографии существует значительное количество различного рода учебников и учебных пособий, преимущественно для высших учебных заведений, позволяющих составить первое представление о данной стране. Но, несмотря на это, образ Сирии как «результат и идеальная форма отражения объекта в сознании, возникающая в условиях общественно-исторической практики, на основе и в форме знаковых систем» [2] не отличается ни широтой, ни наполненностью.

Новейшая история Сирии условно подразделяется на два крупных периода: 1918 г. - 1946 г. – контроль Англии и французский протекторат, и с 1946 до наших дней – период независимости САР [3].

В учебной литературе первый период характеризовался как «режим прямого колониального управления, режим диктатуры, режим военного подавления» [4. С. 22.], в то время как Сирия и Ливан, (авторы учебников не разделяют историю двух стран в данный период), «где изначально господствовали феодальные отношения», были «относительно крупными производителями зерна, хлопка, шерсти, шелка и табака» [4. С. 19.]. Земля принадлежала «арабским феодалам и высшему духовенству», крестьяне «пребывали в кабале долгов и штрафов» [4. С. 20.], а «зарождавшаяся торгово-промышленная буржуазия вкладывала деньги в торговлю землей и ростовщичество» [5. С. 46.]. Сирия была лишь источником дешевого сырья и выгодным рынком сбыта промышленных товаров французского и английского производства.

Второй период новейшей истории Сирии «ознаменовался подъемом национально-освободительного движения, к власти пришла национальная буржуазия» [6. С. 94.]. Тактикой ведения политической борьбы являлись государственные перевороты, активное участие в которых принимали военные. С конца 1949 г. по конец 1951 г. в Сирии сменилось шесть правительств [7. С. 68.]. Затем в борьбу вступили более радикальные силы, в виде Партии Арабского Социалистического Возрождения (ПАСВ или БААС).

Основными рубежными датами в политической жизни страны стали: 1946 г., 1951-1954 гг., 1958-61 гг., 1963 г., 1970 г., 1973 г., 1991 г. и 2000 г. В жизни сирийского народа 1946 г. стал символом обретения независимости от диктата Франции. 1951-54 гг. – время правления диктатора Шишекли. С 1958 г. по 1961 г. Сирия наряду с Египтом находилась в составе Объединенной Арабской Республики [7. С. 68-71]. В 1963 г. произошел захват власти Партией Арабского Социалистического Возрождения, определивший развитие страны на многие десятилетия вперед. 1970 г. ознаменовался победой умеренного крыла левой ветви ПАСВ и переходом руководящих функций в руки молодого офицера во главе с президентом Хафезом Асадом, установившим в стране авторитарный режим. В 1973 г. была принята постоянная конституция Сирийской Арабской Республики, действующая и по сей день. В 1991 г. произошла смена международных ориентиров и началась постепенная демократизация сирийского общества. В 2000 г., после смерти Х. Асада, власть перешла к его сыну и преемнику Башару, а процессы демократизации и модернизации в обществе активизировались. В САР с конца 90-х гг. XX в. начала устанавливаться так называемая «неолиберальная демократия», орудием которой было авторитарное государство. Особенностью государственного строя стала включенность в «специфическое движение арабских стран к усвоению западных демократических норм и, в конечном итоге, формированию гражданского общества». Таким образом, в Сирии конца XX века складывалась демократия в особой форме, так как принципы демократии едины, а формы и организация демократического правления разнообразны.

XX век привнес значительные изменения в политическую жизнь САР, в том числе и в процесс формирования политической элиты. Она эволюционировала в направлении от «протоэлиты» до элиты современного типа, представляющей собой объединение независимой правящей элиты, политиков, поддерживающих последнюю, и оппозиции.

В рамках сирийской политической элиты условно выделяется три основных типа в зависимости от времени существования, структуры и особенностей её развития: «старая» и «новая» политические элиты, а также «элита нового типа».

Появление элиты как таковой («протоэлиты») в 1930-40-е гг. было связано с процессом складывания единого политического пространства в Сирии. Основой «протоэлиты» являлась крупная торгово-финансовая буржуазия, представлявшая интересы отдельных родов.

К первому типу политической элиты самостоятельного сирийского государства относилась так называемая «старая» элита (1946-60-е гг.), носившая переходный характер. В структуре элиты в тот период не существовало понятия «оппозиция».

«Новая» политическая элита (второй тип) времен правления Хафеза Асада (1970-90-е гг.) возникла на основе однопартийной структуры власти, характерной для социалистического, авторитарного государственного строя. Её представляли члены и сторонники ПАСВ, а также деятели Национального Прогрессивного Фронта (политического объединения, в состав которого входили партии и общественные организации, поддерживавшие курс ПАСВ). В последней трети XX века оформилось понятие «оппозиция», в силу особенностей режима присутствовавшая лишь на нелегальном уровне.

В элите «нового типа» (к. 90-х гг. XX в. – н. XXI в.) были уже все составляющие современного демократического политического объединения (правящая элита, её сторонники и оппозиция). В условиях перехода власти в руки Башара Асада политическая элита САР вышла на общемировой уровень.

В 50-е гг. XX в. в экономической сфере в области сельского хозяйства было начато освоение пустующих земель, строительство новых оросительных систем, расширен ввоз сельскохозяйственных машин и удобрений; в области промышленности

постепенно ограничивалась роль иностранных компаний, поощрялась отечественная промышленность, началась национализация железных дорог, табачных компаний, портов, эмиссионных банков [6. С. 95.]. Основные задачи экономического развития 70-80-х гг. заключались в достижении высоких темпов роста промышленности и сельского хозяйства с целью превращения страны в индустриально-аграрную, а также в сохранении баланса между государственным и частным секторами и создании развитой инфраструктуры [7. С. 79.]. Однако «социальные эксперименты не могли привести страну к процветанию... Экономические реформы 90-х гг. застопорились... военные расходы съедают практически всю валюту» [8. С. 356.].

В отечественной учебной литературе советского периода значительное место занимал анализ политической и экономической составляющих развития страны. Исторические события излагались схематично, вследствие чего сформировалось одностороннее представление читателей о Сирии. Однако в современных российских учебниках по-прежнему основное место занимает информация политико-экономического характера: аграрный закон 17. 09. 1958 г., «ущемлявший интересы буржуазно-помещичьих кругов» [7. С. 70.], десятилетние и пятилетние планы развития Сирийского района, соотношение государственного и частного сектора, показатели ВВП.

На протяжении всего второго периода в новейшей истории Сирии «лицом режима» оставался Хафез Асад (1929/30-2000 гг.), руководивший страной в течение почти тридцати лет. Однако решающая роль сирийского лидера в жизни страны в учебной литературе не подчеркивалась.

К тому же, несмотря на возросший на рубеже XX – XXI вв. интерес мировой общественности к событиям, происходящим на Ближнем Востоке, внешнеполитическое развитие САР в современных российских учебниках и учебных пособиях сводится к арабо-израильскому противостоянию, не учитываются особенности взаимоотношений Сирии с государствами Западной Европы, соседними арабскими государствами, Россией и др.

Даже в авторских учебниках по истории Востока, вышедших со второй половины 80-х гг., основной упор был сделан на национально-освободительное движение в Сирии [9] и влия-

ние СССР на политические изменения в САР в 50-70-е гг. XX в. [8. С. 356.], несмотря на то, что теория развитого социализма, навязанная Советским Союзом, для арабских стран была неприемлема, и по ментальности Сирия в середине XX века тяготела к западному обществу. Тем не менее, идеология ПАСВ была близка советской, а политический строй, установленный президентом САР Х. Асадом в 70-е годы, носил авторитарный характер.

Таким образом, в ходе составления учебников были отброшены вопросы о роли ислама в политической и повседневной жизни сирийского народа, исламо-христианские взаимоотношения, поликонфессиональный и многонациональный характер социальной структуры сирийского общества и т. д. Однако не только культурные, религиозные и социальные составляющие сирийского исторического процесса не получили должного отражения в учебной литературе, но и сам человек как таковой – сириец, не только гражданин, член профсоюза или экономический производитель, но самостоятельная личность, носитель нравственных и духовных ценностей. Подобное «отсутствие человека» имело место на страницах и советской, и современной российской учебной литературы.

В отечественной учебной литературе сложился специфический образ Сирии, носивший односторонний характер и сводившийся к политическим и экономическим характеристикам развития страны. На страницах учебников САР продолжает оставаться «сравнительно крупным, сильным и даже агрессивным государством» [8. 354.], лишенным, однако своего внутреннего содержания.

Тем не менее, в XX веке Сирия в своем развитии прошла сложный путь политического, социально-экономического, культурного и духовного развития, вследствие чего заслуживает более пристального внимания исследователей.

Примечания

1. Али - Заде Э. А. Из истории просветительского движения в Сирии: творческий путь Мухаммеда Курд Али (1876-1956 г.г.) // Восток (ORIENS). 2004. № 6.

2. <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/083/207.htm>

3. Формально Сирия получила независимость в 1943 г., реально - в апреле 1946 г., когда состоялся окончательный вывод англо-французских войск.

4. Новейшая история арабских стран Азии. 1917 -1985 гг. / Под. ред. Е. А. Лебедева и др. М.: Наука, 1988.

5. Новейшая история арабских стран (1917 - 1966). М.: Наука, 1968. 658 с.

6. Новейшая история стран Азии и Африки: методические указания для студентов-заочников исторических факультетов государственных институтов / Под. ред. проф. М. Ф. Юрьева. М., 1986. 116 с.

7. Родригес А. М. и др. Новейшая история стран Азии и Африки XX век. В 3-х ч. Ч. 3. 1945-2000. М., 2001. 272 с.

8. Васильев Л. С. История Востока. В 2-х т. Т. 2. М.: Высшая школа, 2003.

9. Розалиев Ю. Н. Новая и новейшая история стран Азии и Африки. М., 1987. 351 с.

© Н. В. Бородкина (ЯГПУ)

Ближневосточная политика президента Ж. Ширака по материалам французской прессы

Франция, являясь «локомотивом» европейской интеграции и, естественно, членом ЕС, всегда поддерживала создание общеевропейской внешней политики. Именно поэтому Франция и президент Ф. Миттеран поддержал Амстердамский договор и учреждение поста Генерального секретаря Совета ЕС. Амстердамский договор был подписан в 1997 г., он предусматривал очень тесное сотрудничество стран – членов ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности, правда, за исключением вопросов, подразумевающих применение военной силы и затрагивающих оборонную область. Однако выработка внешнеполитической линии остается до сих пор прерогативой национальных государств, хотя в ЕС и существует процедура согласования позиций между государствами по международным проблемам.

Ближневосточное направление занимает особое место во французской внешней политике. По утверждению современного

египетского историка Бат-Йеор (Гизель Литман), политика Франции в этом регионе направлена на поддержку ближневосточных режимов и умиротворение воинствующих исламистов [1]. Истоки подобной политики Бат-Йеор находит в политической линии Ш. де Голля. Именно с 60-х годов Франция поддерживает арабские страны Ближнего Востока и демонстрирует недружественное отношение к Израилю.

Согласно французской политической традиции исполнительная власть определяет внешнюю политику, проводимую этой страной. В ведении президента находятся вопросы дипломатии и безопасности. Президентский пост с 1995 г. во Франции занимает Ж. Ширак, который привел с собой к власти голлистскую партию Объединение в поддержку республики. При этом внешнеполитический курс Ж.Ширака не отличается от того, который проводил Ф. Миттеран, возглавлявший социалистов.

Так, под Ближневосточной политикой Франции с 1995 г. по 2005 г., в первую очередь, подразумевается политика президента Ж. Ширака. Ее анализ позволяет рассмотреть влияние французского государства на политику Ближневосточного региона. Из всего корпуса источников по внешней политике Ж. Ширака крайне важным является французская периодическая печать в силу того, что она обладает рядом существенных достоинств, в частности такие газеты, как «Монд» и «Фигаро». Газета «Монд» - одна из самых авторитетных французских газет по международным отношениям и политике, «Фигаро» - ежедневная газета, уделяющая большое внимание политическим вопросам. Материалы этих газет содержат как выступления президента Ж. Ширака, интервью с министрами и членами правительства, так и аналитическо-политические статьи, которые отражают общественное мнение. В результате пресса формирует более детальный и полный образ внешней политики Ж. Ширака на Ближнем Востоке.

Ближний Восток – это в первую очередь такие страны, как Палестина, Израиль, Ирак, Иран, Ливан, Сирия, Египет, Иордания [18]. На политику в этом регионе оказывают влияние США, являющиеся главными спонсорами Израиля, Египта, Иордании; страны ЕС в целом, а в частности такие, как Великобритания, Германия, Италия, Испания и Франция, ЕС оказывает

финансовую помощь Палестине, Сирии, участвует в проблемах Ирака и Ирана; Российская Федерация, которая все больше и больше демонстрирует свою заинтересованность в этом регионе; а также ООН.

Стоит более подробно остановиться на таких ближневосточных странах, как Палестина, Израиль, Ирак.

Обратимся к конфликту Палестины и Израиля. Франция являлась активным участником его урегулирования. Ж. Ширак в начале своего президентства заявил: «Я хотел бы придать новый импульс Ближневосточному направлению» [7]. В сентябре 1997 г. Франция совместно с РФ стала инициатором международной конференции по Ближнему Востоку. Франция настаивала на признании права палестинского народа на самоопределение, на признании незаконности еврейских поселений на территории Западного берега реки Иордан и в секторе Газа, на непризнании аннексии Израилем Восточного Иерусалима и Голанских высот. Израиль и США выступили против созыва подобной конференции. Несмотря на это, Франция отстаивала свою позицию в рамках ЕС. Она начинала активно влиять на общую европейскую политику в отношении арабо–израильского конфликта. Франция затягивала утверждение Договора о сотрудничестве между Израилем и ЕС с 1995 г. до 2000 г., по которому в том числе предусматривалось создание зоны свободной торговли, включающей ЕС и страны Средиземноморья. В 2001 г. Франция не поддержала бойкот палестинского лидера Ясира Арафата, объявленный американской администрацией Дж Буша – младшего, и официальные лица ЕС продолжали встречаться с Арафатом. Стоит заметить, что доживать свои последние дни палестинский лидер Я. Арафат (освобожденный из-под домашнего ареста во многом благодаря помощи Франции) приехал в Париж.

Французские газеты, которые весьма пристально следили за развертыванием конфликта между Палестиной и Израилем, рисуют его по-своему. Позицию французского президента Ж. Ширака и правительства по палестино-израильскому вопросу поддерживала и пресса. В октябре 2001 г. газета «Фигаро» выносит на первую полосу статью о ближневосточном кризисе, в которой комментируется реакция французских властей на обстрел Вифлеемского госпиталя Св. Семейства. В статье утверждалось:

«Франция обвинила Еврейское государство в нарушении международного гуманитарного права» [14]. А в декабре 2001 г. «Монд» выносит на первую полосу заголовок: «Израиль и Палестина: логика войны» [6]. В этот период вся французская пресса старается проанализировать ситуацию на Ближнем Востоке.

После терактов 1 и 2 декабря 2001 г. (речь идет о трех взрывах, прогремевших в ночь с 1 на 2 декабря в Иерусалиме на улице Бен-Йегуда, унесших жизни 27 человек и ранивших более 200 человек), которые были осуждены во всем мире, а президент и премьер-министр Франции начали призывать к диалогу, французская пресса тем не менее высказывалась в защиту палестинского лидера: «Однако, хотя израильская сторона опять возложила ответственность за случившееся лично на Ясира Арафата, видно, что антиизраильские теракты нанесли политический удар по позициям Арафата, и без того ослабленным. Для палестинского лидера наступает момент истины. Но добиться успеха он сможет, если у него будет что предложить палестинцам. И это также зависит от израильской стороны» [5]. Этот комментарий демонстрирует собой желание французской прессы «защитить» палестинцев и лично Я. Арафата от нападков и обвинений, сыпавшихся в их адрес в это время.

В 2003 г. ЕС, США, РФ совместно с ООН выработали и подписали план урегулирования конфликта на Ближнем Востоке. Этот план был назван «дорожная карта», его подготовка осуществлялась в Вашингтоне. «Дорожная карта» представляла собой поэтапный проект с четко обозначенными целями и сроками, который должен был позволить достичь мира в течение двух лет. Реализация плана должна была проходить в три фазы. Первая фаза – конец насилия. В ходе нее предполагалось положить конец терроризму и насилию. Вторая фаза – переходный период. В это время США, Россия, ЕС и ООН должны были созвать международную конференцию по экономическому восстановлению Палестины. Предполагалось, что арабские государства восстановят торговые, дипломатические и другие связи с Израилем, существовавшие до начала интифады. Процесс создания Палестинского государства должен был контролироваться международными наблюдателями. Третья фаза – соглашение о постоянном статусе и окончание конфликта. На таком этапе арабо-

израильский конфликт должен был полностью завершиться [17]. В этот период французская пресса весьма живо обсуждает ситуацию вокруг этого плана. Центральным заголовком «Монд» в ноябре 2003 г. стали слова: «План тех, кто хочет мира». «Мир возможен», - считает «Монд». Газета предлагает вспомнить войну в Югославии сер. 90-х гг. XX в., в которой, по мнению редакции, без американского и европейского вмешательства невозможно было бы прекратить истребление боснийцами, сербами и хорватами друг друга. «На Балканах и по сей день шла бы война» [11]. Затем «Монд» предлагает: «...перенести балканскую ситуацию на Ближний Восток. На ситуацию палестино – израильского конфликта, в которой руководители обеих сторон сейчас представлены сами себе. Нам возражат: но в отличие от Балкан, для Ближнего Востока нет четкого мирного плана. Но это мнение ошибочно! План есть.... стороны решили рассмотреть в совокупности все имеющиеся проблемы с целью выработки глобального плана, основанного на принципе мирного сосуществования двух официально признанных государств, Палестинского и Израильского....» [11]. По мнению журналистов «Монд», существующий план необходимо воплотить в жизнь: «Европа приветствует эту инициативу, но США промолчали. Вашингтон еще не готов к новому Ближневосточному Дейтону. Однако время – не ждет» [11].

Даже после принятия «Дорожной карты» противоречия между Францией и Израилем, Францией и США остались. Политические трения между Израилем и Францией продолжались весь 2004 г. Например, 9 декабря 2004 г., когда посол Франции в Израиле Жерар Эро в интервью радиостанции Армии обороны Израиля «Галей ЦАХАЛ» заявил: «Я думаю, что в Израиле наблюдается антифранцузский невроз... Отношения между двумя странами очень трудные. Вам просто нравится ненавидеть Францию» [15]. В этом же году Франция постаралась, чтобы весь Европейский Союз был настроен против возведения Израилем «защитной стены». К сожалению для Франции, США умело отстранили всех от реализации «дорожной карты».

Еще одним регионом, прилегающим к Ближневосточному, является Ирак, вызывающий множество разногласий в мировом сообществе. Свои интересы здесь имеются и у Франции.

Французские компании вложили колоссальные средства в иракскую нефтяную промышленность (например, нефтяной гигант Total Fina Elf). Правительство С. Хусейна в свое время заключило с французскими компаниями контракты о нефтеразведке. Поэтому Париж сначала долго требовал снятия санкций ООН с Ирака, а потом поддержал позицию США и Великобритании, которые требовали «умных» санкций. «Умные» санкции предусматривали снятие ограничений на поставки в Ирак всех товаров гуманитарного назначения при ужесточении контроля за соблюдением Ираком запрета на закупки оружия, а также товаров двойного назначения. Вся работа в Ираке должна была регламентироваться ООН [19].

Однако ситуация резко изменилась, когда у экспертов ООН, следивших за недопущением создания на территории Ирака средств массового уничтожения, возникли трудности. США без разрешения ООН стали готовиться к вооруженному вмешательству в Ирак.

Французская пресса не могла оставить без внимания назревающий конфликт. Иракская тема проходит красной нитью в выпусках газеты «Монд» в январе 2003 г. Образ этого конфликта «Монд» представляет в виде карикатуры на первой полосе газеты за 28 января 2003 г.: вооруженный американский генерал кричит на дрожащего на стуле инспектора ООН. Когда читаешь этот материал, сразу чувствуется, что корреспондент «Монда» явно сочувствует иракскому народу. «Монд» подчеркивала: «Буш берет время, чтобы убедить своих партнеров...». Но газета считает, что не один Буш желает развязать войну, а именно Пол Вульфовиц, замминистра обороны США (1992 – 2005): «в администрации Джорджа Буша именно он является самым страстным сторонником войны в Ираке» [3]. Кстати, это вполне соответствует истине, так как Пол Вульфовиц (Paul Wolfowitz) был одним из главных разработчиков плана антитеррористической компании США против «Аль Каиды» и разработчиком планов силовых операций США на Ближнем Востоке. С 1 июня 2005 г. П. Вульфовиц занимает пост директора Всемирного банка.

С началом военных действий в Ираке связан кризис французской концепции многополярного мира. Америка, не-

смотря ни на что, заставила весь мир играть по своим правилам. Французская общественность болезненно это переживала.

Пресса тонко уловила опасения и разочарования Франции. В марте 2003 г. парижская газета «Фигаро» изобразила французского президента на голубе мира, который несет в клюве оливковую ветвь; он изможден, изранен, его крыло перебинтовано [8]. Французские СМИ беспрестанно цитируют в этот период слова итальянского геополитика Лучо Карачиоло: «Если американцы победят, они отомстят тем, кто не был рядом с ними». Французы были просто в шоке, что Буш развязал войну. Газета «Монд» тоже выражает опасения: «Как выяснилось, мы – главное препятствие для мировой экспансии США. Не станем ли мы теперь для них главными изгоями западного мира?» [12]. Почти такие же опасения прозвучали в интервью министра иностранных дел Франции газете «Монд» [10].

В апреле 2003 г. в Санкт-Петербурге произошла встреча В. Путина, Г. Шредера и Ж Ширака, на которой они решили совместно выступить против войны в Ираке [16]. Французская пресса возлагала определенные надежды на этот «альянс»: «Франция, Германия и Россия намерены объединить свои усилия, чтобы роль Объединенных Наций не свелась только к оказанию гуманитарной помощи, на чем настаивают американцы. Три наши страны намерены отстаивать то, чтобы в этот трудный период Ирак был под многосторонним управлением» [9]. Но уже к сентябрю 2003 г. стало понятно, что «тройственный антиамериканский альянс» трещит по швам [17]. Пресса обвинила в этом кого угодно, только не Францию.

«Джордж Буш решил изолировать Францию, а Германия и Россия в той или иной степени согласились принять правила этой игры, ибо каждый из них рассчитывает извлечь выгоду для себя. Канцлер Шредер рад возможности выбраться из карантина, в который его поместил Буш, а Владимира Путина устраивает роль незаменимого партнера, ожидающего, кстати, снятия Соединенными Штатами ряда ограничений на импорт российских товаров» [2].

А уже в ноябре 2003 года «Монд» не без удовольствия комментирует: « В момент, когда Америка претерпела самую смертоносную атаку в Ираке, в США сторонники иракской политики Дж. Буша сегодня находятся в меньшинстве» [13].

События 2005 – 2006 гг. говорят, что США не справляются с наведением порядка в Ираке. Этому, в частности, посвящен доклад независимой комиссии об изменении стратегии США в Ираке. Вот как комментирует его парижская «Монд»: «Доклад Бейкера беспощадно констатировал крах политики президента Дж. Буша и его администрации: она привела к провалу в Ираке и на Ближнем Востоке и дискредитировала себя в глазах самих американцев» [4].

Таким образом, анализ политики Ж. Ширака, проводимой в рамках кризиса Палестины и Израиля, и кризиса в Ираке, наглядно показал значимость для Франции и для Евросоюза ближневосточной политики. Ближневосточный вопрос – это вопрос о том, какую роль будет играть ЕС на международной арене. Франция при президенте Ж. Шираке активно влияет на выработку внешнеполитической линии по Ближнему Востоку всего Европейского Союза. В то же время он предпочитает проводить политику на Ближнем Востоке в двустороннем порядке.

«Монд» и «Фигаро» и их корреспонденты предлагают читателю свое видение проблемы, свое отношение к происходящему. Пресса зачастую поддерживала политику Ж. Ширака, видя в ней реальную защиту интересов Франции и ЕС.

Библиографический список

1. Bat Ye Or. Eurabia: The Euro – Arab Axis, Fairleigh Dickinson University Press, 2005.
2. Beatrice Gurrey et Patrick Jarreau. Wachington tente de brise le “front du refus”. // Le Monde. 26.09.2003.
3. Corine Lesnes. Irac: Les Etats-Unis acceptant la poursuites des inspection. // Le Monde. 28. 01. 2003.
4. Corine Lesnes. La rapport Baker fustige la politique de George Buch au Moyen – Orient. // Le Monde. 08. 12. 2006.
5. Gilles Paris. L’Autorite palestinienne pousse a mener une peration frontale. // Le Monde. 4.12.2001.
6. Israel – Palestine, une logique de guerre. // Le Monde. 4. 12. 2001.
7. Les declarations du president de la Republique. // Le Monde. 14.03.1996.
8. Le Figaro. 20. 03.2003.

9. Le Figaro. 06. 04. 2003.
10. Marc Ferro. Ya-t-il encore un projet politique arab?. // Le Monde. 28. 05. 2003.
11. Paix possible. // Le Monde. 04. 11.2003.
12. Patrick Jarreau. Les Eta-Unis tendents de briser leur isolement. // Le Monde. 20. 03. 2003.
13. Sophie Shihab.L' Amerique subit la plus meurtriere attaque de l' apre-Saddam. // Le Monde. 04.11.2003.
14. Un sommes israelo-palestinien pour rien. // Le Figaro. 26.10.2001.
15. Захарченко А.Н. Израиль и Франция: современные проблемы двусторонних отношений// [www.iimes.ru./rus/stat/2005/16-05-05.htm](http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/16-05-05.htm).
16. Зуева К. Внешняя политика Франции в эпоху «неоголлизма»// www.library.ru
- 17.Израиль и Палестина. 2006 // www.bbcrassian.com
18. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.,1996
19. Беленькая М. Москва облегчила участь Багдада. 04.07.2001.//www.ng.ru

© А.А. Хортов (ЯГПУ)

**Российская печать о политике США в отношении Югославии
во время косовского кризиса**

Косовский кризис 1998-1999 гг., окончание которого сопровождалось войной НАТО против Югославии, не мог не вызвать интереса у представителей российской печати, так как в центре событий оказался сербский народ, с которым Россию связывают многовековые исторические связи. Поскольку основную роль в урегулировании конфликта играли страны НАТО во главе с США, отношение печатных изданий к проводимой ими политике нашло отражение в газетных публикациях.

В 1998 г. мало кто предполагал, что в скором времени косовские события перерастут в серьёзное военное столкновение, которое получит широкий международный резонанс, поэтому внимание российской печати к кризису в Косово начало возрастать с начала 1999 г., когда в местечке Рачак были найдены захо-

ронения, которые американская сторона поспешила назвать результатом этнических чисток.

В данной работе будет проанализирован характер освещения российской печатной масс-медиа политики США во время косовского кризиса. Основой для исследования послужили материалы крупнотиражных газет либерального («Независимая газета», «Коммерсантъ»), центристского («Известия», «Труд») и левого («Советская Россия», «Правда») направлений.

Первый материал в отношении конфликта в **«Независимой газете»** появился 20 февраля 1999 г. По мере усложнения ситуации периодичность публикаций возросла. Изначально газета склонялась в сторону поддержки сербской позиции. Так, во время переговоров в Рамбуйе, когда угроза военных ударов стала как никогда близка, «Независимая газета» высказала мнение, что «наказывать сербов не за что, и это вынуждены признать даже американцы – самые ярые обвинители югославских властей, да и всего сербского народа» [1]. Ещё более однозначно своё мнение издание выразило в начале марта, констатируя, что для США целью является не столько мир, сколько усиление своего военного влияния на Балканах [2].

Более жёсткая тональность зазвучала, когда американская делегация усилила давление на сербскую сторону, пытаясь добиться от неё уступок по вопросу размещения войск НАТО в Косово: «Выдвигая заранее неприемлемые для сербской стороны условия, США словно ищут возможности обострения ситуации» [3].

После начала боевых действий «Независимая газета» открыто обвинила США в различиях декларируемых и истинных целей организованной ими войны [4], называя её «беспощадной расправой», «бойней», «военно-карательной операцией», «агрессией», «гуманитарным кризисом», который «пытаются разрешить из вашингтонского офиса комиссии ООН по беженцам» [5]. Газета отрицательно отнеслась к содержанию договорённостей в Куманово, считая, что они не ведут к долгосрочному миру [6].

В целом на протяжении конфликта «Независимая газета» критиковала США и НАТО за развязывание войны на Балканах, сочувствуя сербской стороне.

Особенностью освещения конфликта и роли в нём США газеты «**Коммерсантъ**» можно назвать тенденцию к сдержанности, сосредоточению на изложении событий без какой-либо интерпретации. В отличие от многих других изданий, «Ъ» писал о войне в Югославии скорее как о рядовом событии, имеющем небольшое влияние на международные отношения.

Обращает на себя внимание тот факт, что если другие газеты давали место на своих страницах достаточно большому кругу обозревателей, то «Коммерсантъ» публиковал статьи о югославских событиях главным образом одного автора, Геннадия Сысоева. Однако время от времени появлялись материалы и других корреспондентов, в статьях которых критика в адрес неговорчивости Слободана Милошевича и югославского руководства в целом [7] звучала одновременно с робким неодобрением американской линии [8].

Таким образом, «Коммерсантъ» фактически поддерживал действия американцев, умалчивая о таких событиях, мимо которых не могла пройти даже западная пресса (расстрел колонны албанских беженцев, попадание ракеты в детский дом, бомбардировки гражданской инфраструктуры и др.).

«**Известия**» одними из первых отметили то, что косовские события приобрели международный характер [9]. Особенностью позиции этой газеты являлась преимущественно прозападная трактовка ситуации и изначальное холодное отношение к югославским властям, особенно к С. Милошевичу [10]. Газета достаточно положительно отнеслась к действиям американского посланника Уильяма Уокера [11], которому уже тогда многие давали неоднозначную оценку. Не обошлось и без конфузov: 23 марта автор издания высказала мнение, что «без бомбардировок не обойтись, но они вряд ли начнутся в ближайшие дни» [12]. Как известно, уже в ночь с 24 на 25 марта НАТО начала войну против Югославии.

В середине апреля «Известия» напечатали статью одного из самых авторитетных журналистов-международников Александра Бовина, которая заметно контрастировала с общей линией издания. Мнение известного журналиста о миротворческих способностях Альянса сводилось к тому, что «у лидеров НАТО, точнее, у американцев, вряд ли хватит ума предложить почётные

условия капитуляции. Ведь головой работать гораздо труднее, чем кулаками» [13].

Безусловно, «Известия» не могли пройти мимо факта расстрела авиацией НАТО колонны албанских беженцев. Но критика этого инцидента была смягчена цитатами из выступлений Б. Клинтона о неизбежности подобных «ошибок» в такой операции. Ближе к концу войны «Известия» положительно высказываются в адрес Вашингтона, поскольку он «отходит от прежней непримиримой позиции, он готов рассматривать варианты военного присутствия сербов в тех частях мятежной республики, потерю контроля над которыми они считают неприемлемым» [14]. Достигнутым договорённостям в Куманово издание предпочло не давать широкого анализа, ограничившись информацией, исходившей из пресс-релизов сторон.

Таким образом, за редким исключением каждый номер «Известий» содержал в себе материалы, посвящённые Косово. Если газета и не занимала проамериканскую позицию, положительное отношение в адрес сербской стороны выражалось редко.

В отличие от «Известий», «Труд» скептически относился как к мирным инициативам Запада, так и к военной операции НАТО в Югославии, обвиняя натовских политиков в предвзятости: «Если бы Запад на самом деле стремился к миру в Косово и стабильности на Балканах, он вёл бы себя по-другому и не применял бы двойные стандарты», «сербов представляют как агрессоров» [15].

Газета отрицательно оценивала тактику ведения переговоров в Рамбуйе и Париже западными политиками, считая, что Вашингтон делает всё, чтобы свалить на сербов вину за срыв переговорного процесса [16]. Удары по Югославии газета назвала «агрессией». Причины войны издание видело не столько в желании США защитить албанцев, сколько в американском стремлении испытать новые средства вооружений и ослабить объединяющуюся Европу [17], при этом отмечалось, что в Вашингтоне смутно представляли свои действия по окончании войны [18].

Несмотря на скептическое отношение издания к договорённостям в Куманово, «Труд» поддержал сам факт прекращения бомбардировок и выступления на первый план дипломатии [19].

Уже в январе **«Правда»** обвинила Запад в предвзятом неприкрытом давлении на Милошевича, о чём можно судить в том числе и по названиям статей: «Вместе остановим варвара», «НАТО в роли сценариста и режиссёра» и т.д.

Переговоры в Рамбуйе во время их проведения не комментировались, более того, газета предпочитала вместо выражения своего отношения к ним печатать цитаты из новостных лент информагентств прозападной ориентации: «Эфир Дайджест», Би-би-си, «Голос Америки» и др.

По окончании переговоров «мирная передышка» издания сменилась гневной критикой: «Чтобы закамуфлировать военную силу ОАК (Освободительной Армии Косово –А.Х.) под политическую, США намерены создать партию, представителей которой пригласят в Вашингтон» [20], «Блок НАТО залёг, как хищник, перед решающим прыжком на Югославию» [21], «В течение февраля (7-23 февраля) НАТО организовала в Рамбуйе фарс» [22] и др.

С началом операции, которую газета с первого дня назвала «агрессией», практически все номера издания содержали статьи, посвящённые конфликту, в каждой из которых авторы издания в резких тональностях высказывались в адрес США и НАТО [23].

Названия статей также говорят сами за себя: «НАТО – это фашизм», «Цена войны – человеческие жертвы», «Разбойникам надо дать по рукам», «Лицемерие как дымовая завеса агрессоров», «Оружие НАТО – геноцид», «Нам навязывают новый мировой порядок», «Иуды рвутся в апостолы» и др.

«Советская Россия», как и «Правда», не отличалась тёплым отношением к США и НАТО. Практически каждый выпуск газеты изначально сопровождался статьями, названия которых позволяют судить и об их содержании: «США ведут дело к мировой войне», «Рамбуйе: мораторий на катастрофу», «НАТО – инструмент глобальной тирании», «Парижский фарс», «США готовят кровавую развязку в Косово», «Обезумевший жандарм», «Серийный убийца», «Кровавый бандитизм», «Наглый ответ НАТО на мирные предложения Белграда», «Пасхальные подарки Клинтон», «США и НАТО взбесились. Обуздаем агрессора», «Клинтон-Солана: «точечный» геноцид», «Немыслимое престу-

пление на пороге XXI века», «Похристовавшись, убийцы принялись за дело», «Новая фаза геноцида: НАТО звереет – крематорий с неба» и др.

Итак, косовский кризис, политика США в отношении Югославии в период интернационализации конфликта получили достаточно широкое освещение в российской печати.

В материалах рассмотренных либеральных изданий можно видеть противоположные точки зрения на данную проблему: от критики до поддержки американцев. Печать, поддерживавшая США, старалась смягчить или просто обойти вниманием то, что могло отрицательно охарактеризовать действия Вашингтона.

У центристских газет также не наблюдается единой точки зрения на американскую политику, но, в отличие от изданий либерального толка, эти позиции выражены чётче и более аргументированно.

Издания левого фланга с самого начала были единодушны и последовательны в оценке политики НАТО, которая у них олицетворялась с Соединёнными Штатами: как «Правда», так и «Советская Россия» в штыки восприняли мирные инициативы Запада, особо жёсткая критика американской политики звучала во время бомбардировок Югославии.

В целом можно сказать, что большинство российских изданий критически рассматривали действия США во время косовского кризиса. Этой позиции придерживались и те газеты, которые со скептицизмом были настроены в отношении Слободана Милошевича. Издания, так или иначе стоявшие на стороне Вашингтона, не писали об этом прямо, выражая своё мнение сдержанно. Возможно, это было связано с опасением потерять часть читателей, поскольку для большинства граждан России американская политика была неприемлемой.

Практически все либеральные и центристские газеты привлекали к сотрудничеству различных авторов, статьи некоторых из них могли расходиться с общей линией изданий. Левая печать также отличалась достаточно большим количеством корреспондентов, но среди них не было несогласных с жёсткой позицией газет в отношении американской политики.

Значительное внимание российской печати к проблеме во время переговоров в Рамбуйе, Париже и военных действий альянса контрастировало с освещением мирных договорённостей в Куманово. Серьёзного анализа документов, которые принесли мир на Балканы, не сделало ни одно издание, ограничившись кратким изложением их содержания.

Таким образом, российская печать не была единодушна в оценке политики США в отношении Югославии во время косовского кризиса.

Библиографический список

1. Горностаев Д., Петровская Ю. Югославию пока бомбить не будут // Независимая газета. 24.02.1999. №33.
2. Петровская Ю. Холбрук будет давить на Милошевича // Независимая газета. 10.03.1999. №42.
3. Грамматиков Н. К легу косовский конфликт усилится // Независимая газета. 13.03.1999. №45.
4. Горностаев Д., Сокут С. Чёрный день Европы // Независимая газета. 26.03.1999. №54.
5. Косырев Д., Сокут С. Югославская операция НАТО зашла в тупик // Независимая газета. 6.04.1999. №61.
6. Горностаева Д., Коротенко И. Вашингтон умело использовал Черномырдина // Независимая газета. 8.06.1999. №102.
7. Багров А. Удар // Коммерсантъ. 25.03.1999. №48.
8. Замятина Т., Козловский В. НАТО по уши в войне // Коммерсантъ. 27.03.1999. №50.
9. Юсин М. Ни разобрать, ни развязать // Известия. 14.01.1999. №3.
10. Юсин М. Сербские солдаты освобождены. Угроза войны в Косово отодвинута // Известия. 15.01.1999.
11. Березовская Ю. Косовское замирение может обернуться большой войной // Известия. 16.01.1999. №5.
12. Добер Э. Милошевич не отдаст Косово без боя // Известия. 23.03.1999. №50.
13. Бовин А. Три дня в НАТО // Известия. 14.04.1999. №66.
14. Юсин М. Мадлен Олбрайт готова на уступки // Известия. 22.05.1999. №91.

15. Милошевич Д. Почему скрывается правда // Труд. 21.02.1999. №31.
16. Прокофьев В. Натовский десант остановлен // Труд. 25.02.1999. №34; Его же. Переговоры в тупике // Труд. 20.03.1999. №50.
17. Тихонов Г. Война – против детей и женщин // Труд. 6.04.1999. №60.
18. Сиснёв В. До победного конца // Труд. 6.04.1999. №60.
19. Бородич В. Лучше плохой мир, чем «хорошая» война // Труд. 5.06.1999. №101.
20. Виноградов В. Переговоры приостановлены – террор продолжается // Правда. 11.03.1999. №26.
21. Овчинников Р. Грозовые тучи над Югославией // Правда. 23-24.03.1999. №31.
22. Там же.
23. Напр., Третьяков М. НАТО идёт напролом, навязывая новый мировой порядок // Правда. 26-29.1999. №33; Степаненко О. Сурово осуждаем военных преступников // Правда. 26.29.1999. №33; Мир клеймит позором агрессоров // Правда. 30-31.03. №33; Третьяков М. Натовцы бомбят центр Белграда // Правда. 6-7.04.1999. №37.

© А.А. Соловьева (ЯГПУ)

Галлиполийская кампания и коллективная память австралийцев

Ушедший XX век, "век масс" или "век тоталитарных режимов и движений", принципиально изменил постановку вопроса о возможностях понимания прошлого и роли самого прошлого. Война стала для всего мира суррогатом "культуры" - смысловым полем, где отыгрываются важнейшие темы и сюжеты современности. Речь идет о том, что война дает модели для ценностного выражения основных конфликтов и драматических моделей взаимодействия. Война превращается в поле образцов для ритуалов групповой и национальной солидарности, испытания, проверки людей на подлинность. Всякий раз, когда упоминается "Победа", речь идет о символе, который выступает для подав-

ляющего большинства опрошенных, для общества в целом, важнейшим элементом коллективной идентификации, точкой отсчета, мериллом, задающим определенную оптику оценки прошедшего и отчасти - понимания настоящего и будущего. А что происходит, когда война оборачивается проигрышем на фоне общей победы?

Одним из ярких примеров такого исторического явления мы можем считать Галлиполийскую кампанию во время операции на Дарданеллах. Когда в апреле 1915 г. Британским командованием было принято решение о десантировании солдат на Галлиполийский полуостров для нейтрализации Турции и выведения ее из войны, никто не предполагал, что эта операция станет полным крахом британского командования. Галлиполийский десант, состоящий преимущественно из австралийских солдат, сыграл большую роль в истории первой мировой войны и непосредственно в истории самой Австралии и стал кульминацией цепи политических игр и коллизий, уходящих далеко в историю. Австралийские солдаты, высаживаясь на берег пролива Дарданеллы под огнем турецких орудий и пулеметов, платили своей кровью за трагические ошибки нескольких поколений британских политиков. Галлиполийский десант до июня 1915 г. оставался крупнейшей в истории высадкой с боем на вражеский берег. Опыт, приобретенный британским командованием, как считают историки, в немалой степени способствовал успеху высадки союзников в Нормандии во время Второй Мировой войны.

Первое участие австралийцев в военной кампании вне своего континента принесло Австралии абсолютное поражение и огромные потери, к которым австралийцы были не готовы. Все это вместе повлекло за собой рождение огромного количества мифов и легенд о храбрых австралийских солдатах.

Их источниками могут служить работы Чарльза Бина (Charles Bean), в частности дневники составляют невероятно богатый первоисточник для исследователей галлиполийской кампании. Дневники Бина - работа квалифицированного летописца, они описывают в ярких деталях ежедневную жизнь на полуострове с первого дня до последнего. Как источники можно использовать дневники Роберта Элвуда (Robert Ellwood) - лейтенанта австралийской армии, письма австралийских солдат (Френсиса

Джеймса Макка (Francis James Mack)), личные документы Георга Дрозена (George Drozen), воспоминания медсестер медицинского корпуса, который находился на Галлиполи в разгар боевых действий. Военные карты, относящиеся к ходу сражений на Галииполи, тоже могут послужить хорошим источником для изучения данной проблемы, фотографии являются не менее интересными для изучения положения военных во время Галлиполийской операции. Для того, чтобы рассмотреть причины трепетного отношения австралийцев к почитанию памяти погибших соотечественников во время кампании, понять трагизм кампании, который повлиял на многие поколения австралийцев, необходимо использовать собрание интервью австралийцев, совершивших паломничество на полуостров на военные кладбища и к местам сражений, опубликованное под редакцией Брюса Скетера («В тени Галлиполи»).

Наиболее интересными для нас является работы Питера Хофенберга «Ландшафт, память и Австралийская война», Джона Лака «Возвращение на Галлиполи» и Пола Фассела «Путешественники и Туристы». В этих работах широко представлено влияние мировой войны на историческую память австралийцев, их стремление к паломничеству на Галлиполи. Питер Хофсбаум широко рассматривает создание военных легенд и их влияние на сознание австралийцев.

Каждый народ нуждается в легендах, и для сравнительно небольшой австралийской нации Галлиполийский десант стал боевым крещением во время Первой мировой войны. Сейчас 25 апреля отмечается как национальный праздник ANZAC Day – своего рода день рождения нации и день памяти соотечественников, погибших во всех войнах.

На Галлиполли было рождено множество легенд, которые австралийцы бережно хранят. Образ полуострова и воображение людей соединились вместе и превратились в фантазии, которые укрепились в сознании австралийцев. Примером такой легенды может служить миф о «диггерах», т.е. «копателях» - части солдат Австралийского и Новозеландского корпуса, борющихся вместе и погибших одновременно, имен которых никто не знает. Основными создателями таких легенд считаются Чарльз Бин, Джон Масфилд - английский поэт, побывавший на

Галлиполийском полуострове в 1915 г., и сами солдаты, которые писали стихи и песни, создавали дневники. Все эти работы были собраны в книге «АНЗАК» под редакцией Бина. Все они, описывая битвы 1915 -1918 гг., невольно создавали воображаемые образы «Великой войны», которые глубоко осели в сознании австралийцев. Все эти легенды специально выдумывали, чтобы увековечить образ национального героя в памяти людей, чтобы укрепить позиции национальной истории.

Составители легенд пытались «давить» на то, что австралийские солдаты были закованы между океаном и горными хребтами Галлиполи без достаточного количества воды, сна и атакованы хорошо вооруженными и хорошо натренированными турецкими дивизиями. Название АНЗАК стало почти нарицательным, означающим национальное единство австралийцев. Несмотря на некоторые негативные нюансы таких мифов, их создатели позволили австралийскому народу осознать значимость своей культуры и истории, дали толчок для поддержания и увеличения интереса людей к исторической памяти.

Говоря о различных аспектах войны, надо заметить, что солдаты внесли в неё культурно-исторический аспект. Они использовали обширный сленг, с помощью которого общались друг с другом. Как правило, незнакомые турецкие названия заменялись на более привычные для солдат, звучащие на английском языке. Например, бухта, куда был высажен австралийский десант, стала называться «Бухта АНЗАК» вместо непонятого для австралийцев названия «Ари Бурну». Многие места называли в честь побед «Мыс победы», просто по ощущениям «Долина счастья» или по схожести ландшафта с известными произведениями искусства (хребет «Сфинкс»), иногда местам давали имена своих павших сослуживцев: «Вершина Филиппа» или «Холм МакКея».

В последнее время часто предсказывают упадок интереса к истории, но, тем не менее, растет количество желающих совершить паломничество к местам битв и на кладбища первой мировой войны. Кто же все-таки совершает такие поездки, почему люди стремятся туда, преодолевая тысячи и тысячи километров, что они хотят увидеть и почувствовать, увидев эти «священные места»? Люди, несомненно, тем самым пытаются

отдать дань предкам, которые пролили свою кровь в «Великой» для них войне. Паломничество – это неотъемлемая часть исторической памяти, которую люди пытаются хранить и уважать.

Мотивы путешествий австралийцев на Галлиполи почти всегда одинаковые: у людей существует ощущение «поисков», для них эта поездка – путешествие из нормальных параметров жизни в другой мир, посещение определенных мест насыщено значением, а с возвращением домой у паломников изменяется мироощущение. Для многих паломничество – это возникновение интереса к культурной потере и ощущение тяжелой утраты, не восполнимой временем.

Библиографический список

1. C.E.W. Bean, "The Story of the Anzac", Official History of Australia in the War 1914-1918 vol 1 and vol 2, Canberra 1956
2. Fussel Paul, Travelers, Journeys Tourists//Australian Cultural History №10, 1992, p. 19-34
3. Hoffenberg Peter, Landscape, Memory and the Australian War //Journal of Contemporary History №1 Jan. 2001, p. 23-47
4. Loyd D.W., Tourism, Pilgrimage and the Commemoration of the Great War in Great Britain, Australia and Canada, University of Cambridge press 1995. p.16-17
5. Scates Bruce In Gallipolis's shadow// Interview with Kate H. //Australian historical studies №119 2002 p.9

НАРОД, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

© М.В. Талашов (ЯГПУ)

Проблема дуализма верховной власти у хазар в советской и современной российской историографии

Одной из наиболее важных проблем этноконфессиональных отношений на территории Хазарского каганата остается дуализм верховной власти, который сохранялся в каганате вплоть до его крушения в 965 г. Во 2-й пол. XIX – нач. XX столетий в российской историографии сложилось два подхода в изучении данной проблемы: “ситуационный”, рассматривавший

двоевластие как результат общественно-политической эволюции Хазарского каганата, и “традиционный”, делавший акцент на культурных, религиозных истоках бинарной модели власти. “Ситуационный” подход занял господствующие позиции в отечественном хазароведении. Переход исторической науки в стране на марксистские рельсы не способствовал развитию “традиционно-го” направления, более того, практически привел его на грань полного уничтожения: преимущественное изучение особенностей социально-экономических отношений отодвинуло на второй план исследования в сфере духовной культуры и ментальности человека. В 20-е – нач. 40-х гг. в связи с ревизией проблем отечественной истории вопросы исторического прошлого Хазарского каганата не были актуальны и привлекали внимание лишь ограниченного числа специалистов. В таких условиях исследователи либо вообще умалчивали о дуализме верховной власти у хазар (В.В. Мавродин), либо ограничивались констатацией факта его существования, не пытаясь вскрыть механизм формирования этого политического института (Ю.В. Готье). Не содействовала дальнейшему изучению данной проблемы и развернувшаяся во 2-й пол. 40-х – нач. 50-х гг. “борьба с космополитизмом”, поставившая под угрозу дальнейшее развитие отечественного хазароведения. Ослабление политического давления в годы “хрущевской оттепели” привело к очередному всплеску интереса к проблемам истории Хазарского каганата и, в том числе, к проблеме двоевластия. Однако большинство попыток объяснить происхождение дуализма верховной власти не выходило за рамки рассмотрения политических и этнических процессов на территории Хазарии.

Нач. 60-х гг. XX в. было ознаменовано публикацией “Истории хазар” известного советского археолога и тюрковеда М.И. Артамонова. По мнению ученого, институт двоевластия сформировался у хазар в кон. VIII – нач. IX вв. в связи с религиозными и политическими реформами бека Обадии, который “стал первым хазарским царем и низвел роль кагана до положения сакрального владыки”. При этом действия Обадии характеризовались как государственный переворот, совершенный при “поддержке иудеев и соплеменников” [1]. Следствием насильственной узурпации властных полномочий, по мнению М.И. Артамо-

нова, стала “гражданская война”, развернувшаяся в каганате в 1-й пол. IX столетия и окончившаяся поражением противников Обадии. Ее отражением стало сообщение Константина Багрянородного о бегстве разгромленных хазарским правительством племен каваров к древним мадьярам [2]. Выявляя причины вооруженного конфликта, М.И. Артамонов сделал акцент не на конфессиональных противоречиях, связанных с распространением иудаизма, а на смене правящих элит в каганате, происшедшей в связи с переворотом Обадии. В концепции исследователя институт двоевластия явился результатом единовременного политического акта, процесс его формирования был непродолжительным и привел к ломке старой государственной системы, вызвавшей “гражданскую войну” в Хазарии.

Логическим продолжением исторических взглядов М.И. Артамонова стала позиция его ученика Л.Н. Гумилева. Если для первого причины образования двоевластия заключались в политической борьбе между группировками родоплеменной аристократии, то последний считал, что этот политический институт вырос на почве конфессиональных противоречий, спровоцированных иудаизацией Хазарского каганата. Дуализм верховной власти, по мнению Л.Н. Гумилева, стал следствием усиления иудейской общины в Итиле, которая организовала государственный переворот и привела к власти своего ставленника – Обадю. Конфликт 1-й пол. IX в. ученый рассматривал как борьбу сторонников и противников иудаизации Хазарского каганата. Основная цель еврейского правительства в развернувшемся столкновении, по мнению историка, заключалась в подавлении “внутренних врагов иудаизма”, поэтому война носила “тотальный” характер, была “беспощадной” и привела к “поголовному истреблению людей, находившихся по ту сторону фронта” [3].

Концепции формирования хазарского двоевластия, разработанные М.И. Артамоновым и Л.Н. Гумилевым, не лишены целого ряда серьезных недостатков. Во-первых, они основаны лишь на одном письменном источнике, кратком сообщении Константина Багрянородного о междоусобной борьбе в Хазарии, не содержат данных археологических исследований. Другие документы информацию о конфликте не подтверждают, что позволяет высказать предположение о гораздо меньших масштабах во-

енных действий, чем это описано в работах М.И. Артамонова и Л.Н. Гумилева. Положение историков о возникновении института двоевластия в результате государственного переворота является не более чем спекуляцией исследователей. С таким же успехом можно приписать неудачную попытку переворота потерпевшим поражение каварам.

Во-вторых, Константин Багрянородный хронологически не конкретизирует свое сообщение. Оно не приурочено ни к дате, ни к историческому событию, а включено в общую канву его рассказа о мадьярских племенах, откочевавших к Дунаю. Это означает, что серьезных оснований для того, чтобы связать бунт каваров с политическими и религиозными реформами Обадии, не существует.

В-третьих, кавары либо соотносятся с одним из этносов, обитавших на территории Хазарского каганата, либо сами являются чистокровными хазарами. Материальная культура мадьяр формировалась под сильным воздействием Салтово-маяцкой археологической культуры, однако древние венгры сохранили самобытный погребальный обряд, не схожий с таковым у алан, праболгар и хазар [4]. В данных условиях пребывание каваров в составе мадьярских племен должно фиксироваться по типичным для салтовского населения захоронениям в пределах ареала древневенгерских археологических памятников. Между тем, “на территории Карпато-Дунайского бассейна кабары... не прослеживаются”, что позволяет судить об относительной немногочисленности этой этнической группы в составе мадьярских племен и предполагать их быструю ассимиляцию в мадьярской среде [5].

Между тем, объективных оснований для сомнений в подлинности сообщения Константина Багрянородного не существует. Следует напомнить, что трактат “Об управлении империей” базилиевс создавал специально для своего наследника в качестве своеобразного пособия по решению проблем внешней и внутренней политики. Поэтому отобранная им информация, хотя и не застрахована от некоторых весьма нелепых ошибок и неточностей, отличается известной достоверностью и объективностью в оценке международной ситуации. Присутствие каваров среди мадьярских племен подтверждают византийские и латин-

ские источники, а также данные топонимики. Однако они не позволяют судить о конфессиональной принадлежности мигрантов. Важные сведения по данному вопросу содержат вторичные источники. Занимавшийся проблемой хазарского “наследия” А. Кестлер обратил внимание на австрийские хроники кон. XIV в., которые свидетельствуют о правлении в Австрии в дохристианский период иудейских князей. Исследователь указал на тот факт, что в 896 - 955 гг. часть австрийских земель была занята мадьярами, в составе которых находились каваро-хазарские племена. На основании этого обстоятельства ученый выдвинул положение об иудейском исповедании каваров, которые принесли свою религию в Австрию после объединения с мадьярами и совместной откочевки на территорию Карпато-Дунайского бассейна. О распространении иудаизма среди каваров, по мнению А. Кестлера, свидетельствует византийский историк Иоанн Синнам, отметивший присутствие “еврейских частей в венгерском войске” [6].

Таким образом, результаты археологических исследований и данные письменных источников ставят под сомнение ключевые выводы М.И. Артамонова и Л.Н. Гумилева. Уязвимость разработанных ими концепций стала очевидной уже в 70-х – 80-х гг. XX в., что привело к неприятию наиболее радикальных и сомнительных положений ученых в советской историографии. Отечественные историки пытались доказать последовательный, мирный характер формирования дуализма верховной власти, явившегося следствием политических и межэтнических противоречий в стране. Так, для С.А. Плетневой институт двоевластия явился результатом борьбы за власть алано-болгарских племен, которые были покорены хазарами и устранены от управления государством. Основы бинарной модели управления были заложены еще на начальном этапе существования Хазарского государства, а в период арабо-хазарских войн с упадком властных функций кагана она обрела завершенные очертания. Таким образом, дуализм верховной власти рассматривался исследовательницей как соуправление представителей родовой аристократии доминирующих этносов каганата [7].

В отличие от С.А. Плетневой, видевшей причины формирования дуализма власти в проблемах межнациональных от-

ношений, А.П. Новосельцев усматривал их в противоречиях политической жизни Хазарии. Бинарная схема властвования, по мнению этого исследователя, сложилась вследствие “конфликта среди хазарской знати”, развившегося на фоне военных поражений от арабов в 30-х гг. VIII столетия. Хазарское двоевластие существовало на протяжении IX в., после чего сменилось единоличным правлением младшего правителя – бека, “лишившего хакана всякой реальной власти и влияния” [8].

Главный недостаток всех концепций, выработанных в рамках “ситуационного” подхода, заключается в том, что они превращают дуализм власти в Хазарии в уникальный феномен государственно-правовых отношений и при этом практически забывают о том, что бинарная система управления существовала и у других тюркоязычных этносов: тюркютов, мадьяров, древних болгар и уйгуров. Данное обстоятельство приводит к мысли о том, что формирование института двоевластия происходило в соответствии с общими закономерностями, возможно, опиралось на некую общетюркскую почву и не являлось следствием инноваций, реформ, переворотов или результатом обращения в иную веру.

Возрождение “традиционного” подхода в изучении дуализма власти у хазар началось лишь в нач. 90-х гг. после крушения Советского Союза, уничтожения цензуры и жесткого идеологического пресса. Огромную роль в этом сыграли и успехи зарубежного хазароведения, в частности, научные изыскания П.Б. Голдена, сумевшего раскрыть сакральный смысл бинарной системы властвования.

По мнению исследователя, “дуализм проистекает из необходимости племенных обществ сохранять правителя, олицетворяющего закон. Такой правитель обязан оставаться спокойным, чистым, не оскверненным кровопролитием. Его физическое присутствие считают необходимым для дальнейшего благополучия племенной территории”. В данных условиях верховный владыка превращается в “церемониальную фигуру, присутствие которой обеспечивало *кут* в пользу государства”. Под *кутом* П.Б. Голден подразумевал “ниспосланное небесное, божественное счастье”, обладание которым обеспечивало связь “старшего” правителя с миром богов. Именно это и делало фигуру

верховного владыки уникальным феноменом в системе государственных отношений у тюркоязычных этносов. Главный вывод П.Б. Голдена заключался в признании сакрализации верховного правителя “широко распространенным социальным явлением, не имеющим никакой связи с принятием монотеистических религий” и основанным на языческих представлениях тюркских этносов. Особенность Хазарского каганата заключалась лишь в том, что сложившаяся здесь форма двоевластия отличалась наиболее сакрализованным характером [9].

Успехи зарубежных хазароведов, сумевших показать механизм сакрализации личности кагана, подтолкнули отечественных специалистов к изучению религиозно-мифологического фундамента хазарского двоевластия. В 2001 г. российский археолог В.Е. Флерова пришла к заключению о том, что бинарная система властвования являлась отражением распространенного в Хазарии дионисийского культа. Его особенность заключалась в разделении не периодов правления, а сакральных функций между “старшим” и “младшим” правителями. При этом бек представлял собой “олицетворение верхнего, правого мира, светлого, белого начала, летнего периода вегетации растений, сияющего солнечного света, горящего огня, жизненной активности и ее высшей формы - войны”. В отличие от правителя-заместителя каган “символизировал нижний, левый, черный мир, сокрытый от глаз, зиму, ночь и покой”, то есть являл собой воплощение именно того состояния природы, “которому приписывается решающее значение в процессе плодородия” [10]. Одновременно с В.Е. Флеровой существование религиозного фундамента института двоевластия признал В.Я. Петрухин, который увидел в верховном правителе воплощение “космической связи между землей (страной, народом) и небом (богами, Тенгри)” [11].

В настоящее время из двух подходов к изучению проблемы двоевластия, “ситуационного” и “традиционного”, лидирующие позиции занимает последний. Во многом это обусловлено тем, что разработанные в рамках этого подхода концепции основаны на данных не только нарративных документов, но и археологического материала. К сожалению, в отечественной историографии не предпринималось попыток провести комплексный анализ письменных и археологических источников. В то же

время исследования В.Е. Флеровой показали, что дальнейшие изучение проблемы двоевластия возможно лишь при условии продолжения археологических раскопок на территории Хазарского каганата и объединения усилий специалистов различного профиля. Крайне слабое развитие в отечественном хазароведении получила тема взаимовлияния иудейской и тюркской государственных традиций. В этом отношении сохраняют свою актуальность исследования в сфере религиозно-мифологических представлений населения Хазарского каганата: они позволят глубже раскрыть механизм формирования двоевластия и покажут степень происходившего взаимодействия.

Библиографический список

1. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 381-382.
2. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 163
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 2001. С. 143-144, 151-152, 159.
4. Фодор И. Венгры в Хазарии // Хазары. Второй международный коллоквиум: Тезисы. М., 2002. С. 100.
5. Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // Советская археология. 1983. № 4. С. 174.
6. Кестлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие. СПб., 2001. С. 173-174.
7. Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. С. 57, Ее же. Каган и князь // Родина. 1997. № 3 – 4. С. 20.
8. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Северного Кавказа - www.kulichki.com/~gumilev/NAP/nar0144.htm#nar014para04
9. Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993. С. 223, 226, 227.
10. Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М. – Иерусалим, 2001. С. 118.
11. Петрухин В.Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 75.

А.С. Калянова (ЯГПУ)

**Влияние состава французской армии на её
нравственно – психологическое состояние к началу
Отечественной войны 1812 года**

В июне 1812 г. произошло величайшее событие всемирной истории - огромная многонациональная «великая армия» под предводительством французского императора Наполеона Бонапарта, форсировав Неман, перешла границу Российской империи. Так началась война России с наполеоновской Францией. Многонациональная Россия встала на защиту своего Отечества, общая беда сплотила народы страны. Нравственно-психологическое состояние войск Наполеона кардинально отличалось от патриотического настроения русской армии. Влияние состава наполеоновской армии на её моральное состояние можно назвать одной из причин её поражения в русской кампании. Этот очень важный аспект войны 1812 г., к сожалению, недостаточно изучен в отечественной историографии. Полагаем, что необходимо исследовать историю формирования «великой» армии, её состав накануне войны 1812 г., чтобы определить воздействие нравственно – психологического состояния французской армии на ход одной из самых значительных по своим последствиям войн в мировой истории.

Понимая неизбежность войны с Россией, Наполеон уже с начала 1810 г. начал активную подготовку к будущей кампании. Большая часть знаменитой армии, с которой Наполеон совершал победоносные походы 1805-1807 гг., была направлена в 1808-1809 гг. на завоевание Испании и Португалии. Военную кампанию 1809 г. против Австрии совершала остальная её часть, оставшаяся в Германии и дополненная контингентами, присланными странами-союзниками. Эта армия, сражавшаяся при Эсслинге и Ваграме, и послужила основой создания «великой» армии, предназначенной для похода на Россию, еще более многочисленной, чем все прежние. Более 300.000 французских солдат находилось в 1810-1812 гг. в Испании. Затянувшаяся война на Пиренейском полуострове лишала Наполеона возможности отозвать хотя бы часть этого войска в Германию, и ему для увеличения своих военных сил пришлось прибегнуть к новым наборам.

Сначала к оружию были призваны один за другим классы новобранцев 1810 и 1811 гг. Затем суровыми мерами, принятыми против уклоняющихся от службы, удалось набрать еще до 50.000 солдат. Призыв 1812 г. дал около 120.000 человек, большинство из которых было сразу же послано в Германию для укомплектования стоявшей там армии. Наконец, уже перед самым отъездом из Парижа в армию Наполеон заручился, на случай крайней необходимости, согласием Сената на призыв к оружию национальной гвардии (Сенат обещал ему поставить под ружье еще 180.000 человек) [1]. Все государства, союзные с Францией или находившиеся от нее в зависимости, согласно союзным договорам были обязаны по требованию Наполеона выставить контингенты, которые должны были дополнить французскую армию. Таким образом, к французской армии должны были присоединиться польская армия (около 35.000 человек), войска Дании, княжества Невшатель, а также армии, которые обязаны были выставить своему «протектору» немецкие государства Рейнского союза: королевство Бавария, Саксония, Вюртемберг, Вестфалия, герцогства Баден, Франкфурт, Вюрцбург, Гессен-Дармштадт, Клеве-Берг, Мекленбург-Шверин, Мекленбург-Стрелиц, Саксен-Веймар-Эйзенах, Саксен-Кобург-Заальфред, Саксен-Гота-Альтенбург, Саксен-Мейнинген, Липпе-Детмольд, Липпе-Шаумбург, Шварцбург-Рудольштадт, Шварцбург-Зондерсгаузен, Вальдек, Ангальт-Бернбург, Ангальт-Дессау, Ангальт-Кётен, Рейсс-Гера, Рейсс-Грейц, Рейсс-Эберсдорф, Рейсс-Любенштейн, Рейсс-Шлейц (до 100.000 человек); отдельные отряды из тех частей Италии, которые не входили напрямую в состав французской империи, королевство Неаполя и обеих Сицилий, небольшие отряды из Испании и Португалии [8. С.8]. Пруссия, очутившаяся между двух огней после того, как столкновение России и Франции стало неизбежным, охотнее бы перешла на сторону России. К этому ее влекла как общая ненависть немцев к французскому господству, так и личная дружба обоих монархов — Александра I и Фридриха-Вильгельма III. Но воспоминания о разгроме 1806-1807 гг. были слишком свежи для того, чтобы нерешительный Фридрих-Вильгельм III взял на себя смелость начать новую войну с Францией. Поэтому прусское правительство, после недолгих колебаний, решило примкнуть к Франции в фев-

рале 1812 г. [1]. Во главе прусского отряда был поставлен генерал Йорк, поступивший под верховное начальство французского маршала Макдональда. 16 марта 1812 г. Наполеон заключил аналогичный договор с Австрией, которая выставяла отряд в 30.000 человек, они должны были составить отдельный корпус в армии Наполеона под начальством бывшего австрийского посланника в Париже князя Шварценберга [11].

«Великая» армия была окончательно сформирована к 1 июня 1812 года и выглядела следующим образом: главнокомандующим был, разумеется, Наполеон. Он имел при себе в качестве начальника Главного штаба своего сотрудника — маршала Бертье. Самую блестящую часть всего войска составляла императорская гвардия (46.000 чел.), находившаяся под командой маршалов Мортье, Лефевра и Бессьера. Именно гвардейцев французский император берёт и поощрял больше других частей «Великой армии» [2]. Собственно армия была разделена на 11 корпусов. 1-й корпус (72.000 чел.), под начальством маршала Даву, состоял практически полностью из французов, это был наиболее сильный корпус с прекрасно дисциплинированным и обученным составом. В нем было много старых солдат, и не было ни одного унтер-офицера, который бы не побывал хотя бы в одной кампании. Новобранцы при распределении были так искусно перемешаны с ветеранами, что ни в одной роте не составляли больше ее половины. Все солдаты были отлично вооружены, одеты, обуты и оснащены съестными припасами. Сделаны были необходимые запасы одежды и обуви. В каждой роте были свои каменщики, пекари, портные, сапожники, оружейники и т. д. 2-й корпус (маршал Удино) на 37.000 солдат имел около 2/3 французов, остальную часть составляли швейцарцы, кроаты и поляки. В 3-м корпусе (39.000 чел.), под командой маршала Нея, почти половину составляли вюртембергцы, иллирийцы и португальцы. Оба эти корпуса сильно уступали по своим качествам корпусу Даву, будучи сформированными преимущественно из новобранцев, они отличались меньшей дисциплинированностью, их снабжение не было достаточным. 4-й корпус (принц Евгений Богарне) на 46.000 человек имел больше трети иностранцев: итальянцев, испанцев, далматинцев и кроатов. 5-й корпус (князь Понятовский) составила польская армия великого герцогства Вар-

шавского (37.000 чел.), 6-й, под командой генерала Гувион-Сен-Сира, состоял из вспомогательного баварского отряда (25.000 чел.), 7-й под командой генерала Ренье - из саксонского отряда (17.000 чел.), 8-й (генерал Вандам) - из отряда королевства Вестфалии (17.500 чел.), 9-й корпус (маршал Виктор) составился из французов (около трети) и отрядов мелких немецких государств (33.500 чел.), 10-й корпус (маршал Макдональд) образовался из прусского вспомогательного отряда и нескольких польских, баварских и вестфальских полков (32.500 чел.), 11-й корпус (маршал Ожеро) включал в себя, главным образом, французские полки (3/4); остальную часть составляли немцы и итальянцы (60.000 чел.). Наконец, австрийский вспомогательный отряд (34.000 чел.), согласно договору с Австрией, составлял еще один отдельный самостоятельный корпус. Кроме кавалерийских отрядов, составлявших часть каждого корпуса, был образован большой кавалерийский резерв в 40.000 человек, под командой неаполитанского короля Иоахима Мюрата. Французы составляли в нем около 2/3 его общего состава. 9-й и 11-й корпуса должны были составить запасную армию, с этой целью были оставлены в Пруссии и Польше. Такой резерв, несомненно, был слишком мал для громадной армии, но Наполеон не мог оставить больше сил. Остальная масса должна была перейти границу и начать наступление [1]. Таким образом, общая численность наполеоновской армии в начале её вторжения в Россию составляла более 600 тысяч солдат и офицеров – небывалую до этого величину.

Следует также отметить, что вместе с увеличением армии Наполеона качественно изменился и её состав. Большая часть ветеранов, героев войн эпохи революции, погибла в беспрерывных походах, особенно во время испанской экспедиции, стоившей французам больших потерь. На смену им пришло новое поколение воинов, выросших уже в наполеоновской Франции, в “эпоху опьянения и счастья, когда французский солдат, господин всего мира при помощи своих побед, ценил себя выше, чем любого сеньора, даже монарха, через земли которого он проходил! Ему казалось, что государи всей Европы царствуют только с соизволения его вождя и его армии” [1]. Большую часть молодых солдат отличал высокий боевой дух, стремление к активному участию в сражении. В то же время из-за отсутствия ре-

ального военного опыта многие их представления были достаточно наивными. Вот любопытный отрывок из письма одного молодого солдата к своим родным: *“Мы вступим сначала в Россию, где мы должны посражаться немного, чтобы открыть себе проход дальше. Император должен же прибыть в Россию, чтобы объявить войну этому ничтожному (petit) императору. О! мы скоро расколотим его в пух и прах (nous l'aurons arrange a la sauce blanche). Ах, отец, идут удивительные приготовления к войне. Старые солдаты говорят, что они никогда не видали ничего подобного. Это правда, ибо собирают громадные силы. Мы не знаем только, против одной ли России это. Один говорит, что это для похода в Великую Индию, другой, что для похода в Египет (в подлиннике Egipte), не знаешь, кому и верить. Мне это все равно. Я хотел бы, чтобы мы дошли до самого конца света”*[1]. Молодое поколение наполеоновских солдат от ветеранов отличало не только отсутствие реального опыта, иной уже была и сама мотивация участия в военных походах. Ветеранов или, как их часто называли, “ворчунов”, отличало высокое чувство солдатского долга и чести, которые чаще всего были выше материальных стимулов: *“Старый гренадер, участвовавший в египетских и итальянских походах, является во время раздачи крестов Почетного легиона и требует себе креста. “Но что же ты сделал, — говорит император, — чтобы заслужить подобную награду?” — “Я? В Яффской пустыне, ваше величество, в страшную жару подал вам арбуз”. — “Еще раз спасибо! но этот арбуз не стоит креста Почетного легиона”. Тогда солдат кричит всю: “А! Так вы считаете за ничто семь ран, полученных на Аркольском мосту, при Лоди, Кастильоне, при пирамидах, Сен-Жан-д'Акре, Аустерлице, Фридланде, 11 компаний в Италии, в Египте, Австрии, Пруссии, Польше, в...” Но император прерывает старого солдата: “Та-та-та! Как ты рассердился, дойдя до самого главного, — с этого-то и следовало начать; это получше твоего арбуза! Я делаю тебя имперским кавалером с 1.200 фр. ренты в придачу... Доволен ли ты?” — “Но, ваше величество, я предпочитаю крестик”. — “Да у тебя и то и другое, раз ты имперский кавалер!” — “Нет, я предпочел бы крестик”. Бравый гренадер никак не мог понять, в чем дело. Он успокоился лишь тогда, когда император сам прикрепил ему к*

груды ордена, и, казалось, более был доволен им, чем 1.200 франков ежегодного дохода» [3]. У молодых же воинов на первый план уже выступали карьерные и материальные мотивы: *“Капитан Бурже...не намеревался остаться на службе. Имея хорошее состояние, он желал только получить чин командира эскадрона или старшего офицера и затем выйти в отставку...”* [4. С.249]. Таким образом, несмотря на активное стремление к участию в сражениях, молодые солдаты не могли заменить знаменитых “ворчунов”.

Ни один из своих походов Наполеон не продумывал с такой тщательностью, никогда не проявлял он такой удивительной предусмотрительности, решая, казалось бы, даже мало значимые дела. Но, тем не менее, это гигантское предприятие закончилось неудачей. В воспоминаниях, посвященных войне 1812 г., часто встречается мысль, что главная причина неудачи французов заключалась в переменившемся духе армии, утомленной непрерывными войнами и лишенной того воодушевления, которым она отличалась при Аустерлице и Йене. Эта мысль верна только отчасти. Если основываться на свидетельствах союзных правителей, братьев Наполеона, и большинства маршалов, то можно увидеть, что они устали от бесконечных войн и шли за Наполеоном неохотно, «с утомленным послушанием» [10]. Следует также отметить, что в начале похода 1812 г. французская армия отнюдь не страдала отсутствием воинственного духа. И, тем не менее, уже в первые недели кампании проявились первые признаки морального разложения армии. Планы Наполеона обеспечить армию достаточно быстрым подвозом съестных припасов в большинстве случаев осуществлялись плохо, вызывая ропот среди офицеров и солдат. Приходилось прибегать к обычному приему прокорма наполеоновских армий - к реквизициям с населения. «Армия запасалась провиантом на ходу, - писал граф Сегюр. -Захватывали лошадей, повозки, рогатый скот, съестные припасы всякого рода. За собой тащили все, даже жителей, чтобы править телегами обоза» [1]. Наполеон и его маршалы сквозь пальцы смотрели на грабежи населения своими солдатами. Но никогда раньше грабежи не достигали таких масштабов, что вело к потере дисциплины. Только в корпусе Даву сохранялась дисциплина и реквизиции производились по заведённому порядку. В других

корпуса реквизиции превращались в открытый грабеж и мародерство. Солдаты массами покидали ряды, чтобы запастись провиантом [2]. Еще до вступления в пределы России число оставших и мародеров превышало 30.000, и Наполеону пришлось образовать специальные «летучие» колонны для их преследования. Такой быстрый упадок дисциплины не предвещал ничего хорошего. Вообще-то Наполеон, предвидя недостаток провианта, старался взять с собой все, что могло понадобиться армии во время похода. Но результатом этого стал громадный обоз, сопровождающий армию, затрудняющий ее движение и лишаящий ее той специфической легкости и подвижности, которая всегда отличала армию Наполеона и позволяла ему решать судьбу кампании одним ударом.

Важным отличием французской армии 1812 г. был её многонациональный состав. По национальному признаку она распределялась следующим образом: около половины (чуть менее 300.000 человек) составляли французы и жители вновь присоединенных к Франции стран, немцев из Австрии, Пруссии и государств Рейнского союза было 190.000 человек, поляков и литовцев - 90.000 человек и 32.000 итальянцев, иллирийцев, испанцев и португальцев [1]. Следует обратить внимание на поведение немцев в кампании 1812 г., Дело в том, что немцы ненавидели Наполеона. Они с нетерпением ждали момента, когда можно будет свергнуть французское владычество, и охотно посылали волонтеров в русскую армию, чтобы сражаться с французами. Если баварцы и южные немцы не относились к французам с такой острой ненавистью, то вестфальцы, австрийцы и пруссаки далеки были от желания искренне желать Наполеону победы. Они ждали только первых серьезных неудач, чтобы покинуть его знамена, и первый пример подал прусский корпус генерала Йорка уже в конце 1812 г. [1]. Добровольно сдавались в русский плен и испанские солдаты, в записках А.И. Антоновского можно прочесть следующее: *“...притащили человек 200 сброду, в том числе и несколько гишпанцев (испанцев – А.К.) с офицером. Они передались добровольно и говорили, что Наполеон под угрозой смертной казни принудил их служить во французской службе...”* и что *“вошедши в Россию все гишпанцы искали случая передаться к нам”* [6. С.41].

Поляки, напротив, с “необыкновенным уважением” относились к французам, называя их своими избавителями [6.С.41]. Таким образом, несмотря на относительную однородность национального состава «великой» армии, фактор многонациональности воинских соединений был значителен.

После крушения традиционной системы ценностей во время Великой революции и осуждения ее “ужасов” едва ли не единственным нравственным ориентиром для французских солдат остался культ сильной личности, человека, который собственным “гением” прокладывает себе дорогу. Чувство непобедимости французской армии в значительной степени основывалось на личном культе Наполеона-полководца и Наполеона-императора. Критикуя нелепые, с его точки зрения, приготовления русских к Бородинской битве с молебнами и патриотическими речами, очевидец сражения отмечал, что Наполеон *“сам выставил этот портрет (сына) перед своей палаткой, потом призвал своих офицеров и солдат своей старой гвардии, желая, чтобы его старые гренадеры разделили чувства. Он хотел показать своей военной семье свою частную семью и заставить этот символ надежды засиять перед лицом великой опасности!”* [9.С.113]. Как отмечает А.М. Васютинский, “прежняя погоня за добычей эпохи революционных войн сменилась жаждой почета, оказанного главнокомандующим перед всеми товарищами, жаждой ласкового трепка за ухо от императора — как высшей награды” [3]. Именно поэтому вместо церемоний и военных призывов для французских солдат большее значение имело обращение императора, зачитанное накануне сражения: *“Тысячекратные возгласы: “Да здравствует император!” были ответом на это лаконическое приглашение. Все удивляются выразительности, простоте и мощной силе императорской прокламации, которая так хорошо соответствовала теперешним обстоятельствам”* [5.С.276]. *“Лишь только войска заметили императора, раздались единодушные клики...Клики усилились, войска сгорали нетерпением сразиться, и бой скоро начался”* [7.С.207]. Иными словами, одной из главных движущих сил французских армий этого времени было личное влияние Наполеона на солдат. Но величина армии и обширность театра военных действий заставила разделить всю «великую армию» на от-

дельные корпуса, и чем дальше находился тот или иной корпус от центральной армии, тем слабее чувствовалось обаяние самого императора. Стоявшие во главе отдельных корпусов маршалы и генералы в силу дальности расстояний не могли получать обычных детальных руководящих указаний от самого Наполеона и должны были часто действовать на свой страх и риск. Недостаточно приученные к самостоятельности и привыкшие только исполнять приказы своего императора, они невольно терялись и делали ошибки.

Таким образом, говоря о влиянии состава французской армии на её нравственно-психологическое состояние на момент начала войны с Россией, можно отметить следующие важные моменты:

1. «Великая» армия была по своему составу многонациональной, этот фактор имел немаловажное значение, так как мотивация участия в войне у различных национальных контингентов была неодинаковой.

2. Армия большей частью была представлена молодым поколением воинов, не имевших большого военного опыта и преследующих, главным образом, карьерные и материальные интересы.

3. Командование «великой» армии, уставшее от постоянных войн, неохотно участвовало в походе на Россию.

4. По причине отсутствия достаточного количества провианта в армии наметились первые признаки морального разложения (отсутствие дисциплины, грабежи, мародёрство) уже в начальный период войны.

5. Среди французских солдат были распространены представления о непобедимости французской армии, основанные на «культе» Наполеона-полководца.

Библиографический список

1. Бутенко В. А. Состав «великой армии» // Отечественная война и русское общество. Т. 3. М., 1911-1912 // <http://www.museum.ru/museum/1812/>

2. Буткевич. Вторжение Наполеона в Россию в 1812 году // <http://www.museum.ru/museum/1812/>

3. Васютинский А. М. “Наполеоновский солдат” // Отечественная война и русское общество. Т. 3. М., 1911-1912 // <http://www.museum.ru/museum/1812/>
4. Жиро де Л’Эн. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников - иностранцев // Бородино в воспоминаниях современников / Под ред. Р.А. Кулагина. СПб., 2001.
5. Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии // Бородино в воспоминаниях современников / Под ред. Р.А. Кулагина. СПб., 2001.
6. Отечественная война 1812 года. Сборник документов и материалов. Л., 1941.
7. Рапп Ж. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников // Бородино в воспоминаниях современников / Под ред. Р.А. Кулагина. СПб., 2001.
8. «Родина» [специальный номер из цикла “Неизвестные войны в России”: 1812 год] № 6-7, 1992.
9. Сегюр Ф. – П. Поход в Россию. Записки адъютанта Наполеона // Бородино в воспоминаниях современников / Под ред. Р.А. Кулагина. СПб., 2001.
10. Стендаль А. Жизнь Наполеона // <http://www.museum.ru/museum/1812/>
11. Тарле Е.В. Вторжение Наполеона // <http://www.museum.ru/museum/1812/>

© Е.Л. Сараева

Интерпретация классическими западниками причин проведения реформ Петром I

Петровские реформы задали направление модернизации страны, изменили облик российской цивилизации, породили немало противоречий в политической и социокультурной жизни страны. В русской исторической, философской и общественной мысли с XVIII в. шло осмысление деятельности Петра I. Западники 1840-х гг. включились в дискуссию о роли Петра I в истории России, когда уже существовали по этому вопросу различные точки зрения. «Русские европейцы», как называли себя западники 40-х гг. XIX в., имели относительную свободу выражения своих идей о политике Петра I, так как в официальной идео-

логии признавалось величие его деяний. П.Я. Чаадаев передал распространенное в высшем обществе мнение о Петре I как величайшем из наших царей, который открыл для России новую эру. Петру I, «как все говорят, мы обязаны нашим величием, нашей славой и всеми благами, какими мы теперь обладаем...» [11. С.525]. «...в высших слоях общества память о нашем державном преобразователе, говорят, никогда не почиталась более, чем теперь» [11.С.531]. Влияние реформ Петра I на судьбу страны было открытой темой в исторических исследованиях, публицистике, что стимулировало гласное обсуждение этой проблемы. Существовали официальные идейные установки, требовавшие возвеличивания личности Петра I. В.Г. Белинский обобщил мнения о Петре Великом, высказывавшиеся в литературе в то время. Он отмечал, что с XVIII в. шла традиция прославлять самодержца в стихах и прозе. Писали утомительно, «на один манер и один голос, и в форме из фраз заметно было какое-то... однообразие, свидетельствующее об отсутствии содержания, то есть мысли» [2. С.34]. Сложился стереотип воздавать «самые жаркие похвалы» Великому, восторженные оценки отличались официальным характером.

Нам представляется, что образ Петра Великого в сознании русского общества того времени имел мифологизированные черты. Мифологическая память сказалась и на научном анализе деяний царя-реформатора, когда многие, писавшие о Петре, не смогли преодолеть восторженного поклонения перед основателем российской империи.

Русским обществом 30-х гг. XIX в. преобразования в России начала XVIII в. воспринимались как исполнение воли своего нравного царя. Полагаем, что отдельные положения концепции европеизации России, развернутой Н.И. Надеждиным в работе «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности», были отражением существовавших стереотипов оценки деятельности Петра I. Одним из них было утверждение, что Петр по своей инициативе бросил русский народ «на шумное раздолье Европы, прорубив мечом глухую стену». Приведенную оценку Надеждина следует понимать как признание в истории России начала XVIII в. действия личностного фактора [9. С.413].

Оценивая политику Петра Великого, классические западники 1840-х гг. дали многостороннюю интерпретацию его деятельности, в том числе причин проведения реформ. Они не восприняли официальную точку зрения на деятельность Петра I, признававшую все его дела непогрешимыми. Первым истинно живым словом о Петре, по мнению Белинского, стали произведения Пушкина.

Из работ В.Г. Белинского, идеолога классического западничества, можно сделать заключение, что оживление его интереса к личности Петра I было вызвано непринятием им славянофильского воззрения на петровские реформы, сущность которого критик выразил в следующих идеях: петровские преобразования не были вызваны исторической необходимостью, построены без фундамента, проведены сверху, а не снизу, свелись к внедрению внешних форм европеизма [2. С.34].

Белинский не был автором исторических работ о Петре I. Он основывал свои мнения о петровской эпохе на фактическом материале, изложенном в работах Котошихина, Желябужского, Голикова. Он стремился на основе фактического материала составить собственное представление о целях и значении реформ. Белинский никогда не рассматривал поворот в истории России начала XVIII в. как случайное явление, вызванное к жизни лишь волей Петра I. В последние годы своей творческой деятельности (1846-1847) он оценивал реформы Петра Великого как **разумную необходимость** [4. С.189]. По убеждению мыслителя, великие события, имевшие огромное влияние на жизнь народа, не могли носить случайный характер. Случайными являются конкретные черты преобразований, но причины, вызвавшие их, определяются самим историческим процессом, объяснял Белинский свое понимание влияния на судьбу страны политики Петра Великого.

Можно с уверенностью утверждать: все западники считали, что преобразования в начале XVIII в. были **настоятельной необходимостью**, которая нашла средства удовлетворить ее [6. С.166].

Применяя к допетровской России цивилизационные параметры – уважительное отношение к личности, развитие просвещения, достойный уровень жизни, существование элементов

гражданских и правовых отношений, западники, не обнаруживая их в «младенческий» период, считали важным для страны преодоление этого этапа общественного развития. Поскольку русское государство не проявляло заботы об образовании народа и включении его в общественную жизнь, оно обрекло его на невежественное, тупое и равнодушное существование. «В этом невежественном, тупом, равнодушном обществе не чувствовалось ничего человеческого. Необходимо было выйти из этого состояния или же сгнить, не достигнув зрелости» [6. С.166]. Данная оценка бессилия народа, лишённого возможности осознать необходимость утверждения личностных начал в жизни, неспособного вывести страну на путь гражданского развития, обнаруживает цивилизационный подход к анализу социокультурного потенциала нации.

Неоспоримое доказательство невозможности вывести страну из застоя, лишь опираясь на русские традиции, западники видели в существовании грубых форм крепостничества, обрекавшего народ на пассивность, сковывавшего его духовные силы. Учитывая, что социальное поведение крепостного крестьянства диктовалось его бесправием перед помещиками, следует признать исторически не обоснованной веру славянофилов в духовные силы народа как главный источник процветания России в те времена и в будущем. Западники реалистичнее оценивали исторические обстоятельства конца XVII века, утверждая, что невежественное крепостное крестьянство, поддерживавшее патриархальный уклад жизни, не могло стать инициатором возрождения России. Народ, писал Герцен, был не в силах ни защитить, ни освободить себя от произвола помещиков [6. С.168].

Отставание России от Европы в конце XVII в. для западников было очевидным историческим фактом. «В конце XVII века Московское царство представляло собою уже слишком резкий контраст с европейскими государствами, уже более не могло двигаться на ржавых колесах своего азиатского устройства: ему надо было кончиться, но народу русскому надо было жить...» [3. С.137]. Как видно, западники считали, что Московское государство, выполнив функцию собирания русских земель, из фактора прогресса превратилось в силу, сдерживающую развитие национальной жизни. Нужна была смена структуры власти. Даже К.Д.

Кавелин, выделив положительные моменты в эволюции российского государства, характеризуя его состояние в конце XVII в., считал, что власть не справлялась с решением даже основных задач – наведением порядка в управлении, поддержанием боеспособности войска, поступлением денег в казну. Произвол и отсутствие централизации стали главными пороками государственного управления.

Положительной славянофильской оценке самобытного развития России в московский период западники противопоставили свою характеристику русского образа народной жизни, называя его патриархальным, грустным, далеким от цивилизованных начал существования. Жизнь народа представляла собой естественное состояние, он еще не был пробужден к самосознанию. Западники подвергли резкой критике жестокость нравов в допетровской России, называя это время чудовищным, когда царил грубый произвол. По оценке западников, русский народ задержался в состоянии бессознательной естественности. Убежденность западников в том, что народ, стоявший в стороне от политической и общественной жизни, занятый только решением насущной проблемы физического выживания, не мог понять настоятельной необходимости нововведений, подтверждается ходом истории России.

Следующим этапом в развитии народа, считали западники, должен был стать период гражданственности, основанной на разумном осознании своей жизни. Отсутствие внутренних сил для эволюции общества, по убеждению западников, делало неизбежным обращение к европейскому опыту.

«Европейцы» 40-х гг. не позволили увести спор о реформах Петра Великого в плоскость рассуждений в сослагательном наклонении: по какому пути пошло бы развитие страны без петровских преобразований? Подобные гипотетические рассуждения, по мнению Белинского, были вызваны желанием повернуть историю вспять, верой в возможность исправить ошибки прошлого в настоящем. Западники считали, что исходить надо не из абстрактных представлений о желательном пути развития, что было свойственно славянофилам, а из признания действительности существующего, «действовать на его основании, руководствуясь разумом и здравым смыслом, а не маниловскими фан-

тазиями»[4. С.193]. Они выражали убежденность в том, что поворот на путь европеизации и цивилизации был великим событием в истории страны, а великие события не могут быть случайностью. «...великие события, имеющие влияние на будущность народов, не могут быть иначе, как именно так, как они бывают, разумеется в отношении к главному их смыслу, а не к подробностям явления»[4. С.189]. Невозможно придавать любое направление развитию страны волей одного человека, даже если он самодержец. Имея в виду реформы Петра Великого, Белинский писал: «Подобные события в жизни человека слишком велики, чтоб быть случайными, и жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый может давать произвольное направление легким движением весла» [4. С.193]. «Произвол не производит ничего великого: великое исходит из разумной необходимости, следовательно, от бога» (1844) [3. С.146]. Как видно, в суждениях Белинского о направлении движения страны есть черты провиденциализма, в 1844 г. он не исключал влияния бога на судьбу России, одновременно выделяя общественные факторы эволюции жизни народа.

Воззрения А.И. Герцена на причины изменения направления развития России в годы царствования Петра I не содержали провиденциалистских идей. Исследователи творчества Герцена отмечают, что его идеи о развитии России имели свое философское обоснование, отличающееся от теоретической основы учения западников-прогрессистов. Формулируя основную особенность мировоззрения Герцена конца 1840-1860-х гг., А.И. Володин подчеркивал уверенность мыслителя в отсутствии у человечества цели, заведомой подчиненности личности неким надчеловеческим – мнимым или реальным – силам [5. С.85]. Преобразования в общественном развитии происходят в процессе изменения форм и содержания жизни людей. Философски осмысливая преобразования Петра, Герцен считал значимыми не отдельные нововведения, а изменение состояния страны, преодоление застоя, запуск механизма развития страны: «Петр привел государство в движение...» [6. С.168].

Работы Кавелина и Соловьева о Петре I были созданы после окончания спора западников и славянофилов. Они могут рассматриваться и с точки зрения продолжения развития истори-

ческих идей западников (по мнению исследователей, кавелинская концепция русской историографии сложилась еще в 40-е годы [8. С.568]), и с точки зрения влияния дискуссии 40-х годов на историческую мысль в стране. Их концепции петровских реформ имеют немало сходных суждений.

Вопреки существующей в историографии интерпретации воззрения Соловьева и Кавелина на реформы Петра I как «революцию», которая не имела источников в предшествующей истории России [1], эти мыслители рассматривали петровские преобразования как продолжение политики предшествующего времени. Отличия в мероприятиях XVII и начала XVIII вв. Соловьев и Кавелин видели только в быстроте и резкости реформирования страны Петром I. «Но было бы ошибочно думать, что Петр – какая-то случайность в русской истории. Можно доказать положительными данными, что все его преобразования, не исключая ни одного, были постепенно подготовлены предшествующим временем и развитием: все вопросы решены им в том духе, в каком они поставлены предшествующей историей, только решены резко, круто, быстро» [7. С.164].

Основную причину проведения реформ в начале XVIII в. С.М. Соловьев видел в отставании России от цивилизованных народов Запада. ««Да и можно ли было медлить, когда несостоятельность во всем, несостоятельность материальная и нравственная, была так явна? (...) Западные европейские народы в описываемое время относительно цивилизации своей стояли высоко над русским, который должен был идти к ним в ученье...» [10. С.426].

Сравнительный анализ текстов западников о причинах проведения петровских реформ показывает, что мыслители были единодушны в признании отставания России от стран Европы как основного исторического обстоятельства, воздействовавшего на правительственную политику первой четверти XVIII века. Безусловно, представления Петра об отставании страны отличались от оценки потенциала Московского государства мыслителями 1840-х гг. Если Петр I не мог смириться с военно-экономическим отставанием страны, ставившим под угрозу ее суверенитет, то западники видели отставание отечества в отсутствии условий для формирования гражданского общества, сво-

бодного развития личности, культуры нового времени. Понимая, что человек не находился в центре преобразований Петра I, западники тем не менее положительно оценивали осознание самодержцем необходимости преодоления отставания страны путем расширения контактов с Европой. Они надеялись, что со временем социальное и культурное развитие общества приведет к утверждению в стране начал гражданского устройства.

Библиографический список

1. Багер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985.
2. Белинский В.Г. Россия до Петра Великого // Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9 т. М., 1976-1982. Т. 4. С. 7-63.
3. Он же. Петербург и Москва // Там же. Т. 7. С. 137-163.
4. Он же. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Там же. Т. 8. С. 182-221.
5. Володин А.И. Об историософии Герцена // Вопросы философии. 1996. № 9. С. 82-89.
6. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М.: Изд-во АН СССР, 1954-1966. Т. 7. С. 133-266.
7. Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 158-170.
8. Кантор В.К., Майорова О.Е. Примечания // Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 541-640.
9. Надеждин Н.И. Европеизм и народность, в отношении к русской словесности // Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 394-444.
10. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VII. Т. 13-14. М., 1991.
11. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1. С.523-538.

© В.В. Кудрявцев (ЯГПУ)

Современники о причинах поражения России в Крымской войне

Следует отметить постоянное расширение внимания современников к военным событиям в Крыму. Интересно, что еще до начала боевых действий некоторые современники не питали иллюзий о военном могуществе России. Сохранились свидетельства и о том, что в период обострения «восточного вопроса» представители общества отмечали: страна к войне не готова. Раньше всех об этом предупреждал в своей работе «Россия и русские» Николай Тургенев, представитель поколения декабристов, живший в николаевское царствование в эмиграции. В 1847 г. он отмечал, что русская армия не способна противостоять сильному будущему противнику [4. С. 5]. Е.М. Феоктистов отмечал, что можно было бы избежать войны с Турцией, «если бы правительство хоть сколько-нибудь ясно сознавало, чего оно хочет и какие должно преследовать задачи», но оно руководствовалось «не зрело обдуманной программой, а случайными впечатлениями» [10. С. 6].

Представители «мыслящего меньшинства», независимо от их философско-исторических позиций и видения путей развития России, являясь членами разных кружков, высказывали общую точку зрения, что основная причина поражения России в Крымской войне кроется в политическом строе. Они подвергли резкой критике деятельность николаевской бюрократии, обвиняя ее в безответственности, использовании должностей в своих личных интересах. Административная система в последние годы царствования Николая I имела черты внешнего благополучия, но фактически деятельность бюрократии была слабо связана с национальными интересами. Отрицательные последствия для России в годы Крымской войны имело ничем не ограниченное казнокрадство чиновников.

Фрейлина императрицы Марии Александровны А.Ф. Тютчева свидетельствовала, что в годы Крымской войны в правительственных кругах говорили о необходимости децентрализации управления страной, смене персонального состава министров, предоставлении им большей свободы, инициативности. Сам Александр II понимал необходимость перемен. Взойдя на

трон, он частично смягчил цензуру, объявил амнистию политическим заключенным. Очень важно, что Александр II первый из самодержцев в 1856 г. озвучил необходимость решения проблемы крепостного права [5. С. 172].

Современники, стремившиеся понять столь неожиданное для большинства поражение, были единодушны в своей оценке крепостнической системы: она сдерживает развитие страны, обрекла армию на поражение. Важно, что об этом серьезно заговорили в «верхах». Д.А. Милютин, начальник штаба Кавказской армии, в своем докладе царю в 1857 г. указывал на то, что именно крепостное право и рекрутская система не позволили России своевременно создать большую и сильную армию [5. С. 64].

А.Ф. Тютчева, передавая широко распространенное при Дворе и в обществе мнение о военных возможностях России, писала, что до Крымской войны могущество русского правительства представлялось многим колоссальным и незыблемым. «Вот 30 лет, как Россия играет в солдатики, проводит время в военных упражнениях и в парадах, забавляется смотрами, восхищается маневрами. А в минуту опасности она оказывается захваченной врасплох и беззащитной» [9. С. 80]. Политическая система, существовавшая в России, воспринималась Николаем I и его окружением единственно верной.

Удивительно, как легко рушилось это могущество при первом же столкновении с регулярными силами цивилизованных государств, хотя эти силы вовсе не были значительными. Союзники высадили в Крыму не такое многочисленное войско – около 70 тыс. чел. В сравнении с миллионной российской армией этот корпус вначале был не столь серьезной угрозой. Проигрыш русской армией одного сражения за другим вызвал в России шоковое впечатление. «И вдруг все это столь сурово оберегаемое здание оказалось гнилым в самом основании. ... Положиться было не на кого; везде царствовала неспособность. Даже армия, любимое детище царя, лишена была самых необходимых для действий орудий, и все доблести русского солдата тратились напрасно в неравной борьбе», - писал Б.Н. Чичерин, один из самых образованных людей в России того времени, западник по взглядам [8. С. 112].

В либеральных кругах общества преобладали пораженческие настроения. Феокистов писал о том, что во время Крымской войны люди, стоявшие высоко и по своему образованию и по своим нравственным качествам, желали не успеха России, а ее поражения. «Одна мысль, что Николай I выйдет из борьбы победителем, приводила в трепет» [10. С. 28]. А.И. Кошелев также отмечал, что «не видно было в народе никакого одушевления, хотя дело уже шло о защите своей земли». «В дворянских собраниях заметно было то же: шли в ополчение только те дворяне, которые с приличием не могли от того уклониться» [10. С. 28]. Это общее настроение уклонения от участия в военных действиях можно рассматривать как свидетельство незаинтересованности всех слоев общества в продолжении войны. Бездарное ведение войны оскорбляло людей и не вызывало у них воодушевления.

Обществу было известно, что положение русских войск в Крыму тяжелое в значительной степени из-за несвоевременной поставки военных грузов из центральных районов страны. В России практически совершенно отсутствовали удобные пути сообщения. Достаточно сказать, что к моменту начала Крымской войны в России было две железных дороги: Петербург - Царское Село и Москва - Санкт-Петербург. Снабжение севастопольской армии производилось теми же способами и средствами, как в 1812 г.: гужевым транспортом по грунтовым дорогам, выходившим во время распутицы весной и осенью из строя. Количество подвод и волов, потребовавшихся для доставки в Крым боеприпасов и обмундирования, было огромным и несоразмерным действительным возможностям страны. По времени эта доставка затягивалась на долгие месяцы, поскольку все основные предприятия находились в центральной части России. Основная часть повинности по доставке грузов легла на южные губернии. Для передвижения войск из центра на крымский театр затрачивалось много времени. Во время ускоренных маршей по грунтовым дорогам войска несли огромные потери. Так, например, Гренадерский корпус, выступивший из Москвы числом 32 тыс. человек, имел по прибытии в Крым только 12 тыс. [1. С. 402].

Лица, знавшие об утечке казенных денег, выделенных на содержание войска, были возмущены воровством в огромных

масштабах и всевозможными злоупотреблениями, которые сильно увеличивали неизбежные государственные расходы. Уникальных размеров достигло присвоение офицерами казенных сумм, отпускаящихся на питание солдат. Современников поражала при этом уверенность военачальников в собственной безнаказанности. П.В. Долгоруков привел в своих очерках факт вопиющего казнокрадства. В 1855 г. некий командир бригады обещал дать в приданое за своей дочерью половину того, что он «экономит» из сумм, отпускаемых на его бригаду. Стоит ли сомневаться, что свадьба состоялась и была отпразднована пышно и весело. Долгоруков свидетельствовал, что высокопоставленные лица грабили казну. Он обвинял в воровстве Владимира Андреевича Долгорукова, находившегося в течение нескольких лет адъютантом военного министра Чернышева, «который сделал его генерал-провиантмейстером в полной уверенности, что Владимир Андреевич в порученной ему части, ворочающей десятками казенных миллионов, будет допускать воровство самое наглое и самое бессовестное. Крымская война раскрыла всю бездну беспорядков и грабежа, приведенных в целую и стройную систему, потому что хорошо известно, что в России хаос и беспорядки везде, кроме грабежа и воровства» [2. С. 181].

Современников удивляла и система назначения на высшие должности, когда высокопоставленные лица протезировали бездарностям, а принцип выслуги лет обеспечивал чины не за военный талант, а за чинопочитание и угодливость. Было известно о том, что высшие офицеры боятся проявить инициативу. «Оказалось, что армия, которую Незабвенный считал образцом военного совершенства, потому что она выучена была отлично маршировать и отменно маневрировать, не может, невзирая на беззаветное мужество солдат, обер-офицеров и многих штаб-офицеров, бороться с армиями европейскими по причине непреходимой глупости генералов», - писал Долгоруков [2. С. 165].

Готовясь к войне с Турцией, правительство Николая I не позаботилось должным образом об организации тыла своей армии. Открытие театра военных действий застало русское командование врасплох. Созданная наспех Крымская армия даже не имела своих органов полевого управления, и все дело снабжения войск и флота легло на Симферопольскую провиантскую комис-

сию. Центральные органы управления не были в состоянии организовать снабжение войск [1. С. 460]. Действующая армия оказалась перед перспективой голода. Положение спасли пожертвования от жителей Мариуполя, Таганрога и Ростова (собранных 16 тыс. четвертей сухарей и значительное количество крупы) и заимообразная уступка продовольствия Донским войском [1. С. 461].

Во время Крымской войны хотя и заготовили значительное количество сукна, однако оно не было доставлено в действующую армию вследствие затруднений с транспортом. Сохранилось много свидетельств о вопиющих безобразиях при организации снабжения русских войск [1. С. 466]. Например, М. А. Вроченский писал в воспоминаниях «Севастопольский разгром», вышедших в Киеве в 1893 г.: «... о снабжении же наших войск теплой одеждой в это время (осень 1854 г.) еще никто и не помышлял... наши солдатики всю зиму пробавлялись в своих истасканных шинелишках, добавляя к ним, и то на собственные гроши, рогожи, которые надевали на себя в виде ризы на плечика во время дождя даже на голову, образуя огромный башлык... Этот наряд приводил в недоумение неприятелей, никак не могших решить вопроса — что это за особый род военного костюма...» [5. С. 337]. Е. Арбузов свидетельствовал, что «зачастую приходилось по три дня не иметь ни сена, ни овса; сухари и крупа выдавались людям неаккуратно...» [5. С. 337]. А. И. Дельвиг также писал в воспоминаниях о плохом питании солдат: «Слабость русской пехоты Буэ (французский генерал в Крыму) приписывал дурной пище и бивакам открытым и недостатку карабинов Минье» [5. С. 337]. На русской земле, в Крыму, войска французские, английские и пьемонтские вдали от своей родины не нуждались ни в чем, а русские солдаты умирали с голоду, гибли в госпиталях без призора, без помощи, даже без одежды, и когда хоронили мертвых, то чиновники и подрядчики военного министерства воровали даже их гробовые саваны [2. С. 166].

Воспоминания современников содержат сведения о неудовлетворительном медицинском обслуживании армии. Н.И. Пирогов, работавший в военных госпиталях Севастополя, писал о том, как плохо обстояло дело с врачебной помощью раненым: не хватало коек, лежали по несколько тысяч вместе, без меди-

цинского присмотра, существовала реальная опасность возникновения эпидемии. Во многих неудачах и просчетах он обвинял Меншикова и нерадивых руководителей. Он отмечал, что все население Севастополя не могло понять смысла причин такого бесчеловечного отношения к людям. «Бесполезная резня эта уже, я думаю, не мне одному надоела, бьют друг друга, ничего ровно не выигрывая; все остается, как было; они не решаются на штурм, мы не можем их прогнать, и так все идет без конца» [6. С. 107].

Неудачи Крымской войны вызвали негодование в среде армейских офицеров. Отражая настроения офицеров, Л. Н. Толстой, участвовавший в обороне Севастополя, записал в своем дневнике: «Велика моральная сила русского народа, много политических истин выйдет наружу и разовьется в нынешние трудные для России минуты. ... Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, и энтузиазм, возбужденный войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства» [1. С. 246]. Офицеры стремились воздействовать на военное ведомство и заставить его заботиться об интересах армии. Они стали громко обвинять руководителей военного ведомства и генералитет в косности и рутинерстве, нежелании совершенствовать военную технику, в сохранении отсталой системы боевой подготовки, в несовершенстве военной организации. Все эти протесты против порядков в армии совпадали с общим процессом переоценки ценностей в русском обществе.

А.Ф. Тютчева писала в дневнике об отчаянии и оскорбленном чувстве национального достоинства: «Моя душа полна отчаяния. Севастополь захвачен врасплох! Севастополь в опасности! Укрепления совершенно негодны, наши солдаты не имеют ни вооружения, ни боевых припасов; продовольствия не хватает. Какие бы чудеса храбрости ни оказывали наши несчастные войска, они будут раздавлены простым превосходством материальных средств наших врагов» [9. С. 71]. Несомненно, что А.Ф. Тютчева передавала оценки состояния русской армии, которые она слышала при императорском дворе и в кругу родных и друзей, живо интересовавшихся всеми наболевшими вопросами ор-

ганизации военного дела в России. Б.Н.Чичерин также негативно оценивал вооружение наших войск, говоря, что оно годилось только для парадов [8. С. 112].

Как видно, современники выделяли много причин поражения России в Крымской войне. Они сознавали, что исход войны решили не только стратегические просчеты, хотя и они вели к военной катастрофе. Основную вину они возлагали на чиновничество, подчеркивая, что его неотъемлемыми чертами стали многочисленные злоупотребления своей властью, низкий профессионализм, бесконтрольность, что усиливало безответственность многих представителей власти. Мыслящие люди понимали, что в условиях сохранения крепостного права страна обречена на отставание. Многие общественные деятели тех лет, хотя они и с болью воспринимали вести о проигранных сражениях русской армии, понимали, что крушение иллюзий о военном могуществе России может повлечь за собой преобразования. Война, а точнее, причины поражения в военной кампании, наглядно показали, какие реформы необходимо было провести в стране.

Библиографический список

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973.
2. Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860-1867. М., 1992.
3. Родина. 1995. №3-4.
4. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855-1881). Исторические очерки. М., 1909.
5. Ляшенко Л. Александр II, или история трех одиночеств. М., 2004.
6. Пирогов Н.И. Севастопольские письма. 1854 – 1855 гг. СПб., 1899.
7. Русское общество 40-50-х годов XIXв. Ч. I. Записки А.И.Кошелева. М., 1991.
8. Русское общество 40-50-х годов XIXв. Ч. II. Воспоминания Б.Н.Чичерина. М., 1991.
9. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990.

10. Феоктистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. Л., 1929.

© Т.В. Куперасова (ЯГПУ)

Исторические условия формирования культуры народнической интеллигенции 1870-х гг.

Современная историческая наука подвергла существенной корректировке, обогатила и дополнила традиционный взгляд на народничество 1870-х гг. В современных исторических концепциях народничество – это не только идеология и основанная на ней практическая деятельность семидесятников. Это вполне определенная социокультурная модель, культурный мир. Культура в данном случае рассматривается не как совокупность передаваемой негенетическим путем информации и не как сфера неприродных, созданных человеком явлений, а как известный стиль мировосприятия, поведения и творчества [1].

Одним из условий возникновения народничества являлись взаимоотношения власти с интеллигенцией. Власть враждебно относилась к интеллигенции, видя в ней своего идейного противника, который может оказывать значительное культурное воздействие на общество.

В русской философской мысли начала XX в. была принята попытка представить народническое воззрение на причины борьбы с властью, которая рассматривалась как зло самодержавия и зло рабства [2]. Основную политическую причину возникновения радикального движения в России философы видели в деспотизме власти.

Советская историография акцентировала внимание на таких причинах народничества, как полицейский произвол власти и низкий уровень жизни народа.

Большинство историков согласно с тем, что радикальная интеллигенция принадлежала уже к совершенно другой духовной формации, нежели организаторы декабрьского восстания 1825 г. Декабристы отнюдь не избегали контактов с государством, это были люди, находившиеся на государственной службе, нередко занимавшие очень влиятельные посты. Они пытались воспользоваться государственным механизмом, прежде всего

армией, для осуществления своей программы. Хотя они стремились установить новую форму правления – превратить самодержавие в конституционную монархию, их образ действий (дворцовый переворот) восходил все-таки к XVIII столетию. При этом на последнем этапе декабристы отказались от сотрудничества с властью, взяв ответственность за проведение преобразований.

С 1830-х гг. интеллигенция находилась в идейной оппозиции с властью, она ставила перед собой задачи воспитания общества. В отличие от декабристов, радикальная интеллигенция отрицала государство как таковое. Слуги государства весьма редко оказывались в ее рядах. Этот антигосударственный радикализм был, безусловно, связан с общими политическими, историческими условиями, которые сложились ко времени, когда на сцену вступила интеллигенция. Непризнание властью духовной свободы личности высшей ценностью было одним из важнейших политических условий радикализации революционного движения.

Однако истоки народничества надо искать не только в особенностях политического режима и условиях жизни народа, но и в культурной истории. Хотя народничество было уникальным явлением русской жизни пореформенного периода, оно возникло не в «культурной пустыне» [3], а имело разнообразные корни в различных культурных пластах. Трансформация влияний, испытанных народнической интеллигенцией, была столь значительной, что трудно проследить усвоение ею идей, выработанных иными интеллектуальными кругами. Тем не менее, духовный мир народников явил черты, присущие другим социальным группам, что можно объяснить промежуточным социальным и культурным положением разночинцев, участвовавших в народническом движении.

Социальным условием формирования культуры радикальной интеллигенции было ее положение в обществе.

Важное место в освободительном движении тех лет принадлежало так называемым разночинцам. Показательно, что до 1860-х годов само понятие «разночинец» было тождественно понятию «интеллигент». Разночинцы были выходцами из обедневшего дворянства, мелкого чиновничества, разорившегося купечества или духовенства. Их считали привилегированным со-

словием, поскольку они не платили подушную подать. Однако им было запрещено владеть крепостными и землями, заниматься торговлей, предпринимательством и ремеслом, что создавало благоприятные условия для формирования разночинской интеллигенции, выступившей в качестве оппонента существовавшего тогда строя.

Интересную характеристику разночинской интеллигенции предложил в начале XX в. социал-демократ А.Н. Потресов. «Дело в том, - писал он, - что с конца пятидесятих годов на подмостках русской исторической сцены появилось новое лицо и заявило о праве на внимание к себе. То был разночинец. Дети ошеломленного крестьянской реформой, оскудевающего дворянства, провинциального духовенства, и всякого служилого люда, мелкого мещанства и даже крестьянства в ту переходную, полную бродящих сил эпоху, шли в разночинскую армию. Эта армия при всей пестроте своего состава имела много сходных черт с тем общественным слоем, который в более дифференцированной общественной среде носит название «интеллигентного пролетариата». Самое слово «разночинец» уже указывает на разнородность его происхождения, на то обстоятельство, что в самый момент его крещения этим именем процесс его образования из других общественных слоев особенно ярко бросался в глаза» [4]. Подобное видение социальных истоков формирования разночинства было присуще многим исследователям русского общественного движения и нашло дальнейшее развитие в исторической науке.

Согласно подсчетам В.С. Антонова, среди участников революционного движения за все 1870-е годы доля дворян находилась на уровне 31-32%. Их число начинает заметно снижаться в 1880-х гг., составив в 1886 г. около 24,2%. Тех, кого по социальному положению можно отнести к так называемым разночинцам, было более 50% [5].

В соответствии с анализом Н.А. Троицкого, петербургская группа «чайковцев» на три четверти состояла из дворян, преимущественно мелкопоместных и средней руки, дворяне преобладали и в большинстве провинциальных групп общества [6]. Кроме того, очень многие из «чайковцев» в разное время

учились в высших учебных заведениях и имели незаконченное высшее образование.

С изменением социального состава оппозиционной среды западные и некоторые дореволюционные отечественные исследователи связывали усиление радикализма в общественно-политическом движении России. Крайний радикализм интеллигенции 1860-70-х гг. в отличие от поколения 1840-х гг. большинство историков пытается объяснить сословными или психологическими причинами. О поколении так называемых «отцов» говорится, что они происходили по большей части из помещичьих семей. Их социальное положение было стабильным. Лишь очень редко приходилось этим людям терпеть нужду. Отсюда делается вывод, что уже в силу своего происхождения «отцы» не могли быть социально беспочвенными и идеологически непримиримыми, какими стали последующие поколения русской интеллигенции. Для «отцов» было естественным уважать традиционные формы общения и правила игры с противником, вопреки идеологическим расхождениям. Отказ от приличий, огрубление языка и ожесточение политического мышления историка объясняют тем, что в интеллигентский «орден» стали рекрутироваться выходцы из нижних слоев.

Мастерски описали новый тип интеллигента некоторые представители интеллигенции более старшего поколения, пережившие подлинный шок при появлении так называемых новых людей. Если верить А.И. Герцену, «новые люди» были чувствительны, как мимозы, малейшая критика казалась им оскорблением их достоинства. Но сами они, что называется, за словом в карман не лезли. Критикуя других, они становились совершенно беспощадными. Непомерное честолюбие сочеталось у них с оскорбленной позой, они обвиняли во всем общество, в котором не находили желаемого признания.

С критикой непочтительных «детей-нигилистов» выступали И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский и другие представители «романического» поколения интеллигенции. Их повергло в ужас не только поведение, но, прежде всего, их мировоззрение, их яростный поход против идеалистической эстетики и философии, обращение к плоскому материализму и утилитаризму. Русские

гуманисты середины 1850-х гг. видели в этом какое-то нашествие вандалов на русскую культуру.

Переход лидирующей роли в общественном движении от дворян к разночинцам, считал С. Хэркейв, привел к естественному повышению радикализма, поскольку на смену «мягкотелым и образованным гуманистам-дворянам пришел тип требовательного и несдержанного в своих устремлениях плебея-демократа». Радикализм разночинца, по мнению Т. Самуэли, лишь усугублялся его деклассированностью, положением истинного интеллектуального пролетария, изолированного от правящих классов своим мировоззрением, а от народа – образованием [7].

Н.А. Бердяев писал: «В 1860-е гг. меняются характер и тип русской интеллигенции, она имеет иной социальный состав. В 1840-е гг. интеллигенция была по преимуществу дворянской. В 1860-е гг. она делается разночинной. Приход разночинца – очень важное явление в истории русских социальных течений. В России возникает интеллигентный пролетариат, который будет ферментом революционного брожения. Большую роль будут играть интеллигенты, вышедшие из духовного сословия. Бывшие семинаристы делают нигилистами. Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов – сыновья священников, воспитанные в семинарии. Есть что-то таинственное в возникновении общественных движений. В 1860-е гг. в России открывается «общество», образуется общественное мнение» [8].

Возникновение многочисленного слоя разночинцев неизбежно сопровождалось формированием своеобразной субкультуры. Культура народнической интеллигенции в значительной степени была эклектической, соединением отдельных ценностей предшествующих поколений интеллигенции, черт мировосприятия народа и собственных идеалов и установок.

Важнейшим условием формирования духовного облика народнической интеллигенции было историческое положение разночинцев. Их близость к народу обусловила интерес к массам и восприятие некоторых черт ментальности крестьянства. Разночинская интеллигенция впитала в себя свойственное русскому народу стремление к уравнительности и социальной справедливости. Кроме того, она ограничила свои идейные запросы, жиз-

ненные ориентиры, сконцентрировав внимание на узком круге вопросов, решение которых, с их точки зрения, должно было способствовать изменению образа жизни крестьянства.

Культура разночинской интеллигенции создавалась в условиях господства реализма в науке. Крушение романтизма и поворот к «реализму», к вере в науку, - это общеевропейский феномен середины XIX века. И на Западе время интеллектуального преобладания эстетов и идеалистов, увлеченных высокими философскими материями, уходило в прошлое. Но обращение к действительности означало здесь принятие неизбежно связанных с нею обстоятельств на Западе. Немало бывших революционеров 1848 г. отказалось от идей, за которыми не стояло никаких материальных сил. Эти идеи превратились для них в химеры. Август фон Рохау в книге «Основы реальной политики» (1853), сыгравшей огромную роль в эволюции политических идей того времени, писал, что только власть является силой, способной править, власть – первое условие счастья народов: нация, пренебрегшая властью, отжила свое. Слова эти цитировались потом неоднократно.

В России уход от идеализма привел к совершенно иным результатам. Поворот к реализму среди радикальной интеллигенции привел к утверждению позиции непризнания российской действительности, критике ее политических и социальных сторон. Режиму была объявлена непримиримая война. Русская интеллигенция заняла позицию антиэтатизма, не признавая государство как позитивную силу, содействующую развитию цивилизации.

То, что народники 1870-х гг. так «неразумно» реагировали на тогдашнюю русскую действительность, в отечественной публицистике не случайно расценивалось как глубокая национальная трагедия. Немало требований, выдвинутых предшествующими поколениями противников самодержавия, выполнялись тогда одно за другим: освобождение крестьян, смягчение цензуры, судебная реформа, местное самоуправление. Радикальная интеллигенция не придавала этому никакого значения. Она не собиралась участвовать в этой реформаторской деятельности. Другими словами, она сама отстранила себя от практической

работы, которая могла стать для нее школой политического мышления и действия [9].

Таким образом, важными историческими условиями формирования культуры народнической интеллигенции было враждебное отношение власти к образованному социальному слою, претендовавшему на духовное руководство народом, появление категории разночинцев, стремившихся занять собственную социальную нишу, и многообразные идейные направления в западной и русской мысли, ментальность различных социальных слоев.

Примечания

1. Такой подход с успехом использует В.Г. Шукин при изучении западничества, считающий, что в этом смысле о культуре русских западников можно говорить точно так же, как о культуре старообрядцев, славянофилов. См.: Шукин В.Г. Русское западничество. Генезис – сущность – историческая роль. Lodz, 2001.; Шукин В.Г. Культурный мир русского западника // Вопросы философии. 1992. №5. С. 74 – 86.

2. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. М., 1990. С. 16.

3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. М., 1990. С. 33.

4. Потресов А.Н. (Старовер) О «наследстве» и «наследниках» // Этюды о русской интеллигенции: Сб. статей. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1906. С. 90.

5. См.: Гинев В.Н. Блестящая плеяда // Революционеры 1870-х годов. Л., 1986. С. 40.

6. Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды. Саратов, 1991. С. 28.

7. Цит. по: Карпачев М.Д. Истоки российской революции: легенды и реальность. М., 1991. С. 82-83.

8. Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков, 2000. С. 102.

9. Люкс Л. Интеллигенция и революция. Летопись триумфального поражения // Вопросы философии. 1991. №11.

© Г.В.Карандашев (ЯГПУ)

Социально-экономические последствия казенной винной монополии в России в конце XIX- начале XX в.

Существует мнение, что под влиянием климатических и экономических условий, национальных особенностей у разных народов сформировались определенные взгляды и ценностные ориентации на место и роль алкоголя в жизни людей, типы и модели потребления спиртного. Это сыграло важную роль в определении темпов алкоголизации, характера и степени тяжести ее последствий. Как считает ряд исследователей, менее благополучный характер, чем у многих европейских народов, приобрело формирование алкогольных обычаев в дореволюционной России.

Считается, что до конца XVI в. в России не было массового пьянства. Потребление слабоалкогольных напитков (пива, браги, медовухи), изготавливаемых в домашних условиях, происходило по случаю строго установленных событий и носило эпизодический, ритуальный характер. Потребление алкоголя приобрело иной характер, когда продажа спиртных напитков стала делом казны. В условиях постоянных финансовых затруднений и необходимости содержать значительную армию правительство стремилось сосредоточить в своих руках все основные источники поступления денежных средств. Важнейшим из них стало питейное дело[1].

Период с конца XVI в. до 1765 г. характеризуется борьбой за утверждение господства государственной винной монополии и искоренение домашнего изготовления алкогольных напитков. Открываются специальные казенные заведения – кружечные дворы, или кабаки, с которых назначается определенная выручка с продажи водки. Кабаки становятся неотъемлемой частью русских городов и сел. Чтобы обеспечить поступление в казну требуемой суммы, применялись наказания крестьян, в случае если выручка оказывалась ниже намеченной. Крестьянам строго, под страхом отсечения рук и ссылки в Сибирь, запрещалось курить (т.е. производить) и продавать вино.

Следствием таких действий было фактическое упразднение свободного приготовления и продажи спиртного. Корчма, как место приема пищи и хмельных напитков, групповых встреч

и общения, уступила место кабаку, где культивировалось потребление алкогольных напитков без закуски.

Казенная винная монополия неблагоприятно повлияла на народные обычаи и нравы. Так, монополия полностью не исключала домашнего приготовления спиртных напитков. В некоторых случаях разрешалось варить пиво, брагу, медовуху, за что взималась определенная пошлина. При этом все приготовленное семья должна была выпить в течение 3-4 дней, что толкало к чрезмерному потреблению алкоголя и порождало многолюдные попойки. Чтобы получить разрешение на приготовление вина, люди, помимо свадеб и поминок, стали использовать как основания для подачи прошений и другие события: крещение детей, именины, проводы в армию и т.д. Потребление алкоголя по случаю таких событий постепенно превратилось в строго установленную норму, обычай [2].

В 1894 – 1917 гг. право изготовления и продажи крепких напитков вновь получает государство. Введение монополии сопровождалось ростом цен на водку. В 80-х годах 1 ведро спирта стоило 7 руб., в 1910 г. – 22 руб. Увеличилось потребление пива: в 1904 г. в России было выпито 53 млн. ведер, а в 1907 – 75 млн. Население России тратило на алкогольные напитки около 1 млрд. руб. в год, что составляло 10 % народного дохода. Кроме благоприятных для правительства финансовых результатов (в 1903 г. валовой доход казны составил 541 миллион рублей, а чистая прибыль равнялась 387; в 1913 г. – соответственно 893 и 675 миллионов рублей) было улучшено качество водки и упорядочена питейная торговля. Но введение винной монополии имело и отрицательные последствия [3].

В многочисленных казенных винных лавках разрешалась продажа водки только на вынос. Постепенно формировался новый, более грубый вид алкогольного потребления – уличное распитие спиртного. Для пьяниц-бедняков посещение трактиров было неприемлемым из-за того, что требовалось покупать пищу, а, кроме того, их туда не всегда пропускали. Крестьяне, приезжавшие на базар, также распивали вино на улице, а потом направлялись в чайные, где приобретали пищу и чай. Нередким было явление, когда крестьяне в чайной попечительства о народной трезвости заказывали пищу, затем на улице, после посеще-

ния казенной винной лавки, распивали водку, а потом возвращались в чайную и закусывали[4].

В Нижнем Новгороде на улице Миллионной, которая и до монополии имела дурную славу благодаря обилию трактиров и гостиниц низшего сорта, с введением казенной продажи все безобразия, творившееся в этих заведениях, вышло наружу. Босяки и не имевший занятий люд обоого пола были вытеснены из насиженных мест. Всякий проходивший по ней видел толпу пьяных, расположившихся вдоль улицы в районе казенной винной лавки. Целыми рядами там сидели торговки, вместе с закусками предлагая стаканчики [5].

Попытка правительства приучить народ к домашнему потреблению вина не увенчалась успехом. Это можно объяснить существованием крепких общинных традиций винопития, так называемого «обрядового алкоголизма». Население лишилось привычного места потребления алкогольных напитков, а ведь практически все сделки, заключавшиеся между крестьянами, сопровождалось потреблением вина именно в питейных заведениях, что можно сравнить с народной правовой традицией [6].

Введение казенной винной монополии привело к развитию тайной продажи вина. Интерес вызывает тот факт, что к моменту реформы у населения, а в особенности у тайных продавцов, на руках скопилось значительное количество запасов вина. Спекулянты рисковали очень мало: приобреталось вино еще до реформы, следовательно, вполне легально; сбывалось исключительно верным лицам, что было вполне безопасно. По словам В.К. Дмитриева, увлечение новой «отраслью промышленности» приняло местами прямо-таки эпидемический характер. Установить состав преступления было невозможно, так как покупатели – обычно односельчане - отрицали факт покупки, «угощение» же знакомых преследованию не подлежало [7].

Нелегальная продажа вина приносила огромный вред деревенским жителям. В некоторых селениях спиртное можно было купить почти в каждом доме. В базарных селах шинкарили почти во всех чайных. Бакалейные лавки также торговали водкой. Достать спиртное можно было в любой час дня и ночи. Шинкари закупали водку в казенных винных лавках, крупные - чуть ли не целыми возами. Доход варьировался от нескольких

копеек до 10 руб. в сутки, смотря по смелости торговца и его популярности. Особенно бойкая торговля в шинках замечалась накануне праздников и вообще в то время, когда винные лавки были закрыты [8].

В распространении нелегальной торговли вином особых различий не наблюдалось. В Московском уезде Московской губернии из 250 селений легальная торговля вином производилась в 60. При этом в уезде функционировало приблизительно 172 места нелегальной продажи алкоголя. [9]. По количеству мест продажи алкоголя незаконная торговля значительно превосходила легальную.

В Министерстве финансов прекрасно осознавали, что резкие ограничения в торговле спиртными напитками приводят к развитию шинкарства. По ходатайству С.Ю. Витте в Нижнем Новгороде, особенно на ярмарочной территории во время большого скопления народа, помимо предполагавшихся к открытию казенных винных лавок, следовало сохранить простонародные распивочные заведения - кабаки. При этом признавалось, что полное устранение или даже чрезмерное сокращение их числа в данной ситуации привело бы к «возникновению притонов разгула и бесчинства», борьба с которыми силами полиции и акцизного надзора, как показала предыдущая практика, была крайне неудачна [10].

По подсчетам краеведов, еще в 1897 г. на нижегородской ярмарке было 45 трактиров, 9 перворазрядных ресторанов, 13 пивных, 49 кухонь, 15 гостиниц, 83 номерных заведения. А в 1899 г. Великое торжище (на территории ярмарки) располагало 78 трактирами, 20 ренсковыми погребями, 15 погребями русских виноградных вин, 7 складами вина и спирта, 5 складами кизлярки, 11 разными буфетами, 12 пивными лавками. В прилегающих к ярмарке селах также было много питейных заведений: 1 винный склад, 11 ренсковых погребов, 13 пивных, 2 буфета и 33 трактира находились в Кунавине, а 14 простонародных трактиров – в селе Гордеевка [11].

Таким образом, заинтересованность в получении наибольшего дохода препятствовала правительству бороться с народным пьянством. Отрицательным последствием монополизации питейного дела в руках государства стало утверждение в России

относительно неблагоприятной формы алкогольных обычаев и традиций, что привело к таким последствиям, как развитие незаконной торговли алкоголем, предпочтение населением более крепких спиртных напитков, уличному потреблению алкоголя.

Библиографический список

1. См.: Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005. С. 54 – 71; Заиграев Г. «Русское пьянство» - домыслы и реальность // Слово лектора. 1989. № 5. С. 40 – 42; Энциклопедический словарь спиртных напитков / Г.Ю. Багриновский. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 312 – 320.
2. См.: Там же.
3. См.: Грановский Л. Алкоголизм и кооперация. 3-е изд. М., 1919. С. 10; Такала И. «Веселье Руси»: из истории алкогольной проблемы (1900 - 1930-е гг.) // Нормы и ценности повседневной жизни, становление социалистического образа жизни в России в 1920 – 30-х гг. / под ред. Т. Вахавайнена // Нева. 2000. С. 255; Нижегородская земская газета. 1910. № 38, 30 сентября.
4. Государственный архив Костромской области. Ф. 232. Оп. 1. Д. 2606. Л. 2.
5. Государственный архив Нижегородской области (далее ГАНО). Ф. 63. Оп. 268/1. Д. 149. Л. 446-447.
6. См.: Шатковская Т. В. Правовой быт российских крестьян второй половины XIX в. Ростов н/Д, 2000. С. 17.
7. См.: Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 2001. С. 148.
8. См.: Деревенское зло // НЗГ. 1913. № 44. 14 ноября.
9. См.: Деревня и запрещение продажи питей в Московском уезде. М., 1915. С. 37-39.
10. ГАНО. Ф. 718. Оп. 221а. Д. 6. Л. 2.
11. См.: Абрамов Д. «Кружала» (Питейное дело на Нижегородской земле) // Монитор. 2002. № 4. 4-10 февраля.

© А.М. Новоторцева (ЯГПУ)

**Территориально-отраслевые особенности развития
промышленного законодательства в России
в конце XIX – начале XX века**

В настоящее время изменение промышленного законодательства в России приобретает особое значение для стимулирования роста отечественной промышленности. В этой связи проблема территориально-отраслевого регулирования промышленного сектора в стране является не менее актуальной и предполагает достаточно взвешенный, дифференцированный подход к разработке и принятию новых законодательных норм. Подобные проблемы возникали и в конце XIX – начале XX в. Наиболее показательно влияние территориально-отраслевых факторов на создание законодательных основ российской промышленности проявилось в целом ряде налоговых норм.

Несмотря на то, что многие характерные черты и недостатки налоговой системы, существовавшие в России в конце XIX – начале XX в., уже являлись предметом специального изучения в исторических работах, территориально-отраслевые особенности налогового законодательства оставались мало исследованными [1]. Проведенный отбор материала из Полного собрания законов Российской империи за 1881-1913 гг. свидетельствует, что наиболее показательно влияние территориально-отраслевых условий на налоговое регулирование российского предпринимательства было представлено на развитии пяти отраслей отечественной промышленности – золотоплатиновой, нефтедобывающей, соляной, а также чугуноплавильной и извозном промысле.

В конце XIX в. особое значение для государства имело поддержание и развитие золотоплатиновой отрасли. Повышенное внимание правительства к регулированию данного вида деятельности было обусловлено историческими обстоятельствами открытия и разработки золота в стране. Оно было открыто сравнительно поздно, в первую половину XVIII в., а его добыча началась только во вторую. Долгое время на его разработку распространялась государственная монополия, и лишь в начале XIX в. впервые были разрешены поиски золота частным лицам в их собственных горнозаводских дачах. Ходатайства частных лиц о разрешении искать золото на казенных землях Сибири не удовлетворялись до 1826 г., после чего право на это получили всего несколько купцов [2].

В 1881 г. было утверждено мнение Государственного совета об изменении и дополнении действующих законов относительно взимания в пользу казны сборов с золотопромышленности и удовлетворения золотопромышленников за добытое ими золото. Во-первых, золотоносные местности в зависимости от содержания в них золота разделялись на три разряда: Олекминский, Амурский и остальные округа Восточной и Западной Сибири, включая Пермскую и Оренбургскую губернии, а также киргизские степи.

Во-вторых, за право пользования казенными землями, отведенными под золотые прииски, вместо устаревшей посаженной платы вводилась поземельная (или подесятинная), то есть по числу десятин каждого из приисков, вне зависимости от того, были ли они работающими или нет: в местностях первого разряда - 10 руб., второго - 5 руб., третьего - 1 руб. с десятины в год. Если части десятины были меньше половины, то поземельной платой они не облагались, а полудесятины и больше облагались как целые десятины.

В-третьих, с золота, добытого на землях владельческих и казенных, за исключением Верхнеудинского и Баргузинского округов, в пользу государственного казначейства взималась натуральная подать по количеству содержащегося в лигатурном золоте чистых металлов, отдельно с золота и серебра в размерах, зависящих от местностей по их разрядам [3]. Каковы же были основания введения изменений в установленный порядок?

В конце XIX в. большинство приисков Уральской горной области, Западной Сибири и киргизских степей были достаточно бедными по содержанию в них золота. В этой связи в 1872 г. правительство временно приостановило взимание с них посаженной платы, а в 1881 г. ее совсем отменило. Кроме этого существовавшая процентная подать с золота (горная подать) была очень высока и не согласована с чистым доходом от прииска. Вследствие этого прииски со сравнительно скудным содержанием золота оставались неразработанными, а количество добывавшегося золота сократилось с 2400 пудов в 1871 г. до 1995 пудов в 1875 г. Это обстоятельство повлекло отмену и процентной подати в ноябре 1876 г [4].

В итоге эти и другие льготы принесли ощутимые выгоды российским золотопромышленникам и способствовали успехам золотопромышленности в целом: в 1879 г. добыча золота поднялась до 2631 пудов. При этом стесненное положение государственного казначейства, лишившегося от отмены подати с золота свыше 2 млн. руб. ежегодного дохода, заставило власть вновь обратить внимание на данный источник обложения. Законом от 19 мая 1881 г. процентная и поземельная (подесятинная) плата в доход государства была восстановлена, а для приисков на кабинетских землях была сохранена также посаженная плата. Это привело к очередному уменьшению добычи золота в стране: в 1883 г. в Олекминском округе его добыча составляла 284 пуда, а к 1891 г. она упала до 187,5 пудов.

В Амурской области добыча золота начала регистрироваться на шестнадцать лет позже, чем в Олекминском округе, в 1868 г. Однако с 1880 по 1889 гг. она достигла 3249 пудов (в среднем 324,9 пудов в год) и превышала подобный показатель в Олекминском округе, отнесенном к первому разряду золотоносных местностей. Следует отметить, что обе области испытывали одинаковые трудности, связанные с их географическим положением, – суровые климатические условия, недостаточная исследованность и разработанность минеральных богатств, сложность заселения, отсутствие и нехватка коммуникаций.

Кроме этого в Олекминском округе россыпи залегали на достаточно большой глубине, поэтому промышленникам приходилось вести дорогостоящие подземные работы. Однако сборы с приисков там были выше, чем в Амурской области, находившейся в гораздо лучших условиях, что свидетельствовало об относительной неравномерности обложения данной отрасли. В 1890-1902 гг. в Амурской области было добыто 5531 пудов золота (в среднем 425,5 пудов в год); в 1891-1893 гг. в Олекминской области – 424 пуда золота (в среднем 141,3 пуда в год; всего до 1895 г. было добыто 8000 пудов золота); в 1896 г. в Пермской губернии добыча золота составляла чуть более 298 пудов [5].

Другой особенностью налогообложения данной отрасли являлось сочетание денежной платы с натуральными сборами. Взимание промышленного налога в виде натуральной подати с добываемого золота и платины свидетельствовало, с одной сто-

роны, об «историческом остатке», который подразумевал налог с различных российских инородцев и жителей окраин, поступавший не в государственный доход, а в Кабинет Его Императорского Величества. В то же время Верхнеудинский и Баргузинский округа, представлявшие собственность Кабинета, из перечня были исключены. Это позволяет сделать вывод, что его сохранение в большей степени было предопределено другими объективными факторами, связанными с потребностями пополнения финансовых ресурсов страны или золотого запаса. Для этого была предусмотрена обязательная сдача добытого золота в казну и сложный порядок расчета между казной и золотопромышленниками. Последние были обременены также расходами по доставке золота в Санкт-Петербург и чеканкой монеты [6].

В марте 1901 г. на предприятия, добывавшие золото и платину в России, было распространено «Положение о государственном промысловом налоге» 1898 г. В п.6 и п.7 закона указывалось, что основанием для исчисления размера дополнительного промыслового налога наряду с другими требованиями должна была служить разность между валовым доходом предприятия, определявшегося по стоимости добытого им золота и платины, и промысловыми расходами. Под ними подразумевались расходы на рабочих в течение года, куда входила средняя стоимость годового рабочего и их среднее число, а также общие расходы по ведению дела [7].

По закону от 12 марта 1901 г. налог должен был уплачиваться при выборке золото - и платинопромышленными предприятиями особого промыслового свидетельства на каждый прииск. Цена его зависела от отведенного под прииск земельного пространства: в Олекминском округе - 2 руб. 50 к. с десятины; в Амурской области - 1 руб. 50 к.; в Приморской области - 1 руб.; во всех других областях империи - 50 к. Такая поддесятичная плата за право пользования казенными землями была установлена ст. 533 Устава Горного, изданного в 1893 г. [8].

Поземельный сбор являлся важным инструментом в налоговой политике государства по отношению к регулированию золотопромышленной отрасли, включая также разведку и добычу платины. Например, в 1901 г. казенные золотые и платиновые промыслы и земли, сданные в аренду частным лицам на основа-

нии особых условий, не подлежали государственному промышленному налогу точно так же, как и земли, составлявшие собственность Кабинета Его Императорского Величества – Верхнеудинский, Баргузинский, Селенгинский и Троицкосавский округа[9].

Следует отметить, что в зависимости от земель и форм владения ими (особой посессионной, арендной и частновладельческой) распределялось поступление налога в доход казны, городов и Кабинета. Сумма раскладочного сбора на империю с золотопромышленных предприятий устанавливалась не на трехлетие, а ежегодно в законодательном порядке. Так, на 1902 г. - в размере 700 000 руб., на 1907 г. - 200 000 руб.; особый сбор с предприятий, находившихся на посессионных землях в 1902 г., - в размере 42 000 руб., в 1907 г. - 35 000 руб. В 1912 г. общая сумма раскладочного сбора была определена в 120 000 руб., а особого сбора на посессионных землях - 71 000 руб. Исключение составили горные округа, входившие в ведение Пермской казенной палаты. Для них устанавливалась специальная сумма в 27 682 руб [10]. Как видно, на протяжении десяти лет с 1902 по 1912 гг. наблюдалось понижение ставки одного из видов дополнительно промышленного налога.

Это объяснялось тем, что к началу XX в. новых перспективных приисков практически не открывалось, а большинство старых, ранее открытых, уже выработало свой ресурс. Содержание золота в золотоносных песках и породах уменьшалось, при этом возрастала плата за рабочую силу и продукты первой необходимости в золотопромышленных округах [11]. В 1901 г. был издан закон о понижении на один год горной подати и подесятинной платы с золотопромышленных предприятий в Олекминской и Амурской областях. В Олекминском округе горная подать от валовой добычи золота и подесятинная плата должны были составить по 5%, в Амурском округе - по 3% [12]. В целом можно заметить, что правительство достаточно чутко реагировало на возможности золотодобычи и пыталось корректировать сложное по составу налогообложение отрасли с учетом изменений производственных показателей ее развития.

Не менее важное и стратегическое для страны значение наравне с золотопромышленностью имело развитие чугунопла-

вильного производства, напрямую связанного с пароходным, машинным и железнодорожным строительством. Как следствие, в 1901 г. была отменена горная подать с чугуна. Признав введение этого закона своевременным, правительство решило уравнять положение данной отрасли промышленности в отношении государственного обложения с другими отраслями, сохранив при этом добавочную подать в размере 1,25 к. с пуда получаемого продукта на посессионных заводах [13].

Понижение ставки раскладочного сбора и упразднение некоторых промышленных налогов являлись не единственными задачами для высшего финансового руководства. Ему предстояло решить еще целый ряд вопросов, в том числе в социальной и научно-технической сфере. В частности, в законе от 12 марта 1901 г. был п.13, предусматривавший льготы по уплате дополнительного сбора предприятиями, применявшими сложные технические способы по добыче металлов. Министру финансов по соглашению с министром земледелия и государственных имуществ, а также Государственным контролером предоставлялось право освобождать от дополнительного промыслового налога на срок не более пяти лет те золотопромышленные компании, которые производили извлечение золота и платины химическим путем или использовали с целью усиления их добычи новые приемы, требовавшие особых затрат. Закон также предписывал уменьшить общую сумму раскладочного сбора [14].

Известно, что в конце XIX в. Россия была богата месторождениями разного рода соли – каменной, самосадочной и выварочной. Но, несмотря на ее обилие и освобождение соляных промыслов от внутренних налогов, потребление соли в стране возрастало очень медленно. Ее добыча из года в год подвергалась значительным колебаниям, напрямую зависевшим от состояния погодных условий. Для того, чтобы противостоять данному фактору, необходимо было искать новые способы ее добычи и применять более современные технические средства [15].

В этой связи от попутной платы за глауберову соль, добываемую из сивашской рапы, сроком на пять лет было освобождено товарищество Чонгарских соляных промыслов. Министру государственных имуществ предоставлялось право распространять эту льготу на тех крымских солепромышленников, арендо-

вавших казенные соляные промыслы или пользовавшиеся рапой из Сиваша за попудную плату, которые на своих промыслах устанавливали производство глауберовой соли из маточного рассола, остававшегося после садки поваренной соли [16]. Эта мера была введена с целью повысить эффективность работы отечественных солепромышленников, поскольку маточные растворы, полученные при выварке соли, обычно выбрасывались и не всегда перерабатывались. При этом на некоторых солеварнях, когда раствор содержал много йодистых и бромистых солей, его употребляли как лечебное средство для приготовления ванн. В других случаях из маточного рассола получали хлористый калий, глауберову и магниезиальные соли.

В 1905 г. налоговые льготы затронули и нефтедобывающую отрасль. В августе было объявлено об освобождении от попудной платы известной доли нефти, добываемой на промыслах, использовавших электрическую энергию. По положению Комитета министров министру финансов предоставлялось право исключать из итогов добычи и освобождать от попудной или долевой платы некоторую часть нефти, добываемой на арендованных у казны участках, эксплуатировавшихся исключительно с помощью электричества [17].

В конце мая 1905 г. был издан закон об изменении порядка расходования и утверждения смет попудного сбора с терских нефтепромышленников. Для этого была изменена ст. 7 Правил о нефтеносных промыслах на землях Кубанского и Терского казачьих войск Устава Горного 1902 г. В случае развития нефтяного промысла на этих землях сбор с промышленников определялся в виде специальных средств войска и должен был расходоваться на надобности и нужды по его дальнейшему благоустройству. Сметы сбора составлялись Советом съезда нефтепромышленников данного района и утверждались съездом по предварительному удостоверению областного правления войска в том, что в них были внесены в надлежащих суммах все необходимые расходы [18].

Этот сюжет особенно важен, поскольку он затрагивает практику распределения дохода от эксплуатации природных ресурсов, то есть проблему природной ренты. Как видно, царское правительство решало ее с учетом интересов владельцев земли,

на которой шла разработка нефти, – Кубанского и Терского казачьих войск. Вместе с тем, можно предположить, что значение этой прогрессивной меры сдерживалось деятельностью представительной организации нефтепромышленников, поскольку ее съезд определял объемы сбора, и тем самым ему предоставлялась возможность также влиять на распределение природной ренты.

Следует отметить, что на других территориях царской России ситуация в отношении налогового регулирования нефтяного производства складывалась несколько иначе. Примером могут служить Бакинские нефтяные промыслы. В отличие от Терской и Кубанской областей добыча нефти в Баку очень быстро увеличивалась: в 1873 г. она составила 3952 тыс. пудов, а в 1886 г. – 123500 тыс. пудов. Один бакинский нефтяной фонтан мог выбросить до 600 тыс. пудов в сутки, в то время как один нефтяной фонтан на территории Терского казачьего войска выбрасывал более 15 млн. пудов в год.

Состав нефти и необходимые технологии по ее добыче также имели свои территориальные особенности. Однако в 1906 г. был увеличен на три года, начиная с 1 июня 1905 г., наивысший размер особого сбора, взимаемого с бакинских нефтепромышленников на общие нужды нефтепромышленности. На основании ст. 555 Устава Горного 1893 г. он достиг полкопейки с пуда нефти, отпускаемой с нефтяного промысла. В 1909 г. действие этого закона было продлено еще на трехлетие, начиная с 1 июня 1908 г. Кроме этого для погашения долга съездов бакинских нефтепромышленников казне предусматривалось взимать с них дополнительный сбор в размере 1/10 копейки с пуда нефти [19].

Повышение попудной платы вызвало огромное возмущение бакинских предпринимателей. В этой связи был созван экстренный съезд нефтепромышленников. На нем в первом докладе был поставлен вопрос о нормах сбора и причинах, не позволявших считать их справедливыми и своевременными: «снежные заносы в январе, резня в феврале, забастовка в марте, резня и пожары, уничтожившие более половины промыслов в августе, погромы и пожары в октябре, наконец, всеобщая политическая забастовка в декабре – вот мартиролог прошлого 1905 г., при-

ведший к массовым крахам и к полному застою промышленной жизни, способствующий созданию той гнетущей обстановки, в которой находится нефтяная промышленность и поныне, совершенно выбитая из обычных норм». В завершение были сделаны выводы, которые имели тесную взаимосвязь с перспективами развития всех отраслей промышленности в Российской империи [20].

В конце XIX в. в российских городах одним из популярных видов предпринимательства был извозный промысел. В 1882 г. для более равномерного налогообложения данного вида деятельности были утверждены Правила о сборах с принадлежавших частным лицам лошадей и экипажей в пользу городских доходов. Речь в них шла о тех, кто использовал этот транспорт непосредственно в предпринимательских целях, хотя не все из перечисленных в Правилах учреждений и частных лиц относились к разряду извозопромышленников. Размеры сборов и пени за неисправный взнос устанавливались в законодательном порядке для каждого города в отдельности. Срок и место взноса, порядок приведения в известность и контроль были возложены на городские думы, которым предоставлялось дополнительное право делить всех облагаемых лошадей и экипажи на разряды и назначать для каждого из них особый оклад, не превышавший высшего размера обложения [21].

В 1887 г. мнением Государственного совета были установлены общие Правила о взимании сбора с извозного промысла. Сбор в пользу городов не мог превысить 10 руб. с каждой лошади в год, причем специфика налога заключалась в том, что его высший размер в пределах указанной суммы и освобождение от сбора определялись по каждому городу министром внутренних дел по соглашению с министром финансов. Все остальные функции были сохранены за городскими думами, которые наряду с назначением особых окладов и делением на разряды должны были устанавливать размеры сбора и пени за несвоевременный платеж. В городских поселениях производство извозного промысла допускалось особыми Высочайше утвержденными постановлениями, изменить которые возможно было только по ходатайствам городских дум, направленным на окончательное разрешение министра внутренних дел и министра финансов [22].

В 1909 г. общественное управление г. Кунгура взимало в городской доход сбор с лиц, занимавшихся перевозным промыслом на лодках и яликах через р. Сылву, не более 2 руб. в год с каждой лодки. При этом от оплаты сбора освобождались те перевозочные средства, содержание которых их владельцами осуществлялось исключительно в их личных целях и не приносило какого-либо дохода [23]. Напротив, сбор с лиц, занимавшихся тем же промыслом (перевозом людей и товаров) в Батумской бухте, не должен был превысить 7 руб. в год с фелюг, баркасов и других мелких судов, поднимающих до 500 пудов; 35 руб. - с судов, поднимающих от 500 до 2000 пудов и 100 руб. - с поднимающих более 2000 пудов. Данный сбор не уплачивался с казенных судов; прибывавших с товарами и не остававшихся в городе после разгрузки; лодок, содержавшихся коммерческими судами и частными лицами для личных надобностей [24].

Очевидно, что размер сбора отражал не только территориальные особенности деятельности (на периферии или в крупных промышленных городах), но и потенциальную доходность промысла, зависевшую от масштаба и форм организации. В зависимости от этого размер извозного и перевозочного сборов мог колебаться от 50 коп. с транспортного средства до 10 руб. в год. Более устойчивой и стандартной нормой была штрафная ставка – 50% от сбора. Поскольку в некоторых областях передвижение осуществлялось не только с помощью специальных лошадей, впряженных в экипажи, но и других животных, необходимо было внести соответствующие изменения в закон. В 1898 г. сбор с извозного промысла по правилам Приложения 1892 г. начал взиматься также с других употребляемых в извоз животных [25].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в России существовала территориально-отраслевая направленность в распределении налогового бремени на промышленные предприятия. Особенно ярко она проявилась в налоговом регулировании добывающих отраслей – золотоплатиновой, соляной, нефтяной, а также чугуноплавильной и извозном промысле. Территориальные и отраслевые факторы учитывались при определении объектов обложения и доходности российских предприятий. Например, в добывающих промыслах природная рента естественно

была связана с земельными участками как объектами обложения, но к ним присоединялся объем добываемого продукта. В извозном промысле в качестве объекта налога выступали транспортные средства – лошади и экипажи.

Различие в объектах обложения обуславливало и широкую дифференцированность налоговых сборов, в том числе по форме платежа – денежной или натуральной. Наконец, налоги различались по целевому принципу их взимания - в доход казны, местных органов самоуправления и Кабинета Его Императорского Величества. При этом промысловый налог в целом играл разнообразные роли. Так, в некоторых добывающих отраслях натуральная подать была не только «историческим пережитком»: в золотопромышленности она усиливала привлекательность производства для отечественных и иностранных инвестиций, а также позволяла контролировать ресурсы и добычу.

Другое назначение налога проявилось в стимулировании затухающих производств: изменение ставки сборов служило стимулом для прилива капиталов в отрасль или для перехода к более эффективным техническим приемам и средствам. Анализ налога с извозного промысла также выявил яркие аргументы в пользу того, что правительство достаточно последовательно старалось учесть территориальные особенности деятельности и формы ее организации. В итоге проведенный анализ территориально-отраслевых особенностей развития промышленного законодательства в России в конце XIX – начале XX в. позволил выделить в нем не только недостатки промышленной политики доиндустриальной эпохи, но и либеральные прогрессивные черты.

Библиографический список

1. Семенюк Г.Ф. Московская текстильная буржуазия и вопрос о промысловом налоге в 90-х гг. XIX в.// Уч. зап. Московского обл. института. История. 1963. Т. 127; Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880-х гг.: Введение дополнительных сборов к промысловому налогу – 3-х процентного и раскладочного// История СССР. 1979. № 1. С. 159-173; Архипова Л.М. Мелкая крестьянская промышленность Центрально-нечерноземного района России в начале XX в. М., 1995. С. 57-92.

2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. XXIV. С. 565.
3. ПСЗ-III. Т. I. № 183.
4. Там же; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. XVII. С. 233-237.
5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. XVII. С. 233-237; СПб., 1890. Т. II. С. 679; СПб., 1897. Т. XXXXII. С. 862-863; СПб., 1898. Т. XXXXV. С. 333.
6. ПСЗ-III. Т. I. № 183; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. XXIV. С. 565.
7. ПСЗ-III. Т. XXI. № 19788.
8. Там же; Т. XXII. № 21658.
9. Там же. Т. XXI. № 19788.
10. Там же. Т. XXVII. № 29523; Т. XXXII. № 37143.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. XXIV. С. 565.
12. ПСЗ-III. Т. XXI. № 20094.
13. Там же. № 20572.
14. Там же. № 19788.
15. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. XXX. С. 838-839.
16. ПСЗ-III. Т. X. № 7284; Т. XIII. № 9976.
17. Там же. Т. XXV. № 26646.
18. Там же. № 26247.
19. Там же. Т. XXVI. № 27260; Т. XXIX. № 32140; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. IV. С. 770-774; СПб., 1901. Т. XXXXXXV. С. 82-90.
20. Двадцать первый экстренный съезд нефтепромышленников. Баку, 1906 (17-21 февраля). С. 18.
21. ПСЗ-III. Т. I. № 23, № 62, № 465, № 467; Т. II. № 1125, № 1126.
22. Там же. Т. VII. № 4159, № 4163.
23. Там же. Т. XXIX. № 31746.
24. Там же. Т. XIV. № 10307.
25. Там же. Т. XVIII. № 16137.

© А.Е. Коняев (ЯГПУ)
«Новые технологии» в ярославской тюрьме

в конце XIX – начале XX вв.

Положение в тюремной системе Российской империи конца XIX – начала XX в. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» характеризовал следующим образом: «Бытовая почва, на которой исторически выросли наши тюрьмы, не представляла возможности введения какой-либо определённой *тюремной системы* в России. Даже и те отрывочные пенитенциарные предначертания, которые имеются в ныне действующем законодательстве, не получили пока надлежащего практического осуществления» [1]. В этих условиях именно «лица, которым вверено ближайшее управление» тюрьмами, т.е. начальники тюрем и местные тюремные инспекторы, по сути определяли, образно говоря, «лицо» каждого отдельно взятого пенитенциарного учреждения Империи: кадры действительно решали всё.

«В общих чертах» специфика предреволюционной ярославской тюрьмы была описана нами в популярном очерке «“Экономическое чудо” за решёткой», опубликованном в 2005 г. в областном еженедельнике «Областная неделя»[2]. В Ярославском исправительном арестантском отделении (ЯИАО) за счёт жестокой и часто противозаконной эксплуатации арестантского труда был создан достаточно крупный производственный комплекс, приносивший значительные прибыли казне. Однако любое «экономическое чудо» всегда представляет собой многоплановое явление, достижение которого - результат взаимодействия многих факторов.

Новые технологии и высокая степень их освоения – неотъемлемые компоненты успеха в производственно-коммерческой деятельности. Ярославское тюремное «экономическое чудо» не было результатом экстенсивного развития производства, о чём свидетельствуют хотя бы такие данные: в 1886 г. в ЯИАО содержалось «средним числом» 508 арестантов [3], чей суммарный годовой заработок составил 5567 р. 01 к. [4], т.е. «среднестатистический» заключённый зарабатывал для ИАО 10 р. 96 к. Спустя 25 лет, в 1911 г., уже в преемнице ЯИАО Ярославской временно-каторжной тюрьме (ЯВКТ) содержалось 1008 человек, чей труд принёс учреждению 36.693 р. 63 к. [5], то есть в среднем 36 р. 40 к. с каждого арестанта. А в 1916 г. при прак-

тически неизменной с 1911 г. численности арестантов доход ЯВКТ составил 99.758 р., увеличившись за 5 лет в 2,7 раза [6].

Именно ЯИАО (в 1910-12 гг. перестроенное и переименованное в ЯВКТ, а ныне это печально знаменитые «Коровники») и стало основным производственным центром губернской тюремной системы. Ещё до принятия в 1886 г. первого общегосударственного акта, призванного решить проблемы организации производства за решёткой – «Высочайше утверждённого мнения Государственного совета о занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов» - в ЯИАО уже были освоены практически все доступные для арестантов работы, не требующие специальной организации, перечень которых расширялся год от года. В 1881 г. арестанты выполняли работы: плотницкие, пильные, печные, кузнечные, слесарные; в 1883 г. к этому перечню добавились малярные работы [7, 8]. Учитывая специфику арестантского труда (работы «на нужды отделения» не оплачивались и потому в отчётах о доходах не фиксировались), можно говорить, что в тот же период заключённые занимались ещё и сапожным, шорным и бондарным мастерством – для удовлетворения потребностей места заключения. Когда заказы «с воли» на эти работы и получаемые от них доходы стали регулярны и значительны, их стали фиксировать в годовых отчётах, а после уточнения форм отчётности даже появляется деление: отдельно учитывался, например, труд сапожников на нужды отделения и по заказам частных лиц [9].

Очень быстро произошёл переход к основам фабричного производства. Сначала возрастает число специально оборудованных производственных помещений – мастерских (в 1887 г. их уже 8 видов, включая обойную и картонажную мастерские [10]), а 26 августа 1889 г. созывается специальное совещание «Попечительского совета над исправительным отделением», комплексно рассмотревшее проблемы организации арестантского труда. Примечателен сам состав этого совета, куда вошли, с одной стороны, «власть имущие», с другой – предприниматели-профессионалы [11]:

- вице-губернатор Рек (председатель совета);
- губернский инженер (соответствует современному главному архитектору области) Достоевский;

- купец Вахрамеев;
- купец Гороховников;
- директор Тюремного комитета Папанов.

Отметив уже существующие успехи в организации арестантского труда (высококачественные изделия слесарной мастерской ЯИАО в 1887 г. были отмечены малой серебряной медалью Рыбинской торгово-промышленной выставки и бронзовой медалью Министерства финансов [12]), совет предложил целую программу промышленного развития отделения. Уже достигнутый уровень позволял обеспечивать потребности ЯИАО в обуви, одежде, белье; тюремный огород снабжал отделение «полностью запасом капусты на год и частично картофеля» [13] - теперь требовался выход на «внешние» (относительно тюрьмы) рынки.

Было отмечено, что при работах на нужды частных лиц арестанты «обходятся дешевле подрядного способа» [14] (подчёркивалась важность «чёрных» наружных работ вроде перевозки грузов, очистки крыш от снега и льда, ассенизационных работ и пр.), но в первую очередь совет интересовался ходом внутренних работ. Известный специалист по кузнечному делу купец Гороховников согласился возглавить реорганизацию кузнечного производства за решёткой, причём обязал «вменить начальнику отделения Преображенскому действовать по указаниям г. попечителя Гороховникова» [15]. Была предложена программа по развитию кузнечного производства [16]:

- обзавестись «надлежащим инструментом»;
- приобретать, лишь «по возможности соблюдая экономию», сырьё высокого качества;
- строго следить за качеством и своевременностью исполнения заказов и за порядком расчётов с заказчиками;
- полностью и своевременно рассчитываться с арестантами, занятыми в кузницах;
- открыть в дополнение к основной т.н. «легколитейную» кузнечную мастерскую для украшения изготавливаемой продукции.

Воплощённая в жизнь, программа дала великолепные результаты. Когда в 1903 г. в Ярославле происходила т.н. «выставка Северного края» - выставка промышленных достижений 7 северных областей Европейской России – ЯИАО выставило там 59

образцов «слесарно-кузнечного мастерства»: велосипеды, кровати, инструменты, детали механизмов [17].

Из небольшой арендуемой мастерской вырос кирпичный завод ЯИАО. Заметив по итогам прошедших лет, что кирпичное производство является одним из наиболее выгодных в Ярославле, совет попечителей в 1889 г. решил оказать тюрьме помощь и в этом деле. С Губернским правлением были согласованы ассигнования на расширение кирпичного производства ЯИАО; в результате 20 ноября 1889 г. начальник отделения писал в рапорте губернатору, что в текущем году на заводе произведено 600 тыс. шт. кирпича, а в следующем, благодаря расширению производства, будет произведён уже 1 млн. шт. [18].

Примечательно, что местные власти в лице Губернского правления - единственного учреждения, распоряжавшегося отчислениями из арестантских заработков, шедшими в государственную казну – рассматривали местную тюрьму как успешный финансовый проект и охотно давали ей долгосрочные инвестиции, не ожидая немедленной отдачи денег. Так, в 1891 г. произошло очередное расширение кирпичного завода: Губернское правление выдало администрации ЯИАО на это кредит в 2.800 р., но работы встали в 2.994 р. 72 к. [19], и Губернское правление доплатило недостающие почти 200 р. Это с учётом прибылей кирпичного завода: в 1891 г. было произведено кирпича на 1473 р. 81 к. при затратах на его производство в 765 р. 10 к. [20]; из чистой прибыли в 708 р. 71 к. 30% шло в доход арестантов, занятых на работах, а остальная сумма делилась примерно пополам между ЯИАО и Губернским правлением, получившим примерно 248 р. И всё равно – «лишние» 194 р. тюрьме дали, т.к. знали – позже окупится.

Точно так же обстояло дело с высокотехнологичными производствами, которые стали появляться за решёткой вслед за мастерскими и небольшими заводиками. Когда в 1905 г. происходило строительство и оснащение чугунолитейной и меднолитейной мастерских, на это было отпущено из Губернского правления 6.000 р. [21] Одного только оборудования (заметим – последних европейских моделей; закупка производилась у известной французской фирмы «Кольбе») закупили на 3.362 р. 85 к. [22] в таком количестве, что официальный представитель фирмы

в августе прислал из Петербурга письмо с извинениями за двухнедельную задержку заказа – не успевали всё загрузить и отправить по железной дороге [23].

А между тем, по итогам 1905 г. выработка по чугунолитейному производству была очень скромна: в совокупности 265 р. 47 к. валового дохода [24]. Даже если учесть, что оборудование надо довести до Ярославля, разгрузить и смонтировать – хотя бы пару месяцев мастерская проработать успела. Очевидно, что при таких масштабах выработки кредит в 6.000 р. окупился бы нескоро.

И тем не менее всякая новая инициатива тюремной администрации, имеющая коммерческие перспективы, находила поддержку местных властей. Не позже 1905 г. при ЯИАО заработал собственный пароход, символично названный «Успех»: с апреля по октябрь он осуществлял грузовые перевозки частных лиц. На него также был отпущен кредит, по всей видимости, порядка 3.000 р.; отдавать его надлежало перечислением чистой прибыли от эксплуатации парохода в губернское казначейство. По данным на октябрь 1906 г. «долга за пароход» за ЯИАО числилось 2.559 р. 31 к. [25], а за навигацию сумели заработать и уплатить 421 р. 80 к. [26]. Губернское правление согласно было подождать ещё лет 7 – раньше при таких темпах погашения задолженности ЯИАО никак не смогло бы расплатиться за пароход.

Наконец, моментом торжества политики борьбы ЯИАО-ЯВКТ за новые технологии можно считать письмо арестанта Ю. Козловского 1914 г. к сестре. Пользуясь прекрасной библиотекой тогда уже Временно-каторжной тюрьмы, где имелись во множестве книги по физике, механике, иностранным языкам и другим наукам, образованный арестант сделал открытие. Видимо, оно было оценено администрацией тюрьмы, Козловскому обещали сокращение срока (такая практика была распространена – если арестант был «поведения хорошего и к работам усерден», ему могли сократить срок по ходатайству тюремной администрации). Только денег на эксперименты не дали, вот изобретатель и умолял сестру:

«Дорогая сестра, прошу вас всех, но больше всего тебя и твоего мужа Станислава, соберите как-нибудь для меня 150 руб.

Мне очень и очень их нужно; если вы пришлёте эти 150 руб. то весьма и весьма возможно, что меня в скором времени выпустят из тюрьмы, так как я имею важное изобретение в технике часового мастерства, но для этого мне нужно денег на что купить инструменты, чтобы осуществить задуманный мною план» [27].

Таким образом, руководство производственным процессом в ярославской тюрьме изначально было доверено профессионалам высокого класса, которые, к тому же, сумели найти общий язык с местными властями. Благодаря этому технически производство за колючей проволокой в Ярославле было налажено должным образом, постоянно расширялось и впитывало новые технологии.

Библиографический список

1. Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Кн. 67. СПб., 1902. С. 362-363.

2. Коняев А. «Экономическое чудо» за решёткой // Областная неделя. 2005. № 35. С. 18;

3. ГАЯО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 36. Л. 2, 24.

4. ГАЯО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 33. Л. 4, 22.

5. Приговор приведён в исполнение. К 125-летию уголовно-исполнительной системы России // Авт.-сост. А.Н. Пичуев; редкол.: И.А. Мудров и др. Ярославль, 2004. С. 62.

6. Там же.

7. ГАЯО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3. Л. 8-9.

8. Там же. Д. 13. Л. 5об.

9. Там же. Д. 248. Л. 4-5об.

10. Там же. Д. 29. Л. 16об.-17.

11. Там же. Д. 35. Л. 73.

12. Там же. Л. 74об.

13. Там же. Л. 74.

14. Там же.

15. Там же. Л. 76об.

16. Там же. Л. 74об.-76.

17. ГАЯО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 134. Л. 2об.- 3.

18. Там же. Д. 35. Л. 78об.

19. Там же. Д. 58. Л. 62-63.

20. Там же. Л. 35.

21. Там же. Д. 209. Л. 60.
22. Там же. Л. 69.
23. Там же. Л. 47.
24. Там же. Д. 248. Л. 4-5об.
25. Там же. Д. 250. Л. 47об.
26. Там же.
27. ГАЯО. Ф. 338. Оп. 2А. Д. 83А. Л. 30об.

**© Е.Е. Белова (Московская академия
предпринимательства
при Правительстве г. Москвы)**
**Деятельность благотворительных организаций Ярославской
губернии по прирестию детей на рубеже XIX – XX вв.**

Глубокие перемены в российском обществе, начатые реформами Александра II, характеризует стремительный рост числа людей, готовых добровольно пожертвовать свои денежные средства на благотворительные нужды. Это сразу же придало делу частной помощи нуждающимся иной размах и масштаб, нежели в предшествующие периоды. Появление значительного числа людей, способных и желавших помогать нуждающимся, стало отличительной особенностью пореформенных десятилетий.

В обществе получают распространение новые духовные ценности, выраженные в обостренном чувстве гражданственности, в охватившей все слои населения идее общественной пользы. Благотворительность превратилась в разновидность гражданского долга для всех, кто считал себя принадлежавшим к лучшей части российского общества. Вот почему подъем российской благотворительности (включая и ярославскую) в конце XIX - начале XX вв. был связан, наряду с развитием и укреплением материальной базы общества и развитием капиталистических отношений, также и с новыми веяниями, появившимися в массовом общественном сознании.

На рубеже XIX-XX вв. подавляющее большинство благотворительных учреждений России занималось организацией помощи беспризорным детям. Многие вновь создаваемые общественные благотворительные организации прежде всего начинали

свою деятельность с учреждения детского приюта. Приюты находились почти во всех губерниях России, и к 1851 г. их насчитывалось около 80, а число детей, воспитывающихся в то время в приютах, составляло примерно 8000 человек [4. Л. 135]. Число приютов постоянно росло, и в 90-е гг. XIX в. в одном лишь Ведомстве учреждений императрицы Марии находилось 500 заведений, в которых воспитывалось 27 тысяч детей [3. С. 31].

Характерно, что российское государство обращало особое внимание на деятельность детских приютов и попечительств. В 1840 г. Комитетом Главного Попечительства Детских приютов под руководством графа С.Г.Строганова был подготовлен доклад, в котором определялись основные направления политики правительства в отношении детских благотворительных учреждений. Цели, задачи, направления деятельности, изложенные в этом докладе, были актуальны и для России конца XIX – начала XX в. Политика государства в отношении призрения детей развивалась и в эти годы в том русле, которое определил доклад Комитета Главного Попечительства Детских приютов.

Комитет определил основные цели деятельности детских благотворительных учреждений: во-первых, предоставить приют детям, оставшимся без попечения родителей, а также на время работы их родителей; во-вторых, приучить воспитанников приютов к порядку и опрятности и, наконец, в-третьих, воспитывать в детях религиозность и нравственность. Воспитанию этих чувств уделялось особое внимание детскими благотворительными учреждениями. С этой целью во всех приютах проходили ежедневные богослужения, изучался Закон Божий. Например, воспитанники Николаевского детского приюта в г. Угличе принимали участие в праздничных литургиях в Пятницкой приходской церкви, близ которой находилось здание приюта, а воспитанницы восьмиклассной женской гимназии при Екатерининском Доме призрения ближнего пели в церковном хоре.

Предполагалось, что приюты должны были отличаться от обычных богаделен и училищ. Правительство в лице Комитета Главного Попечительства Детских приютов ставило задачу осуществлять обучение детей в приютах, учитывая ту степень образования, которая соответствует «...будущему состоянию детей этого класса...» [4. Л. 64 об.]. Образование предполагало

«...сообщение соответствующих возрасту детей знаний и понятий о самых простых вещах и предметах, окружающих их, при помощи особых руководств...» [4. Л. 98]. Наряду с получением знаний дети приобщались к труду и обучались рукоделию.

Приюты должны были не только давать первое нравственное и физическое воспитание детям «бедного разряда», но и ограждать их от порока, разврата и нищеты. Вместе с тем, «...отстраняя детей от дурных примеров, приюты ни под каким видом не отлучают их от родителей...» [5. Л. 11]. «Через приюты родственные связи и уважение детей укрепляется как важное условие народной нравственности» [4. Л. 118об.]. «Укрепление народной нравственности» - в этом, как представляется, заключался основной смысл деятельности приютов.

Проблема призрения брошенных детей существовала в Ярославской губернии постоянно, в том числе и во второй половине XIX – начале XX в. Для беспризорных детей были организованы приюты и воспитательные дома, деятельность которых контролировалась Ярославским губернским попечительством о детских приютах. Перед детскими благотворительными учреждениями Ярославской губернии стояли те же цели, которые были определены государством в докладе Комитета Главного Попечительства Детских приютов. В своей речи на открытии Николаевского детского приюта в г. Угличе генерал-майор А.П. Бутурлин, губернатор г. Ярославля (1846-1861 гг.), говорил: «Испытайте чувства и мысли любого из детей, окончивших курс испытания в каком бы то ни было приюте, и вам с детской откровенностью скажут, что там заботились о них с нежностью и предусмотрительностью истинно родительскою...» [4. Л. 47].

Обычно учреждения подобного рода устраивались по инициативе частных лиц, состоятельных и влиятельных. Часто это были представители купеческих родов. Учредители выступали и попечителями этих заведений. Например, Николаевский детский приют в г. Угличе был организован по инициативе петербургского купца второй гильдии В.А.Пивоварова, уроженца г. Углича. Он же предоставил средства на первоначальное обустройство и купил дом для приюта.

В 1866 г. был открыт Ольгинский детский приют на 45 человек. Ярославские купцы Н.А. Друженков и К.М. Огнянов

обязались ежегодно вносить по 1200 рублей на две стипендии для двух девочек приюта, а купец А.А. Топыньков обещал вносить по 2000 рублей ежегодно на стипендии для мальчиков. При активном участии купца А.И. Трунова был открыт Николаевский детский приют на 85 человек. В приюте имени дворянина Н.А. Горяинова в 1885 г. воспитывалось 17, а к 1913 г. уже 25 мальчиков-сирот. Детский приют в доме Сорокина на Стрелецкой улице, который находился в ведении Комитета для призрения неимущих и в котором содержалось в среднем 12 мальчиков-сирот, существовал на средства потомственного почетного гражданина Николая Сергеевича Сорокина. Однако свобода пожертвований была ограничена. Пожертвователю, желавшему выплачивать стипендию своего имени в каком-либо учреждении призрения, был обязан внести сразу всю сумму, проценты с которой обеспечивали бы средства на одну стипендию. Существовал также закон, который запрещал открывать благотворительные заведения, пока они полностью не обеспечены капиталом.

Наряду с приютами существуют дома призрения. По инициативе городских властей был учрежден Александровский дом призрения мальчиков-сирот в честь 25-летия царствования императора Александра II. Он был открыт 11 марта 1884 г. 4 октября 1886 г. при нем открывается ремесленное училище Ольги Соболевой. И Александровский приют, и ремесленное училище находились в принадлежащем городу трехэтажном каменном доме на Ильинской площади. Дом, где размещался приют, был рассчитан на 47 человек, но в 1890 г. в нем воспитывалось 27 мальчиков. Ежегодно на содержание приюта выделялось по 1000 руб. В 1886 г. почетный гражданин Н.А. Соболев пожертвовал 34000 руб. Воспитанники Александровского дома призрения начинали обучение в начальном Духовском училище, а продолжали учебу в городском трехклассном училище. Если мальчик был неспособен к учебе, то он поступал в Ремесленное училище Ольги Соболевой при приюте. В 1890 г. в ремесленном училище обучалось 23 мальчика. Их учили портняжному мастерству, слесарному и столярному ремеслам, а также сапожному мастерству [10. С. 13].

Деятельность ещё одного благотворительного учреждения – Ярославского Екатерининского Дома призрения ближнего

– заслуживает особого внимания. «Созданный по почину царского наместника дворянина Мельгунова, поддерживаемый пожертвованиями преимущественно дворян и воспитывающий сиротевших детей в духе преданий дворянскому пониманию верности престолу, любви отечеству, дом этот фактически, в течение почти всего столетнего существования, был учреждением дворянства, собирая в своих стенах это сословие» [1. С. 27]. Это учреждение создавалось «...для воспитания детей, для призрения бедных, лишенных насущного хлеба и необходимого приюта – на высоких нравственных началах веры и любви христианской» [1. С. 28].

В поздравительном адресе дворянства Ярославской губернии отмечалось, что «Дом призрения ближнего был родоначальником и первым приютом для всех возникавших учебных заведений в г. Ярославле...» [1. С. 30].

В 1786 г. в здании Дома призрения ближнего было открыто ярославское главное народное училище с совместным обучением мальчиков и девочек, которое в 1805 г. было преобразовано в гимназию и находилось в здании Дома призрения до 1812 г. В нем обучались преимущественно дети состоятельных родителей. С 1817 г. в Доме призрения ближнего начало действовать уездное училище для мальчиков, где с 1870 г. воспитанники обучались переплетному и столярному ремеслам в двух ремесленных классах. Здесь же находилось трехклассное училище для девочек. После того, как в 1876 г. на отделении воспитанниц был открыт седьмой класс, воспитанницы Дома стали получать полное гимназическое образование. Они пользовались всеми правами выпускниц женских гимназий, а лучшие воспитанники заведения, окончившие городское училище, оставались в нем на один год для подготовки к поступлению в учительский институт. В 1882 г. при женской гимназии Дома призрения был открыт восьмой педагогический класс, и 2 декабря 1882 г. было принято решение о преобразовании женского отделения Дома призрения в восьмиклассную женскую гимназию Министерства народного просвещения [1. С. 25]. В этой гимназии девочки, кроме программных предметов, обучались рукоделию, танцам, рисованию и пению, а за особую плату – музыке и французскому языку. Занятия проходили с 8 часов до 11 часов, затем с 13 часов

до 15 часов и вечером с 18 часов до 20 часов. Воспитанницам, окончившим 8 классов, присваивалось звание домашней наставницы или учительницы и выдавалось пособие. В 1883 г. состоялся первый выпуск, и 17 девушек получили права домашних учительниц.

С 1886 г. во все классы женской гимназии были допущены вольноприходящие за плату [9. С. 1]. Это имело большое значение для развития женского образования г. Ярославля, т.к. первая Мариинская женская гимназия не могла в тот период вместить всех желающих.

Следует отметить, что Дом призрения ближнего «... из скромного приюта со школой для обучения лишь грамотности представляет ныне (к 1886 г. – прим. авт.) восьмиклассную женскую гимназию и пансион на 80 человек для обучающихся в классической гимназии и частью в городском училище ...» [1. С. 21].

В соответствии с задачами, стоявшими перед детскими благотворительными заведениями, в приютах и домах призрения дети не только получали знания, но и обучались различным ремеслам. Организации общественного призрения стремились дать детям, которые воспитывались у них, практические знания, а также обучить их определенному ремеслу и тем самым позаботиться о будущем своих воспитанников. Кроме того, ряд благотворительных организаций имел собственные мастерские, где дети не только обучались ремеслу, но и трудились. Например, в Комитете для призрения неимущих в г. Ярославле существовала картонажно-переплетная и паркетная мастерская, открытая для того, чтобы приучить к полезному труду детей, просящих милостыню на улицах города [8. С. 47]. В разное время там работали до 40 детей.

Достаточно распространены были детские приюты, устроенные при церквях. В этом смысле показателен приют для девочек при ярославской Предтечевской церкви. Он был открыт в 1894 г. Младшие воспитанницы приюта обеспечивались лишь пищей и одеждой, а старшие обучались в Предтечевской двухклассной женской школе. В 1900 г. было построено новое каменное здание для женских мастерских приюта, и девочки начали одновременно трудиться в белошвейной и прачечной мастер-

ских, доходы от которых шли на содержание приюта. К 1901 г. в приюте содержались 48 девочек от трёх до пятнадцати лет, которые в основном были детьми крестьян-мигрантов из разных губерний. Вероятно, большая их часть была брошена матерями, пришедшими на заработки в Ярославскую губернию. Это весьма симптоматично. Действительно, в конце XIX – начале XX в. среди матерей, бросавших своих детей, преобладали мигрантки-крестьянки, работавшие в городе по найму. По мнению американского профессора Дэвида Л. Рансела, занимающегося изучением проблемы призрения детей, брошенных матерями, в России мигрантка, самостоятельно добывающая средства к жизни, не имела возможности воспитать ребенка и поэтому была вынуждена расстаться с ребенком. Основными причинами, заставлявшими женщин бросать своих детей, были бедность, страх позора для незамужних, невозможность совместить уход за ребенком и работу [7].

Одной из целей детских благотворительных организаций было призрение детей, которые оставались без присмотра в результате работы их родителей. Осуществление этой задачи брали на себя ясли-приюты, создававшиеся в селениях Ярославской губернии, как правило, на время полевых работ. Ясли оказывали помощь крестьянам, присматривая за их маленькими детьми. Так, в летний период 1907 г. ясли-приюты были открыты в селе Яне Янской волости и в деревне Калистово Некоузской волости Мологского уезда; в селе Владычном Пошехонского уезда; в деревне Тряслове Угодичской волости Ростовского уезда [6. С. 7].

Как правило, инициаторами создания таких яслей являлись земские врачи. Приют-ясли в селе Яне был организован по инициативе земского врача А.М. Левитской, в деревне Калистово – по инициативе врача М. Фогель, в селе Владычном ясли-приют были созданы земским врачом М.Бялик, в деревне Тряслове – врачом Н. Дударевым [6. С. 12]. Деньги на содержание яслей выдавались Ярославской губернской земской управой. Ясли открывались на время полевых работ и существовали от 30 до 56 дней [6. С. 15]. В среднем в таких яслях содержалось от 30 до 48 детей различных возрастов: с рождения до 8-11 лет [6. С. 16]. Были часты случаи, когда такие ясли принимали даже грудных детей. Крестьяне, вынужденные работать целыми днями, предпочитали

отдать своего ребенка в приют, нежели оставлять его без присмотра.

Деревенские ясли-приюты были новой формой призрения в начале XX в. Они стали очень популярны. Сами крестьяне признавали их необходимость, что позволило организаторам таких яслей заявлять, что «...они (ясли – прим. авт.) вызывали к себе доверие населения, они пробудили его самосознание и толкнули на существенную потребность»[6, с.29].

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. в Ярославской губернии существовали многочисленные благотворительные учреждения, основной деятельностью которых была помощь брошенным и нуждающимся детям. Большую роль в содержании и воспитании детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, играли Ярославское губернское попечительство о детских приютах, которое контролировало деятельность приютов Ярославской губернии, а также Ярославский Екатерининский Дом призрения ближнего, т.е. организации, по существу, государственной благотворительности. Несомненно, что без деятельной помощи и участия правительства, а также представителей царской фамилии была бы невозможна такая разветвленная сеть детских благотворительных учреждений губернии. Однако знаменем времени стало в те годы быстрое расширение сети воспитательных и учебных заведений, организованных по частной инициативе.

Необходимо также обратить особое внимание на существовавшие в конце XIX – начале XX в. формы детской благотворительности в Ярославской губернии. В начале XX в. получают распространение деревенские ясли-приюты. Вместе с тем, по-прежнему существуют такие традиционные, проверенные временем формы организации призрения детей, как приюты и дома призрения. При этом их деятельность в начале XX в. заметно активизировалась, больше внимания стало уделяться обучению детей.

Однако, тяжелые социально-бытовые условия, частые эпидемии, высокий процент заболеваемости и смертности среди беднейшего населения губернии постоянно пополняли армию беспризорных детей. Вследствие юридической незащищенности дети нередко становились объектом насилия и различных пре-

ступных действий. Широкое распространение получало использование малолетних в целях сбора милостыни. Предотвратить эти явления и защитить детей были призваны детские приюты различных благотворительных организаций г. Ярославля и городов Ярославской губернии.

Библиографический список

1. Бычков Ф.А. Описание празднования столетнего юбилея Екатерининского Дома призрения ближнего. Ярославль, 1886.
2. Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991.
3. Благотворительность и милосердие в Санкт-Петербурге (на рубеже 19-20 вв.). СПб., 1998.
4. ГАЯО. Ф.1168. Оп.1.Д.12.
5. ГАЯО. Ф.1168. Оп.1.Д.64.
6. Деревенские ясли-приюты в селениях Ярославской губернии в 1907 году. Ярославль, 1907.
7. Рансел Д. Матери нищеты: брошенные дети в России // История СССР.1990.№ 6.С.192-194.
8. Отчет о действиях состоящего под августейшим покровительством императрицы Марии Фёдоровны Комитета для призрения неимущих г. Ярославля за 1905 г. Ярославль, 1906.
9. Отчет о состоянии Ярославского Екатерининского Дома призрения ближнего и о действиях Совета сего Дома в 1891 г. Ярославль, 1892.
10. Ярославский городской Александровский дом призрения для мальчиков-сирот и Ремесленное училище Ольги Соболевой. Отчёт за 1890 г. Ярославль, 1891.

© В.В. Таточенко (ЯГПУ)

Роль провинциальной прессы в становлении гражданского общества в России во второй половине XIX- начале XX века: к постановке проблемы

Становление гражданского общества исследуется сегодня применительно к позднеимперской России, России советской и современной. В меньшей степени это понятие применимо к пореформенной России и, в основном, в двух направлениях. Первое направление можно считать направлением «сверху». Оно

рассматривает становление гражданского общества в дореволюционной России с точки зрения эволюции государства, его структур, основное внимание сосредотачивая на деятельности правительства, начиная с Великих реформ. Второе направление – «снизу». Оно рассматривает становление гражданского общества с точки зрения деятельности неправительственных обществ и организаций, а также деятельности земств.

В настоящее время нельзя считать, что оба направления представлены с известным уровнем полноты, сама тема гражданского общества находится в стадии становления, отсюда недостаточность количества исследований. Но все же к первому направлению можно отнести Б.И. Миронова, А.Д. Попову, В.Г. Хороса [1]. Он более характерен для обобщающих монографий и исследований современных ученых-политиков, которые пытаются найти корни современных демократических тенденций в далеком прошлом [2]. Со вторым направлением связаны Дж. Бредли, Н.А. Невоструев [3].

Исследователи, работающие как в первом, так и во втором направлении, признают, что в настоящее время не существует единого определения гражданского общества. Так, например, **гражданским обществом можно считать** систему относительно независимых от государственной власти организаций и учреждений, с помощью которых происходит реализация гражданской активности населения, осуществляется защита от возможного покушения со стороны государства на их права и свободы [4]. Еще под **гражданским обществом** понимается модель организации общества, при которой реализуются основные права и соответствующие им обязанности граждан перед государством, выступающим в качестве гаранта этих прав [5]. Также **гражданским обществом** можно считать идеальную модель общественного развития, в которой равно представлены интересы всех его членов; совокупность межличностных отношений и развивающихся вне рамок государства и без его вмешательства взаимодействий – семейных, групповых (общественных), экономических, религиозных, культурных и т.п. [6]

Эти определения не являются единственными и универсальными, что соответствует современным методологическим требованиям. Каждый исследователь этого феномена, разраба-

тывая его, дает свое представление о том, что считать гражданским обществом. Но даже такая свобода до сих пор не привела к увеличению количества публикаций по проблеме.

Можно признать, что доказательства работ как первого, так и второго направления вызывают вопросы, вот почему большинство из тех, кто занимается историей гражданского общества в России, предпочитает писать о современной ситуации, лишь вскользь затрагивая ее до 1917 г. [7]. И это не случайно. Долгие годы история России второй половины XIX – начала XX в. изучалась в либеральном дискурсе: события от Великих реформ рассматривались, в большей степени, как процесс становления либерализма [8], в котором отношения между двумя субъектами, государством и общественностью, были связаны с попытками увеличения своих прав и свобод со стороны последней и активным противодействием этому со стороны первого. Отношения эти напоминали собой третий закон И. Ньютона: «Сила действия равна силе противодействия».

Гораздо сложнее оказалось разрабатывать эти события в дискурсе о гражданском обществе, поскольку элементы гражданского общества позднеимперской России, о которых принято упоминать, такие как сельскохозяйственные общества, предпринимательские организации, общества взаимопомощи («вспомоществования») и кооперативы, благотворительные организации, а также просветительские общественные организации, научные общества, профсоюзы и даже политические партии того времени, не бесосновательно для некоторых исследователей и выглядят как не в полной мере соответствующие элементам гражданского общества во многом из-за позиций самого государства [9].

Так, ведя речь о земстве, указывают, что земская контрреформа 1890 г. усилила степень подчиненности земств государству, а само земство в целом не отличалось высокой политической активностью. Губернаторы на местах и Министерство внутренних дел обладали правом вето на постановления земских собраний. Одним из многочисленных примеров этого являются воспоминания земского статистика А.В. Пешехонова, который ушел из калужского земства в 1898 г. по требованию губернатора по той причине, что написал в газете «Русское богатство» о про-

довольственных нуждах в губернии из-за голода и фактах недофинансирования [10].

Критике подвергнуты и профсоюзы, поскольку появившееся профсоюзное движение было во многом разрозненным. Разрешив его и проведя контрмеры, власти оставили в стране к 1910 г. лишь несколько десятков профсоюзных объединений.

Не стоит также забывать парадокс «гражданское общество без граждан» [11], который применительно к России того времени можно обозначить как разделение нации: на интеллигенцию со своими политическими, гражданскими, правовыми и моральными взглядами, и основную массу населения дореволюционной России – крестьянство, во многих смыслах неграмотное. Так, отсутствие единства внутри интеллигенции проявилось в том, что появившимся в то время демократическим партиям в стране противостояли консервативные, радикальные и реакционные. Многие из этих политических сил были непримиримо настроены по отношению к власти.

В этой связи усиленное упование только на изучение картины политических изменений в России до 1917 г. может привести к изучению гражданского общества лишь под нужным углом зрения, когда ряду исследователей просто необходимо выдвинуть еще один аргумент в пользу того, что Россия к 1917 г. целиком и полностью соответствовала «условиям» мирового политического процесса, не была ни политически, ни экономически отсталой, что необходимо для изображения преемственности между Россией старой и новой.

У исследователей не вызывает сомнения то, что началом становления в России гражданского общества можно считать Великие реформы. Однако возникает во многом не изученный длительный временной промежуток до 1917 г., поскольку считается, что к последней дате уже были созданы элементы гражданского общества. Таким образом, перед нами возникает первая проблема: что было с элементами гражданского общества в этот период и можно ли считать началом становления гражданского общества в России вторую половину XIX века? Можно ли считать это верным, если после подписания Манифеста 17 октября 1905 г. улицы столиц были пусты, не приветствуя дарованные свободы?

В связи с этим основное внимание необходимо концентрировать не на процессах, начавшихся после опубликования Манифеста, когда уже были дарованы политические права и свободы, а на период, предшествующий этому. Следовательно, встает вопрос и об итогах гражданского процесса в России к 1917 г., о том, что к этому времени возникло: элементы гражданского общества, гражданские отношения и позиции или вовсе другие устремления?

Вполне справедливы сомнения исследователей и относительно неправительственных организаций. Укажем на аспект, который не затронут в современных публикациях. Так, считается, что гражданское общество характерно для нового этапа общественного развития, этапа демократического, индустриального, связанного с секуляризацией сознания человека. Но в какой мере секуляризация сознания была характерна для пореформенной России?

Сам факт создания неправительственных обществ не противоречит православию и Новому Завету, в котором сказано: «... где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» [12]. Данное высказывание можно интерпретировать не только в религиозном дискурсе. Ведь в главной книге каждого христианина «Новом завете» существует всем известная притча о талантах, которые даны человеку от Бога [13], то есть на примере этой мысли Христа мы видим, что Господь благословляет те собрания людей, которые имеют «благую цель», в которых люди могут реализовать талант, им дарованный. Подтверждением этой же мысли, но с отрицательной коннотацией, является деятельность русских масонов. Так, известно, что многие из них, будучи политически активными и входя одновременно в несколько лож, считали себя верующими и христианами.

Еще одним неисследованным вопросом является не упомянутая роль прессы в формировании гражданского общества в пореформенной России, что странно с учетом признания ее значимости для формирования гражданского общества вообще [14]. Таким образом, весьма актуальной в настоящее время является задача реконструировать роль прессы в формировании гражданского общества в указанный период. Особенно важным является изучение прессы провинциальной, ведь именно территориальная

совокупность всех губерний и образовывала Россию, аналогично дело обстояло и с прессой.

Пресса может служить одним из тех индикаторов, посредством которого можно попытаться проследить сформированность или несформированность политических, демократических и гражданских процессов. Пресса содержит в себе отражение действительности «как таковой»: она описывает события, содержит мнение корреспондента. Следовательно, с помощью прессы можно попытаться выявить позицию как корреспондента, так и редакции или заказчика. Это позволяет высказать гипотезу, что лишь детальный анализ статей провинциальной прессы позволит попытаться реконструировать становление в России гражданского общества в период, начинающийся Великими реформами. Это позволит выявить уровень гражданской ответственности, наличие или отсутствие в прессе гражданской позиции, инициатив, а также сотрудничество прессы с институтами гражданского общества.

Конкретизируем проблемные поля, связанные с ролью прессы. Прежде всего, речь идет о попытке проследить эволюцию категорий гражданского общества на материалах провинциальной прессы. Эти категории должны быть отражены в статьях, посвященных институтам гражданского общества, и таким темам, как благотворительность, проблемы учебных заведений, преступность, юридическая защита граждан, взаимоотношение власти и общества, личные гражданские инициативы. С этой проблемой можно справиться, используя метод контент-анализа.

Следующую проблему, не затронутую в современных публикациях, можно определить так: можно ли говорить о том, что к 1905 г. в России были созданы институты гражданского общества, и можно ли говорить об особом типе гражданского общества в дореволюционной России? Следует ли говорить о том, что с середины XIX в. шел рост либеральных настроений в среде общественности или можно говорить о гражданской позиции и инициативе, сотрудничестве общественности и государства? Следует ли подходить к изучению этой эпохи в дискурсе о гражданском обществе или наиболее справедливым окажется либеральный дискурс?

Несмотря на то, что противоречия между изучением известных событий под разными углами зрения нет, не должно быть подмены понятий или стремления следовать моде. Все то, что раньше считалось доказательствами стремлений к свободе, не должно безинтерпретационно копироваться в исследования с другими названиями.

Следующей проблемой является возможность реконструирования взаимоотношений провинциальной прессы с читателями, корреспондентами и цензурными ведомствами. В результате можно будет ответить на вопросы: можно ли провинциальную прессу сравнивать с общероссийской? Как бюрократия предпочитала общаться с ней: держать «под каблуком», «на коротком поводке», давая небольшую свободу, ослабляя его в некоторые моменты, но при необходимости снова усиливая давление? Или держать «под неустанным колпаком» надзора и цензуры, за который пресса не могла выйти?

Ответы на эти вопросы являются важными, если учесть воспоминания журналистов-современников и даже историю центральных газет того времени. Так, например, одна из либеральных газет, «Русские ведомости», даже после дарованных прессе свобод постоянно подвергалась взысканиям [15], она была вынуждена использовать в своих статьях «эзопов стиль». Известный беллетрист и публицист В.Г. Короленко вспоминал, что его заметки в приволжских газетах часто уродовала цензура. [16]. В.А. Гиляровский указывал, что после введенной Манифестом «свободы слова» для редакторов снова открылись двери тюрем, а на издателей посыпались денежные штрафы. В результате многие газеты имели «в запасе» нескольких редакторов, которые, как правило, вербовались издателями среди безработных лиц, ничем не рискующих, так как жалование им шло и во время заключения [17].

Подводя итоги, подчеркнем, что процесс становления институтов гражданского общества в дореволюционной России выглядит в трудах современных исследователей достаточно запутанным. Возможно, не последнюю роль в этом оказало наследие в виде фундаментальных трудов советских и зарубежных историков по рассматриваемому времени с излишней, в некоторых случаях, идеологизированностью. Однако, бесспорно,

больше смущает современных исследователей отсутствие единой парадигмы, в том числе и на определение гражданского общества, что не удивительно, поскольку полисемантичесность, за которую ратует современная философия и постмодернизм в частности, больше подходит для изучения знаковых исторических явлений, процессов и символов, а также культурных аспектов, не имеющих длительного становления, как, например, когда речь идет о длительных политических процессах. Следовательно, традиционные подходы к объекту исследования можно заменить, устремив внимание на российскую провинциальную прессу.

Таким образом, попытка изучения роли провинциальной прессы представляет собой «третий путь» в изучении процесса становления в дореволюционной России гражданского общества. С одной стороны, это направление объединяет два предшествующих, но с другой, содержит в себе преимущество, поскольку связано с «живым словом», за которым можно увидеть как явную, так и скрытую информацию.

Библиографический список

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX века). Т. 2. СПб., 1999. С. 196-283; Попова А.Д. Судебная реформа 1864 года и развитие гражданского общества второй половине XIX века // *Общественные науки и современность*. 2002. № 3. С. 89-100; Хорос В.Г. Зачатки гражданского общества до 1917 г. // *Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России*. М., 1998. С. 44-50

2. Абакумов С.А. Авторская серия «На пути к гражданскому обществу». *Гражданское общество в России (от древней Руси до наших дней)*. М., 2004.

3. Бредли Дж. *Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России* // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5. С. 77-89; Невоструев Н.А. К вопросу о создании элементов гражданского общества в дореволюционной России. (Методология исследования истории гражданских отношений в России во второй половине XIX- XX в.) // *АНТРО: Анналы научной теории развития общества*. Пермь, 2006. Вып. 1. С. 53-68.

4. Невоструев Н.А. Указ. соч. С. 56

5. Медушевский А.Н. Гражданское общество // Общественная мысль России XVIII- начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 123.

6. Черных А.И. Гражданское общество в истории России // Гражданское общество: теория, история, современность. М., 1999. С. 68-84.

7. См. напр.: Володин А.Г. Гражданское общество и политика в России: смена парадигмы // Политические исследования. 1998. № 6. С. 96-97; Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // Политические исследования, 2002. № 3. С. 104-116; Галкин А.А. Социализация личности, власть и гражданское общество // Современная российская цивилизация: серия научных трудов. Книга 1: Личность, общество, федерация. М., 2000. С. 58-65; Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 14-24; Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития: Материалы научной конференции (Москва, 7 декабря 2000г.). М., 2001. С. 134-137; Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 1998. С. 81; Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Государство и право. 2002. № 1. С. 47-49.

8. См. напр.: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995. С. 179-539.

9. Хорос В.Г. Указ. соч.; Черных А.И. Указ. соч.

10. См.: Сотрудники «Русских ведомостей» 1863-1913 // Русские ведомости. 1863-1913. Сборник статей. М., 1913. С. 145.

11. Ку А. С. Парадокс – гражданское общество без граждан // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 11-20.

12. От Матфея святое благовествование, [18:20].

13. См.: там же, [25: 14-30]; От Луки святое благовествование, [19:12-27].

14. Дзялошинский И.М. СМИ и гражданское общество // Актуальные проблемы Европы. Гражданское общество в современной Европе: Сборник статей. М., 2003. С. 192-209; Роль прессы в формировании гражданского общества. М., 1999.; Роль

прессе в формировании в России гражданского общества. День сегодняшний. М., 2000. 152 с.; Региональная пресса России и структуры гражданского общества: сотрудничество во имя развития. М., 1999.

15. См.: Хронологический перечень кар, наложенных на «Русские Ведомости» // Русские ведомости. Указ. соч. С. 304-308.

16. См.: Короленко В. Черточка из автобиографии // Русские ведомости. Указ. соч. С. 276-277.

17. См.: Гиляровский В.А. Сочинения в четырех томах. Т. III. М., 1989. С. 139.

© О.В.Дубичев (ЯГПУ)

Роль агрономов в деле развития агрокультуры среди сельских жителей Ярославской губернии в начале XX века

Среди широкого круга вопросов, касающихся проблемы природопользования в Ярославской губернии, большой интерес представляет вопрос о роли агрономов в деле развития агрокультуры среди сельских жителей Ярославской губернии в начале XX века. Именно данный вопрос и будет являться главной целью представленной работы. Для этого необходимо будет выделить основные направления деятельности агрономов и выяснить, насколько они соответствовали потребностям крестьян.

В основу работы были положены отчеты агрономов Ярославского уезда за 1912 – 1913 гг., которые находятся в краеведческом отделе Ярославской областной библиотеки. Данные источники интересны тем, что не только дают представление об основных направлениях деятельности специалистов, но и содержат информацию об уровне развития агрокультуры в крестьянских хозяйствах и отношении крестьян к деятельности агрономов.

В 1912 г. Ярославский уезд был разделен на пять агрономических участков: Норский, Великосельский, Курбский, Бур-

макинский и Заволжский. *Главными направлениями деятельности агрономов* были следующие:

1. Распространение сельскохозяйственных знаний.
2. Организация показательных участков.
3. Организация правильного травосеяния.
4. Наблюдение за деятельностью прокатных и зерноочистительных пунктов.

Распространение сельскохозяйственных знаний являлось тем фундаментом, на основе которого могла строиться работа любого специалиста, поэтому неудивительно, что данному направлению агрономы уделяли самое пристальное внимание. Как показывают отчеты, существовали две основных формы проведения просветительской работы: чтения-беседы и курсы.

Первичное знакомство с новыми, прогрессивными методами ведения хозяйства происходило на *чтениях-беседах*, которые проводились среди жителей одной или нескольких деревень. «Многие приходили посмотреть на чтения, как на диковинку, впервые слыша слово «агроном» и совершенно не зная, зачем он существует»[1]. Как свидетельствует большинство агрономов, в начале беседы со стороны крестьян наблюдалось некоторое недоверие к ним, но к ее окончанию настороженность исчезала[2]. Продолжительность бесед составляла 3 – 4 часа. За это время рассматривались только наиболее насущные для жителей этой местности вопросы: переход на правильное четырехполье, введение травосеяния и использование минеральных удобрений.

В Ярославском уезде за 1913 г. было проведено 63 чтения, на которых присутствовало около 3000 крестьян.

Главным показателем эффективности проведения таких чтений можно считать приговоры сельских сходо́в о переходе к правильному травосеянию, обращения в земскую управу о выдаче семян и на прокатные пункты. Правда, не всегда эти решения осуществлялись на практике, так, из 8 деревень Заволжского участка 2 в дальнейшем отказались от получения семян клевера и тимopheевки[3]. Курбский агроном отмечал, что в с. Ильинском «из подписавших приговор крестьян посеяли клевер только половина»[4]. Главными противниками усовершенствования хозяйства выступали сами крестьяне, точнее, их зажиточная часть, которая «после бесед агронома часто отговаривали крестьян»[5].

Несмотря на это противодействие, все агрономы в один голос крайне положительно оценивали чтения: «Интерес к чтениям большой, видно желание крестьян уяснить себе действительную пользу от новых хозяйственных способов и приемов ... Развитие поэтому чтений-бесед ... является насущной потребностью»[6].

Наиболее информативными и полными по содержанию и кругу охватываемых вопросов были *курсы*. Как правило, они проходили в крупных селах в течение 10 – 14 дней. Каждый день проводились теоретические и практические занятия по вопросам общего земледелия, луговодства, кооперации, использованию в хозяйстве минеральных удобрений и новых машин и др. По окончании курсов слушатели сдавали экзамены. Это говорит о том, что те, кто посещал данные курсы, должны были осознанно подходить к ним и быть изначально готовыми к восприятию такого рода информации.

Всего в Ярославском уезде в 1913 г. было проведено 8 подобных курсов, которые исправно посещали 133 человека, из них 120 человек (90%) по окончании курсов на экзаменах показали вполне удовлетворительные знания. В основном слушателями являлись местные крестьяне, жившие в 2 –3 верстах от места проведения курсов. Крайне редко лекции посещали женщины (7) и священники (3). Кроме постоянных слушателей на курсах присутствовали и посторонние, общее число которых приближалось к 300 человекам.

Таким образом, общая численность крестьян Ярославского уезда, посетивших разного рода просветительские мероприятия в 1913 г., было около 3400 человек. Такой показатель говорит о высоком уровне интереса крестьян к новым методам ведения хозяйства.

Организация показательных участков тесно была связана с предыдущим направлением деятельности агрономов, так как нередко они являлись частью проводимых курсов или их создание происходило непосредственно после чтений-бесед. Каждый участок состоял из 5 – 6 делянок, одна из которых была контрольной.

Всего в 1913 году было заложено 77 участков, разбитых на полях крестьян[7]. Данные получены на основе обработки

отчетов, но это только учтенные самими агрономами участки. Как сообщал курбский агроном: «Всех участков учесть не удалось» [7]. Главной причиной этого была нехватка времени. Таким образом, общее число участков вполне может приближаться к 100.

Распределение участков по видам сельскохозяйственных культур происходило следующим образом: под овсом – 31 участок (40%), под турнепсом – 17 (22%), подо льном – 12 (16%), под картофелем – 8 (10%), а на 9 (12%) – рядовой посев.

В подавляющем большинстве случаев использование минеральных удобрений полностью оправдывало себя и давало дополнительный доход от 2,5 до 27 руб. по зерновым культурам и 33 – 76 рублей по техническим (из расчета на 1 десятину)[8]. Данные участки показывали крестьянам реальные пути перехода к более интенсивному характеру ведения хозяйства и решения вопроса малоземелья, так остро стоявшего в Нечерноземье.

Распространение правильного травосеяния, наравне с внедрением минеральных удобрений, являлось приоритетным направлением в деятельности агрономов. Важность его заключалась в том, что введение четырехпольной и многопольной систем могло решить вопрос с кормами, а значит привести к увеличению поголовья скота. Так, валовой сбор при трехпольной системе равнялся (по данным бурмакинского агронома) – 50,75 руб., а при четырехпольной – 92,93 руб., то есть на 83% больше[9].

В Ярославском уезде к правильному травосеянию перешло 46 селений (в том числе: в Норском участке – 8, в Великосельском – 8, Заволжском – 8, Бурмакинском – 3 и Курбском – 19), причем около $\frac{1}{3}$ из них перешла в 1913 г. Данные цифры говорят, во-первых, о неравномерном распространении травосеяния в уезде, во-вторых, о важной роли агрономов в деле распространения четырехполья. Так, в Курбском участке 16 из 19 деревень начали заниматься посадкой клевера в 1911 – 1913 гг., именно в это время здесь начал свою работу И. Ильвес [10].

Хотя данный показатель очень низкий для уезда и составляет около 5% всех селений, но в то же время речь здесь идет о деревнях, где все домохозяева перешли на данную систему ведения хозяйства. В отчетах слабо отражено, насколько было распространено *угловое травосеяние*, но то, что это было на по-

рядок выше, говорит следующий факт: бурмакинский агроном пишет, что «этот участок значительно отстал от других в смысле развития правильного травосеяния», и тут же продолжает: «посев клевера на угловых участках развит более сильно, чем правильное травосеяние... посев клевера хотя бы отдельными домохозяевами замечен более чем в половине селений»[11].

Увеличению урожайности должны были способствовать *прокатные и зерноочистительные пункты*. Общее число их в уезде на 1913 год составляло 16 (в том числе в Великосельском – 4, Бурмакинском – 5, Курбском – 3, Заволжском – 3 и Норском – 1), причем в двух последних участках они появились только в текущем году. Этот факт говорит о том, что система данных пунктов находилась на начальной стадии развития и была напрямую связана с увеличением числа агрономов в уезде, так как именно они вели пропаганду среди крестьянства об их пользе, а также следили за их деятельностью.

В целом можно отметить, что *зерноочистительные* пункты пользовались большой популярностью среди крестьян. Всего на них было обработано 18 015 пудов семян (70% из них составляли семена льна и по 14% - семена ржи и овса). Видя положительный эффект от такой процедуры, некоторые хозяева «обзаводились собственными веялками и сортировками»[12].

Прокатные пункты в большинстве случаев бездействовали. «Орудия с трудом находят себе применение потому, что большая часть крестьян однолошадники», а, кроме того, домохозяева считали, что «работать на них мудрено»[13]. Удовлетворительной можно признать только работу пунктов в Курбском и Великосельском участках, где наибольшим спросом пользовались рядовые сеялки и ручные молотилки, причем были случаи, когда крестьяне брали «для пробы» отдельные орудия и оставляли их за собой[14].

Таким образом, прокатные и зерноочистительные пункты являлись центрами по внедрению в крестьянские хозяйства новых орудий труда, хотя достижение этой задачи было делом будущего.

В итоге можно отметить, что роль агрономов в развитии агрокультуры среди крестьянства была значительной, если не сказать главной. Именно они знакомили население с азами агро-

техники и показывали крестьянам пути интенсификации хозяйства. Конечно, их деятельность охватывала не все уголки Ярославского уезда и с трудом пробивала себе дорогу в крестьянском сознании, но комплексный подход, который они использовали в своей работе, являлся верным направлением в деле решения проблемы малоземелья и отсталости сельского хозяйства в начале XX в.

Библиографический список

1. Отчеты агрономов Ярославского уездного земства за 1913 г. Ярославль, 1914. С. 13.
2. Отчет о работе уездного агронома за 1912 г. Ярославль, 1913. С. 72.
3. Отчет о деятельности Заволжского участкового агронома Ярославского уездного земства. Ярославль, 1913. С. 40.
4. Отчет агронома Курбского участка за 1912. Ярославль, 1913. С. 25.
5. Там же.
6. Отчет агронома Великосельского агрономического участка за 1912. С. 6.
7. Отчеты агрономов Ярославского уездного земства за 1913 г. С. 46.
8. Там же. С. 46.
9. Там же. С. 97.
10. Там же. С. 48.
11. Там же. С. 99.
12. Там же. С. 40.
13. Там же. С. 39. Отчет агронома Курбского участка за 1912. С. 29
14. Там же. С. 63.

© М.В. Александрова (ЯГПУ)

Жилищный вопрос в Ярославле первых лет советской власти

Одной из основных задач советской градостроительной политики стало воплощение в жизнь революционного лозунга «Дворцы – рабочим». Ликвидация социального неравенства на

городском уровне осуществлялась за счет перераспределения жилого фонда. Первой мерой в этом направлении стала кампания по экспроприации жилой площади нетрудового элемента. В соответствии с ленинским планом «жилищного передела», пролетарскому государству необходимо было «принудительно вселить крайне нуждающуюся семью в квартиру богатого человека» [1].

В Ярославле, как и в других городах, уже в конце 1917 г. рабочие и красногвардейцы стали явочным порядком занимать особняки и здания дореволюционных учреждений. 30 июля 1919 г. Ярославский Губисполком создал комиссию по выселению буржуазии из занимаемых ею помещений и водворению на ее место рабочих [2]. Вместе с жильем зачастую реквизировалось имущество и мебель «бывших» [3].

При рассмотрении в Губкоммунотделе заявлений на получение жилплощади определяющую роль играла классовая принадлежность просителя. Квартиры и комнаты коммунального жилого фонда распределялись в первую очередь среди рабочих и служащих [4]. Лицам свободных профессий, торговцам, ремесленникам жилье предоставлялось только в зданиях, требующих капитального ремонта, и подвалах [5]. Немалое значение имел и дореволюционный статус человека. Так, при расселении дома № 53 по Волжской Набережной, освобождаемого под учреждение, все жильцы получили равноценные квартиры по соседству, за исключением семьи бывшего фабриканта Оловянишникова и вдовы бывшего пристава Стрельниковой. Последним Жилищный подотдел предлагал переехать в подвальное помещение, хотя оба на тот момент являлись служащими ярославских предприятий [6]. Постановлениями Жилищной подсекции Горсовета неоднократно увеличивались размеры квартплаты для нетрудового элемента с целью «выкурить этот элемент из муниципализированных домов или, по крайней мере, уплотнить его путем экономического нажима» [7].

Подобные меры были явно недостаточны для улучшения жилищных условий рабочих. Острая нехватка жилья, ставшая повсеместным явлением советских городов, в Ярославле усугублялась последствиями трагических событий июля 1918 г. Разрушения привели к потере 28% жилых зданий Ярославля [8]. При

этом за 1919 - 1925 гг., по подсчетам заведующего Губкоммунотделом К.И. Бутусова, коммунальный жилой фонд сократился еще на треть из-за отсутствия своевременного ремонта и «скверного отношения горожан к общественной собственности» [9]. Жилищный кризис был связан также с переводом в Ярославль целого ряда воинских частей из других городов и разбуханием советских учреждений, занимавших значительную долю наиболее благоустроенных помещений Ярославля.

Решение квартирного вопроса было возложено на Чрезвычайную жилищную комиссию при Горкоммунотделе, созданную в декабре 1920 г. План работ комиссии включал сокращение площади, занимаемой учреждениями, на 30%, максимальное использование зданий религиозного культа, ремонтные работы, а также точный учет всей жилой площади Ярославля [10]. 19 декабря 1920 г. усилиями мобилизованных членов РКП был совершен обход всех жилых помещений и учреждений города [11]. Привлекая данные заполненных в ходе этого обследования анкет, комиссия начала кампанию по уплотнению жилого фонда.

В основе действий комиссии лежал принцип максимальной вместимости помещений. В одну комнату часто вселялось по две и более семьи [12]. Не было разработано четких норм жилой площади, практически не проводились обмеры, не учитывалась специфика помещений [13], что вызывало многочисленные протесты населения и требования пересмотра решений комиссии. В качестве оснований для просьб освободить их от уплотнения жильцы использовали льготы, предоставляемые семьям красноармейцев, работникам просвещения, ссылались на необходимость работы на дому, активное участие в общественной деятельности, морально-этические соображения, непригодность отводимых помещений для жилья, небрежность работников комиссии при обследовании [14]. Значительная часть этих прошений была удовлетворена.

В 1924 г. жилищной подсекцией Ярославского Горсовета была установлена норма жилплощади 9,1 м² на человека [15]. В Москве в этот период она составляла 8 м² [16], в Ленинграде – 14 м² [17]. Введение твердой нормы жилплощади позволило упорядочить распределение городского жилья, однако кампания по уплотнению не решала квартирной проблемы полностью. Об-

следования быта рабочих ярославских предприятий в 1924 г. свидетельствовали, что «жилищные условия трудящихся по-прежнему очень тяжелы, нет помещений, приспособленных для семейных, люди ютятся в маленьких клетушках по четыре и больше человек» [18], «60% рабочих завода Лакокраска проживает в полуразбитых домах и подвалах» [19], «сырость и теснота пагубно отражается на здоровье рабочих, особенно их детей» [20].

Ярославский Губкоммуотдел различными льготами поощрял ремонт и строительство жилья частными лицами [21]. При этом каждый проект на восстановление или постройку зданий, занятие земельных участков предварительно утверждался в Технической комиссии Губкоммуотдела в соответствии с генеральным планом города [22].

С 1923 г. предпринимаются попытки внедрения жилищно-строительной кооперации. В годы нэпа этот метод получил широкое распространение в советских городах. Государственных средств для обеспечения рабочих жильем не хватало, поэтому через систему кооперации привлекались и личные сбережения граждан. Жилищным кооперативам предоставлялись долгосрочные кредиты, различные льготы со стороны государства, законодательно закреплялись основные источники финансирования.

В Ярославле для содействия жилищной кооперации с 1 мая 1924 г. вводились дополнительные налоги с жилплощади, занимаемой нетрудовым элементом, а также пятипроцентные отчисления с прибыли предприятий и доходов от аренды торговых помещений города [23]. На конференциях и собраниях профсоюзов пропагандировались преимущества и возможности кооперативного строительства жилья для рабочих. Первая кампания по вовлечению ярославских рабочих в члены жилищно-строительной кооперации «совершенно не привилась к массам» [24]. Однако если в 1924 г. в Ярославле было 9 жилищно-кооперативных товариществ, то в октябре 1925 г. их число достигло 25, а в декабре приближалось к 150 [25].

С 1924 г. в Ярославле разворачивается активное строительство деревянных и каменных домов для рабочих. Проектирование жилых зданий и объектов соцкультбыта осуществляли ведущие инженеры и архитекторы Ярославля – Г.В. Саренко,

Н.Ю. Лермонтов. Члены Планировочной мастерской разрабатывали новые типы жилья, «в соответствии с требованиями, выявляемыми жизнью», привлекая идеи современных отечественных и зарубежных градостроителей [26].

В планировочных решениях застройки рабочих районов велись поиски экономичного типа жилища, необходимого в условиях нехватки материальных и финансовых ресурсов. Вместе с тем архитекторы стремились внести в жилищное строительство «новое содержание», отражающее переход рабочих к новому быту, социальным установкам, определяемым социализмом. Среди проектов ярославских градостроителей начала 20-х гг. встречаются дома-коммуны для рабочих артелей, малоэтажное жилье с сохранением характера усадебной застройки, многоквартирные жилые дома [27].

Широкое распространение в градостроительной теории и практике 20-х гг. получила идея «города-сада», предложенная Э. Говардом в начале XX века. Эта концепция предполагала формирование городских комплексов как системы озелененных территорий с малоэтажной застройкой. Советских архитекторов в ней привлекала целесообразность небольшого размера поселений и возможность улучшить санитарно-гигиенические условия жизни. Одним из первых предложений центральной государственной власти по восстановлению Ярославля было развитие его по примеру «города-сада», что было одобрено в сентябре 1918 г. [28].

Первым воплощением концепции Говарда в Ярославле стал проект поселка-сада Дядьково, разработанный в 1923 г. Центром композиции являлась озелененная площадь, вокруг которой группировались кварталы жилой застройки. Каждый дом имел индивидуальный участок-сад [29].

К середине 20-х гг. становится очевидной экономическая нерентабельность малоэтажной застройки с приусадебными участками в городских условиях. Наиболее приемлемым вариантом массового типа жилища оказываются жилые комплексы, состоящие из трех - четырехэтажных секционных домов. Такой жилой комплекс, занимавший порой целый квартал, позволял целесообразно и экономично решать проблему включения в его структуру элементов коммунально-бытового назначения. Жилые

дома комплекса проектировались с квартирами на семью, которые в условиях острого дефицита жилья можно было заселять покомнатно.

В 1926 г. Ярославский комитет содействия жилкооперации, возглавляемый К.И. Бутусовым, объявил всесоюзный конкурс на разработку типовых жилых домов. К январю 1927 г. поступило 98 проектов, присланных с разных концов страны, что являлось исключительным фактом для тех лет, принимая во внимание провинциальный характер конкурса. Первые премии за малоэтажные дома получили московские архитекторы Н. Х. Поляков и А.В. Власов, за многоэтажный дом – архитектор В.В. Кратюк [30].

Проект В.В. Кратюка после соответствующей доработки был положен в основу первого в Ярославле экспериментального жилого комплекса – Бутусовского поселка. Финансирование строительства семи каменных домов осуществлялось при содействии Центрального коммунального банка, которым была предоставлена долгосрочная ссуда в размере 600 тыс. рублей (30% из общей сметы расходов). Остальные средства выделялись местным бюджетом [31].

В Ярославле впервые одновременно возводился целый массив жилых домов. Отсутствие опыта подобной работы вызывало многочисленные трудности. Проект неоднократно подвергался корректировке уже в процессе строительства, что требовало дополнительного финансирования, строительных материалов, подтверждения новых смет. В решении этих проблем огромная роль принадлежала главному организатору стройки заведующему Губкоммуноотделом К.И. Бутусову. По инициативе трудящихся поселку впоследствии было присвоено его имя.

В январе 1929 г. первые пять домов поселка были закончены. К.И. Бутусов возглавил комиссию по распределению квартир. Необходимо было рассмотреть 6 тысяч заявлений на 500 мест. При предоставлении жилья тщательным образом учитывались самые разные факторы, вплоть до состояния здоровья членов семьи, в соответствии с которым определялись этаж и сторуна отводимой комнаты [32].

Проект Бутусовского поселка впоследствии неоднократно ложился в основу строительства жилых комплексов Ярослав-

ля, сооружаемых на средства города, предприятий, жилищных кооперативов. В новых типовых домах создавался необходимый уровень бытовых удобств: система отопления, водопровод и канализация, кухня, прихожая, санузел в каждой квартире [33]. Однако размеры и функции хозяйственных помещений в жилых зданиях сводились к минимуму, что диктовалось не только недостатком средств, но и принципами нового уклада жизни горожан. Задача обеспечения коммунальных потребностей населения возлагалась в первую очередь на службы обобщественного быта: фабрики-кухни, общественные столовые, банно-прачечные комбинаты.

Вместе с жилой застройкой с середины 20-х гг. в Ярославле возводились школы, детские сады, амбулатории, клубы, магазины. В каждом районе города предполагалось создание развитой социальной инфраструктуры. При этом приоритет в строительстве жилья, объектов коммунально-бытового и культурного назначения сохранялся за рабочими поселками. Градостроительная политика советского государства была направлена на обеспечение оптимальных условий проживания пролетариата и других категорий трудового населения. Классовый статус человека в первые годы советской власти являлся определяющим фактором в решении жилищного вопроса.

Библиографический список

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1975. Т. 26. С. 88.
2. ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 390. Л. 447.
3. Воспоминания княгини Н.В. Урусовой // Русский па-ломник. 2003. № 27. С. 34.
4. ГАЯО. Ф. Р-1269. Оп. 1. Д. 85. Л. 37 - 38.
5. Там же. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 250. Л. 1.
6. Там же. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 237. ЛЛ. 30 – 35.
7. Там же. Ф. Р-1269. Оп. 1. Д. 85. Л. 35., Д. 109. Л. 59.
8. Там же. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 197. Л. 6.
9. Там же. Ф. Р-1269. Оп. 1. Д. 109. Л. 57.
10. Там же. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 62. Л. 6.
11. Там же. Д. 44. Л. 2.
12. Там же. Д. 64. Л. 4., Д. 44. Л. 8.

13. ГАЯО. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 44. Л. 2, 16.
14. ГАЯО. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 44. Л. 2, 3, 6, 8, 12 – 14, 16 – 18., Д. 64. ЛЛ. 5, 10.
15. Там же. Ф. Р-1269. Оп. 1. Д. 85. Л. 37.
16. Паперный В. Мужчины, женщины и жилое пространство // Жилище в России: век XX. М., 2001. С. 94.
17. Обертрейс Ю. «Бывшее» и «излишнее». Изменение социальных норм в жилищной сфере в 1920 – 1930-х гг. // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России в 1920 – 30-е гг. СПб., 2000. С. 85.
18. ГАЯО. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 237. Л. 2.
19. Там же. Ф. Р-1269. Оп. 1. Д. 86. Л. 24.
20. Там же. Оп. 1. Д. 109. Л. 58.
21. Там же. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 117. Л. 285., Д. 215. Л. 16. Ф. Р-1269. Оп. 1. Д. 12. Л. 40.
22. Там же. Л. 131.
23. Там же. Ф. Р-1269. Оп. 1. Д. 85. Л. 13.
24. Там же. Д. 87. Л. 19 об.
25. Там же. Д. 109. Л. 57.
26. Там же. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 198. Л. 6.
27. Сапрыкина Н.С. Советская архитектура Ярославля: реальность и виртуальность. Ярославль, 2006. С. 27 – 39.
28. Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября. М., 1970. С. 96.
29. Астафьева М. План «Большого Ярославля» 1918 - 1923 гг. // Архитектура СССР. 1969. № 1. С. 59.
30. Сапрыкина Н.С. Советская архитектура Ярославля... С. 44.
31. Маров В. Бутусовский поселок // Северный рабочий, 2 августа 1985.
32. Там же.
33. Сапрыкина Н.С. Советская архитектура Ярославля... С. 38 – 44.

**Быт населения оккупированных территорий Брянщины
в партизанских краях и зонах в 1941-1943 гг.**

Одной из проблем, слабо освещенных в историографии, является бытовой аспект партизанского движения. Эта тема считается второстепенной по сравнению с боевой деятельностью. Но без знания особенностей повседневной жизни партизан и населения трудно понять истинную цену борьбы в условиях оккупационного режима.

Гражданское население, не привыкшее к тяжелой бытовой обстановке, было главным источником формирования, пополнения и обеспечения партизанских отрядов. В 1941-1942 гг. среди партизан Орловской области (до июля 1944 года территория нынешней Брянской области входила в состав Орловской – О. Л.) было 85-90% гражданских [1]. Таким образом, обычные советские люди должны были приспособливаться к экстремальным условиям сопротивления и перестраивать свою повседневную жизнь.

Очень важной базой для народной борьбы с фашистами были партизанские края и зоны. Под партизанскими краями понимаются обширные территории, отвоеванные в тылу противника [2]. В партизанских зонах находились немецкие войска, но местное население активно боролось против захватчиков, которые удерживали только узловые пункты [3].

На Брянщине партизанские края и зоны возникли не сразу после оккупации региона в октябре 1941 г. По свидетельству руководителя Объединенного штаба партизанских отрядов Западных лесов Д. В. Емлютина, до декабря 1941 г. отряды «боевой деятельностью не занимались, отсиживались в лесу в землянках» [4]. Аналогичная ситуация до апреля 1942 г. была в Стародубском районе Орловской области [5]. Это являлось следствием неожиданности захвата немцами Брянщины для многих рядовых советских граждан, которых долгое время убеждали в том, что Красная Армия будет громить врага на чужой территории. Ряд партизанских командиров попытался перевести свои отряды через линию фронта на соединение со своими [6]. Но большинство людей верили во временный характер неудач со-

ветских войск и ждали контрнаступления. По свидетельству партизанского командира Халепо, сразу после оккупации «большая часть рядового партсостава осталась на месте, выжидая прихода Красной Армии» [7]. В обстановке быстрого продвижения линии фронта в 1941 году некоторые районы оказались вне контроля вермахта. В эти местности и удалились многие жители Брянщины. Однако ожидания населения по поводу возвращения Красной Армии не оправдывались. У некоторых людей стало появляться разочарование в военных возможностях СССР. В партизанских отрядах в связи с наступлением холодов участились разговоры: «Как мы будем жить разутые, раздетые. Неужели еще долго придется сидеть в лесу, говорят об успехах Красной Армии, а успеха нет, Красная Армия не идет, поспешил я прийти к вам в отряд. Лучше бы посидел дома» [8]. Часть жителей Брянщины пошла на сотрудничество с фашистами. Так, еще в декабре 1941 г. командир Брасовского партизанского отряда заявлял, что перейдет с половиной отряда на сторону полиции [9]. Подобные явления случались и позднее. Из партизанских отрядов Выгонического района за июнь 1942 г. на сторону полиции перешли более 20 человек, в том числе и отдельные коммунисты [10], в июле – 30 партизан [11]. Всего за июль 1942 г. из партизанских отрядов Западных районов Орловской области перешло на сторону врага с оружием 117 человек [12]. Но у большей части населения неудачи советских войск вызывали желание самостоятельно защитить свою Родину от захватчиков. Это способствовало тому, что в Брянских лесах к середине 1942 г. образовались партизанские края. Таким образом, реакция населения Брянщины на оккупацию была разнообразной: от сотрудничества с фашистами и выжидания до активной борьбы.

Бытовое положение пособников фашистского режима было гораздо выше, чем у тех, кто боролся с ним. Полицейские регулярно получали яйца, масло, мед, спирт и табак [13]. Для партизан и гражданского населения такие продукты часто были дефицитом. Не случайно во время операций партизаны стремились добыть их с риском для жизни. Так, в бою за станцию Синезерки в июне 1942 г. погибли семь бойцов Навлинского отряда, которые кинулись к ящику с сигаретами и попали на мину [14].

В партизанских отрядах рацион в период затишья состоял в среднем из 500 г хлеба, 150 г мяса (в основном конины), молока и овощей [15]. Отряды, которые вели активные боевые действия, вынуждены были значительно сокращать нормы питания и нередко голодать [16]. Самым тяжелым для партизан и сотрудничавшего с ними населения было отсутствие соли, от чего случались многочисленные заболевания [17]. По воспоминаниям партизанского врача А. А. Туманяна, «...о жирах, приправах, как и соли, приходилось, увы, только мечтать» [18]. Нормы продуктов питания зависели от активности партизанских отрядов, их близости к противнику и количества продовольственных баз. В среднем заготовленных продуктов партизанам хватало на два месяца, и если за этот период продовольственная база не пополнялась, то люди попадали в очень тяжелое положение.

Еще сложнее приходилось гражданскому населению, которое бежало от немцев в лесные лагеря. Одни не успевали взять с собой ничего, другие брали продукты на 1-2 месяца, но делились с неимущими, сокращая свой паек. Помогал выжить в суровых условиях картофель, который занимал основное место в питании и запасался в больших количествах в специальных замаскированных ямах-хранилищах [19]. Так, осенью 1942 г. от немцев в лесах скрывалось 12 622 человека, которые имели значительное количество картофеля, 3755 голов скота и запас хлеба на месяц. Однако у людей не было соли и достаточного количества одежды и обуви [20]. Основной контингент таких лагерей составляли женщины, старики и дети, нередко из партизанских семей. Поэтому партизаны вынуждены были заботиться о большом количестве гражданских. После ухода немецких карательных отрядов население возвращалось в родные деревни, но часто фашисты в назидание ушедшим сжигали дома. Таким образом, лесные лагеря представляли собой одну из форм приспособления к экстремальным бытовым условиям. Они позволяли людям спрятаться от оккупантов, но сковывали активность партизанских отрядов и могли привести к гибели населения от голода и болезней без урона для противника.

Многие партизаны и рядовые граждане понимали необходимость более решительной борьбы за выживание. Партизанские отряды стремились освободить населенные пункты, а мест-

ные жители создавали в них отряды самообороны. В таких краях для снабжения отрядов и населения восстанавливались предприятия. В Дятьковском районе летом 1942 г. работали электростанция, скипидарный и кожевенный заводы, небольшая колбасная фабрика, пошивочная мастерская [21]. В Навлинском районе был также восстановлен колбасный завод, пекарня, слесарные мастерские, поликлиники и амбулатории, аптеки, ветлечебницы, радиоузел, телефонная и почтовая связь, сберкасса [22]. Создание партизанских краев вело к росту жизненного уровня населения в тылу врага. Хотя людей для обеспечения полноценного функционирования предприятий не хватало, все же бытовое положение в партизанских краях иногда было более высоким, чем в советском тылу, где проводилась политика «Все для фронта, все для победы!». Более высокий уровень жизни в партизанских краях создавался за счет захвата немецких складов снабжения, рациональной организации хозяйства и производства прежде всего предметов первой необходимости. К тому же сами партизаны, в отличие от частей Красной Армии, могли принимать участие в производственном процессе.

В отечественной историографии утверждалось, что в районах действия партизан население жило по советским законам и традициям [23]. Однако то, что было советским по форме, не всегда было таковым по содержанию. В брянских партизанских краях существовали более свободные экономические и социальные порядки. В условиях войны их руководители пытались устранить недостатки советской системы, позволяли и поощряли существование индивидуального хозяйства, частной собственности и торговли, самогонварения. Так, в Суземском районе во время весеннего сева 1942 г. было засеяно 6205 га колхозных полей и 2085 га – в индивидуальном секторе [24], что давало населению больший экономический стимул. Собранный с частных участков урожай можно было свободно продать, как в Дятьковском районе, где осуществлялись закупки картофеля для обеспечения партизанских отрядов [25]. С разрешения командования отдельные партизаны проводили индивидуальные заготовки продуктов для своих семей, как это было в Навлинском отряде [26]. В Выгоничском районе в частное пользование из общественного мог переходить и скот [27]. Активно развивалось и са-

могоноварение. Так, начальник штаба отряда им. Щорса «неоднократно выписывал из партизанской базы муки прямо с указанием на самогон», и его примеру последовали отдельные бойцы [28]. На руководящих должностях в партизанских краях могли оказаться неугодные советской власти элементы из бывших кулаков [29]. В бытовом плане случалось даже многоженство. Партизан Троснянского отряда Гавришин возмущался: «Почему мне запрещают иметь третью жену, а командирам можно» [30]. Встречались случаи и явных антисоветских высказываний [31], по которым не всегда принимались меры. Таким образом, в партизанских краях распространялись отдельные явления, с которыми советские органы в мирное время активно боролись.

В партизанских зонах положение населения было более тяжелым. Немецкое командование постоянно издавало приказы, предписывающие «не предоставлять партизанам никакой помощи..., при посещении партизанами населенного пункта немедленно сообщать...» [32]. Но, несмотря на подобные указания оккупационного режима, жители Брянщины помогали бойцам партизанских отрядов. В силу того, что население партизанских зон не могло полностью снабдить все отряды, оно отдавало приоритет соединениям из своих районов, которые в ответ обеспечивали безопасность отдельных поселений. Партизанские отряды, приходившие в силу обстоятельств из других регионов, могли не получить помощи и прибегнуть к насильственным изъятиям продуктов. В частности, в мае 1942 г. отряды из Трубчевского и Выгоничского районов «... были в поселки Усошки Почепского района, где отобрали у населения 20 коров... Подобные и другие факты имели место и в других отрядах» [33]. В Ленинском поселке Мглинского района партизаны из 5-й Ворговской бригады забрали корову у жены красноармейца [34]. В мае 1942 г. Харьковские отряды на территории Суземского района «систематически занимались мародерством, незаконными обысками и изъятием собственных вещей у населения» [35]. Таким образом, смоленские и украинские отряды позволяли себе противоправные действия на территории Брянщины. Партизаны из различных регионов не всегда относились с уважением к семьям друг друга, могли ограбить жителей не своего района.

Центральное командование стремилось бороться с явлениями мародерства, предписывало «заготовки продовольствия у местного населения... проводить только на основе принципа добровольности» [36]. Однако партизаны не всегда выполняли данные распоряжения. Например, в октябре-ноябре 1942 г. во втором партизанском отряде им. Ворошилова бойцы занимались мародерством и настраивали против себя население [37]. Партизаны продолжали прибегать к изъятию имущества у жителей не своего базового поселения. Пополнение партизанских отрядов также не всегда носило добровольный характер, что вело к дезертирству. Например, в июле 1942 г. перешло на сторону противника 30 партизан, уроженцев деревни Хмелево, «которые в отряд не добровольно вступали, а были мобилизованы в марте месяце 1942 г...» [38], а из недавно организованных партизанских отрядов № 2 и № 3 Погарского района ушли 7 человек [39]. Подобные факты опровергают тезис об исключительной добровольности вступления в партизанские ряды.

По отношению к населению района своего базирования партизаны могли быть вполне толерантными. В частности, к гражданке села Ямное Барсуковой, которая выдала немцам двух активистов партизанского движения и вела антигосударственную агитацию, не было принято никаких мер, поскольку на ее иждивении находились два ребенка [40]. В тяжелых военных условиях, когда предметов первой необходимости не хватало, некоторые партизанские отряды по соглашению с населением могли получать от них снабжение в обмен на защиту. Такие договоры, по-видимому, существовали между селом Смелиж и Харьковским отрядом, деревней Никольской и партизанским соединением им. Лазо. При прохождении партизанского отряда им. Ворошилова по селу Смелиж, когда бойцы занялись изъятием имущества у населения, местные жители грозились вызвать Харьковский отряд и воевать с ворошиловцами [41], а командир партизанского отряда им. Лазо избил партизана из другого района за заготовку продуктов для своей семьи в деревне Никольское [42]. Однако до открытых военных столкновений между отрядами дело не доходило. Распределение населенных пунктов в партизанских зонах было вызвано объективной необходимостью

стью, но в случае тяжелого положения партизаны часто оказывали помощь друг другу.

Партизанские отряды старались ограничиваться конфискацией имущества у тех людей, которые сотрудничали с оккупантами, брали урожай, «только принадлежащий семьям ушедших... в полицию» [43]. Нередко партизаны, дабы привлечь на свою сторону население, раздавали захваченные продукты семьям красноармейцев, нетрудоспособным и ограбленным колхозникам [44]. По мнению историка В. А. Пережогина, «чтобы исключить случаи чрезмерного и непосильного обложения населения поставками продовольствия, командование отрядов упорядочило систему сборов продуктов» [45]. Однако налогообложение иногда не было рациональным. Например, один из комиссаров сообщал, что «непосильные налоги вызывают нехорошие в политическом отношении толки...» [46]. Население не всегда было способно поддержать партизан. Людям удавалось делиться с бойцами только тем, что они смогли спрятать от оккупантов и оставить себе на пропитание. К тому же крестьянам было необходимо сохранить зерно и для будущих посевных работ. Но не все партизаны понимали это и могли забрать весь семенной запас, позволить самоуправство и грабеж на полях [47]. Такая политика настраивала население против партизанских отрядов. Бойцы, постоянно рисковавшие своей жизнью, не всегда задумывались о будущем. Однако многие партизаны стремились облегчить положение населения. По сообщению командования одного из отрядов, они устанавливали нормы сбора 4 кг с центнера, вместо установленных немцами 20 кг [48]. Это устраивало и партизан, и население. Бойцы также старались принять участие в сельхозработах по заготовке продуктов.

Нередко партизанские отряды оказывали и медицинскую помощь мирным жителям. Так, через санитарную службу отряда им. Ворошилова прошло 16 раненых и 107 больных местных жителей [49]. Население, в свою очередь, снабжало бойцов обмундированием [50]. Однако в суровых партизанских условиях оно быстро приходило в негодность, поэтому одежда и обувь были постоянной проблемой. Одеваться трофейным немецким обмундированием было опасно, поскольку в этом случае партизаны могли принять своих за врагов. Поэтому населению прихо-

дилось шить одежду и обувь самостоятельно. Достаточно широко было распространено плетение лаптей, чуней из пеньковой веревки, постолов из кусков свежей шкуры животных, завязываемых веревкой вокруг ног, онучей – кусков плотной ткани для ношения лаптей или сапог, одежды из овчинных шкурок и других видов кожи [51].

В целом, быт населения Брянщины в 1941-1943 гг. зависел от многих факторов: от взаимодействия с партизанскими отрядами, от политики немецких властей, от собственной активности и предприимчивости, от местоположения района. Жизненный уровень населения в партизанских краях был достаточно неплохим, позволял перейти на самообеспечение. В партизанских зонах мирные жители делились с бойцами последним. Но они мужественно выносили все тяготы оккупационного режима и по большей части помогали партизанским отрядам, терпя суровые лишения и притеснения от фашистов.

Библиографический список

1. См.: Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). М., 2001. С. 37.; Государственный архив Брянской области. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 119.
2. См.: Партизанское движение... С. 49.
3. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. 6. М., 1965. С. 253.
4. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.
5. Там же. Д. 57. Л. 108.
6. Там же. Д. 44. Л. 66, 95.
7. Там же. Д. 57. Л. 107.
8. Там же. Д. 49. Л. 120.
9. Там же. Д. 45. Л. 1-15.
10. Там же. Д. 6. Л. 135-138.
11. Там же. Д. 4. Л. 53-54.
12. Там же. Д. 45. Л. 135-145.
13. Там же. Д. 244. Л. 30.
14. Там же. Д. 6. Л. 150.
15. Там же. Д. 244. Л. 128.
16. Там же.

17. Там же. Д. 4. Л. 78.
18. Судоплатов Н. П., Туманян А. А. Записки партизанских врачей. Тула, 1989. С. 224.
19. См.: Партизанское движение... С. 358.
20. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 52. Л. 261-284.
21. См.: На разгром врага. 1942. 2 июня.
22. См.: Дандыкин Т. К. Хозяйственно-политическая жизнь в партизанских краях и зонах// Шли на битву партизаны: Сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941-43 гг. Брянск, 1972. С. 172-173.
23. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. 6. М., 1965. С. 25; Залесский А. И. В партизанских краях и зонах. М., 1962. С. 68.; Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941-1944. М., 2004. С. 56.
24. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 178. Л. 49.
25. См.: Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. Брянск, 1962. С. 104.
26. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 53-54.
27. Там же. Д. 6. Л. 137.
28. Там же. Л. 136.
29. Там же. Д. 4. Л. 3.
30. Там же. Д. 49. Л. 120.
31. Там же. Д. 52. Л. 275.
32. Цит. по: Партизанское движение... С. 51.
33. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 45. Л. 65.
34. См.: Партизанское движение... С. 47
35. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.
36. Там же. Д. 11. Л. 2.
37. Там же. Д. 52. Л. 270.
38. Там же. Д. 4. Л. 53.
39. Там же. Д. 244. Л. 70.
40. Там же. Л. 30.
41. Там же. Д. 4. Л.1-3.
42. Там же. Л. 53.

43. Там же. Л. 24.
44. Там же. Д. 45. Л. 89-94.
45. В. А. Пережогин. Быт партизан// Партизанское движение по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 2001. С. 357.
46. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.
47. Там же.
48. Там же. Д. 45. Л. 89.
49. Там же. Д. 4. Л. 59.
50. Там же. Л. 75.
51. Там же. Л. 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

**© В. П. Басков, А. В. Кузьменко (ЯГПУ)
Социальные проблемы российского гражданского общества**

Гражданское общество – это совокупность конкретных, естественных форм общественной жизнедеятельности индивидов, призванных обеспечить удовлетворение их потребностей и интересов. События и процессы, протекающие в современной России, определяют в значительной степени содержание и суть гражданского общества. Вопрос в том, каков уровень развития гражданского общества, насколько реализована или не реализована способность членов общества к творческому труду и самоуправлению.

Гражданское общество состоит из свободных личностей, реализующих свои социальные, экономические, профессиональные и другие интересы через автономные от государства организации и институты. Оно включает систему социальных связей,

формирующих и реализующих свои интересы. Основа личной свободы гражданского общества – частная собственность. Свобода личности не может существовать без свободы экономического выбора от регулирования форм собственности, без формирования прогрессивной социальной политики.

Эволюция социальной жизни в минувшие полтора десятилетия привела к усилению в обществе элементов и тенденций стратификации, социализации, маргинализации. В политической области становление и функционирование гражданского общества связано с активизацией политических институтов, с системой правления, режимом и политической культурой. Идеи индивидуальной свободы легли в основу теории естественного права, общественного договора, либерализма, индивидуализма, правового, социального государства [1].

Казалось бы, концептуальные направления социального, экономического и политического развития страны давно определены, но Россия все еще переживает состояние мучительного поиска своего места в мире, стремится определить свой дальнейший путь, когда все сферы общественной жизни нуждаются в глубоких преобразованиях. Любые реформы в условиях гражданского общества должны быть рассчитаны на улучшение жизни населения. К сожалению, нынешние отечественные реформаторы ошибочно полагают, что только с введением частной собственности в стране произойдет рост эффективности общественного производства. Это особенно страшно, если учитывать опыт современных развитых стран, где происходит так называемая социализация частной собственности, суть которой в том, что в рамках коллективной собственности имеет место персонификация собственности, т. е. наделение каждого работника определенной долей (через пай или внутренние секции).

В западном гражданском обществе большое значение придается не столько форме собственности, сколько формам хозяйствования, которые могут быть разными по уровню эффективности в рамках одной и той же формы собственности.

Экономические реформы в России привели к существенному изменению в структуре доходов и к резкой их дифференциации, что отражает преобразования в отношениях собственности, влияния на производство, но не в пользу улучшения жизни

людей: разница между доходами самых бедных и самых богатых составляет в настоящее время в России 15-20 раз. Продолжает расти численность населения с доходами ниже прожиточного минимума. Министр экономического развития и торговли РФ Герман Греф заявляет, что более 9 процентов населения страны живут меньше чем на 2 доллара в день [2].

У 85 процентов россиян доходов хватает только на самое необходимое, а более 20 процентов балансирует на грани выживания. Около 50 процентов граждан РФ считают, что за прошедший 2006 год их жизнь не улучшилась, и всерьез опасаются, что в ближайшее время жить им станет еще хуже [3]. Ситуацию обостряет вызывающий образ жизни и поведение «новой аристократии». На фоне дурных денег процветает откровенное мотовство. Объем роскоши с 2000 г. вырос в 3 раза и составлял в 2006 г. около 300 млрд. долларов. Россию захлестнула вакханалия трат. Нравы российской элиты вызывают в Европе шок. Теперь, когда люди стали больше ездить за границу, приходит понимание того, что в Европе, США, Японии миллионеров значительно больше, чем в России, но такого перепада в уровне жизни нет.

Социологические опросы все яснее показывают, что нерв массового недовольства смещается в сторону чиновников, которые не способны и не хотят решать проблему неравенства. Между тем, примеров в новейшей истории, свидетельствующих о том, что власть может восстанавливать хотя бы долю социальной справедливости, достаточно [4]. Известно, что в 80-х г. прошлого века в Великобритании для крупного бизнеса был установлен единовременный компенсационный налог за «шоковую приватизацию» в 1980 г. В соответствии с принятым законом компании, получившие при Тетчер большие объемы дешевой собственности, внесли в бюджет 25 процентов разницы между ценой приобретения и ее рыночной стоимостью в 1977 г. В сущности, вопрос не в том, что рост богатых в стране явление негативное. Плохо то, что многие из них потеряли чувство меры и ответственности, считают себя единственными хозяевами России. Выступая на XI Всемирном Русском Народном Соборе, Владыка Кирилл заметил: «Грех не богатство, а любовь к нему... человек, уповающий прежде всего на деньги и вещи, неизбежно замыкается в узком мирке служения «золотому тельцу» и не может по-

следовать за Христом. Обладая лишь частью, он заслоняет от себя целое, теряет подлинную свободу духа» [5].

Возникает закономерный вопрос: как в условиях гражданского общества решать проблему бедности? Путь здесь много, но очевидно, что один из первых – это справедливое перераспределение собственности в интересах народа и государства, справедливое перераспределение доходов в пользу наиболее нуждающихся граждан за счет многократного увеличения зарплат, пенсий, социальных выплат и снижения налогового бремени на малоимущих, остановка роста цен и тарифов, в том числе за счет жесткого и прозрачного государственного регулирования, тарифообразования в естественных монополиях. Другая важная проблема формирующегося гражданского общества в России – это демографическая проблема. То, что рождаемость в России стала низкой, смертность населения высокой, стало известно не вчера, это показали еще итоги переписи 1989 г., последней переписи населения СССР. Из 40,2 млн. семей имели в своем составе детей до 18 лет лишь 2,5 млн., или 58,4 процента. В них проживало 38,3 млн. детей, а на одну семью приходилось в среднем 1,63 ребенка. Из семей с детьми однодетные составляли 51 процент, двухдетные – 39 процентов, семьи с тремя и более детьми – менее 10 процентов (в городах менее 7 процентов, а в селах – более 19 процентов) [6].

В России в 1995 г. общее число родившихся составляло 1,364 тысячи – самый низкий показатель современной российской истории. Со второй половины 90-х г. РФ находится на одном из последних мест по рождаемости. Отказ от рождения детей стал массовым явлением и способом поддержания быстро снижающегося уровня жизни. В начале XXI века демографическая ситуация в России еще больше осложнилась. По переписи 2002 г. рождаемость на 1 тысячу составила 7 человек, а смертность – 14,2 человек. Население России между переписями 1989 г. и 2002 г. уменьшилось на 3,5 млн. человек. Оно сократилось в 66 субъектах РФ и лишь в республиках Алтай, Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия увеличилось за счет естественного прироста. Некоторое повышение рождаемости в последние 2-3 г. не меняет общую ситуацию сокращения населения страны, и виной тому высокая смертность

россиян. По данным Росстата, в 2006 г. в России на каждых 10 новорожденных в среднем приходилось 15 умерших. В 17 регионах число умерших вдвое превышало количество родившихся. К сожалению, рассчитывать на лучшее пока не приходится, поскольку в России средняя продолжительность жизни мужчин составляет 57-59 лет, женщин немного более 70 лет. Кстати, низкая, не обеспечивающая воспроизводство населения рождаемость продолжает сохраняться и в странах Европы. При этом везде происходит неуклонное старение населения. И в России и в европейских странах главная опасность состоит в сокращении численности трудоспособного населения. К 2050 г. уже треть населения Европы будут составлять люди старше 60 лет. Общий прогнозируемый результат средней ожидаемой продолжительности жизни новорожденных будет главным образом определяться успехами в снижении младенческой смертности. В России наблюдается довольно значительное снижение коэффициента детской смертности. Медицинская статистика свидетельствует, что в России практически не осталось здоровых людей. По данным РАМН, 70 процентов девочек и 50 процентов мальчиков имеют проблемы в репродуктивной сфере. По статистике только 8 процентов родившихся в России детей являются здоровыми, и регрессия нарастает из года в год [7].

А какое демографическое будущее сулит прогноз России? Прогнозная динамика численности населения России по данным ООН 2005-2006 гг. следующая.

Вариант прогноза

Годы	Верхний	Средний	Нижний	С постоянной рождаемостью
2010	141420	140028	138639	139609
2015	140132	136696	133243	135487
2020	138654	133230	127458	130708
2025	136611	129230	121721	125635
2030	134722	125325	115953	120509

Сохранению стабильного количественного и качественного состава населения Российской Федерации в значительной мере будет способствовать приток населения из ближнего и

дальнего зарубежья. Для сохранения сегодняшних 142, 5 млн. человек к середине столетия будет необходим приток мигрантов от 30 до 40 млн. человек. Решение такой задачи весьма проблематично, а следовательно, основной источник народосбережения и населения России – в повышении рождаемости, сокращении смертности и продлении жизни россиян старших возрастов. Очевидно, что первостепенное внимание государства должно быть сосредоточено, с одной стороны, на обеспечении гарантируемого минимума социальной поддержки всем нетрудоспособным и, что особенно важно, помощи наиболее уязвимым социальным слоям (к таким относятся многодетные семьи, матери-одиночки, семьи с детьми-инвалидами).

Такой подход уже получил название «адресной социальной помощи», что в полной мере будет соответствовать укреплению позиций гражданского общества.

Библиографический список

1. Пуляев В. Т. Движение к гражданскому обществу // СГЗ. 2000. №1
2. Аргументы и факты. 2006. № 49.
3. Аргументы и факты. 2007. № 8.
4. Руткевич М. Н. Трансформация социальной структуры российского общества // Социс. 2004. №12.
5. Аргументы и факты. 2007. № 10.
6. Итоги переписи 1989 г. М., 1991 г.
7. Российская газета. 2007. № 47.

© В.Н. Шеминов (ЯГПУ)

Трансформация структур политической системы и мотивационно-ценностных ориентаций электорального поведения

Практическая актуальность данной проблемы вызвана противоречивостью и сложностью становления и трансформаций структур политической системы России и ее субъектов, при этом следует учитывать, что правовая база функционирования большинства их также находится на стадии финансирования и постоянно меняется.

Политическая система – реальный сложный механизм формирования и функционирования всей власти в обществе, который нуждается в постоянном системном анализе. Вместе с тем, практика показала, что современное российское общество, его властные структуры нуждаются в систематическом получении и осмыслении разносторонней и объективной информации об особенностях восприятия своими гражданами общественно-политической, социально-экономической и других сфер жизнедеятельности, в активном вовлечении их в политический процесс, а следовательно, и в мониторинге мотивационно-ценностных ориентаций электорального поведения граждан. Общеизвестно, что центральным институтом политической системы, вокруг которого группируются другие институты, является государство, представляющее собой высшую форму самоорганизации человеческих сообществ. Особое значение среди институтов политической системы имеют партии, главная функция которых заключается в том, чтобы превратить множество частных интересов отдельных граждан, социальных слоев, групп в их совокупный политический интерес путем сведения этих интересов к единому знаменателю. Все возрастающую существенную роль в современной демократической политической системе сегодня играют также избирательная система и механизм выборов депутатов и других должностных лиц на различных уровнях государственной власти и местного самоуправления. Именно они служат средством реализации таких основополагающих принципов демократии, как политическое представительство, плюрализм интересов, гарантия народного суверенитета.

Современную политическую систему в России во многом характеризуют черты переходности. В ней по настоящее время сохранились элементы старого дореформенного типа, появились и начали функционировать новые демократические политические структуры, институты. Пока же говорить о завершении процесса формирования демократической политической системы в России, трансформации ее структур преждевременно.

Так, в послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 26 мая 2004 г. отмечается, что наше общественное устройство пока далеко от совершенства и нужно признать: мы в самом начале пути. Без зрелого гражданского общества невоз-

можно эффективное решение насущных проблем людей. Качество их повседневной жизни прямо зависит от качества общественно-политической системы [1].

Во исполнение предложений Президента РФ был принят ряд законов, совершенствующих политическую систему, в частности, законы об «Общественной палате», «О парламентском расследовании», «Об участии победившей на региональных выборах партии в наделении полномочиями глав субъектов Федерации». Принято также решение о совершенствовании отношений между Федеральным центром, субъектами Федерации и местным самоуправлением. Целенаправленно производилась работа над тем, чтобы сгладить те диспропорции в государственном строительстве и в социальной сфере, которые возникли. [2]

Однако в очередном своем ежегодном послании Федеральному собранию 2006 г. Глава государства отметил, что в дальнейшем развитии государственности и политической системы мы должны учитывать современное состояние нашего общества, в частности, одну из существенных черт нашей внутриполитической жизни: низкий уровень доверия граждан к отдельным институтам государственной власти и к крупному бизнесу. Ни одну из актуальных задач, стоящих перед нашей страной, делает вывод Президент РФ, мы не сможем решить без эффективной организации самого государства, без развития демократии и гражданского общества [3].

В настоящие годы в стране и ее регионах активно развиваются и внедряются разноуровневые социальные проекты, целевые программы тактического и стратегического характера. В соответствии с активно продолжающейся трансформацией политической системы общества и реализацией принципов свободы и демократии идет регулярное обновление управленческих структур, механизмов их функционирования, обновление политической и хозяйственной элиты. Происходит это главным образом путем федеральных и региональных выборов, а также выборов в системе местного самоуправления. В этот процесс вовлекается большое число граждан, имеющих согласно законодательству право избирать и быть избранными, так называемый электорат. Сегодня практически каждый из их числа вовлекается в какую-

либо выборочную компанию либо в качестве кандидата, либо рядового избирателя. От кампании к кампании растет численность лиц, обслуживающих эти выборы. Вместе с тем общеизвестно, что от профессиональных и личностных качеств избранных политиков и руководителей зависят во многом темпы, ход и результативность демократических преобразований в стране и в каждом регионе и то, как они будут восприниматься в обществе.

Качество, позитивная результативность, объективность всех избирательных кампаний может быть обеспечена, прежде всего, посредством учета и анализа регулярного волеизлияния мотивационно-ценностных ориентаций и предпочтений граждан, повышением их правовой и политической культуры, высокой гражданской ответственности каждого избирателя, а также всех участников и организаторов избирательной кампании. Поэтому практика и исследования показывают, что процесс выборов не может происходить спонтанно и должен стать управляемым.

Следует отметить при этом, что мониторинг динамики электорального поведения, явных и скрытых тенденций его проявления, также устойчивости электоральных предпочтений и формирующих его факторов, критериев зрелости – одна из самых методологически и методически сложных областей электоральной социологии. Поэтому сбор информации по данной проблеме и ее научный анализ предполагают междисциплинарный подход, системную аналитику, глубокое знание всех составляющих элементов электоральных политических технологий, политического маркетинга. Проявляется при этом возможность строить соответствующие прогнозы, вносить коррективы не только в маркетинг избирательной кампании, но и повысить роль политического маркетинга в эффективном функционировании политической системы общества, целесообразных направлений и форм ее трансформации. Поэтому при изучении феноменов трансформации ряда структур политической системы и электорального поведения граждан в течение длительного времени мы использовали комплекс взаимодополняющих методов.

Так, следует проводить опрос (анкетирование и интервьюирование); тематическое, направленное, в том числе включенное наблюдение; контент-анализ различных текстов и материалов СМИ; метод экспертных оценок; статистический анализ;

применять и другие приемы и способы. Таким образом, использовалась как объективная, так и субъективная, первичная и вторичная информация. В результате нам удалось получить достаточно достоверную информацию не только о вербальном, но и реальном электоральном поведении.

Уже второй десяток лет в России идет процесс трансформации политической системы. За это время сменились формы и содержание многих ее структур, механизмы и формы их взаимодействия, количественно и качественно изменился состав политической и управленческой элиты. Видоизменились в значительной мере за это время и официальные ценности и ориентиры. Данный процесс оказался в России невероятным по своим масштабам. Становление личности в ее гражданском статусе электорального поведения граждан происходило под влиянием политической среды, куда входит весь набор институтов, факторов и прочих агентов, формирующих политическую культуру. Появившаяся возможность учесть эти качественно новые трансформации отдельной личности и электорального поведения граждан обеспечивала многовариативность выбора типов и механизмов их политической социализации, управляемость на всех ее этапах.

Как нам удалось выяснить, на процесс формирования электорального поведения граждан воздействовали не только собственно политические факторы, но и новые изменившиеся экономические условия, в которых происходило формирование электорального предпочтения людей. Это прежде всего работа, доходы, жилищные условия, покупательная способность, здоровье, образование и другие показатели. Их значение определяется тем, что они формируют базовые, личностные, политические, мотивационно-ценностные ориентации и предпочтения электората. Они определяют восприятие человеком политической действительности с точки зрения интересов, намерений.

Эти ориентационно-ценностные суждения и оценки являются как бы руководящими принципами политической деятельности человека.

Вместе с тем, следует отметить, что политическая социализация личности в современной России, ставя задачу формирования зрелого гражданина, не подверженного резким колебаниям

политической конъюнктуры, предполагает и позитивную обратную социализацию (ресоциализацию). Они характеризуются влиянием самого человека на отбор и усвоение знаний, норм, приемов взаимодействия с властью, ее оценки и отношения к ней. В силу этого, как показывает социологический анализ, в обществе происходит непрерывная самокоррекция человеком своих мотивационно-ценностных ориентаций, представлений, предпочтительных способов электорального поведения и идеологических позиций. Этот процесс ресоциализации, как мы установили, варьируется от координального пересмотра прежних политических ценностей до стремления сохранить свои взгляды неизменными вопреки давлению политической среды.

В целом, несмотря на повышение роли самостоятельного выбора ценностей и ориентиров, основным значением на данном этапе развития общества обладают цели некоторого приспособления человека к сложившимся политическим реалиям.

Большинство людей учатся или уже научились выживать самостоятельно. Не удивительно, что и значительная часть из них не хочет демонстрировать общественно-политическую активность. А в случаях, когда такой импульс возникает, продемонстрировать им эту активность особенно негде: нет оформленного и ясного политического предложения.

И все же, как мы установили, элемент осознанной ориентации личности на определенные политические стандарты имеет место. Он выражен в механизме предварительной социализации, то есть предварительной ориентации личности на предпочтительные для него нормы и стандарты той или иной группы, политического лидера, партии.

Одна из отличительных черт российского электората заключается в том, что можно было бы назвать персонификацией электората. Принимая решение, наш избиратель чаще всего ориентируется не столько на политические предвыборные платформы, программы, сколько на личностные качества кандидата.

В целом же изменения мотивационно-ценностных предпочтений электорального поведения свидетельствует о наметившихся тенденциях к более рациональному восприятию окружающей действительности. Отмеченная тенденция выражается, прежде всего, в возрастающей роли экономических и социаль-

ных факторов в противоположность политико-идеологическим, которые еще совсем недавно имели ведущее значение в формировании электорального выбора. В таком плане можно говорить об относительной устойчивости этих базовых ориентаций и предпочтений. Это ведет к более глубокому осознанию людьми того, чего он хотят и почему они этого хотят и проявляется, прежде всего, в оценках населением общей ситуации в стране, в отдельных регионах, в тех или иных сферах жизнедеятельности общества, конкретных отраслях, организациях, а также в оценке своего собственного материального и социального положения, возможности реализовать свои конституционные права и декларируемые равные возможности.

К сожалению, для значительной части электората уровень адаптации к новым реалиям современной жизни, прежде всего к социально-экономическим, остается невысоким. [6]. По данным Госкомстата, разрыв доходов между самыми богатыми и самыми бедными достиг 15 раз, по некоторым данным – еще больше.

Продолжает оставаться очень высокой потребность граждан в социальных компонентах жизнедеятельности. Здесь, безусловно, сказываются разрушение привычного уклада жизни, сферы услуг и перекосы, имеющие место в обществе, что вызывает у значительной части граждан явную неудовлетворенность своим личным положением в обществе и действиями властей [7].

Ввиду перечисленных факторов и явлений жизни у значительной части граждан сформировался довольно высокий уровень апатичности и нежелания участвовать в какой-либо политической деятельности, не слишком высок еще и авторитет политических партий и их лидеров, хотя выборы в декабре 2007 г. в Государственную думу РФ будут проходить исключительно по пропорциональной системе.

Так, ВЦИОМ, уточняя в февральском социологическом опросе текущего года у граждан России, за какую партию они проголосовали бы на выборах, если бы они состоялись в ближайшее воскресенье, выяснил, что лишь две партии, «Единая Россия» и КПРФ, набрали более необходимого 7% барьера для прохождения в Государственную думу РФ. Две партии, «Спра-

ведливая Россия» и ЛДПР, набрали лишь по 5% голосов каждая, остальные не вышли за пределы 1%, затруднились с ответом 12% респондентов. [7]

В обществе продолжается рост числа граждан, бойкотирующих выборы или намеренных это сделать в предстоящих избирательных кампаниях, ранее наблюдался рост и протестного голосования, особенно среди молодых избирателей.

В итоге в феврале типичный россиянин, по данным ВЦИОМ, вполне лояльного Кремлю, выглядит так: он лоялен президенту, хочет твердой власти, но не доверяет ее нынешним институтам и представителям и с осторожной надеждой смотрит в будущее. Настоящее его же не слишком радует, и он ждет помощи в реализации представлений о том, каким должно быть государство. Кто окажет ему такую помощь – этот вопрос пока без ответа.

Что касается морального климата в обществе, то тут немало темных тонов: отмечают рост безразличия, усталости, жестокости и агрессивности [7].

Наше исследование, анализ многочисленных суждений, мнений и оценок респондентов позволяют сделать предположение, что для построения эффективного демократического государства необходимо создание эффективной правовой и политической системы и формирование зрелого гражданского общества. Для этого политическая система, на наш взгляд, должна включать в себя ротацию власти, правовой механизм, нормы ее преемственности, а также политического курса.

В наших условиях крайне важно повышение ответственности Правительства и каждого его члена перед главным представительным органом власти страны - Государственной думой РФ, а политических партий за работу правительства России. Необходим закон об оппозиции, который регламентировал бы ее права и обязанности, а также полезна была бы законодательная норма о предоставлении избирателям права отзываться любого политика, избранного в законодательные и исполнительные структуры. И особенно много негативных высказываний в адрес ныне действующей избирательной системы, которая, по мнению граждан, нуждается в коренной демократизации. С выборами,

полагают они, нельзя бесконечно экспериментировать. Легкость, с которой в избирательное законодательство вносятся очередные изменения практически перед каждой новой избирательной кампанией (явно в интересах той или иной ветви власти, политических партий и их лидеров), недопустима, считают многие респонденты.

Это ведет уже не только к дальнейшей дискредитации процедуры выборов как таковых, но и к ослаблению легитимности избираемых лиц и структур. Негативно многие респонденты отнеслись к очередным инновациям властных структур по упразднению на выборах графы «против всех» в избирательных бюллетенях и отмены нижнего порога явки избирателей на голосование.

В своем исследовании мы использовали один из распространенных в социологии метод «Дельфи» по определению и оценке вероятности наступления тех или иных событий – экспертного прогнозирования, а также и другие методы прогнозной экстраполяции по изучению динамики изменения политических явлений и ориентаций электората, перенесение найденных тенденций на ближайшую перспективу. Полученный материал позволил нам сделать предположение, что вышеперечисленные поправки к избирательному законодательству приведут к исключительной монополии Центризбиркома и подвластных в регионах ему и местным властям структур и, как следствие, к еще большему отчуждению электората от избирательных кампаний.

Таким образом, можно сделать некоторый общий вывод о том, что отношение электората к происходящим процессам трансформации политической системы и других процессов, происходящих в стране, далеко не однозначно, многовариативно, дифференцировано. Но через систему сложных прямых и опосредованных определяющих факторов и условий, существующих в обществе взаимозависимостей, происходящих явлений формируется общий вектор направления мотивационно-ценностных ориентаций и установок электорального поведения граждан, мыслящих более прагматично и рационально. Сегодня сложившаяся система мотивационных ценностных ориентаций электората является довольно устойчивой и в целом позитивной. Станет ли она и в будущем такой, будет зависеть от дальнейшего

социально-экономического развития страны, демократизации политической системы, эффективности властных структур и более активного участия самих граждан в жизни общества, зрелости гражданского общества.

Библиографический список

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации. М., 2004.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации 25 апреля 2005г. М., 2005.
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации 10 мая 2006г. М., 2006.
4. Соколов А.В. Трансформация политико-властных институтов субъектов Российской Федерации: Автореф. ... дис. канд. полит. наук. Ярославль, 2006.
5. Миронов С. Политпространство деградирует // Независимая газета. 2006. 11 ноября. № 247.
6. Вверх по лестнице, - идущей вниз? Прогноз // Парламентская газета. 2007. 15 февраля. № 24.
7. Еженедельный журнал «Итоги» Есть мнение. Совместный проект с ВЦИОМ. С. 16 – 17.

© Л. Н.Тальзина (ЯГПУ)

Молодежный вандализм и преступность

В каждом городе можно наблюдать исписанные краской стены домов, развороченные сиденья в общественном транспорте, перевёрнутые урны и скамейки, нарочито разбросанный мусор и др. Эти факты заставили обратиться к актуальной теме вандализма.

Вандализм может быть государственным, например, разрушение храмов, исторических памятников, преследование произведений литературы и искусства.

Но сообщение будет посвящено молодёжному вандализму. Как показывает анализ литературы, к этой теме в стране обратились недавно в основном в русле психологии и педагогики.

Социологические исследования этой проблемы у нас только начинаются.

На Западе раньше стали исследовать социальные корни вандализма, ценностные ориентации, межличностные отношения вандалов, их менталитет, отношение к правовым и моральным нормам.

Как правило, в актах вандализма участвуют люди до 25 лет. В основе такого типа поведения лежит комплекс факторов: психологический, социально-экономический, культурный, педагогический [1].

Вандализм подразделяется по возрасту участников, по цели, принадлежности к социальной группе, по содержанию (политический, антикультурный, компьютерный, кладбищенский).

В качестве мотивов вандализма наши исследователи, как и зарубежные учёные, называют месть (ответ обществу за ущемление интересов); гнев (попытка справиться с отрицательными эмоциями и стрессом); скука (неумение себя занять, безделье, часто связанное с безработицей или отсутствием мест отдыха); любопытство; стремление утвердить себя (комплекс Герострата). Некоторые психологи склонны видеть в вандализме разновидность игры, развлечения, озорства.

Среди социальных и социально-экономических причин молодёжного вандализма необходимо указать на отсутствие осязательного роста уровня жизни. Молодёжь ждёт от власти достаточно быстрого улучшения положения, иначе теряется вера в смысл проводимых реформ. И если она не видит заметного улучшения, то появляется разочарование, озлобление, растут экстремистские настроения. Характерное сегодня для страны вопиющее социальное неравенство, расслоение, этническая неоднородность, нисходящая мобильность ведут к росту имущественных преступлений, посягательству на чужую собственность. А вандализм в западной трактовке чаще определяется как преднамеренное, умышленное разрушение, повреждение, нанесение порчи любому виду собственности [4].

Рост вандализма можно расценивать как предупреждение обществу о том, что существующая система имеет серьёзные изъяны и проблемы. И одна из важнейших проблем – снижение

роли семьи, что препятствует развитию и сохранению общепонятных и общепринятых социальных норм, через которые осуществляется неформальный общественный контроль. Подросткам не хватает заботы, любви, защищённости, как следствие – нарушается самооценка (завышается или занижается). Молодой человек оказывается в ситуации дезадаптации, пытается проявить себя в асоциальных поступках, вступая в неформальное объединение для преодоления чувства одиночества. Вандалы много времени проводят в тусовках, по телевидению предпочитают смотреть боевики, триллеры, насилие. Они часто не заняты трудовой деятельностью. А раз они ничего не делают своими руками и умом, то не ценят сделанное другими, могут всё разрушать, уродовать.

Вандализм как модель поведения обычно расценивается как групповая девиация и даже делинквентность. Вандалы чаще обнаруживают себя в районах проживания различных социальных слоёв, где нагляднее неравный доступ к значимым для молодёжи ресурсам. Их субкультура может быть направлена против власти взрослых, общественных институтов, ущемления своих интересов. Важным компонентом отношений в подростковой и молодёжной группировке является демонстрация «крутизны»: умение драться, не избегать конфронтации. Тех, кто представляет собой жертву насильственных действий, называют «лохами». Качества «лохов» для членов группировки очевидны: одежда, чувство страха, неспособность защитить себя в диалоге [3].

Одной из форм разрушительного вандального поведения являются граффити, которые ассоциируются с альтернативной молодёжной городской культурой, наносящей порой немалый социальный и материальный ущерб. Граффити позволяет части молодёжи высказывать своё отношение к миру, протест против социальных и культурных норм, а также это способ самоутверждения и достижения идентичности. Граффити рассматривается как разновидность коммуникации, лишённой общественных ограничений в силу анонимности, а также способ обозначить «свою территорию» и желание прославиться [2].

Вандализм – это серьёзная социальная, нравственная, педагогическая проблема. В нашей области с 1 февраля 2007 г. объ-

явлен конкурс среди учителей на лучший урок в учебных заведениях под лозунгом «Остановим вандала вместе!» Цель конкурса – профилактика вандализма среди подростков, чьи ценностные ориентации только формируются, ещё можно повлиять на выбор линии поведения и социализацию.

Молодёжный вандализм выводит на проблему молодёжной преступности. Традиционно выделяются две возрастные группы: 18–24 года и 25–29 лет. Статистика показывает, что в младших возрастных группах преступность растёт более быстрыми темпами. Уровень криминальной активности молодёжи почти в 3 раза превосходит её долю в структуре населения страны [5].

Об омоложении преступности свидетельствуют данные по таким типам преступлений, как изнасилование, грабежи, хулиганство, незаконный оборот наркотиков. Специалисты отмечают, что особенности психологии несовершеннолетних проявляются в течение ряда лет, т. к. характерна инерция поведения, а отсюда известная инфантильность части молодёжи, конформизм, потребность в сильном лидере, групповом общении и размытой ответственности в уже более зрелом возрасте.

Анализ показывает, что чем ниже возраст, тем реже преступление совершается в одиночку. Структура групповой преступности всё более убедительно говорит о нарастании бессмысленной жестокости и агрессивности противоправных действий. Речь уже идёт о школьной «дедовщине», сценах безжалостного избиения младших по возрасту, снимаемых на камеру.

В преступную деятельность вовлекается и студенчество, считавшееся в криминогенном плане более благополучным. Снижается слой молодёжи, негативно настроенный по отношению к разным проявлениям хулиганства, сквернословия, противоправным поступкам.

Значительно возросло влияние идеологических и социально-психологических факторов, определяющих жизненные ценности молодёжи, её представления о путях обогащения, происходит романтизация героев и нравов криминального мира. Крайне опасной тенденцией является трансформация группировок антиобщественной и хулиганской направленности в организованные преступные формирования. Кроме того, криминоген-

ный потенциал части молодёжи в значительной степени ориентирован на вхождение в криминальный бизнес и его организованные структуры [5].

Вандализм и молодёжную преступность объединяет ряд общих черт: групповой характер, непредсказуемость, криминальная направленность мотивации, высокая латентность. Участие в криминальной группе воспринимается как социально престижное занятие. Часть молодёжи носит средства самозащиты, холодное оружие. Это воспринимается как мода. Характерна также деструктивная агрессия, сопровождаемая цинизмом, высокомерием, эгоцентризмом, высокой степенью конфликтности.

В рамках преподавания социологии есть определенные способы влияния на формирование ценностных установок, неприятие молодыми людьми разрушительных для морали и менталитета моделей поведения. На лекциях и семинарах по проблемам девиантного поведения разъясняются общественные, правовые последствия асоциальных действий. Но и само общество должно с большим вниманием относиться к проблемам молодёжи, снижать степень насилия и агрессивности в обществе, вплотную заняться формированием ювенильного законодательства и судопроизводства, иметь и реализовывать хорошо проработанную молодёжную политику.

Библиографический список

1. Ватова Л. С. Молодёжный вандализм и его профилактика // Педагогика. 2003. № 5.
2. Воронова Е. В. Граффити: вандализм или искусство? Коррекционная педагогика. 2006. № 4.
3. Салагаев А. Л., Шашкин А. В. Насилие в молодёжных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 1.
4. Попов В. А., Кузнецова И. А. Зарубежные исследования молодёжного вандализма // Педагогика. 1997. № 6.
5. www.volgainform.ru; www.budgetrf.ru

© И.А. Мамзев (ЯГПУ)

Коммуникативный подход к изучению электорального процесса в Ярославской области: актуальность и задачи

Избирательный процесс в постсоветской России естественно вызывает неослабный интерес к себе в обществе в целом и в научной среде в частности. Привлекательность данной темы для ученых обеспечивает множественность исследовательских подходов к изучению выборов в России. В частности, известный политолог В. Я. Гельман выделяет следующие исследовательские направления в этой сфере:

– бихевиористский подход, включающий социологические исследования социально-структурных аспектов электорального поведения, анализ опросов общественного мнения и географические исследования территориальных аспектов электорального поведения;

– институциональный подход, подразумевающий анализ различных эффектов воздействия электоральных институтов в законодательной и политической практике;

– транзитологический подход, концентрирующийся на анализе роли выборов в российском обществе, находящемся в состоянии перехода от советского тоталитаризма к демократии западного типа [1]. Следует отметить, что в настоящее время исследователи, в том числе западные советологи, в последнее время отходят от концепции «перехода», считая ее не адекватной происходящим в России изменениям. Вместо понятия перехода используется предложенное В. А. Ядовым более обтекаемое понятие «трансформация» [2].

Между тем данную классификацию нельзя считать достаточной. В ней не упомянуто такое важное направление в исследовании политического и электорального процесса, как коммуникативный подход. Этот подход, в основе которого внимание к политической коммуникации, обязан своим развитием как социокультурному повороту в общественных науках, так и становлению теории коммуникации в XX в.

Как отмечают исследователи, во второй половине XX века мировую науку охватила новая волна интереса к политике. Этот интерес ранее был в значительной степени подорван, среди приоритетных направлений научных исследований политика уступила место «экономике, обществу, культуре». Стержнем возрождения интереса к сфере политического стало связанное с на-

ступлением «эпохи постмодернизма» усилившееся внимание к таким категориям, как власть, коммуникация и политическая культура, к их роли, значению, функционированию в исторических и современных обществах [3].

Кроме того, XX в. охарактеризовался еще одним значимым явлением в науке, связанным с повышением интереса к роли информации, к значению владения информационными ресурсами и распределению информационных потоков. Информация стала признаваться одним из ведущих факторов общественного развития, особенно на современном его этапе, который получил название «постиндустриального», или «информационного общества» [4]. Следствием этого стало становление такой сравнительно новой научной дисциплины, как теория коммуникации, которая изучает обмен информацией в различных сферах жизни общества [5].

Коммуникация, обмен информацией признается центральным актом культуры [6]. Культура, в свою очередь, понимается как «поток и одновременно система неких взаимосвязанных артикулируемых и скрытых, не явленных смыслов, формирующихся в контексте исторического бытия того или иного социума и одновременно трансформирующих его» [7]. Политическая коммуникация в рамках данной точки зрения трактуется как «особый, частный случай коммуникации, представляющий собой информационное воздействие политических акторов друг на друга и окружающую социальную среду (общество)», который «является атрибутом, неотъемлемым свойством политической деятельности, без которого последняя не может ни существовать, ни мыслиться» [8].

Развитию интереса к изучению политической коммуникации в России способствовало признание значимости «диалога власти и населения» как эффективного механизма функционирования демократической системы [9]. Между тем, как отмечает один из специалистов в этой сфере Д. В. Миронов, исследования в области политической коммуникации характеризуются недостаточной разработанностью проблематики и «существенным дефицитом методик», описывающих социально-политические процессы [10].

Изучение политической коммуникации представляется особенно значимым в свете следующих соображений. Политическая коммуникация имеет три функции: передача информации, изменение мнения, изменение поведения информируемых. Ключевым в этом процессе следует признать изменение поведения, поскольку именно оно составляет стержень властно-управленческих отношений в обществе. По мнению М. Н. Грачева, «использование средств массовой коммуникации и контроль над содержанием передаваемых сообщений становится в информационном обществе одним из обязательных условий для удержания, осуществления, а в необходимых случаях и завоевания власти» [11]. Таким образом, от содержания политической коммуникации в обществе зависит легитимность существующей власти. Кроме того, изучение дискурса политических акторов позволяет выявить картину мира, вербализованные образы общественно-политических институтов, опосредованные господствующими ценностями и традициями. Недооценка существующих в обществе ценностей, представлений о власти, «политического менталитета» (термин Р. А. Лубского [12]) в случае радикального изменения политической системы в результате вторжения или революции способна вызвать социально-культурный кризис в обществе и коренным образом извратить насаждаемые социальные институты.

Выборы в систему государственной власти и в органы местного самоуправления являются частью демократического политического процесса, охватывая широкие круги населения. Особенности электорального процесса исследователи правомерно рассматривают как показатель степени развития демократической политической системы в обществе [13]. К примеру, Уолтер Дин Бёрнэм, один из исследователей, участвовавших в составлении сборника «Elections in America», изучая феномен «специализированного» голосования на президентских выборах в США во второй половине XX в., приходит к необходимости поставить вопрос об отличии демократической системы от «широко поддерживаемой олигархии» [14].

Электоральную коммуникацию можно определить как вид политической коммуникации, обмен информацией между участниками электорального процесса. Избиратели реагируют на

предлагаемые им в ходе коммуникативных актов сообщения явкой на избирательные участки и голосованием. Электоральный процесс имеет собственную специфику: в ситуации выборов легитимности существующей власти законным путем приходит конец. Выборы предполагают высокую ответственность граждан как источника власти в демократическом обществе, которым предстоит действительно проявить свою позицию по отношению к чиновникам и определить путь развития страны на ближайшее будущее. Право на управление необходимо доказать, что придает демократической системе многовариантность развития и постоянное обновление элиты. Информационные потоки, укрепляющие легитимность власти в восприятии общества или угрожающие ей, появляются постоянно, однако для краткосрочного периода избирательных кампаний характерна особая интенсивность воздействия средств массовой коммуникации на избирателей.

Избирательный процесс в частности и политическая система в Ярославской области в целом в настоящее время практически не изучены. Исключение составляют лишь работы А. В. Соколова «Выборы в Ярославской области. 2003 год» [15] и «Трансформация политико-властных институтов субъектов Российской Федерации» [16]. В них он, в частности, отмечает особенности сложившегося политического режима в Ярославской области, среди которых наиболее важным является замечание о значительном контроле губернатора области А. И. Лисицына над региональным политическим процессом [17]. Исследователь работал в русле институционального подхода и характеризует избирательный процесс в Ярославской области 2003 г. (выборы в Государственную Думу Российской Федерации, губернатора Ярославской области, мэра г. Ярославля и мэра г. Переславль-Залесского) с точки зрения соответствия практики нормативным актам, регламентирующим избирательный процесс. Итогом анализа деятельности избирательных комиссий, выдвижения и регистрации кандидатов, агитационной кампании, мониторинга средств массовой информации стали выводы о нарушении «принципов честности, прозрачности, свободы и тайны выборов» [18], что отразилось на отношении избирателей к прове-

денным выборам, в частности, на низкой явке избирателей на избирательные участки.

Кроме того, необходимо отметить подготовленный Институтом социологии РАН труд «Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика», предлагающий комплексный, «много-слойный» анализ экономической и политической ситуации в Ярославской и Самарской областях [19]. Авторы данной работы делают следующие выводы о специфике политической ситуации в Ярославской области: во-первых, усиление влияния к началу XXI в. представителей бизнеса на власть, которые давят на последнюю, используя накопившийся у нее «политический долг» перед спонсорами, и нередко становятся независимыми политическими акторами; во-вторых, использование региональной элитой формирующейся партийной системы, в частности, «партии власти», для наращивания собственного политического капитала; в-третьих, изменение характера отношений политических партий с представителями бизнеса, которые все чаще становятся во главе партийных организаций; в-четвертых, контроль губернатора Ярославской области за балансом сил между политическими партиями региона [20].

Необходимо признать, что институциональный подход, сохраняя свое значение, не может полностью удовлетворить задачи исследования эволюции демократических институтов власти в Ярославской области с начала 90-х гг. XX в. Он оставляет вне внимания исследователя изменения в субъективных интерпретациях политических трансформаций, не позволяет выявить степень и особенности интериоризации институциональных нововведений конца XX в. участниками избирательного процесса. В частности, особый исследовательский интерес представляет изучение такого индикатора развития демократической политической культуры жителей области, как выборы в региональное законодательное собрание. Реализация коммуникативного подхода в рамках исследования «Электоральная коммуникация во время избирательных кампаний в Государственную Думу Ярославской области в 1994-2008 гг.» имеет целью изучить представленную в средствах массовой информации и в агитационных материалах коммуникацию участников электорального процесса как феномен политической культуры российского общества, оп-

ределить ее эволюцию в ходе реформирования избирательной и политической систем в стране.

Автором исследования запланирован комплексный анализ не введенных до сих пор в научный оборот агитационных материалов кандидатов в депутаты Государственной Думы Ярославской области и средств массовой информации, затрагивающих избирательные кампании. Анализ имеет следующие задачи:

1) изучить коммуникативные портреты кандидатов и политических партий, «образы врагов», стандартные риторические приемы, мифологизирующие выборы;

2) рассмотреть информационные стратегии акторов, степень использования листовок, информационных бюллетеней, брошюр, региональных или местных, печатных или аудиовизуальных средств массовой информации, оплаченных или формально не оплаченных материалов;

3) проследить преобладание положительных образов определенного типа, личностную или идеологическую ориентированность агитации, апеллирование к доминирующим ценностям и стереотипам, расстановку акцентов в агитации;

4) выявить степень отличий образов конкурирующих партий и кандидатов друг от друга, разнообразие затрагиваемых проблем, целевых групп и т.д.;

5) изучить использование кандидатами дополнительных средств убеждения избирателей (например, поддержка определенных слоев населения, лидеров общественного мнения);

6) выявить эволюцию коммуникативных стратегий политических акторов (партий и независимых кандидатов), ее направления, последовательность или подверженность ситуативным обстоятельствам;

7) рассмотреть отражение в электоральной коммуникации специфики региональной политической системы и происходящих в ней изменений.

Таким образом, изучение агитационных материалов кандидатов в депутаты Государственной Думы Ярославской области и материалов средств массовой коммуникации, посвященных избирательным кампаниям 1994, 1996, 2000, 2004, 2006, 2007 и 2008 гг., позволит охарактеризовать созданное участниками электоральной коммуникации коммуникативное поле выборов в

региональное законодательное собрание и на основе результатов анализа сделать выводы об эволюции политической и электро-альной культуры населения Ярославской области в постсоветский период.

Библиографический список

1. Гельман В. Я. Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа // Политическая наука. 2000. Вып. 3: Выборы в посткоммунистических обществах. С. 17-18.
2. Ядов В. А.. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов.
http://www.isras.rssi.ru/Arti_Yad
3. Барлова Ю. Е.. «Новая политическая история» в современной историографии // Актуальные проблемы всеобщей истории: Дипломатия и безопасность, коммуникация и политическая культура, гендер: Межвузовский сборник научных трудов. Ярославль, 2003. С. 52-54.
4. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: Автореф. ... дис. д-ра полит. наук. М., 2005. <http://grachev62.narod.ru>
5. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: Учебное пособие. Воронеж, 2000. <http://kashkine.narod.ru>
6. Там же.
7. Культура рыцарской среды. Томск, 2002.
<http://klio.tsu.ru/knight>
8. Грачев М. Н. Политическая коммуникация...
<http://grachev62.narod.ru>
9. Миронов Д. В. Социально-политическая коммуникация: проблемы, структура, акторы: Дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2003. С. 3.
10. Там же. С. 4.
11. Грачев М. Н. Политическая коммуникация...
<http://grachev62.narod.ru>
12. Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы исследования. Ростов н/Д, 2001.
13. Гудина Ю. В.. Активность российских избирателей: теоретические модели и практика // Полис. 2003. №1. С. 112.

14. Elections in America / Ed. by Kay Lehman Schlozman. Boston, 1987. P. 32.
15. Соколов А. В. Выборы в Ярославской области. 2003 год. Ярославль, 2004.
16. Соколов А. В. Трансформация политико-властных институтов субъектов Российской Федерации: Дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2006.
17. Соколов А. В. Выборы в Ярославской области. 2003 год. Ярославль, 2004. С. 5.
18. Там же. С. 58.
19. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика (на примере Ярославской и Самарской областей). М., 2002.
20. Там же. С. 316-318.

© В.А. Соколов (ЯГПУ)

Феномен «партии власти» в современной политической системе России

Термин «партия власти» является достаточно распространенным в современной российской политической коммуникации и зачастую выступает в качестве синонима и дефиниции партии «Единая Россия». Несмотря на широкую популярность, это словосочетание не имеет четкого определения и трактуется в зависимости от политических или иных пристрастий.

Исходя из этого, целью исследования стало изучение феномена «партии власти», выявление его сущностных отличий от традиционного понимания термина «политическая партия», рассмотрение партии «Единая Россия» через призму концепции «партии власти».

По признанию ведущих исследователей, научных работ в данном направлении в отечественной науке пока недостаточно, хотя интерес к проблеме достаточно высок. Существующие публикации по озвученной проблематике носят в большей степени популярный характер и представляют собой лишь попытки дать современную трактовку феномена «партии власти».

В современной науке существует несколько подходов к определению феномена «партия власти». Основными из них являются два.

Первый подход исходит из того, что «партия власти» и «правящая партия» – это совершенно разные вещи. По мнению ведущего эксперта Центра политических технологий Татьяны Становой, «“партия власти” – это партия, представляющая интересы власти. Ее основное отличие от правящих партий состоит в том, что центр принятия решений находится за пределами партии» [1], а цель ее деятельности – легитимация решений власти через представительство в парламенте. Борис Долгин считает, что к определению «партии власти» больше подходят варианты: «Союз промышленников и предпринимателей, «Ключи Марии» и т.д., когда связь с зависимым словом или словосочетанием имеет притяжательный характер. То есть «партия власти» – это структура, отражающая интересы уже существующей власти, «принадлежащая» ей» [2]. Московский политолог Игорь Бунин называет «партию власти» «доминантной» [3], но не правящей, что связано с большой зависимостью этого политического института от президента или правительства, и сравнивает политическую ситуацию в современной России с ситуацией в Южной Корее, Японии, Мексике и Индии.

Второй подход основывается на идее, что «партия власти» - это и есть «правящая партия». Согласно В. Н. Даниленко, «в странах, где существуют двухпартийная или двухсполовинная системы, партией власти считается та партия, которая контролирует формирование правительства через своего президента (в президентской республике) или через большинство в парламенте»[4]. Валерий Богомолов в своей работе «В России нет партий, в которых не участвует власть» [5] использует понятия «партия власти» и «правящая партия» как синонимы, взаимозаменяя их. Он сравнивает современную политическую ситуацию в России с Германией и Францией после Второй мировой войны.

Оба подхода выделяют специфические признаки «партии власти», отличающие ее от политической партии, в традиционном понимании этого слова. Согласно определению, политическая партия – это «политическая организация, субъект политики, важнейшей функцией которого является политическое участие

граждан с целью овладения государственной властью» [6]. Политическая партия, как правило, имеет фиксированное членство; известных лидеров; идеологию, выраженную в программе, названии и символике; развитую сеть региональных организаций, способных к проведению различных избирательных кампаний.

По мнению Бориса Минца, председателя исполкома СПС, «партия власти» «больше похожа на партии Алой или Белой розы, на "дворянские партии", боровшиеся за благосклонность монархов и совершающие дворцовые перевороты. Подобно им наша сегодняшняя "партия власти" воюет за интересы своих членов, но не за интересы избирателей. Потому что - и это главное - от избирателей она по-настоящему не зависит» [7].

В отличие от классических партий, свой статус «партия власти» обретает «не столько по итогам выборов, сколько авансом – в процессе подготовки к электоральным процедурам» [8]. Формируется существующей на данный момент властью.

«Партия власти» не обладает четко выраженной идеологией и строит свою деятельность, ориентируясь на высокопоставленных должностных лиц, которые поддерживают ее или входят в состав (Президент РФ и его администрация; Правительство РФ; губернаторы), а также на различные структуры: парламентские фракции и группы, группы интересов; крупнейшие средства массовой информации; силовые структуры; крупнейшие финансово-промышленные группы (монополии).

«Партия власти» никогда не уходит в отставку. Проигрывая борьбу за влияние, она разваливается, а на ее месте образуется новая.

В России, где существует плюралистическая поляризованная партийная система переходного периода с множеством партий, «партия власти» является «менее стабильной, чем оппозиционные партии, так как ее состав зависит от продолжающейся динамичной ротации политической элиты. Состав «партии власти» в России меняется примерно на 20-30% через каждые 2 года. Кроме того, изменяются ее внутренняя структура и влияние отдельных группировок внутри партии» [9].

Внутри «партии власти» существуют противоречия, характерные для классической партии: «по линии центр - регио-

ны; по линии «западное влияние - интересы отечественной промышленности»; по линии различного происхождения элит» [10].

Специфика стратегии и тактики «партии власти» на выборах в России основана на наличии важнейшего ресурса политической власти в стране. Этот ресурс фактически позволяет получить все остальные ресурсы избирательной кампании, такие как финансовые ресурсы (вынужденная поддержка со стороны предпринимательских структур), поддержка СМИ, лояльность избирателей. Кроме того, «кандидаты от «партии власти» делают ставку на целевую группу лояльных избирателей, не интересующихся политикой» [11].

Таким образом, «партия власти» - это политическое образование, не имеющее самостоятельных ресурсов для существования вне бюрократических структур. «Это номенклатурная команда, призванная победить на выборах и затем обеспечивать себе и своему заказчику максимально долгое пребывание во власти» [12].

В России понятие «партии власти» появилось в 1993 г. и существует до сих пор. Чаще всего его употребляли по отношению к «Выбору России», «Нашему дому – России» и «Единству» (а теперь – к «Единой России»).

Чем объясняется появление и сохранение в России феномена «партии власти»?

Во-первых, сегодня мы переживаем время политической нестабильности, связанное с переходом к демократии. Данный процесс нуждается как в контроле, так и в помощи со стороны государства. Он должен быть постепенным, соответственно на первом этапе демократия должна быть ограниченной. По мнению Александра Позднякова, «демократические принципы, по существу заложенных в них правовых оснований, не всегда ведут к положительным результатам. Более того, в некоторые периоды исторического развития они могут предполагать разрушение государства, создавать тенденции деления его на части, экономического ослабления и подчинения другим государствам. Демократические методы предполагают плюрализм мнений, политических позиций, различных точек зрения и в начальный период формирования государства не защищают от проникновения к власти политических авантюристов» [13].

Феномен «партии власти» возник в ситуации наличия вполне определенной властной группировки, которой «даже не слишком крепкий контроль за ситуацией дался с таким трудом, что терять его она не была готова. К тому же, при всей ее относительной слабости, партии были еще слабее. Для легитимизации и стабилизации полномочий существующей власти и был использован этот квазипартийный механизм» [14]. Власть постепенно усилилась. Политические партии стали более зрелыми, но пока еще не готовы взять управление в стране в свои руки. Впрочем, власть не готова к такому исходу в еще большей степени.

Во-вторых, в нашем обществе все еще не сложилось ясного понимания групповых политических и экономических интересов.

В-третьих, за партиями стоят не только массы, но и капиталы. До недавней поры реальными финансовыми ресурсами в России располагали лишь исполнительная власть федерального или регионального уровня и связанные с нею финансово-промышленные группы. По-настоящему независимого крупного бизнеса нет и не было. Естественно, вокруг этих центров влияния и собирались политические группы, ведущие борьбу за избирателя. «Пока нет "чистой буржуазии", трудно ожидать появления "чисто буржуазной" партии. Вместо этого мы наблюдаем

несколько "номенклатурно-буржуазных" партий, объединившихся вокруг федеральных или региональных органов власти» [15].

В настоящее время «партией власти» называют «Единую Россию», что, безусловно, правильно. Характерной чертой существующей «партии власти» является то, что ни одна из ее предшественниц не функционировала в качестве «партии власти» больше одного парламентского срока. «Постепенно сложился даже некоторый стереотип партии власти как предмета одноразового употребления. Правда, еще ни одна участвовавшая в выборах партия власти не проваливалась. К тому же степень «управляемости» демократии с тех пор почти неуклонно повышалась» [16].

«Единая Россия» оказалась самой сильной «партией власти» за всю современную историю России. Это стало возможным благодаря популярности президента, который поддерживает ее, а также укреплению самой власти: выстроена властная вертикаль, элиты консолидировались вокруг фигуры президента, многие вошли в состав «Единой России» (характерный пример, членами партии «Единая Россия» является 71 губернатор из 88).

Что характеризует «Единую Россию» как «партию власти»? Ярославский политолог Евгений Ковалев считает, что «“Единая Россия” - это общероссийский чиновничий «профсоюз», лишенный всякой идеологии. Смысл создания и существования такой квазипартии понятен – сделать ситуацию в стране более управляемой и предсказуемой, консолидировать власть и предупредить столкновения различных кланов между собой» [17]. Эту точку зрения разделяет один из лидеров «правых» Егор Гайдар. По его мнению, «Единая Россия» - это не идеологическая партия, идеологические импульсы задают партии, находящиеся слева и справа от "партии власти". Он пишет: «Когда и если власть демонстрирует приверженность правой идеологии, то, естественно, "Единая Россия" становится партией, ориентированной на эту идеологию. Но надо понять, что если завтра, скажем, Путин снимет правоцентристское правительство и назначит левоцентристское, то "Единая Россия" с такой же эффективностью будет сотрудничать с коммунистами в проведении другой политики» [18].

Характерным признаком «партии власти» является наличие внутренних противоречий в «Единой России»: «искусственное концентрирование чиновничества в одной партии создает внутреннее напряжение – ведь у разных чиновников и связанных с ними бизнес-структур свои, порой противоположные интересы. Вот почему внутри, казалось бы, единой «Единой России» формируются самостоятельные группы, начинающие конкурировать друг с другом за власть и влияние. То есть реальная оппозиционная борьба из сферы открытой межпартийной конкуренции переходит внутрь одной партии и загоняется “под ковёр”» [19].

Кроме внутренних противоречий начинает назревать и одно внешнее, но очень серьезное. Ошибки при проведении социальных реформ ставят «Единую Россию» в трудное положение. С одной стороны, она «по долгу службы» должна поддерживать действия правительства. Но, с другой стороны, она заинтересована в сохранении симпатий избирателей. Не случайно, что «Единая Россия» очень хочет покритиковать саму власть в лице правительства. «Единая Россия» больше не желает оставаться только «социальным лифтом» [20], цель которого - объяснять народу необходимость реформ, доводить до людей смысл действий власти и обеспечивать обратный процесс. Она ставит перед собой задачу – стать правящей партией. Недаром озвучена цифра в 50 процентов голосов избирателей, которую партия «Единая Россия» намерена получить на выборах в Государственную Думу РФ в 2007 г. Это особенность «Единой России» в отличие от предыдущих «партий власти» и определенный показатель взросления российской партийно-политической системы. По мнению вице-губернатора Челябинской области Андрея Косилова, члена партии «Единая Россия», «влияние партии власти на ситуацию в стране нарастает, но она пока не является правящей» [21]. Он отмечает, что «у правительства своя позиция, а у партии власти – другая. И между ними идут жаркие баталии» [22].

Татьяна Становая считает, что «снять это противоречие можно лишь одним способом – сделать правительство партийным. В этом случае «партия власти» превращалась бы в правящую и разделяла бы ответственность за принимаемые решения»

[23]. Это возможно только при предоставлении «Единой России» права формирования правительства.

В 2003 г. президент России в своем ежегодном послании Федеральному собранию заявил о необходимости формирования кабинета министров с опорой на парламентское большинство. Однако в действительности этого так и не произошло: правительство опирается на «Единую Россию» в парламенте только через посредничество Кремля.

Таким образом, проанализировав понятие «партия власти» в современной политической системе России, можно сделать вывод, что в настоящее время данный феномен представлен в виде партии «Единая Россия», которая, следуя одному из подходов к определению термина «партия власти», является выразительницей интересов действующей власти. Особенностью «Единой России» является то, что она самая сильная «партия власти» за период новейшей российской истории, следствием чего становится возможная трансформация «Единой России» в правящую партию.

Библиографический список

1. Становая Т. Примечания: Что такое "партия власти" в России? www.newsgeorgia.ru/analytics/20050610/408081.html
2. Долгин Б. Ходорковский против "партии власти". <http://bilingua.ogi.ru/country/2003/10/30/hodorovsvlast.html>
3. Бунин И. Доминантная партия и "сегмент X". <http://www.politcom.ru/2003/partii19.php>
4. Избирательные объединения // Вестник ЦИК. 1995 № 1,4. Даниленко В. Политические партии и буржуазное государство. М., 1984. Кулик А. Сравнительный анализ в партологии (проект К.Джанды) / Политические исследования. 1993. №1. С.92.
5. Богомолов В. В России нет партий, в которых не участвует власть // Политический журнал. № 23. 15.07.2004.
6. Избирательные объединения // Вестник ЦИК. 1995. № 1,4. Даниленко В. Политические партии и буржуазное государство. М., 1984. Кулик А. Сравнительный анализ в партологии

(проект К.Джанды) / Политические исследования. 1993. №1. С.93.

7. Минц Б. "Партия власти" против правящей партии. Место и роль оппозиции в гражданском обществе. www.ng.ru/politics/2000-12-09/3_partija.html

8. Долгин Б. Ходорковский против "партии власти". <http://bilingua.ogi.ru/country/2003/10/30/hodorvsvlast.html>

9. Избирательные объединения // Вестник ЦИК. 1995 № 1,4. Даниленко В.Н. Политические партии и буржуазное государство. М.,1984. Кулик А.Н. Сравнительный анализ в партологии (проект К.Джанды) / Политические исследования. 1993. №1. С.93.

10. Там же. С. 93.

11. Там же. С. 93.

12. Минц Б. "Партия власти" против правящей партии. Место и роль оппозиции в гражданском обществе. www.ng.ru/politics/2000-12-09/3_partija.html

13. Поздняков А. Политические партии и власть. <http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/P/Pozdnjak/Startegy/part19.html>

14. Долгин Б. Ходорковский против "партии власти". <http://bilingua.ogi.ru/country/2003/10/30/hodorvsvlast.html>

15. Минц Б. "Партия власти" против правящей партии. Место и роль оппозиции в гражданском обществе. www.ng.ru/politics/2000-12-09/3_partija.html

16. Долгин Б. Ходорковский против "партии власти". <http://bilingua.ogi.ru/country/2003/10/30/hodorvsvlast.html>

17. Ковалев Е. Не «Единая Россия»//Именем закона. 2007. № 40.

18. Гайдар Е. Партия власти, выходя в тираж, всегда проигрывает //Новое время. 2001. №14.

19. Ковалев Е. Не «Единая Россия»//Именем закона. 2007. № 40.

20. Богомолов В. В России нет партий, в которых не участвует власть//Политический журнал. 2004. № 23.

21. Андрей Косилов. Партию власти выберет народ.
<http://chel.kp.ru/2005/11/19/doc91539>

22. Там же.

23. Становая Т. Комментарий : Что такое "партия власти"
в
России?
www.newsgeorgia.ru/analytics/20050610/408081.html

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© В.В. Добродеев (ЯГПУ)

Религия и наука: педагогический аспект

В наш просвещенный век встреча образованного человека с религиозностью часто вызывает в нем либо стеснение, либо воспоминание о чем-то мистическом, забытом, даже иногда стыдном, сложно перекреститься на людях, проходя мимо церкви. Просвещенность в их понимании не стыкуется с религиозностью, так как религия в их понимании ужасно устарела, отстала. Это что-то древнее, ортодоксальное, в чем-то унижающее их. По мнению многих, религия не совместима с образованностью, наукой. Она тормозит науку, противоречит ей. Откуда эти странные представления? Почему так сложилось и что мешает образованным людям войти в храм? Какое место занимает религия в век науки? Возможна ли сегодня вера в Бога? Какое восприятие Бога согласуется с научным миропониманием? Рассмотрим кратко историю взаимоотношения науки и религии.

Специалисты по истории науки сходятся во мнении, что в XVII в. изменение перспективы было настолько радикальным и стремительным, что мы вправе говорить об этом периоде как о времени рождения современной науки. Вехами развития новой науки были «Диалог» Галилея (1632) и «Начала» Ньютона (1687). Но чтобы понять масштаб этих изменений, надо начать с описания некоторых средневековых представлений, которые и были поставлены под сомнение в XVII в.

Среди разнообразнейших представителей средневековья особое место занимала фигура Фомы Аквинского (1225 - 1274). Провозглашенный им синтез христианского богословия и философии Аристотеля ясно выражал тот подход к науке и религии, который определял западную мысль вплоть до XVII в. Когда в XIII в. труды Аристотеля перевели с арабского, его метод стал основным в научной деятельности. Начиная с 1250-х по 1650-е гг., Аристотель был основой программы западноевропейских университетов. Наука стала не отдельным занятием, а отраслью философии, и «Физику» Аристотеля много читали, обсуждали, а порой и критиковали, принимая при этом её основные положения. Согласно Аристотелю, движение определяется стремлением для каждой вещи к достижению присущего ей состояния покоя. Конечная цель движения интересовала Аристотеля больше, чем сам процесс. Основной задачей, в отличие от современной науки, было не описание, предсказание и контроль над отдельными явлениями, но, скорее, понимание и созерцание смысла части по отношению к целому и по отношению к Богу.

Соединение аристотелевской космологии с христианским богословием сформировало средневековую картину мира. Земля в этой схеме считалась фиксированной центральной сферой, окруженной концентрическими сферами небес. Планеты, согласно Птоломею, описывают окружности, центры которых прикреплены к движущим сферам. Считалось, что небесные объекты, будучи совершенными и неиспорченными, могут использовать только идеальную форму, то есть круг. Геоцентрическая система была легка в восприятии. Положение и назначение здесь совпадали. Уникальность человечества и его центральная позиция проявлялись и в пространственном расположении, и в значении. Божественное, будучи более совершенным, отделялось от сотворенного миропорядка как географически, так и метафизически. Всё имело свое предназначение в иерархии действительности. Этот мир подчинялся законам, но законам нравственным, а не механическим. Природа рассматривалась как статичная, то есть считалось, что все виды были сотворены в их современной форме. Можно сказать, что основным образом природы был образ Царства – статичного, иерархического, упорядоченного общества под властью Господа. Схоластическая мысль основывалась

как на разуме, так и на Откровении, являя характерный синтез греческой философии и библейской веры. Для познания Бога служило как естественное богословие, так и богословие Откровения. В системе Фомы Аквинского разум – важная преамбула к вере, однако для Фомы естественное богословие остается вторичным по отношению к богословию Откровения. В разработанной Фомой Аквинским концепции Бога Аристотелев перво-двигатель и библейский Отец сливаются воедино, а человечество становится центром космической драмы. Функции творений, занимавших более низкое положение, объяснялось их ролью в человеческой жизни, ибо мир был задуман так, чтобы служить интересам человека. Вся природа в этой системе служила человечеству, а человечество – Богу. Таким был, в общих чертах, средневековый взгляд на мир, который, по сути, не изменился при Реформации XVI в., но претерпел самые решительные изменения под влиянием современной науки.

Галилео Галилей по праву считается отцом современной науки. Суд над ним и его порицание церковными властями в Риме были первым драматическим примером конфликта между религией и наукой на Западе. Основной отличительной особенностью новой науки стало сочетание математических объяснений с количественными наблюдениями. Ещё за столетие до Галилея Коперник предложил модель, согласно которой планеты и Земля вращаются вокруг Солнца. И этот взгляд, по мнению Галилея, достаточно четко соотносился с имеющимися результатами наблюдений и с математической точки зрения был совершеннее прежнего. Возрождение платонизма привело к уменьшению роли Аристотеля, который придерживался птоломеевских взглядов.

При изучении движения Галилей, помимо использования математических уравнений, делал основной упор на эксперимент. В его деятельности мы видим все отличительные особенности новой науки: Галилей использует определенный тип понятий, сочетает теорию с экспериментом и ставит перед собой задачу выразить законы природы через математические отношения измеряемых переменных. Наиболее важной становится экспериментальная сторона новой науки. Галилея интересовала уже проблема, не почему движутся предметы, но как они движутся.

Появляется новое представление о природе как о движущейся материи. Галилей считал, что основные составляющие природы можно исчерпывающе описать в тех же категориях, которые он использовал при анализе движения наблюдаемых объектов. Он ввел понятие о первичных и вторичных качествах, характеризующих объективный мир, независимый от наблюдателя, с одной стороны, и, с другой стороны, качества[, которые, по его мнению, является чисто субъективными реакциями чувств на окружающий мир.

Это разграничение впоследствии вылилось в радикальный дуализм материи и сознания, философское обоснование которому дал Рене Декарт (1596 - 1650). Внешний мир по Декарту – это самодостаточная материя, существующая в пространстве. Напротив, сознание – это не имеющая пространственных характеристик «мыслящая субстанция». Всю живую природу, кроме человека, Декарт относил к материи. Он считал всех животных сложными механизмами, даже человеческое тело он представлял машиной. Единственное исключение – человеческий разум. Всё, за исключением человеческого разума, признавалось лишь движущейся материей, и, следовательно, математика может быть ключом к исследованию и воздействию на природу.

Идеи Галилея были расценены как угроза авторитету Аристотеля, Библии и Римо – католической церкви. Католическая церковь пыталась противодействовать и подъему Реформации, приверженцы которой считали Писание не рассказом о событиях, в которых раскрылся Бог, но точным знанием, сообщенным Самим Богом. В отличие от протестантизма, высшим авторитетом в католицизме наделялось не само Писание, а его интерпретация церковным преданием. Вводится инквизиция и предварительная цензура, список запрещенных книг. Именно могущественная церковная бюрократия и противостояла Галилею. В это время Галилей указывает, что наука и Писание имеют различные цели и поэтому не связаны друг с другом. Он приводит утверждение бл. Августина о том, что Писание не отвечает на вопросы, не относящиеся к нашему спасению. Знаменитый суд над Галилеем привел к отречению его от взглядов на вращение Земли и проведению остатка жизни под домашним арестом. Однако комиссия, назначенная папой Иоанном Павлом II в 1984

г., признала, что церковные власти заблуждались, осудив Галилея.

Концепция Бога у Галилея не сильно отклонялась от традиционных христианских представлений. Он считал, что Книга Природы и Книга Писания не могут противоречить друг другу, поскольку созданы одним и тем же автором. Но вскоре появляется новый взгляд на взаимоотношения Бога и природы. Понятие о целевых причинах утрачивает популярность, и представление о Боге как о Высшем Благе, к которому всё стремится, было заменено представлением о Нем как о Первопричине, понимаемой как начальное звено в цепи действующих причин. С Галилея берут свое начало взгляды, согласно которым Бог становится просто первоначальным творцом взаимодействующих между собой атомов, в которых заключены все последующие причины. Человечество в новой космологии было понижено в ранге и переместилось из центра вселенной на одну из вращающихся планет, летящих вокруг Солнца. Представление об уникальности человека и о том, что Бог прежде всего интересуется человеческой жизнью, оказалось под угрозой. Сопротивление развитию новой космологии объяснялось тем, что она угрожала всей средневековой схеме предназначения и смысла, в которой пространственное положение человечества соотносилось с его статусом в космической иерархии.

Исаак Ньютон родился в год смерти Галилея и к концу столетия стал наиболее выдающейся фигурой научной революции. Он развил начатое Галилеем использование математически выраженных теорий и экспериментов. Ньютон считал, что законы движения и тяготения применимы ко всем предметам, вплоть до самых удаленных планет. Благодаря его учению сложилось представление о мире как о сложной машине, подчиняющейся неизблемым законам, в которых каждая деталь предсказуема. Это учение стало основой для философии детерминизма и материализма, которую предстояло развить последующим поколениям. Сам Ньютон считал, что этот мир – машина – задуман Творцом. Непрерывное действие Бога, по его мнению, проявляется в регулировке солнечной системы, так как существует много «белых пятен» в расчетах процессов движения планет. В центре

внимания всё больше оказывается роль Бога как Творца, а со временем и даже Часовщика, а не как Спасителя.

В следующем столетии гипотеза Лапласа о возникновении планет и звезд из разряженного вещества (туманности) смогла объяснить неточности расчетов Ньютона. Бог «белых пятен», призванный заполнить те области, в которых наука признавала свое невежество, под натиском нового знания вынужден был отступить и превратиться в отставного архитектора, бездейственного бога деистов. Для богословов основным доказательством мудрости Бога является теперь сила законов, а не чудесное вмешательство. Лаплас четко выразил новый взгляд на природу как на самодостаточный и безличный механизм. Мир не считался более, как в средние века, драмой с определенными целями. Была отвергнута и идея Ньютона о том, что вселенная находится под непрерывным провиденциальным надзором. Лаплас также отчетливо сформулировал детерминизм, подразумеваемый в представлениях о природе как о движущейся материи.

Эту идею видоизменил Дэвид Юм (1711 - 1776). Он утверждал, что единственно надежным человеческим знанием является познание, основанное на чувственных впечатлениях. Он критиковал аргумент о Боге как о Первопричине, критиковал и доказательство «от замысла». Юм считал, что организующая сила миропорядка должна находиться в самой природе, а не за её пределами. Мир скорее похож не на часы или машину, а на растение или животное, принципы жизни которых заложены в них самих. Его влияние на богословскую мысль состоит, прежде всего, в критике деизма и естественного богословия.

Иммануил Кант (1724 - 1804) предложил новый подход, исключающий конфликт между наукой и религией. У Канта они занимают совершенно разные сферы и наделены абсолютно различными функциями, которые так сбалансированы, что не остается почвы для конфликта. Область возможного знания принадлежит науке, и наука обладает полной свободой исследовать эту сферу своими методами. Задача религии – выявить нашу нравственность и придать ей космическое значение. Влияние Канта прослеживается во многих направлениях философии и богословия XIX в. Дух Канта до сих пор витает среди тех, кто считает, что наука имеет дело с фактами, а религия – с ценностями.

Особой эпохой во взаимоотношениях науки и религии можно считать работы Чарлза Дарвина. Исследования, проведенные им в 70-х г. XIX в., отчетливо демонстрируют характерный научный метод: плодотворное взаимодействие наблюдения и теории. Его эволюционная теория позволила смотреть на природу как на динамический процесс, она вся находится в постоянном движении, является сложным сочетанием взаимодействующих сил в органической взаимозависимости. Человеческие существа стали рассматриваться теперь как часть природы, что давало возможность анализировать в биологических категориях и культуру и нравственность. Это уже являлось вызовом Св. Писанию, представлению о Замысле, вызову статуса человека. Появляются такие понятия, как эволюционная этика и социальный дарвинизм, которые соединили в себе как биологические, так и политические идеи. На арену истории выходят мыслители, использовавшие идеи эволюции для поддержки агностицизма, атеизма или материализма. Герберт Спенсер, например, соединил эволюцию и агностицизм в стройную систему. Немецкий зоолог Эрнст Геккель развивал эволюционный монизм. По его мнению, естественный отбор и механическая причинно – следственная связь предлагают решение «Загадки вселенной». Материя и силы представлялись ему единственной объективной реальностью. Геккель был убежден в том, что новая биология способна объяснить всё.

Таким образом, к концу XIX столетия практически все ученые и большинство богословов согласились с представлениями о долгой истории биологического развития, начавшегося с простейших форм жизни. Богословская мысль разделилась. Появившиеся модернисты безоговорочно приняли эволюцию с церковных позиций, но при этом Библию стали считать созданием рук человеческих и излишне поэтизированной. Либеральные богословы и многие традиционалисты продолжали придерживаться классических представлений о Боге, однако теперь они полагали, что Бог постоянно воздействует на весь эволюционный процесс с помощью вторичных причин.

XIX в. показал нам, сколь опасно опрометчивое вмешательство богословов в научные вопросы, равно как и вмешательство светских ученых в вопросы богословия. Бог как творец –

часовщик исчезает. Успехи науки поражают, она кажется универсальной, а религия – устаревшей, ограниченной, субъективной. Богословие в поиске. Однако и ученые в мировоззренческих вопросах уже не видят твердых оснований.

В западном богословии двадцатого века развитие модели роли Бога в природе выглядит примерно так:

<u>Богословие</u>	<u>Основная модель</u>	<u>Концептуальная разработка</u>
Классическое	Правитель – царство	Всемогущий.
Деистическое	Часовщик – часы	Конструктор мира, подчиняющегося Законам.
Неотомическое	Рабочий – инструмент	Первопричина, действующая через вторичные причины.
Квантовое	Определитель неопределенностей	Актуализатор потенциальных возможностей.
Логос	Говорящий – слушающий	Передатчик информации.
Кенотическое	Родитель – ребенок	Сознательное самоограничение и уязвимость.
Воплощения	Личность – тело	Мир как тело Божие.
Процесса	Руководитель – община	Творческое участие в космическом сообществе.

Новая физика - это уже мир динамического потока, вероятностных состояний, отношения в природе становятся пространственно – временными. Это кардинально отличается от ньютоновского представления о природе, где всё статично. Природа в XX в. рассматривается как эволюционирующая, историческая, эмергентная, закономерная и случайная, согласованная, экологичная, взаимозаменяющая, системная и многоуровневая. Вместо царства и механизма она показывает себя как сообщество. Это так называемое богословие процесса, основная модель роли Бога в природе – Руководитель – община, а концептуальная разработка – Творческое участие Бога в космическом сообществе. Это хорошо согласуется с библейским представлением о Святом Духе.

По остроумному замечанию астрофизика Роберта Ястроу, посвятившего свою жизнь проблемам происхождения мира, сейчас кажется, что для ученого, который жил с верой в силу разума, история заканчивается как дурной сон: преодолев горы невежества, он приблизился к высочайшей вершине, а там группа богословов сидит уже несколько сотен лет. Действительно, прав Ястроу. Может, надо просто вернуться к библейскому понятию Святого Духа. В Библии сказано, Дух пребывает, обновляет, вдохновляет, направляет, примиряет. Это как раз то, к чему пришло современное западное богословие.

Трудно не согласиться с позицией, что религия и наука – две принципиально разные области жизни: разные послышки, методы, задачи. Уже поэтому они не могут противостоять друг другу. Своевременно вспомнить слова великого М. Ломоносова: «Создатель дал роду человеческому две книги. Первая – видимый мир, вторая – Священное Писание. Они удостоверяют нас не только в бытии Божиим, но и несказанных Его нам благодарениях. Грех всевать между ними плевелы и раздоры. Наука и религия в распрю прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду восклепнет».

Но есть и то, что их объединяет. Мы знаем, что человек двусоставен, духовно – телесен. В связи с этим должна быть гармония, основанная на господстве нравственно – разумного начала над биологически - инстинктивным. Развитие этих начал должно быть параллельным, но с обязательным опережением нравственного начала. В противном случае происходит то, что мы явно наблюдаем в начавшемся 21 веке, – глобальный экологический кризис.

Христианство видит в науке одно из средств познания Бога и обоснования Его бытия и в то же время рассматривает науку как необходимый инструмент в этой жизни, которым, однако, нужно пользоваться очень осмотрительно, чтобы не уничтожить саму жизнь. Оно отрицательно относится к тому, что такой страшный по своей силе инструмент, как наука, развивался вне нравственных принципов Евангелия, поскольку такая «свобода» извращает само назначение науки – служить благу человека.

Христианские основания нехристианской цивилизации

Можно без преувеличения сказать, что боязнь твердого Абсолютного основания, паническое, но целенаправленное бегство от Него есть особенность современной эпохи. Мы живем в мире, в котором серьезное следование духовной традиции, отстаивание веры в абсолютность Истины встречает шквал обвинений – в «логоцентризме», «тоталитарном дискурсе», «отсутствии толерантности и политкорректности».

Но эта борьба с духовной серьезностью и твердыми убеждениями весьма не последовательна: приправленные и прикрытые разговорами о «веротерпимости» и «прятии другого», обвинения выдвигаются с такой диктаторской настойчивостью, что от защищаемой политкорректности и толерантности не остается и следа. Сам по себе поиск Истины упраздняется. Человек ищет смысла не в Боге, а в своем собственном, теперь уже безосновном, существовании.

«Люди, - писал великий русский философ Иван Ильин в своей работе «Основы христианской культуры», - постепенно переложили цель и смысл своей жизни из внутреннего мира во внешний: материя стала первенствовать, духовность перестала цениться; все стало сводиться к земному на земле: небесное в земной жизни и небесное в небесах перестало привлекать взоры и сердца. Механическое начало возобладало над органическим. Рассудок исключил из культуры созерцание, веру и молитву и попытался их скомпрометировать. Учение о любви было вытеснено "спасительным" учением о классовой ненависти; сердца иссякли, глубина измельчала; ум отверг искренность и превратился в хитрость. Содержание жизни стало несущественным; началась погоня за пустой формой» [2].

Для заполнения духовных пустот возникает необходимость создания и поддержания иллюзии осмысленного существования, но без духовно-нравственных усилий, без тяжкого бремени ответственности – зато с огромным арсеналом самооправданий: дескать, мы, современные люди, в отличие от дремучих и недоразвитых сторонников традиции, научились «принятию друг

друга», терпимости, не вдаваясь в подробности внутренней жизни (зачем все это нужно?).

На место внутреннего света духовного, любви истинной приходит безжизненная маска благопристойности, которая, как воткнутый в землю цветок без корней, не выдерживает серьезных испытаний и очень скоро обнаруживает свою фальшь. Эта ярмарка крашенных гробов заставляет с грустью вспомнить слова Христа: «Оставьте мертвым погребать своих мертвецов».

Бедный мир рубит сук, на котором сидит, и загрязняет колодец, из которого пьет. Современная западная цивилизация, выросшая на христианском фундаменте, всячески пытается избавиться от него, потеряв трепетное отношение к святыням. «Не подлежит сомнению, - писал Иван Ильин, - что нехристианская культура возможна у народов нехристианской веры; такова культура ислама, конфуцианства, буддизма, синтоизма. Но народы, бывшие долго христианскими и утратившие эту веру, не приобретя никакой другой, могут делать только напрасные попытки создать культуру вне веры и Бога, т.е. безбожную культуру. Эти попытки заранее обречены на неудачу. Из них ничего не выйдет потому, что культура творится не сознанием, не рассудком и не произволом, а **целостным, длительным и вдохновенным напряжением всего человеческого существа...**» [2. Гл. 2].

«Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Мф.21:42). Что же ожидает цивилизацию, поправшую свои истоки? «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф.23:38). Что ожидает безрассудного, построившего дом свой на песке? «И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф.7:27).

Разрушенная иерархия ценностей свидетельствует о том, что мир впадает в забвение: современный человек радуется свободе выбора жизненных ориентиров, свободе творчества, порою даже не подозревая о том, как и почему он ее обрел. А обрел свободу человек тогда, когда стал сбрасывать с себя тяжелые оковы язычества и обратился ко Христу.

Важнейшим основанием любой культуры является отношение человека к Богу, представление о себе, об окружающем

мире. Изменения в этой сфере являются для культуры самыми значимыми.

В язычестве разделяются понятия первопричины и правящего божества. Зевс владеет и правит миром, но не является его Творцом. Бог, Первопричина, с точки зрения язычника, неведом и не действует в мире, не интересуется тем, что происходит в мире. Он мыслится бесконечно далеким от человека.

Христианство же подарило человечеству возможность прямого обращения к Богу как Отцу, Который не только не равнодушен к своим чадам, но любит их: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями» (Ин.15:15). Человек стал виден с высот вечности, он стал сыном, у которого есть любящий Отец. Он обрел высочайший статус образа и подобия Бога и ответственен перед Богом не только за себя, но и за весь сотворенный мир. Как распорядился человек этим даром? Права себе с удовольствием оставил, а вот ответственность решил упразднить (недоумеая, перед Кем должен отвечать и за что?).

Христианство вернуло право человека на Истину, на поиск Которой не решались уже идти ни Протагор, ни Горгий, ни скептики и прочие языческие философы. Истина сама приходит к человеку через Боговоплощение. Рождение Христа, то есть воочеловечивание Бога, сделало возможным обожение человека. Иначе говоря, положение человека в мире коренным образом меняется: он уже не часть природы, не просто «микрокосм», модель вселенной, он уже, как говорил святитель Григорий Богослов, «великий мир в малом» [3. С. 665] . Человек несет в себе нечто большее, чем может вместить мир, - образ Божий, разум, личность, совесть. Теперь величие человека не в подобии тварному миру, но в том, что он подобен Сотворившему его.

Христианство дарует человеку свободу. В самом деле, если человек надкосмичен и в сокровенной глубине души своей соединен с Богом, то он не определяется никакими природными детерминантами (не зависит, к примеру, от расположения звезд, что делает бессмысленной и бессильной астрологию). Детерминанты поведения человека лежат в надприродной сфере. Основа нравственной жизни – иное Бытие, Бог.

Еще одно важное следствие, вытекающее из христианского понимания мира, – это его демифологизация. Язычники в природных феноменах видели игру различных одушевленных сил (вспомним, как изгнали Анаксагора из Афин только за предположение, что небесные светила – это раскаленные камни). В рамках такого миропонимания невозможно возникновение научного, экспериментального знания. Только перестав почитать звезды за богов, можно создать астрономию, поскольку невозможно математически описать движение одушевленных тел, не подчиняющихся законам математики. Демифологизировав природные явления, христианство позволило описывать их безличным математическим языком.

Кроме того, не следует забывать, что новоевропейская наука покоится на декартовском тезисе о том, что «Бог – Всеблагий Источник истины и что, раз мы созданы Им, то способность отличать истинное от ложного, которую Он нам даровал, не может вводить нас в заблуждение, если только мы ею правильно пользуемся...» [1, С. 421]. Итак, скептицизм был побежден и дорога развитию научного знания открыта.

Современная западная цивилизация старается избавиться от христианского наследия, вытесняя его из общественной и культурной жизни. Забвение своих корней и беспечное возвращение к языческому миропониманию способствует нивелированию тех достижений, которые цивилизация имеет, и тем самым создает угрозу самому ее существованию.

Библиографический список

1. Декарт Р. Сочинения. М., 1989. Т. 1.
2. Ильин И.А. Основы христианской культуры. Мюнхен, 1990.
3. Свт. Григорий Богослов. Творения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1.

© С.А.Кудрина (ЯрГУ)

«Опрокинутые» ценности на пути к полицейскому государству

Все мертвое плывет по течению,

Аксиология как учение о ценностях появилась в Европе, и ее появление во многом связано с тем, что европейский человек стал подвергать сомнению святыни христианской культуры. Для христианина очевидно, что движение вверх, к миру горнему, к Богу означает движение к Истине, Добру и Красоте, а движение вниз, от Бога, к миру дольному ведет к упадку духа, к оскудению добра и познавательных способностей, к безобразию. В Новое время философия стала отказываться от онтологии, от поиска вечно сущего и неизменного. Как писал немецкий экзистенциалист Мартин Хайдеггер, стал распространяться **онтологический нигилизм**. Это повлекло за собой распространение убежденности в относительности ценностей.

Отказ от духовной жизни привел к тому, что разум и чувства, лишенные благодатного скрепляющего начала, пришли в конфликт друг с другом. В результате родилось противостояние между *эмпиризмом* и *рационализмом*.

С крушением онтологической вертикали стала разрушаться и ценностная иерархия. Философские понятия, которые обозначали высшее, божественное, истинное, прекрасное и доброе, стали казаться пустыми абстракциями, поскольку действительно стали употребляться в отрыве от своего живого содержания. Они остались в языке, но их роль свелась к украшению речи.

«Человечество в своей массе, - замечает И.А.Ильин, - оторвалось от духовной почвы и потеряло органическую живую связь с самым корнем духовной жизни. Современный человек не испытывает главных, священных предметов, не любит их, не внимает их зовам, духовно не питается ими и не строит ими своего мирозерцания, своего характера, своего жизненного дела» [3. С. 46].

По утверждению М.Хайдеггера, отказ от понимания бытия в его метафизическом смысле - вовсе не результат развития самой философии. Напротив, философия отказалась от идеи бытия, лишь отразив общее состояние «онтологического нигилиз-

ма» и безбожия, свойственное европейскому мышлению Нового времени. Это состояние так описывает И.М.Концевич: «... все силы души пришли в расстройство и противоречие. Тело восстало на дух – раб на своего господина. Таким образом, исказился строй души, и возник расстроенный человек... Страсть – это не нечто новое, привнесенное извне, а устремление прежних свойств и способностей от должного к не должному. Так, высшее проявление духа, его способность устремляться к горнему, к Богу, потеряв общение с Божеством, обратилось вниз и заменилось на любовь к самому себе и ко всему низшему, тварному. Таким образом, себялюбие, эгоизм и другие страсти заменили собой любовь к Богу» [4. С. 11].

Онтологический нигилизм привел к господству материализма - как в жизни, так и в теории. В материализме уже окончательно переворачивается с ног на голову иерархия ценностей: все материальное, временное, чувственное одерживает верх над духовным и вечным, поскольку «всякое отрицание Бога и религии немедленно воздвигает идола или фетиша, а *всякое отрицание истинного абсолюта в философии сейчас же абсолютизирует какую-либо подчиненную ступень бытия или подчиненную ценность*» (выделено мною – С.К.) [1. С. 98]. Для материалистов такой подчиненной ценностью оказывается материя. Она заменяет прежнее божество, и такая замена не требует особого духовного напряжения и глубины мысли: «если Бог невидим и непостижим, то *идол* виден, понятен, осязаем, - и в этом огромное преимущество для примитивного сознания» [Там же. С. 97]. В.С.Соловьев признавался в автобиографии: «Когда я додумался, что Бога вовсе нет, а есть только материя, я с таким жаром проповедовал эту новую веру одному приятелю, что он вместо всяких возражений заметил: «Я удивляюсь только одному: почему ты не молишься этой своей материи?»» [8. С. 58]

В Новое время стали противопоставляться друг другу не добро и зло, а «рациональное и иррациональное», причем «иррациональное» объединило в себе, с одной стороны, веру, а с другой – низшие инстинкты. Духовно-нравственно нейтральное понятие «разум» оказалось возведенным на пьедестал: высшей стала ценность рациональности безотносительно к ее духовному наполнению.

*Общая тенденция угасания идеи вечности сопровождалась раздроблением человеческого опыта на фрагменты, отделением нравственного опыта от познавательного, потерей духовной целостности человека. **Ценности истины, добра и красоты стали мыслиться абстрактно, отдельно друг от друга.***

В современной философии забвение духовных корней, крайний субъективизм и все оправдывающий релятивизм, превратившие философские размышления о ценностях в игры самодостаточного разума, культивируют так называемые постмодернисты. Лестница духовного восхождения опрокидывается, и ее символы оказываются таким же товаром на полке всемирного супермаркета, как предметы повседневного спроса и глянцево-журналы.

Для того, чтобы окончательно утвердилась опрокинутая система ценностей, меняется языковой код цивилизации. Цивилизация избавляется от святынь, поставив их в один ряд с профанными пародиями и объявив тривиальными. Все духовные вершины лишаются тайны, «выравниваются». Священное смешивается с низменным. **Ценностная вертикаль превращается в горизонталь**: оппозиция добра и зла упраздняется и ее место занимают новые пары противоположностей: «нравится – не нравится», «интересно – скучно», «работает – не работает», «круто – занудно». Таким образом, злое и бездарное выходит из тени, если оно интересно, если оно «работает» («It works!»), то есть воздействует на человеческое сознание и будоражит его, независимо от последствий. Теперь ценности не перевернуты, они вообще «опрокинуты»: нет ни высшего, ни низшего, ни святого, ни грешного, ни добра, ни зла.

Постмодернистская культура - это ярмарка пародий, которая возникла на фоне утраты творческих сил, вдохновения и смысла. Ничего «изобрести» уже нельзя, можно только спародировать, профанировать, эклектично объединить несоединимое или беспощадно разложить неразложимое, уже состоявшееся и онтологически укорененное. Эпоха, которую в общекультурном смысле называют постмодернистской, в религиозном смысле можно назвать эпохой неоязычества, в котором святыни, символические фрагменты различных религий, их духовных практик и «знаковых» фигур перемешаны не только со своими антиподами,

но и с рекламными «фишками» и поэтому профанированы и сведены к декорациям. В политическом смысле это эпоха плюрализма и единого космополитического государства, причем, как утверждал французский мыслитель Ж.Бодрийяр, политика тоже приобретает форму гиперреальности (то есть симуляции): партии не отстаивают и не борются за что-либо реальное, а противостоят друг другу, «симулируя оппозицию». Экономика ориентирована на каприз потребителя, тем самым окончательно поглощая и поработывая его. В эстетическом смысле это эпоха эклектики и пародии. В этическом смысле – это эпоха так называемых «общечеловеческих ценностей», в ранг которых возведены нравственные ценности либерализма, расслабляющие человека, оправдывающие его пороки и «освобождающие» его от последних мук совести.

На место ценности внутренней духовной свободы приходит ценность свободы как вседозволенности. Но каково содержание этой свободы? Просветители, которые объявили ее абсолютной ценностью, проигнорировали тот факт, что **«раскрепощение» человеческой личности влечет за собой не только освобождение высоких творческих сил и устремлений, но и так называемого «дионисийского» начала.** Современный мир при постоянных разговорах о свободе и вольном развитии в действительности своим стилем жизни делает человека абсолютным рабом страстей и греховных желаний.

«Человек, - писал римский философ Сенека, - увлекающийся удовольствиями, относится с пренебрежением ко всему остальному и прежде всего не дорожит свободой, жертвуя ею в угоду чреву. Не он покупает себе удовольствия, а удовольствия закабаляют его» [6. С. 252].

Информационная цивилизация делает возможным активное навязывание потребностей при почти полном отключении самостоятельного критического мышления – только в этом случае ими можно успешно управлять. «Нужно раз и навсегда решить, наконец, что телевидение - это суетное дело, это масскульт, - сказал 9 ноября 1997 года в интервью радиостанции «Свобода» генеральный продюсер НТВ Л. Парфенов, описывая новую концепцию телевидения. - Конец XX века - это время соблазнов... Телевидение как бизнес, как сфера аудиовизу-

ального обслуживания, которое заглядывает в лицо потребителя, пытаюсь узнать: а что ему надо - эротика, спорт, новости, кино, что ему надо еще, к чему он еще стремится? В этом смысле... телевидение вполне угождает потребителю... **Всякое увлечение, развлечение и завлечение, особенно средствами телевидения, - это вольное или невольное утверждение либеральных ценностей, потому что оно предписывает человеку жить весело, увлекаться, услаждать себя, ублажать себя...** В российской же традиции было считать, что жизнь есть тяжкий труд на благо общества, долг перед страной, семьей, родиной...»

Отличительной чертой нового стиля жизни уже является то, что многие потребности определяются вовсе не необходимостью, а диктатом манипулирующего сознанием «знака», «кода сигнификации». Человек отныне приобретает не вещь, он приобретает символ приобщения к некой общности, будь то «деловые люди», «элита» или «крутые» (изображаемые в рекламе счастливыми обладателями навязываемых потребителю знаков).

Личность, ориентированная таким образом, теряет потребность и способность к анализу и познанию предмета, сосредотачивая свои усилия исключительно на возможности его приобретения и использования. Гиперреальность как симуляция приходит на смену реальности. Товары лишаются материальной ценности и обретают символическую. Человек начинает воспринимать и мыслить мир как пространство гигантского супермаркета с сервисными центрами, существующее только для того, чтобы обслуживать клиентов: потребление становится преобладающей ценностью постмодернистского сознания.

У новой цивилизации есть своя собственная мифология, вполне осязаемые и навязываемые СМИ ценности, которые превратились в **идолов: комфорт, самоуверенность, вседозволенность**. Если мы отделяем задачу соблюдения и защиты человеческих прав от нравственной ответственности человека перед Богом и людьми, то обрекаем человечество на раскрепощение страстей, на такой взрыв инстинктов, который с легкостью превратит общество рационализированного и институционализированного эгоизма в волчью стаю. Так что именем свободы здесь называется вполне определенное мировоззрение, в рамках которого человек предстает не как свободно определяющееся разум-

ное существо, а как животное, свободное во всех своих проявлениях, в том числе самых низменных. Нет такой человеческой низости, которая не могла бы найти себе оправдания в новом сознании, и нет такого злодейства, которое не отыскило бы себе адвоката: все «подпольное» и темное должно быть реабилитировано, дабы средний человек мог навсегда избавиться от мук совести и томления духа.

Это плачевное духовное состояние общества гениально уловил Достоевский. В его романе «Братья Карамазовы» (Глава «Повесть о Великом Инквизиторе») великий инквизитор говорит, обращаясь к Иисусу Христу: «Знаешь ли Ты, что пройдут века, и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» - вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится храм Твой... Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немислимы... Говорю Тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому передать бы поскорее дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть... умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху... Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех... и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволили грешить... И не будет у них никаких от нас тайн» [2. С. 325-329].

Провозглашая свободу, глобальное сообщество требует реального единомыслия. Как это ни парадоксально, но по вопросу о плюрализме двух мнений быть не может: ни в коем случае нельзя спорить с тем, что истина относительна. **Плюрализм во все не нейтрален**: относительность ценностей здесь расценивается как заведомо верное утверждение, их вечность и непреложность – как заведомо ложное. Следовательно, **под поверхностной маской плюрализма скрывается нечто иное, а именно технология приведения умов в состояние отсутствия ценно-**

стей и убеждений. Такими расслабленными умами легко манипулировать. Честертон писал: «Юный скептик говорит: «Я вправе думать по-своему». Но прожженный старый скептик скажет: «Я не вправе думать по-своему. Я вообще не вправе думать» [9. С.49].

На фоне всеобщей духовной релаксации жизнь без убеждений (которая, как утверждал К. Г. Юнг, неизбежно порождает шизофрению) начинает считаться нормой. Когда плюрализм действительно овладевает сознанием, человек допускает все, но от всего «дистанцируется», ничто не является его глубоким внутренним убеждением, кроме боязни убеждений. В.Розанов по этому поводу как-то заметил, что нормативный интеллигент «утром верит в Ницше, в обед - в Маркса, и вечером - в Христа». Честертон высмеивал подобную «широту взглядов» в образе Ричарда Уайта, который «недавно обрел веру, но каждую неделю менял вероисповедание». «Цветущая сложность» былой христианской культуры - и западноевропейской, и русской - сменилась, как это предвидел Константин Леонтьев, упрощенной, всеядной постмодернистской цивилизацией, в которой восторжествовала самоутверждающаяся посредственность, обыватель, прислушивающийся только к своим инстинктам потребитель. Вместо личности - масса, мягко и добровольно принявшая идею, убивающую все личное.

«Так, - писал В.В.Розанов, - к полному удовольствию нашей современной печати... настанет «хилиазм», «1000 лет» блаженства, когда будут писаться только либеральные статьи, произноситься только либеральные речи... Скучновато. Ах, казначество скучновато везде...» [5. С.123].

«Моя свобода ограничена лишь свободой другого человека» - этот либеральный принцип весьма опасен, если он является **единственным** сдерживающим фактором. Он обречен стать чуждой и даже ненавистой абстрактной формулой, поскольку, в отличие от внутренне усвоенных религиозных заповедей любви, подкрепленных ценностью, верой, предполагает хронический внутриличностный конфликт: «очень хочется, но нельзя». Чувства постоянно находятся в противоречии с рационально сформулированным правилом. И это трагедия для нерелигиозного сознания. Если для верующего человека следование нравств-

венному закону естественно, поскольку производно от внимательной духовной жизни, сопряжено со стяжанием любви и не требует рациональных доводов, то для неверующего это мука. Рано или поздно он скажет: «А почему я *должен* следовать тому или иному закону?». Если человек изначально ориентирован только на ценности удовольствия, комфорта, на удовлетворение своих капризов, то все, что является для него препятствием (даже если приведен целый список рациональных доводов), не просто не будет являться для него ценностью, но рано или поздно будет агрессивно сметено, в том числе и другой человек с его свободой. Если утрачена духовная культура, если исчезла внутренняя гарантия легитимности социального порядка, о которой говорил немецкий социолог Макс Вебер, то нравственные ценности остаются без обоснования и человека уже не сдержит никакая сила, кроме полицейской. И нет никаких гарантий, что современные и все более эффективные технологии манипуляций общественным сознанием не обернутся против свободы человека.

Библиографический список

1. Вышеславцев Б.П. (Б.Петров). Философская нищета марксизма. Франкфурт-на-Майне, 1971.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Роман в 4 частях с эпилогом. Ч. 1-2.. М., 1981.
3. Ильин И.А. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1994.
4. Концевич И.М. Стяжание Духа Святаго в путях древней Руси. М., 1993.
5. Розанов В.В. "Обескровленные" журналисты // Розанов В.В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. - СПб., 1914.
6. Римские стоики. М., 1998.
7. Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
8. Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977.
9. Честертон Г.К. Ортодоксия. М., 2003.

© Н.И. Лихоманов (ЯГПУ)

Новомученики и исповедники российские – выпускники

Ярославской семинарии

В 2000 году состоялась канонизация новомучеников и исповедников российских. Более 100 человек из них – представители ярославского духовенства. Среди них 29 – выпускники Ярославской семинарии. В их числе два архиерея – священномученик Вениамин (Воскресенский), епископ Романовский и священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Священнослужители: Александр Аббисов, Дмитрий Вознесенский, Николай Любомудров, Геннадий Здоровцев, Иоанн Виленский, Николай Брянцев, Владимир Виноградов, Михаил Белороссов, Петр Зефирин, Иоанн Рудинский, Николай Писаревский, Петр Попов, Николай Никольский, Николай Орлов, Николай Ушаков, Алексей Великосельский, Николай Розин, Николай Розов, Сергей Заварин, Флегонт Понгильский, Дмитрий Смирнов, Николай Розов, Николай Понгильский, Николай Виноградов, Дмитрий Казанский, Андрей Добрынин.

Они обучались в Ярославской семинарии в период с 1871 по 1918 г. Семинария находилась на Которосльной набережной, в здании, где сейчас располагается естественно-географический факультет педагогического университета. В 1913 г. в семинарии обучалось 600 человек. Ежегодно выпускалось около 60 воспитанников.

Ректорами семинарии в эти годы были протоиерей Николай Барский и, позднее, протоиерей Николай Дароватовский. Преподаватели семинарии возглавляли духовно-просветительскую деятельность в городе. Так, прот. Николай Барский был цензором епархиальной печати. Преподаватель гражданской истории Гавриил Николаевич Преображенский занимался краеведением - им составлен краеведческий справочник «Монастыри и храмы Ярославля, их святыни и древности», Ярославль, 1901. Всего при жизни Гавриила Николаевича было издано более 10 его книг, не считая статей. Среди них несколько учебных пособий, одобренных Синодом: «Эпизодический курс Отечественной истории»; «Систематический курс Отечественной истории»; «Учебник русской истории по программе епархиальных училищ» и др.

Особой любовью семинаристов пользовался также преподаватель греческого языка Николай Николаевич Корсунский. Он не только блестяще преподавал свой предмет, но и с увлечением занимался издательской и научно-просветительской деятельностью. Редактировавшиеся им Ярославские Епархиальные Ведомости стали одним из лучших в России духовно-краеведческих периодических изданий. Н.Н. Корсунский писал книги и статьи, вел обширную переписку с авторами Ведомостей, изучал местные и столичные архивы (последние с оплачиваемой помощью бывших семинаристов). Сделанные им переводы трудов греческих авторов переиздаются до сих пор. В доме Николая Николаевича постоянно жили семинаристы, причем не в качестве жильцов, а «нахлебниками», как отмечено в листах Всероссийской переписи 1897 г. Жил у него и брат Владыки Вениамина (Воскресенского) Дмитрий, хотя он не был даже семинаристом, а учился в Ярославской гимназии.

В семинарию обычно поступали юноши после окончания Духовного училища в возрасте 16-17 лет. После шестилетнего обучения они не сразу принимали священный сан, а становились псаломщиками или, чаще всего, учителями. Среди них можно назвать Иоанна Дмитриевича Виленского, который с 1879 по 1882 гг. состоял учителем земского училища, Петра Павловича Зефирова, отработавшего 3 года до рукоположения сельским учителем, Николая Михайловича Розина, прослужившего учителем церковно-приходской школы д.Алферово Мышкинского уезда с 1902 по 1906 гг. и других. Приняв священный сан, практически все они продолжали преподавательскую деятельность в качестве законоучителей церковно-приходских школ и училищ. Священномученик Николай (Брянцев) успешно сочетал священническое служение с деятельностью законоучителя в различных учебных заведениях. Священноисповедник Николай Розов с 1902 по 1905 гг. был заведующим и законоучителем Дубровинской церковно-приходской школы, а после перевода в Мышкинский уезд стал законоучителем и заведующим Покровско-Казанской и Янсаевской церковно-приходских школ. В 1912 г. о. Николай был переведен в Ярославль и приглашен законоучителем в ярославскую школу, а с 1916 г. он стал одновременно законоучителем женской школы О.А. Корсунской. Священномученик

Алексий (Великосельский) за устройство церковно-приходской школы в селе Никольское-на-Тропе Рыбинского уезда был награжден набедренником, а в 1906 г. за свои труды по законоучительству в народных школах – скуфьей. Священномученик Николай (Любомудров), служивший в с. Лацкое Мологского уезда, не ограничиваясь преподаванием Закона Божьего в земской школе, развернул активную духовно-просветительскую работу. Он создал в Лацком первую в округе библиотеку-читальню для крестьян, устраивал публичные чтения литературы, иллюстрируя их просмотром так называемых «туманных картинок». В проповедях и публичных чтениях о. Николай вел неустанную борьбу с пьянством. Он часто консультировал крестьян по агрономическим вопросам – его собственное хозяйство было образцовым [2].

Начавшиеся сразу после Октябрьского переворота репрессии священнослужителей можно условно разделить на 3 периода: 1918-1921 гг., начало 30-х гг. и 1937-1938 гг.

Одним из первых принял мученическую кончину архиепископ Пермский Андроник (в миру Владимир Никольский). Он родился 1 августа 1870 г. в семье дьякона Ярославской епархии. Первоначальное образование получил в Ярославской Духовной семинарии, где принял иноческий постриг. На 2-м курсе Московской Духовной академии был пострижен в монашество. После окончания академии и рукоположения в священный сан иеромонах Андроник был назначен помощником инспектора в Кутаисскую семинарию, позднее был инспектором Александровской миссионерской семинарии. В 1897 г. последовало назначение в Японию, где со временем о. Андроник был назначен помощником архиепископа Николая (Касаткина). После отъезда из Японии в 1908 г. владыка Андроник был назначен епископом Тихвинским, отсюда в 1913 г. был переведен в Омск, а через год назначен на Пермскую кафедру. Владыка Андроник отличался твердостью убеждений и проявлял большую тревогу в связи с распространением в России нового безбожия в лице марксизма. С приходом к власти большевиков он активно противостоял изъятию церковных ценностей и в проповедях смело обличал новую власть за алчность, бесстыдный обман народа и ту нравственную гибель, которую она принесла России. 17 июня владыка был

арестован, а 20 вывезен за пределы города на казнь. Его заставили собственноручно копать могилу, после чего забросали землей и произвели несколько выстрелов. Члены Поместного собора, активным участником которого был владыка Андроник, приехавшие для расследования обстоятельств его смерти, на обратном пути были убиты неизвестными [1].

В первый период, когда социалистическая законность еще не успела обрести бюрократическим аппаратом, «правосудие» совершалось на месте без суда и следствия. В Ярославской губернии священнослужители часто становились жертвами красноармейского террора по подавлению Ярославского восстания, а также во время расправ с так называемыми «белозелеными». В эти годы пострадали о. Владимир Виноградов, о. Иоанн Виленский, о. Николай Любомудров, о. Николай Брянцев. Отец Николай был убит красногвардейцами на Туговой горе за то, что препятствовал установке рядом с церковью Параскевы Пятницы артиллерийского орудия для обстрела центра города. В 1920 г. был расстрелян о. Михаил Белороссов, служивший в Воскресенском храме г. Романова. После закрытия храма семья Белороссовых решила переехать в Ярославль к родителям. Отец Михаил отправился в путь в рясе, с крестом, несмотря на уговоры друзей переодеться в гражданскую одежду. Своим внешним видом он привлек внимание активистов местной ячейки: был арестован, обвинен в причастности к контрреволюционному заговору и расстрелян [2].

Со временем действия властей в отношении священнослужителей приобретают целенаправленный характер. Арестовываются в первую очередь те, кто имеет наиболее высокий авторитет среди верующих. В их числе - епископ Вениамин (Воскресенский), ближайший соратник святителя Агафангела. Путь священномученика Вениамина – особый даже для того непростого времени. Епископ Вениамин – в миру Василий Константинович Воскресенский – родился 15 января 1871 г. в селе Переславцеве Угличского уезда Ярославской губернии в многодетной семье сельского священника. После окончания Ярославской Духовной семинарии и Московской Духовной академии он был определен преподавателем русской литературы и истории в Кутаисской Духовной семинарии, а позднее – Тифлисской, где тру-

дился в течение семи лет. Свое образование Василий Константинович продолжил в Тифлисском Императорском музыкальном училище, которое окончил по классу теории музыки. С 1911 по 1916 гг. он преподавал Священное Писание в Ярославской семинарии. С 1916 г. в течение трех лет Василий Константинович преподает в Ярославской железнодорожной школе 1-й и 2-й ступени.

После революции, когда духовное просвещение в школе было запрещено, Василий Константинович, стремясь продолжить дело, которому служил всю жизнь, в новых условиях, обращается в Ярославскую городскую коллегия народного образования с просьбой разрешить ему преподавание русской литературы или истории в одном из учебных заведений г. Ярославля. Он был принят учителем в общеобразовательную школу 1-й и 2-й ступени.

4 июня 1921 года на съезде духовенства и мирян Тутаевского уезда было принято решение направить делегацию к Василию Константиновичу Воскресенскому с просьбой принять на себя бремя архипастырского служения. Дав свое согласие, Василий Константинович принял монашеский постриг с именем Вениамин и был рукоположен в сан епископа Тутаевского, викария Ярославского. Уже в 1922 г. он был арестован и приговорен к лишению свободы сроком на 7 лет «за использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти». В 1926 г. Владыка был освобожден по амнистии, а уже в 1927 арестован вновь. Он был сослан в Казахстан, а позднее местом ссылки был назначен город Джамбейт. В 1929 г. Владыку перевели в селение Каратюб. Здоровье его резко ухудшилось. Последняя открытка, присланная из г. Уральска, датирована 6 июня 1930 г. 5 октября 1932 г. Владыка скончался [2. С. 27-38].

Наиболее жестокими были репрессии 1937-1938 гг. Священников арестовывали по стандартным вымышленным обвинениям в создании контрреволюционных церковных группировок, в антисоветской агитации и тому подобным. Если в начале 30-х гг. священнослужителей, как правило, подвергали ссылке, то в эти годы основной мерой наказания становится расстрел или заключение на 10 лет без права переписки, что на деле означало почти всегда то же самое. Те, кто арестовывался ранее и

отбыл срок наказания, подвергались аресту вновь. Такая участь постигла священномучеников Николая (Никольского), Николая (Орлова) Николая (Ушакова), расстрелянных в 1937 г. [2] Священномученик Андрей (Добрынин), служивший в храме села Наумово Даниловско района, был арестован 28 января 1938 г., первый раз допрошен 17 февраля, а приговор «тройки» о расстреле был уже вынесен 10 февраля, т.е. за 7 дней до первого допроса. Приговор приведен в исполнение 21 февраля [3]. Приговоренные к заключению в концлагерь священнослужители, как правило, в скором времени умирали там. Так, через 2 месяца после прибытия в лагерь умер священномученик Николай (Розов) – настоятель Воскресенского собора г. Романова-Борисоглебска [4], через полгода умер в лагере при неизвестных обстоятельствах священномученик Сергей (Заварин) [5].

В результате изучения темы было выяснено, что из стен Ярославской семинарии вышло наибольшее в России количество новомучеников. Однако те сведения, которыми мы располагаем, недостаточны. Исследования по изучению жизни новомучеников должны продолжаться. Пример их нравственного подвига имеет неоценимое значение для духовно-нравственного возрождения нашего Отечества.

Библиографический список

1. Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. – Тверь: Булат, 1996.

2. Новомученики и исповедники Ярославской епархии. Ч.2. Романов-Борисоглебск, 2000.

3. ГАЯО. Ф. Р-3698. Д. С-7531.

4. Там же. Ф. Р-1502. Д. С-9535.

5. Там же. Ф. Р-3698. Д. С-11586.

6. Новомученики и исповедники Ярославского края / Авт.-сост. Я.В. Волков. Ярославль – Рыбинск, 2005.

7. В. Королев. «Над Пермью черный крест» // Веди. 2000. № 1-2.

**© М.Л. Петрачкова (Православная школа, г. Тутаев)
Автобиографические записки рода Альбицких – Елховских
как источник изучения традиций русской семьи**

Автобиографические записки рода Альбицких – Елховских стали известны и были изданы после канонизации в числе новомучеников Российских одного из представителей этого рода – священномученика Евгения.

О. Евгений служил с 1895 по 1937 г. в храмах г. Переславля-Залесского до самого своего ареста и мученической кончины. В основу обвинения легли показания одного из свидетелей о том, что в канун Рождества 1935 года он видел, как о. Евгений остановил группу школьников и уговаривал их приходиться в церковь. Это было расценено как антисоветская обработка пионеров. Кроме того, вменялось в вину участие в антисоветской церковно-монархической организации. Своей вымышленной вины о. Евгений не признал. 27 октября 1937 г. был приговорен к расстрелу, а 29 октября приговор был приведен в исполнение. Ему было 68 лет [З. С. 84-85].

Из материалов дела, из протокола допроса можно сделать вывод о твердости, мужестве, честности о. Евгения, но личность его оставалась нам мало известна. Мы вообще, к сожалению, знаем о новомучениках гораздо меньше, чем хотелось бы. Именно поэтому мемуары священнического рода Альбицких – Елховских явились просто драгоценным документом. В них не только раскрывается чистая, честная душа священномученика Евгения, но и разворачивается картина жизни русского духовенства на протяжении более столетия (с 1814 по 1937 г.), прежде всего, жизни семейной. Мы можем проследить, в какой среде воспитывались люди, подобные о. Евгению, где источник той силы, которая помогла им выстоять и остаться верными своим убеждениям в тяжелейшие годы.

Воспоминания о. Евгения предваряют воспоминания деда его жены (урожденной Альбицкой) Михаила Силыча Альбицкого и ее отца Алексея Михайловича Альбицкого.

Все воспоминания построены по одинаковой схеме: детство в родительском доме, затем учеба в Духовном училище и семинарии, выбор спутницы жизни, женитьба, рукоположение, служение и воспитание собственных детей. Записки эти писаны не для публикации. Они предназначены для детей и пишутся, в основном, по их просьбе. Обо всех авторах можно сказать, что это люди счастливые, прежде всего в семейной жизни. Основу этого счастья составляет трудолюбие, смирение, любовь и, конечно, живая вера.

Все авторы с большим теплом вспоминают свое детство, хотя у двоих из них оно было сиротским и полно трудностей, нужды, недостатка порой в самых необходимых вещах. Так, Михаил Силыч Альбицкий остался после смерти отца (протоиерея Силы Петровича Альбицкого) пяти лет. Положение семьи резко изменилось к худшему: «Мама была принуждена сама готовить кушанье, стирать белье, даже мыть полы с помощью сестер-подростков. Кроме трудов жизненных по хозяйству, ее озабочивало содержание огромной семьи и одевание ее, часто не хватало хлеба к ужину...» [1. С. 15]. Чтобы как-то выйти из положения, большую часть помещения сдали семье нового протоиерея, а сами разместились в одной комнате: «Тесно и темно нам было жить в спальне: спали на полу вповалку, а чтобы скорее успокоить и усыпить нас, мама читала и толковала нам из 200 священных историй о терпении Иова, о Иосифе, проданном братьями, о блудном сыне и Лазаре» [1. С. 16]. При этом не было недовольства своим положением, не было ропота: «Видел я, как дети Савеловы и одевались и питались лучше меня, но думал, что они протопоповские дети, им и следует жить попросторнее, а мне, как сироте, победнее» [1. С. 16].

Евгений Андреевич, отец которого был псаломщиком, вспоминает: «Пришло воскресенье, принесет отец от службы пять-пятнадцать копеек, и кто-нибудь из нас бежит, бывало, купить четверть фунта или полфунта сахару. И как хочешь, пробивайся им до следующего праздника! Белого хлеба мы в то время круглый год не видели, кроме праздника Пасхи, к которой всегда

покупали по полпуда, иногда и больше, пшеничной муки и соленого мяса (солонины)» [1. С. 148].

Несмотря на бедность, все силы родителей были направлены на то, чтобы дать детям образование. Начальное образование получали в семье, а затем продолжали его в Духовном училище и семинарии. Обучение тоже было связано с преодолением трудностей и нужды. Однажды помощник смотрителя, увидев, что у первоклас-сника Евгения нет теплой одежды, объявил ему, что он подлежит увольнению. «Господи! Как тяжело тогда было у меня на душе! Не один раз тем днем я поплакал. Я был уверен, что не по небрежности семейных у меня до сих пор нет пальто, а потому, что его сшить не из чего и что денег нет у отца». Однако вскоре последовало утешение: «К вечеру же этого дня пришла из дома няня и принесла нам обоим (мне и брату Михаилу) большой мешок с тулупами каждому из свойских овчин и с такими же, длинной шерстью, воротниками. И Боже! Какая была у меня тогда радость! Какая, подумаешь, была самоотверженность со стороны няни! Это дело было около Казанской 22 октября, выпал уже снег. За 80 верст в такое время ехать на лошади (на телеге или на санях) слишком рискованно, а тем более по первопутку, без дороги, идти пешком с такой ношей! (Царство Небесное тебе, дорогая няня, теперь скажу я, за то, как ты нас при жизни любила!)» [1. С. 164].

Это типичные картины из жизни русского духовенства. Подобные им можно найти в воспоминаниях митрополита Вениамина (Федченкова) [5], в письмах родных к Александру Лаврентьевичу Преображенскому (будущему митрополиту Агафангелу) [4. С. 29, 31, 33].

Важным шагом в жизни будущего священнослужителя был выбор супруги. Все авторы воспоминаний подходят к этому событию очень ответственно, обращая главное внимание на душевные качества и ум своих избранниц: «1837 года 14 октября в 3 часа дня я увидел в первый раз свою единственную Анну Васильевну». <...> «Посидели мы с ней, поговорили, и она столько же понравилась маме, и брату, и всем нам своими простыми и умными речами, сколько своею красотой, особенно мне» (М.С. Альбицкий) [1. С. 44]. «Поговорили сначала об условиях сдачи, потом часа через три спросили меня, нравится ли мне невеста. Я,

с улыбкой на устах, ответил, что лучшей жены и не желал. И это было мое искреннее слово. Действительно, сколько я ни смотрел невест (а я их смотрел 12 барышень), милovidнее, симпатичнее, а главное, умнее выражения лица я еще не видел. Конечно, святые отцы спросили и Настеньку, нравлюсь ли я ей. Но она только улыbnулась и промолчала, и это ее молчание повеселевшие старцы объяснили как знак согласия» (А.М. Альбицкий) [1. С. 108].

Правильность такого подхода к выбору невесты наиболее точно и полно раскрывается в воспоминаниях Евгения Андреевича Елховского: «Серьезно я задумался над этой фамилией Альбицких. Умный, хороший род – это верное ручательство за таких же детей. «От яблоньки яблочко, а от ели шишка», - давно я слышал эту поговорку от няни. «Смотри, Евгений, - говаривала она мне, также и тятенька, - при выборе невесты гляди, каков род?!» И надо сказать, что меня до сего времени не прельщала ни одна невеста или красивая лицом барышня, если в ней, при этой красоте, не было соответствующего ума и вообще духовных способностей» [1. С. 229-230].

О своих спутницах авторы воспоминаний пишут с неизменным теплом. «Моя единственная Анна Васильевна», «моя Настенька», «моя Сашенька» - подобные ласковые наименования говорят сами за себя и свидетельствуют о любви и согласии супругов на протяжении всей жизни. Эта взаимная любовь дополняется счастьем родительским. Так, в семье М.С. Альбицкого и его супруги было 11 детей, у А.М. Альбицкого – 9, у Елховских – 5. Рождение детей воспринималось как благословение Божие. Часто указывается точное время появления их на свет: «13 числа в 9 часов пополудни моя голубушка родила мне сына Александра – первенца, своим трудным рождением помучившего и мать и меня, ибо мать в родах мучилась с 9 часов 12 числа до 9 часов 13 числа – целые сутки. Сколько я перечитал акафистов, сколько я перенес страху и пролил слез, молясь Богу о спасении жизни ее. С радостной вести о рождении сына Саши я почти не отходил от него и матери, с любовью лаская его и ее, толкуя с Анной Васильевной о крещении и о воспитателях» [1. С. 53].

Довелось любящим родителям пережить и скорбь утраты детей в младенческие годы или позднее. И в этих обстоятельствах они проявляют подлинное смирение и веру в промысел Бо-

жий: «...Богу угодно было, чтобы не Сашенька за меня молился, а я за него. Будь святая Твоя, Господи, воля над нами. Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты судил ему умереть в родном доме и быть погребенну при моем храме. Я глубоко верю, что по его молитвам пред Престолом Божиим мы оба – я и Настенька – до сего дня здравствуем. Его преждевременную смерть я принял как искупительную жертву за свои грехи, как самый сильный призыв нас обоих к покаянию. Никогда я не пройду мимо его могилы, не осенив себя крестом и не вспомнив о часе смертном» [1. С. 126-128]. Отец Евгений, описывая смерть своей двухлетней дочери, отмечает, что это событие смягчило его душу и научило состраданию ко всем людям, потерявшим близких [1. С. 258].

В воспитании главную роль играл пример родителей. Их привычка к постоянному труду, кротость, благочестие действовали лучше любых наставлений и навсегда остались в памяти детей. Вспоминая свою маму, А.М. Альбицкий пишет: «Воспитанная в сиротстве и в крайней нужде, как она сама была отзывчива на всякую людскую нужду и горе. Как она была обходчива со всеми, ласкова ко всем, скромна, кротка. Особенно же отличительною чертою ее было ее благочестие и религиозность. И в доме, и в святом храме как она сосредоточенно, горячо молилась». [1. С. 91- 92]

Е.А. Елховский пишет о своем отце: «Не знаю, что бы он мог не сделать по домашнему хозяйству: сам он поставил двор, хлевы, баню, делал сани, телеги, корыта, колоды, рамы, столы, диваны, шкафы, стулья, клал печи, шил сапоги и т. п., словом – руки у него были золотые: в его доме все это было делом его рук. Полевое хозяйство также велось им основательно, наряду с крестьянами. Надо было ему в свое время поспеть вспахать, заборонить и засеять. Вот почему ему и нужны были какие ни на есть помощники, для чего и меня с ранних лет стали приучать к делам, начиная с легкого дела» [1. С. 146]. Также он отмечает постоянное усердие отца к исполнению им своих обязанностей псаломщика и его любовь к молитве.

С особенной задушевностью описывается переживание церковных праздников: «Нас с братом Михаилом поднимали с постели очень рано, чтобы не пропустить пение «С нами Бог». И

вот, бывало, стоишь в храме, а на сердце такой блаженный покой, такая улаждающая душу благодать, какая редко и чувствуется в иное время; стоишь, бывало, на клиросе и здесь, со всей преданной Богу душой, поешь со всей радостью «Рождество Твое, Христе Боже наш» и так без устатку всю службу» [1. С. 168].

«О, где ты, мое милое, золотое детство, способное так глубоко воспринять и восчувствовать эту святую, неземную радость Великого дня, когда ничто земное, даже поверхностно, не касалось тогда твоей души? Что это за чудное настроение души, никогда не повторяемое в дальнейшей жизни, когда от радости готов обнять каждого и крепко-крепко любить всех! Эти минуты давала мне тогда святая, светозарная и спасительная ночь Воскресения Христа, моего Господа и Спасителя!» [1. С. 175].

Родители не жалели сил и времени на обучение детей. В записках А.М. Альбицкого читаем: «С этого времени все мое внимание было сосредоточено на образовании моих ненаглядных детей. Милой моей Настеньке крепко не хотелось отдавать своих дочерей учиться в учебные заведения, так сказать, «зря на них тратиться», потому что при устройстве их в замужество потребуются же в «приданое» деньги. Но я никак с ней, к немалому ее огорчению, не мог согласиться, утверждая, что образование детей – самый прочный капитал. И Господь Бог помог мне во всем» [1. С.116-117].

Владимир Евгеньевич Елховский вспоминает, что родители были его первыми и самыми лучшими учителями. Особенно запомнились ему уроки с отцом: «...прекрасно он преподавал первоначальные сведения о Боге, все у него выходило так просто, понятно. А ведь это, пожалуй, самый трудный раздел из Закона Божия». <...> «Закон Божий мы обыкновенно изучали, взявшись с папой за руку и ходя по комнате. Папа два раза рассказывал мне очередную историю, а я затем повторял ее столько раз, сколько требовалось, чтобы ее запомнить. Кажется, раза по три. Занятия всегда начинались часов в 9 утра и заканчивались в 12 часов дня, в зависимости от моих успехов» [1. С. 373].

Отец Евгений заканчивал писать свои воспоминания в 1928 г. В послереволюционные годы ему пришлось пережить много тяжелого – тревога за детей, за свою жизнь, сложная цер-

ковная обстановка, лишение имущества. Приходилось зарабатывать на жизнь то помолом зерна, то изготовлением каблуков. В это тяжелое время, подводя итог своей жизни, он беспокоится о будущем, но сам же находит утешение для себя и детей: «...отсутствие в нашей прожитой жизни скупости, алчности и стяжательности, пустой расточительности, умение жить на собственную копейку, добытую законным и честным путем, не избалованные ничьей чужой помощью, - все это не отразилось ли на душевном складе детей? Ведь, благодарение Богу, надо сказать, что пока в детях не видно плохого; нет в них ни корыстолюбия, ни скупости, ни жадности, ни зависти к жизни другого; нет в них стремления пожить на чужой счет, на нетрудовую копейку, замечается и воздержанность жизни во всем, нет черствого сердца к несчастью и горю другого, мягкость же и доброта души замечается в них даже посторонними, как это мне приходилось слышать от многих. Это ли не дорогое сокровище, которым Бог их наградил? Устоит ли перед ним какой материальный расчет? Не душа ли есть больше тела? – сказано в Евангелии» [1. С. 328]. Удивительно, насколько современно звучат его слова: «Ныне еще и так говорят, дескать, живи, позабывши Бога, как природа велит, срывай цветы жизни! Да, правда, заманчиво многим покажется этот путь жизни сначала, но каков будет его конец? Природа, без обуздания плоти – она нас приведет к такому сраму, позору и мучению совести, что и не захочешь больше на свет Божий глядеть! Один закон человеческий не сдержит его от распутства, разврата, пьянства, буйства и от других преступлений, если он не будет признавать Высшего Авторитета – Закона Бога. А давши безудержному порыву свай природы полную волю, мы увидим, что дальше уж нам некуда идти, и придем поневоле к самоубийству, что нередко и случается ныне» [1. С. 339].

Старший сын о. Евгения Владимир учился в семинарии в 1910-1916 гг. С 1912-1913 г. обстановка становится беспокойной. Падает дисциплина, в стены семинарии проникает нелегальная литература, устраиваются забастовки. Дух времени сказывается во всем. Владимир, несмотря на отличный аттестат, отказывается от учебы в Духовной академии и решает поступать в Московский университет. Спустя 28 лет он по-другому смотрит на свое решение и жалеет, что не доставил радости своим родителям,

не подумал и о том, насколько бы это облегчило материальное положение семьи, в которой было еще трое учащихся. В университете Владимиру довелось проучиться недолго, т.к. в связи с призывом студентов на военную службу он поступает в Александровское военное училище. В дальнейшем ему пришлось принять участие в боевых действиях на фронтах Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войны. Свои записки он писал в 1943-1944 годах, в перерывах между боями. А в 1946 году, как вспоминает митрополит Питирим (Нечаев), Владимир Елховский, вернувшись с войны, прямо в гимнастерке пришел в Патриархию и заявил, что хочет быть священником. С 1948 года он служил священником в одном из храмов Подмосковья, затем был членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, настоятелем Православной Церкви в Палестине (Иерусалим). Последнее место его служения – храм Воскресения Словущего в Москве. По отзывам знавших его людей, это был прекрасный священник.

Библиографический список

1. Страницы истории России в летописи одного рода (Автобиографические записки четырех поколений русских священников) 1814 – 1937. М., 2004.
2. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-11718.
3. Новомученики и исповедники Ярославской Епархии. Романов-Борисоглебск (Гутаев), 2000.
4. Ради мира церковного. Жизненный путь и архипастырское служение Святителя Агафангела, митрополита Ярославского и Ростовского, исповедника. Кн. 1. М., 2005.
5. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994.

© А.В. Еремин (ЯГПУ)

**Религиозные аспекты национального самосознания
современной России**

Религиозный фактор в культурно-историческом процессе России смело можно назвать определяющим. Россия, получив в наследство от Византии православные традиции, переняла не только механизмы государственного устройства, но и особенности мировосприятия, жизни, общественного уклада. К сожалению, долгое время в отечественной исторической науке практически не уделяли внимания влиянию религии и государственно-церковных отношений на эволюцию общества. Внимание чаще всего уделялось лишь институциональной, традиционной политической истории. Как один из основных в плане становления российской государственности, религиозный аспект не рассматривался.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что и преподавание истории в постсоветской России велось с позиции исследования процесса модернизации русского общества, в контексте постоянного сравнения с аналогичным процессом на Западе, из чего делался вывод о том, что русская история – “неудавшаяся история”. На смену Октябрьской революции пришла необходимость модернизации, движение к либерализму и демократическому устройству, при этом, по сути, обучение ведется в рамках незначительно измененного формационного подхода.

В период отрезвления от идей “шоковой терапии”, осознания своей национальной идентичности, становления мировоззренческих позиций будущих поколений нашего государства большое значение приобретает обращение к культурным ценностям и традициям своей истории, которая как никакая другая наука способствует формированию национального самосознания. Изучение истории с позиции стереотипа “отставания от Запада” не только препятствует формированию позитивного отношения к прошлому, приобщению к культуре и традициям страны, но и с научной точки зрения является необъективным.

Понять закономерности развития любого народа помогает наибольшее внимание к цивилизационным особенностям общества, которые включают в себя не только аспекты государственного управления, политической сферы, но, что гораздо важнее, менталитет, повседневность, традиции, образ мышления. Если изучать историю с таких позиций, то неминуемо приходишь к выводу о большом значении религии в отечественном

культурно-историческом процессе. Как заметил религиозный мыслитель Иван Ильин, “для того, чтобы понять, что значение Православия в русской истории и культуре было определяющим, не надо самому быть православным; достаточно просто знать русскую историю”.

Индивидуализация форм жизни в современном мире привела к тому, что либерализм переродился в либертаризм, при котором современный человек отрицает любую объективную общность, выходящую за рамки его индивидуальных интересов. Процесс усиления индивидуализации может привести к распаду общества. Единственный идеал, который объединяет современных людей на Западе, - принцип организации общества, но с ростом организации отдельный индивид превращается в ничто. Каждая организация воспринимает человека с точки зрения его заменимости. Исследователи уже много лет назад подметили логику развития рациональности на Западе. Например, А.Тойнби[5] и О.Шпенглер[6] из столь пессимистической ситуации видели выход в христианстве, которое возродило бы свою ценностную трансляцию из воскрешения и возвеличивания христианских догм, без которых оно не может существовать. С их точки зрения христианские ценности необходимо оформить в виде догм, которые соединяли бы общество, поднимая авторитет Церкви над свободной трактовкой веры каждым.

В православном же подходе нет и не было места личностному выражению рационализации и возможности усиления материального начала в мирской жизни, ибо идеалом является жизнь церковная или, точнее, воцерковленная. С этой точки зрения православие находится в области веры, а социальная концепция православной Церкви, придерживаясь идеи "симфонии" Церкви и государства, строится на традиционных устоях, которые сами по себе предполагают большое влияние на общество.

Православные ценности, основывающиеся на любви к ближнему, служению Отечеству, гражданской ответственности, миролюбии и противлении насилию, являются теми скрепами, которые могут стать основами для выработки национальной идеи российского общества.

Современный секулярный мир не приемлет любой идеологии. Однако анализ культурно-исторического процесса пока-

зывает необходимость существования традиционной системы ценностей, ибо либертаризм губителен для любого общества. Общие ценности, которые не основываются на материальном благополучии человека, необходимы для нормального развития социума. Ощущение привязанности к культурно-исторической традиции своей страны, ответственности за свое государство – главное условие благополучия общества.

Секуляризм, который проникает во все сферы жизни общества, полностью изживает идеальные основы существования. Современный человек строит свое отношение к государству, основываясь на материальных представлениях благополучия и выгоды существования. Негативная установка к своему отечеству не может привести к благополучию общества и государства. В ситуации дифференциации общества и ценностного вакуума православные устои, имеющие патриотическое начало, играют важную роль, так как объединяют общество в осознании культурно-исторического единства.

В современной России Церковь встает перед необходимостью расширения границ церковных храмов, активизации своей социальной деятельности. Соблюдение паритета между светскостью и традицией является важной задачей современного православия. Однако без поддержки со стороны государства невозможно сформировать духовные основы общества. Необходимы образовательные программы, запрет насилия в СМИ, формирование патриотизма, ценностей семьи и грамотная вероисповедная политика, основывающаяся на принципах паритета и взаимоуважения. Русская Православная Церковь отвечает на те вызовы, которые исходят от современного мира. Основы социальной концепции Церкви, принятые Архиерейским собором 2000 г., безусловно, программа на десятилетия вперед, шаг навстречу современному обществу. Не нарушая традиции, Церковь активизировала свою социальную деятельность на протяжении постсоветского периода истории России. Развивается и оформляется кооперационная модель государственно-церковных отношений. Это позволяет надеяться на то, что фундамент для благополучия нашего государства – духовные, традиционные ценности - будет крепнуть, обеспечивая развитие и процветание России.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

© В. Н. Пирогов (ЯГПУ)

Альтернативность в преподавании отечественной истории (1917–1939 гг.).

Альтернатива – необходимость выбора между двумя или несколькими исключаящими друг друга возможностями [1]. Следовательно, альтернативность – это реализация конкретного выбора одной из возможностей в определенных исторических условиях.

Альтернативность как необходимость выбора по-разному вставала перед народами, правительствами, историческими деятелями. Вот почему изучение альтернативных явлений в отечественной истории так нужно в научной и учебной работе.

В XXI веке цена правильного или неправильного выбора в оценке событий реальной действительности неизмеримо возросла. Лучшим, на наш взгляд, материалом для подтверждения этого тезиса, как и для понимания проблемы альтернативности, дает период в отечественной истории с 1917 по 1939 гг. Именно в это время произошли величайшие события: свержение царизма, большевистский переворот, Гражданская война; сложнейшими были 20-е и 30-е годы: мировой кризис капиталистической системы, строительство в СССР основ новой жизни, сталинские репрессии, закулисная борьба Гитлера и Сталина. Перед нашим народом всегда вставала проблема выбора.

Альтернативной является такая ситуация, которая характеризуется борьбой общественных сил за реализацию существенно отличных возможностей общественного развития [2]. Альтернативный подход помогает основное внимание сосредоточить на конкретном развитии событий, на том, «что именно произошло, почему так, а не по-другому». В то же время он предполагает сделать предположения по поводу того, что могло произойти при

других обстоятельствах. Разумеется, никому не запрещается пофантазировать на тему «что было бы, если бы ...». Но это уже догадки, домыслы, а не позиция ученого, преподавателя и т. д.

Таким образом, историческая альтернатива может иметь место тогда, когда в наличии есть существенно отличные возможности, тенденции последующего развития, когда возникает выбор: «или – или». К альтернативным ситуациям наиболее очевидно относятся революционные ситуации, экономические и политические кризисы, ситуации, предшествующие началу военных конфликтов, и т. д.

Понятно, что реализация той или иной тенденции развития зависит от общественных сил, способных осуществить свой вариант развития. Другими словами, кроме объективных предпосылок альтернативности огромное значение имеет наличие субъективного фактора (социальных сил, их политических партий, выдающихся деятелей) [3].

Наличие возможного и действительного, сочетание объективного и субъективного в альтернативной исторической ситуации не исключает возможности познать закономерное в историческом процессе. Возникновение разных возможностей, альтернативных ситуаций происходит в результате объективного хода истории.

Альтернативные исторические ситуации выступают в качестве своеобразных исторических узлов, вех, критических моментов исторического развития. Победа одной из альтернативных возможностей снимает противостоящую ей возможность, и альтернативная ситуация исчерпывает себя. Говоря философски, происходит своеобразный переход количественных изменений в качественные, приостановка непрерывного исторического развития [4].

Однако следует иметь в виду, что снятие одной из возможностей может не быть окончательным. Многое зависит от того, насколько глубоки объективные исторические корни победившей тенденции. Победа одной из альтернатив может быть временной, разной по продолжительности (например, фашизм в Германии, сталинизм в СССР).

Альтернативы в исторических событиях могут быть различными и по своему уровню, величине, качеству и т. д. Так, они

могут существовать в рамках одной конкретной страны, групп стран, а могут – в рамках общественной экономической формации (например, судьба социализма в СССР), в глобальном масштабе (экологическая катастрофа).

Сегодня, в XXI в., проблема альтернативности стоит перед человечеством не менее остро, чем вчера. Вот почему без правильного учета исторического опыта, без использования альтернативного подхода в исследовании прошлого (как, впрочем, и настоящего) существует весьма реальная опасность повторения роковых ошибок.

В истории нашего государства огромное значение имело развитие событий, связанных с началом XX века. Это был своеобразный Рубикон! Что же произошло в России в 1917 году? Неужели рабочие и крестьяне, интеллигенция, солдаты и матросы совершили ошибку, поверив на слово призывам большевиков? Может быть, действительно был прав Г. В. Плеханов, говоривший еще в свое время, что «не надо было братья за оружие», «история еще не смолотла той муки, из которой в России будет выпечен пышный пирог социализма»? Была ли альтернатива октябрьскому перевороту большевиков? Конечно, была. Историк не должен уходить от этой проблемы.

Возьмите Февральскую буржуазно-демократическую революцию, которая представляется как безальтернативная, как конечный пункт действительного народного освободительного движения, хотя о неизбежности краха монархии еще задолго до 1917 г. говорили большевики. Так, В. И. Ленин в апреле 1917 г. отмечал, что монархия «... исчерпала себя, исчерпала свои социальные силы. Обстоятельства сложились так, что никакая реформа в современной России невозможна... Реформистских возможностей в современной России нет» [5]. Попытки монархистов возвести на престол сына Николая II или Великого князя Михаила Александровича вряд ли можно считать альтернативными.

А вот дальше в отечественной истории возникает целый ряд альтернатив, возможностей выбора. Так, например, двоевластие – это зримое воплощение альтернативности. Окажись Советы большевистскими – события развивались бы по другому сценарию.

В августе 1917 г. А. Ф. Керенский и Л. Г. Корнилов стали организаторами контрреволюционного заговора. «Восстание Корнилова доказало для России то, что для всех стран доказала вся история: именно, что буржуазия предаст родину и пойдет на все преступления, лишь бы отстоять свою власть над народом и свои доходы» [6].

В сентябре 1917 г. В. И. Ленин уже считал наилучшей альтернативой образование левой коалиции. «Есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный... урок, - говорил Ленин, - что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза... никакая, буржуазией начатая... немыслима» [7]. К сожалению, эта альтернатива не состоялась. Меньшевистско-эсеровская коалиция не первый раз отвергла инициативу большевиков, вновь, более того, 25 сентября 1917 г. пошла на формирование очередного буржуазного кабинета Временного правительства во главе с А. Ф. Керенским.

Социалист-революционер А. Ф. Керенский, находясь во главе Временного правительства, мог бы, если захотел, сделать очень многое для российского народа. Однако Временное правительство так и ничего не удосужилось сделать для трудящихся масс. Оказался не решенным ни рабочий, ни аграрный, ни национальный вопрос, продолжалась никому не нужная, кроме, конечно, буржуазии, империалистическая война. Даже по оценке бывшего министра этого правительства видного эсера В. Чернова, «оно оказалось пораженным творческим бесплодием» [8].

Отметим еще один альтернативный вариант: предложение вождя большевиков В. И. Ленина о мирном развитии революции сразу после февраля 1917 г. Речь идет о возможности завоевания власти мирным путем – путем парламентской борьбы. Предложенный вариант состоялся только до июльских событий 1917 г., до расстрела мирной демонстрации все тем же Временным правительством. Тогда всем стало ясно, что двоевластие закончилось, власть окончательно перешла в руки буржуазии и она ее мирным образом никогда не отдаст. Здесь Временное правительство показало себя со всех сторон и как беспомощное, и как реакционное.

Для большевиков к октябрю 1917 г. единственной альтернативой стала подготовка к вооруженному восстанию. Свои намерения они не скрывали. И действительно, к осени 1917 г. вновь сложился общенациональный политический кризис, со всеми его признаками. «Теперь уже поистине промедление в восстании смерти подобно» [9]. Большевистский переворот (или Октябрьская социалистическая революция) состоялся. Конечно, никому не возбраняется вздыхать по несостоявшимся буржуазным альтернативам. «Но реалии таковы, - отмечал Ленин, - перевес сил был на стороне революционного народа, и он решил вопрос о выборе пути в свою пользу» [10]. И выбор был сделан окончательно!

Власть-то большевики взяли, а как строить новую жизнь – никто из них, включая и их вождя, не знал, тем более, ни опыта, ни кадров у них не было. Главный теоретик большевиков уже на первом послеоктябрьском съезде правящей партии признавал: «... дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, – этого не знаем» [11]. А с другой стороны, он уже тогда отмечал, что «ни одна партия, ни один человек “вводит социализм” указом не собирается. Речь идет... о таких мерах, которые технически и культурно вполне назрели, доставляют немедленное облегчение жизни бедноте, позволяют ослабить тягости войны и распределить их равномернее» [12].

Можно подумать, что большевики и их вождь Ленин авантюристы: захватили власть и даже не знали, чего они хотят!? Нет! Большевики вместе с другими политическими партиями, вместе с трудящимися массами довели Февральскую буржуазно-демократическую революцию до логического конца, уничтожив самодержавный строй, вскрыли пороки, показали несостоятельность и неспособность Временного буржуазного правительства и нашли ответ, что же делать дальше. Предстояла гигантская работа.

Известно, что царская Россия – это среднеразвитая капиталистическая держава. Перед большевиками стояла главная задача: захватив власть, теперь надо подтянуть ее экономически. Ломая все старое, большевики начали строить новую систему общественных и экономических отношений, делая ошибки, ме-

няя свою тактику, учитывая интересы только трудящихся масс. «Социализм не создается по указке сверху, - отмечал В. И. Ленин, - его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий есть создание самих народных масс» [13].

В 20-х гг. было немало альтернативных ситуаций. Не раз и не два круто менялась тактика и стратегия большевиков. Если говорить в целом, то явно просматривается борьба не менее 2-х тенденций: реалистической и утопической. Отчетливо и понятно стала реализовываться первая тенденция, разработанная В. И. Лениным в работе «Очередные задачи Советской власти» и в новой экономической политике в 1921 г.

Конечно, прошедшая Гражданская война заставила большевиков мобилизовать все силы и возможности для превращения страны в единый военный лагерь. Надо было победить, устоять! Выстояли и победили, но заложили ростки административно-командной системы. Понравилась тогда коммунистам командовать, залегло это в тактике и практике правящей партии. Голос В. И. Ленина: «Не смей командовать!» не был услышан. Правда, вопрос «кто - кого» стоял не только в области военной. После Гражданской войны он во весь рост встал и в области экономической.

Тогда новая экономическая политика как альтернатива «военному коммунизму» помогла умело сочетать моральные, материальные и административные стимулы к труду, ликвидировать голод, наладить производство и, самое главное, улучшить жизнь трудового народа. Люди стали жить лучше, чем до революции. Это важно!

Однако, объективности ради, заметим, что неграмотность основной части населения, отстранение ее от обсуждения и решения принципиальных вопросов собственного бытия уже в конце 20-х г. привели к утрате у сталинского руководства, правящей партии способности учитывать многовариантность развития общества. Однопартийная система начала костенеть. А ведь тогда были заслуживающие внимание альтернативы! Вспомним хотя бы взгляды Н. И. Бухарина, его группы и сподвижников по «правому уклону».

А с другой стороны, уже со второй половины 20-х годов ленинская теория социалистической революции стала Сталиным фальсифицироваться. Возобладали схоластика, монополизм, нетерпимость к другому мнению, показуха, самовосхваление и т. д. Свертывались товаро-денежные отношения, произошло полное огосударствление средств производства. Трудности и противоречия, о которых говорил Н. И. Бухарин, - они временны, пройдет время, и мы научимся их преодолевать. Но! «Гримасы» новой экономической политики (противоречия и кризисы) преодолевать Сталин и его руководство уже не хотели. Противостоять им ни Бухарин, ни ленинская старая гвардия фактически уже не могли. Подлинной демократии внутри РКП(б) не стало. Дискуссионный листок в газете «Правда» был ликвидирован. Альтернатива Н. И. Бухарина и его группы оказалась нереализованной. Победил вариант Сталина.

Чем же все это можно объяснить? Причин здесь много. Одна из них заключается в том, что в политической сфере альтернативные возможности в рамках тогдашнего советского сталинского строя не могли получить должного развития, ибо политическая надстройка была затронута лишь в незначительной степени. Монополия на власть, на все принимаемые решения, открытое применение репрессивных мер в отношении явных, а зачастую неявных оппонентов, возведенных в ранг противников, привели к тому, что альтернативные предложения попросту стали подавляться. Сталинская система, партийная бюрократия родили свои правила игры. Уже тогда в условиях «чрезвычайщины» стали нормой и произвол, и попрание прав личности, и беззаконие. Известно, чего стоила форсированная индустриализация! Сталинская коллективизация уничтожила не только кулаков, но и все формы кооперации, абсолютизовав одну, удобную для партии, – колхозы. Теперь, в 30-е гг., административно-командная система набрала обороты. Противников сталинского режима оставалось все меньше и меньше. Об альтернативах говорить не приходится.

Уверенность Сталина и его окружения в правильности избранного пути как единственного возможного и правильного сформировалась в обстановке всеобщего мирового кризиса капитализма, начавшегося в 1929 г. Капиталистам тогда тоже при-

ходилось постоянно искать наилучшие выходы из создавшегося положения. Одни из них находили его в усилении эксплуатации народов внутри своих стран или за пределами – в своих заморских территориях, другие в антидемократических преобразованиях, в милитаризации экономики и т. д., что стало характерно для Германии, Италии и Японии. Такой путь становится для них наиболее перспективным. Этот факт тогда явно недооценивался официальными идеологами марксизма-ленинизма.

Можно ли было предотвратить Вторую мировую войну? Найти ей альтернативу? Конечно! С фашистской агрессией мог бы справиться блок передовых стран капитализма: США, Англии и Франции. Еще быстрее могли решить проблему эти страны вместе с СССР. Но ими занятая позиция – «странная война» – не позволила реализовать эту альтернативу.

Достаточно эффективным мог стать союз нашей страны со своими соседями – Финляндией, Польшей, Чехословакией и др. Однако буржуазные правительства этих государств не захотели принимать руку дружбы, а следовательно, и помощь в борьбе с фашизмом. Они боялись Сталина не меньше, чем Гитлера. Увы! Произошло то, что произошло.

Все названные альтернативы реального противодействия и удержания гитлеровской экспансии на восток были нейтрализованы политикой правящих элит капиталистических стран мира. Для них тогдашний красный СССР был куда более опасным, чем фашизм всей Европы и милитаризм Японии вместе взятых. Их попустительство толкнуло фашистские государства к международному разбою, первой жертвой которого стал Советский Союз. О последствиях они не задумывались. Сговор Гитлера и Сталина в августе 1939 г. только отрезвил их головы, но было уже поздно. Будем объективны: у Сталина были и свои корыстные интересы, но у военного руководства СССР, сталинского окружения этот документ породил настроения самоуспокоенности, уверенности, что война начнется нескоро. Это была грубейшая ошибка.

Таким образом, альтернативный подход позволяет изучить не только то, как шел тот или иной процесс, но и рассмотреть возможные варианты, сделать предположения, как могли они развиваться в иных условиях. Здесь нельзя допустить фанта-

зий. Сила альтернативного подхода заключается в том, что он обязывает сосредоточить основное внимание на реальном, конкретном, фактическом развитии исторических событий, на том, «что именно, почему и как происходило в истории» [14].

А отсюда богатство размышлений, возможности отыскания оптимальных подходов к решению задач в конкретной исторической обстановке, так, что альтернативный подход помогает изучать отечественную историю вариативно и многопланово.

Библиографический список

1. Краткий политический словарь. М., 2003. С. 12.
2. См.: Ковальченко И. Д. Возможное и действительное. Проблемы альтернативности в историческом развитии // История СССР. 1986. № 4.
3. См.: Фортунатов В. В. Альтернативность в истории XX века. Л., 1991. С. 3.
4. Там же. С. 4.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 57.
6. Там же. Т. 34. С. 146.
7. Там же. Т. 34. С. 222-223.
8. Дело народа. 1917, 4 сентября.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435.
10. См.: Волобуев П. 1917 год: была ли альтернатива? // Родина. 1989. № 10. С. 17.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 65.
12. Там же.
13. Там же. Т. 35. С. 57.
14. См.: Фортунатов В. В. Альтернативность в истории XX века. Л., 1991. С. 17.

© Н.А. Валеева (ЯГПУ)

Использование метода проектов при организации внеклассной историко-краеведческой работы со школьниками

Федеральный базисный учебный план для образовательных учреждений Российской Федерации, разработанный в соответствии с федеральным компонентом государственного стандарта общего образования, предусматривает значительное со-

крашение количества учебных часов, отводимых на изучение истории в средних школах. Так, например, в 9-х и 10-х классах на базовом уровне по сравнению с действовавшим ранее базисным учебным планом суммарный объем учебного времени сократился на 35 часов. Тем не менее объем и насыщенность фактических знаний, заложенных в обязательном минимуме предметного содержания, практически не подверглись сокращению.

В этих условиях активизация внеклассной работы по истории будет способствовать развитию содержания базового курса истории, более широкому применению методики исследовательских проектов в целях повышения познавательного интереса учащихся в отношении изучения данного предмета.

Под внеклассной работой по истории понимается организация учителем различных видов деятельности учащихся после уроков, обеспечивающих необходимые условия для овладения ими навыками и умениями теоретической и практической работы по более глубокому усвоению и активному восприятию исторического опыта и окружающей действительности (А.Т.Степанищев) [5]. Учащиеся должны научиться представлять результаты индивидуальной и групповой историко-познавательной деятельности в формах конспекта, реферата, исторического сочинения, резюме, исследовательского проекта.

В процессе внеклассной работы по истории используется деятельностный подход, предполагающий интеграцию ученика в групповую работу, что содействует закреплению навыков позитивного неконфронтационного взаимодействия с окружающими, развитию информационной культуры учащихся а также способов деятельности, связанных с продуктивными методами обучения.

При этом выбор тематики для внеклассной работы позволяет, во-первых, осуществлять личностный подход в преподавании истории, поскольку учитывается склонность к исследованию определенных сфер жизнедеятельности человечества на всем протяжении его развития, что повышает мотивацию к социальному познанию. Во-вторых, при внеклассной работе учитель относительно свободен в выборе содержания, тогда как содержание уроков определяется учебной программой. Кроме того, внеклассная работа по истории не регламентирована по ко-

личеству времени, что предоставляет широкие возможности для реализации практикоориентированных целей обучения истории. Данный факт приобретает особую значимость в целях подготовки к сдаче ЕГЭ (единого государственного экзамена) и овладению учащимися знаниями и умениями, значимыми для их социализации.

Основная часть методической литературы по вопросу организации внеклассной работы по истории была создана в советское время [1, 2, 3, 4]. В указанных работах рассматриваются задачи, формы и принципы организации внеклассной работы, основанные на марксистско-ленинской концепции. Современные издания в большей части представлены практическими разработками по тем или иным направлениям внеклассной работы, причем характерной чертой является акцентирование неразрывной связи урочной и внеклассной работы.

А.Т.Степанищев выделяет пять составляющих внеурочной работы: подготовка и празднование дней воинской славы (победных дней) России; изучение и обобщение народных традиций, забота о беспризорниках, переселенцах, беженцах, обитателях детских домов; формирование нового образа жизни учащихся как граждан новой России [5]. Ведущей составляющей внеурочной работы, согласно А.Т.Степанищеву, является целенаправленное чтение соответствующей литературы, сбор теоретических и вещественных исторических материалов для использования в учебном процессе. Данная составляющая располагает многообразием форм, среди которых самостоятельное чтение и усвоение хрестоматийных и других исторических источников; школьные исторические кружки и общества; исторические конференции, диспуты, олимпиады, викторины, самодеятельные спектакли, литературно-музыкальные композиции; создание «малых историй» - школы, села, улицы, муниципального органа власти, предприятия; отряды (группы) следопытов; экскурсии, микроэкспедиции и туристические походы по историческим маршрутам.

В данной статье представлен вариант эпизодического кратковременного творческо-поискового проекта на тему «Организация жизни в малых железнодорожных поселениях (на примере поселка Сахарож)», выполненного на базе ДООЦ «Са-

харезж» группой учащихся школ г. Ярославля и близлежащих областей, расположенных в зоне СЖД. Проект выполнен в рамках проведенной при поддержке Управления СЖД первой научно-практической конференции для школьников, отдыхающих в детских оздоровительных лагерях. На конференции были представлены следующие секции: психологические аспекты деятельности профессий на железной дороге, история СЖД, что способствовало реализации профориентационной направленности.

Участниками данного проекта стали семь пятиклассников, обучающиеся на первом концентре преподавания истории, а также 4-х классов, обучающихся по традиционной (обновленной) системе начального обучения (у этой группы учащихся предмет истории в учебный план школы не включен). В связи с этим следует отметить такую особенность, как недостаточный уровень сформированности исследовательских навыков и познавательных интересов. (Вывод был сделан на основе беседы с участниками творческой группы). Преодоление указанной сложности и задача формирования устойчивой мотивации к изучению предмета история стали основными при реализации данного проекта.

Цель проекта: составить представление о жизни поселка Сахарезж.

Задачи:

– разработать анкету, позволяющую получить информацию о различных аспектах организации жизни в поселке Сахарезж;

– провести опрос местных жителей для выявления самовосприятия их жизни в поселке.

Методы исследования: эмпирические (опрос, анкетирование, интервью).

Идея проекта предполагала проведение констатирующего исследования, результаты которого представлены в диаграммах, полученных в ходе опроса 16 жителей поселка Сахарезж в июле 2006 г. Презентации выполнены в программе Power Point при содействии программиста из ДОЛ «Сахарезж».

Группой учащихся составлен текст анкеты, содержащей 10 вопросов. Вопросы 1-7 предполагают выбор одного ответа из трех - четырех предложенных вариантов. Жителям предлагалось

выбрать тот вариант, который в наибольшей степени соответствует их личной позиции по указанному вопросу; вопросы 8-10 открытого типа. Вопросы составлены таким образом, чтобы выявить имеющиеся у местных жителей представления по следующим аспектам современного состояния жизни в поселке:

- 1, 2 вопросы касаются выяснения профессиональных предпочтений;

- 3, 4, 5 вопросы направлены на выявление психологических аспектов жизни в малонаселенном пункте;

- 6, 7, 8, 9 вопросы ориентированы на понимание сути возможного спектра проблем, связанных с организацией жизни в поселке (а именно: в административном звене, вопросах экологической безопасности, сфере внешних контактов);

- 10 вопрос связан с определением дальнейших тенденций развития территории проживания.

Анализ результатов констатирующего исследования позволил выявить тенденцию разделения на две категории, ограниченные возрастными рамками, - молодежную группу и людей старшего возраста. Эти группы отличаются по уровню мобильности, психологической адаптации к условиям жизни в условиях ограниченного круга общения. Общей тенденцией для обеих групп является невысокий уровень социальной активности и осознание организующей роли железной дороги и ее подразделений. Данное исследование также позволило уточнить круг проблем, имеющих место в малонаселенных пунктах, в особенности в отношении бытовых условий проживания.

Эти проблемы могут рассматриваться как типичные для подобных малых поселений, что подтверждают данные интервью, проведенного членами творческой группы с жителями близлежащих к Сахарежу поселений.

Библиографический список:

1. Бущик Л.П. Очерк развития школьного исторического образования СССР. М., 1961.

2. Ежова С.А. Методика преподавания истории в средней школе: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М., 1986.

3. Озерский И.З. Начинаящему учителю истории. М., 1989.

4. Озерский И.З. Руководство внеклассным чтением по истории. М., 1979.

5. Степанищев А.Т. Методика преподавания и изучения истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. М., 2002. Ч. 1.

© Я.С. Соловьёв (ЯГПУ)

Использование интернет-ресурсов в преподавании гендерных курсов по истории и обществознанию

В последнее время гендерный подход становится не только одним из актуальных направлений современной науки, но и последовательно внедряется в образовательную практику, в частности, в преподавание истории и обществознания. Однако многие исследования, посвященные гендерной проблематике, не переведены на русский язык, не адаптированы к использованию в школе, изданы малым тиражом. Малая часть методических разработок, выполненных с учетом гендерного аспекта, опубликована в периодической печати; отдельные же методические пособия, несмотря на то, что вышли в свет, остаются малодоступными, поскольку изданы в локальных гендерных центрах. Получается, что при всем обилии информации, ее использование крайне затруднено для рядового специалиста-предметника.

В этих условиях важным источником знаний становятся интернет-ресурсы. Цель данной статьи – рассказать об основных сайтах, посвященных гендерным исследованиям.

Одной из ведущих организаций, занимающихся проблемами социального пола, является Тверской центр гендерных исследований, опубликовавший в Интернете свой сайт [<http://www.tvergenderstudies.ru>], в четырех основных разделах которого размещены книги, сборники научных статей и материалы конференций (важным достоинством сайта является то, что они представлены полностью), библиографические указатели, программы учебных курсов, отдельные статьи сотрудников Центра [<http://www.tvergender-studies.ru/pb00000r.htm>].

В первом разделе содержатся фундаментальные издания, позволяющие составить представление о методологии гендерного подхода, истории его развития (которые возможно использовать на занятиях в качестве исторических источников), методике внедрения в образовательный процесс [http://www.tvergengerstudies.ru /pbbk000r.htm]. Среди них материалы работы по проекту «Интеграция гендерных исследований в преподавание базовых социально-гуманитарных дисциплин высшей школы» «Пол и гендер в науках о человеке и обществе», антология «Мужские ответы на женский вопрос в России (вторая половина XIX-первая треть XX вв.)», сборник научных статей «Женщины. История. Общество», материалы научной конференции «Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин», хрестоматия «Феминизм и гендерные исследования».

В разделе «Программы учебных курсов» [http://www.tvergengerstudies.ru/pbpr000r.htm] помещены разработки для высшей школы. Здесь представлены спецкурсы методологического характера, например, «Введение в женские и гендерные исследования» (автор – В. Успенская), а также исторические (В. Кулик «Женщины в истории России»), историко-психологические (С. Калинина «Женщины и проблема насилия»), историко-политологические (Н. Козлова «Женщины и политика»), историко-литературные (Е. Строганова «Женщина в русской литературе XIX века»), историко-культурные (А. Белова «Русская провинциальная дворянка конца XVIII - первой половины XIX века») и правоведческие (А. Бородина «Гендер и право»).

Ивановский центр гендерных исследований [http://www.icgs.ivanovo.ru], помимо общих методологических проблем (в разделе «Публикации» [http://www.icgs.ivanovo.ru/indexf.php?mode=publications]) указаны следующие темы: «Суфражизм», «История женского движения», «Гендерные отношения в современном обществе», «Гендерные исследования», «Переводы»), уделяет большое внимание гендерному образованию в школе. В соответствующем разделе «Методические материалы» представлены учебные программы по истории и обществознанию для средней школы: «Женщина и

мужчина в XXI веке: стратегии и реалии гендерного равенства», «Мужчина и женщина в мировой истории: Древний мир и Средние века».

Здесь же размещено методическое пособие «Введение гендерных курсов в систему среднего образования», которое содержит целостные методические разработки гендерных спецкурсов, включая учебные программы, материалы к урокам, списки литературы и словарь терминов к каждой теме.

Достоинством официального сайта Харьковского центра [<http://gender.univer.kharkov.ua>] является то, что на нем размещен единственный на сегодняшний день академический журнал «Гендерные исследования», издаваемый с 1998-го года [<http://gender.univer.kharkov.ua/gurnal.shtml>], который публикует работы отечественных и зарубежных ученых, охватывающие весь спектр социальных и гуманитарных наук.

На сайте Рязанского центра гендерных исследований представлены статьи ведущих отечественных специалистов в данной области: И.В. Костиковой («Из опыта работы над созданием и чтением гендерных курсов в МГУ имени М.В. Ломоносова»), А.В. Кирилиной («Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах») [<http://www.gender-cent.ryazan.ru/school/content.htm>].

В информационном портале «Женщина и общество» [<http://www.owl.ru>] размещен «Словарь гендерных терминов» [<http://www.owl.ru/gender>], являющийся первым объемным (378 словарных статей) лексикографическим изданием, представляющим русскоязычные гендерные термины, а также их англоязычные варианты. В издание вошли словарные статьи 49 исследователей из России и стран ближнего зарубежья.

Ценные электронные ресурсы содержит персональный сайт патриарха отечественной гендерной психологии И.С. Кона [<http://sexology.narod.ru/info130.html>]. Здесь присутствуют его основные научные труды: «Психология ранней юности», «Сексология», «Ребенок и общество», «Мужское тело в истории культуры» [<http://sexology.narod.ru/book.html>]; статьи: «Пол и гендер. Заметки о терминах», «Битва за штаны: этикет, мода, политика, идеология», «Человеческая сексуальность на рубеже XXI века»,

«Мужское тело как эротический объект» и др. [<http://sexology.narod.ru/other.html>].

В рамках нашей локальной публикации, конечно, не удалось осветить все интернет-ресурсы по проблемам гендера. Мы постарались отобрать наиболее важные, которые могут использоваться педагогом не только при подготовке к занятиям, но и для расширения гендерного кругозора.

© И.Н. Баранова (ЯГПУ)

Диалог в учебном процессе: особенности восприятия студентами и преподавателями

Понятие диалога крайне популярно в настоящее время, так как диалог выступает как наиболее эффективное средство построения сложной системы отношений на разных уровнях и в разных сферах человеческой жизни. Диалог – универсальная форма преодоления социальных и межлических противоречий, приведение в относительное соответствие идеалов и феноменов человеческой жизни. Образование как одна из основных составляющих общества в целом не осталось в стороне от процесса диалогизации, что приводит к постепенному отказу от авторитарности педагогического воздействия на учащихся. От человека требуется сегодня высокий уровень развития мыслительной и коммуникативной компетентности, активная и инициативная позиция в учебной деятельности.

Развитие мыслительных и коммуникативных умений учащихся возможно при перестройке системы отношений участников процесса обучения, при использовании новых, эффективных средств, методов и форм обучения. Учащийся не должен оставаться объектом педагогического воздействия, ему необходимо стать полноправным субъектом деятельности. Идея равноправия, значимости личности студента в процессе педагогического взаимодействия находит отражение в повышенном внимании к диалогу, который все чаще признаётся ведущей формой педагогического общения, а проблема повышения эффективности обучения на основе диалогической формы общения стала одной из наиболее актуальных проблем инновационного

образовательного процесса в зарубежной и отечественной педагогике.

В связи с этим было бы небезынтересно получить некоторое представление о том, как, с одной стороны, в рамках диалогового взаимодействия студенты реагируют на преподавателей, какими они их видят и какие замечают различия в особенностях общения преподавателей, а с другой стороны, как сами преподаватели оценивают возможности диалога в своей профессиональной деятельности.

Беседы в рамках заседаний предметно-цикловых комиссий по общественным дисциплинам с преподавателями вузов, а также дискуссии на Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Рыбинского педагогического колледжа, показали, что сами педагоги понимают смысл диалоговых технологий и суть самого диалога в рамках учебного процесса современного вуза по-разному.

Общий итог указанных бесед о сущности диалогового подхода в образовании можно условно выразить тремя точками зрения по отношению к данной проблеме:

- полное отрицание возможности диалога в образовательном процессе;
- частичное допущение диалога, понимание диалоговых технологий как специфической группы методов, построенных на вопросно-ответной форме работы со студентами;
- понимание диалоговых технологий как выражения сущности субъект-субъектных отношений в условиях образовательного пространства современного вуза.

Приверженцы первой точки зрения, отрицающие возможность диалога в образовании, полагают, что диалог – это глубоко личностное явление (в то время как образовательная коммуникация – явление общественное), в котором предполагается участие и равноправных индивидуумов, одновременно являющихся и адресантами и адресатами, при этом процесс коммуникации носит добровольный характер. В повседневной коммуникативной практике язык чаще всего используется не как средство самораскрытия, открытия «Я» собеседника, а лишь как средство передачи какой-либо информации, а именно, получение и закрепление знаний является главной задачей межличностного

общения в сфере образования. Важны не адресат и адресант (как в диалоге), а сообщение, которое передается (точность передаваемых знаний). Передаваемое сообщение особым образом организуют дискурс как учителя, так и ученика, так как в рамках задания можно говорить лишь об определенном предмете и в определенных терминах, четко сформулированных и установленных.

Диалог невозможен еще и потому, что предполагается априори подчиненное положение студента, постоянный контроль со стороны учителя. Равенство вступающих в образовательную коммуникацию субъектов невозможно. Именно преподаватель устанавливает ритм освоения материала, принуждает к четко определенным занятиям, приводит дискурс ученика в соответствие с общепринятым научным дискурсом (стандартизация и систематизация его мышления).

И если в процессе диалога происходит изменение свойств как объектов взаимодействия, то целью общения в системе образования является изменение, формирование личности ученика, приведение его к стандартам, принятым в обществе. Диалог же предполагает наличие субъекта, чей опыт кардинально отличен от нашего, иначе диалог неинтересен, а следовательно, невозможен.

Другая позиция по отношению к диалоговым технологиям заключается в том, что диалог воспринимается как технология, противоположная монологической установке преподавателя. Монологический подход предполагает два вида обращения к группе учащихся: директивные, указательные обращения и аксиоматические, содержание которых истинно и не допускает индивидуальной интерпретации и оценки. Диалогическая установка возникает тогда, когда передаваемое индивиду или группе сообщение требует реакции слушателя, его эмоционального и интеллектуального отношения и претендует на согласие слушателя с говорящим, либо изначальное, либо достигаемое в результате его переубеждения.

В методическом аспекте диалоговое взаимодействие организуется главным образом путем использования вопросных ситуаций в ходе лекции, превращения ее в управляемую беседу.

При этом основное внимание педагоги предлагают уделять не форме учебных занятий, а грамотному построению вопроса.

Таким образом, коммуникация в сфере образования в данном случае является диалогичной лишь по своей идее, а следовательно, более правильным будет употребление термина «учебный диалог» вместо «диалог», что значительно конкретизирует смысл последнего.

Наконец, третья группа педагогов воспринимают диалог как систему развивающих суждений, представляющих собой рефлексивное взаимодействие, которое становится основой социогуманитарного познания. Применение диалоговых технологий позволяет перенести смысловой акцент учебного занятия с информативной стороны на фасциативную, т.е. диалоговое общение не является «новым» с точки зрения содержания, но обретает новый смысл и новую ценность в глазах адресата. Речь идет о такой подаче материала, которая выполняла бы не столько информативную, сколько фасциативную, провоцирующую роль (С.И. Гессен называет этот процесс «заражение методом»). Методологически это достигается организацией занятий-бесед, занятий-рассуждений, диспутов, дающих опыт саморефлексии.

В любом случае очевидно, что организация, реализация и эффективность диалога зависят от личностных и профессиональных качеств педагога, от наличия у него соответствующих теоретических знаний, от практических умений устанавливать духовно-личностный контакт с учащимися и от навыков педагогического управления этим процессом. Анализ деятельности преподавателей общественных дисциплин позволяет констатировать, что существует очевидное противоречие, проявляющееся, с одной стороны, в потребности преподавателя в диалоге с учащимися, а с другой, в методической и, в определенной степени, - психологической неготовности к нему.

Преподаватели высшей школы в большинстве своем стремятся к тому, чтобы воспринимать студентов как взрослых, самостоятельных людей, своих будущих коллег и общаться с ними на равных. Однако это стремление не означает, что сами студенты воспринимают общение с педагогом как диалог. Педагогам порой приходится сталкиваться с ситуациями, когда попытки вступить со студентами в диалог наталкиваются на стену недо-

верчивого молчания или формальных, ничего не значащих ответов.

Мы провели небольшое исследование, целью которого стало получение информации о диалоговых стратегиях преподавателей глазами студентов и о реакции студентов на ту или иную манеру педагогического общения. Для выполнения этой задачи нами был выбран метод интервью. Мы побеседовали со студентами факультетов физической культуры, иностранных языков и психолого-педагогического филиала ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, а также с группой студентов Рыбинской авиационно-технологической академии. Выборка состояла из 72 студентов третьего, четвертого и пятого курсов. Интервью проводилось в небольших группах студентов и включало в себя ряд вопросов относительно восприятия студентами преподавателя. В результате контент-анализа полученных ответов нами было установлено, что типы коммуникативного поведения преподавателей, определяемые студентами, подчиняются четырем основным стратегиям, которые мы условно назвали «стена», «зеркало», «фотография» и «магнит».

Под стратегией «стены» мы понимаем такое поведение преподавателя, когда он как будто находится по ту сторону звуконепроходимого прозрачного купола. По описаниям студентов, при такой стратегии преподаватель «слышит только себя», «читает бесконечный монолог». Выбор такой стратегии, по словам испытуемых, обыкновенно вызывает у них отчуждение от педагогического процесса, равнодушие, потерю интереса и скрытое раздражение по отношению к преподавателю. Такая модель поведения преподавателя не имеет ничего общего с диалоговыми технологиями.

Стратегия «зеркала» заключается в том, что преподаватель оценивает студентов и формирует свои ожидания, опираясь исключительно на собственные, подчас ничем не подкрепленные фантазии. Например, преподаватель может обратиться к аудитории с вопросами, предполагающими наличие у студентов весьма большого объема знаний, практически равнозначного преподавательскому или даже превосходящего его, словно смотрят на группу студентов, а видят себя. Такие преподаватели, случается,

оценивают знания студентов, исходя из принципа «на пятерку даже я не знаю».

Стратегия «фотографии» представляет собой попытки преподавателя предположить, о чем в настоящий момент думают, что чувствуют или чем занимаются студенты, т.е. составить некое статичное представление об аудитории. Эти попытки могут быть успешными, но, как показывает практика, очень немногим преподавателям удается всегда делать правильные предположения о знаниях, мыслях или чувствах студентов. В случае, когда эти идеи оказываются не соответствующими действительности, студенты могут оказаться объектами неоправданно мягкого или, напротив, излишне жесткого отношения преподавателя. В случае если данная стратегия «попадает в цель», преподаватель может добиться большого признания у студентов как «понимающий без слов», однако обеспечить понимание в коммуникации, с нашей точки зрения, призвана скорее стратегия «магнита».

Стратегия «магнит» близка к философскому гуманистическому пониманию диалога как субъект-субъектных отношений, открытых органических социальных связей, гармонии взаимопонимания. На уровне коммуникативной стратегии педагогический диалог обычно реализуется в форме «вопрос-ответ», при условии, что спрашивающий и отвечающий действительно слышат и понимают друг друга. К стратегии «магнита» мы отнесли действия преподавателя, направленные на достижение взаимопонимания со студентами, на выявление общих интересов, ценностей, целей высшего профессионального образования, которые позволили бы совершенствовать процесс обучения, делая его взаимовыгодным, интересным и значимым для обеих сторон. Общение с такими преподавателями воспринимается студентами как радостное и ненапряженное, вызывающее желание учиться.

Стоит также упомянуть о том, что, по всей видимости, каждый преподаватель пользуется всеми стратегиями, отдавая предпочтение одной из них или излюбленной комбинации стратегий. Встречались также упоминания о том, что преподаватели могут чередовать стратегию «стены» со стратегией «магнита» (очевидно, давая себе временный отдых от диалога). Смена стратегии выражается прежде всего в том, что преподаватель начи-

нает проверять в диалоге свои предположения относительно знаний и переживаний студентов.

Наконец, следует отметить, что студенты в большинстве своем оптимистически настроены в отношении развития диалога в педагогическом процессе. Многие из них упоминали в интервью о том, что сейчас им практически не встречаются преподаватели, которые используют стратегии «стены» и «зеркала», в основном они воспринимают преподавателей как стремящихся к диалогу. Преподавателям остается оправдывать ожидания студентов, реализуя в своей работе возможности диалоговых технологий.

Данное небольшое исследование позволило составить некоторое представление о том, как воспринимаются студентами и их наставниками диалоговые стратегии. Опрос преподавателей разных учебных заведений, проведенный в связи с исследованием практики применения диалоговых технологий в образовательном процессе, показывает, что среди образовательных технологий, которыми они владеют, диалоговые технологии не занимают высокие ранговые места. Более половины опрошенных отдадут предпочтение традиционным формам работы на лекции, семинаре, практическом занятии, преимуществом которых считают ведущую и направляющую роль преподавателя. Проведенный нами опрос студентов показал, что преподаватели редко (38%) и даже крайне редко (17%) используют диалоговые формы обучения.

Таким образом, выявилось явное противоречие между достаточной разработанностью теоретических проблем диалоговых технологий, признанием необходимости их включения в процесс обучения в качестве эффективной организационной формы и отсутствием практических рекомендаций, посвященных преодолению основных затруднений преподавателей в их реализации.

© И.В. Копыл (ЯГПУ)

Историческая картина и ее роль в формировании и закреплении знаний учащихся на уроке истории

Одной из задач обучения истории является развитие у детей образного мышления. События далекого прошлого, людей, обстановку, в которой они действовали, можно представить себе только при помощи образного мышления и воображения. «Изображение — фактор мотивации обучения и важнейшее обучающее средство. В учебной деятельности картина, рисунок, карикатура, плакат, как и любой другой вид источников, выступают носителями новых исторических знаний» [3].

Укажем ряд аспектов, которые раскрывают значение исторических картин в обучении истории.

Наглядные, зрительные образы обеспечивают правильные, адекватные действительности представления. В то же время представления не просто наглядные образы, они всегда в известной мере обобщенные образы действительности.

Зрительные образы содействуют развитию творческого воображения, имеющего огромное значение в технике, в науке и искусстве. Творческое воображение характеризуется тем, что человек преобразует представления или создает новые не по имеющемуся образцу, а самостоятельно намечая контуры создаваемого образа и выбирая для него необходимые материалы.

Зрительный образ конкретизирует исторические представления и понятия, содействует воспроизводящему мышлению, то есть всесторонне раскрывает исторические явления, подчеркивает детали.

Наглядность делает более эффективными методы преподавания, экономит время и повышает качество обучения истории. Отметим также, что наглядность служит средством эстетического воспитания учащихся, помогает поддерживать и развивать интерес учащихся к изучению истории, обеспечивает яркость урока и украшает его.

Многоаспектность наглядного обучения делает исследование данной проблемы актуальной темой для многих педагогов, занимающихся разработкой новых методов работы с историческими картинками. В настоящее время новым, мало изученным, является подход к исторической картине как источнику. На наш взгляд, работа в данном направлении состоит из нескольких этапов, которые основываются на внешней характеристике источника, а затем на раскрытии «послания» художника, на интерпре-

тации изображения. «В работе с визуальными источниками можно выделить такие этапы, как идентификация, понимание, оценка» [4].

В методике преподавания истории выделяют следующие основные этапы работы над картиной.

- Подготовка к восприятию картины. Обычно она сопровождается оглашением названия картины, имени ее автора и смысла ее демонстрации.

- Первичное восприятие картины, которому соответствуют вопросы: что? Где? Когда?

- Осмысление отдельных деталей картины, их анализ.

- Обогащенное понимание целостной картины: обобщение на основе установленных связей между отдельными частями произведения и выводов из анализа деталей.

Т. В. Коваль предлагает, работая над идентификацией наглядного источника, ответить на следующие вопросы:

- Что это за источник?
- Кто его автор?
- Когда был создан источник?
- Где он был создан?
- В связи с чем? [5].

На этом этапе происходит первичное помещение источника в исторический контекст. Указанные вопросы помогают охарактеризовать источник в целом, подготовить к дальнейшему восприятию картины.

Дж. Никол в книге «Ремесло учителя истории» предлагает несколько приемов, позволяющих сделать наглядный источник доступным для понимания. Например, учитель бегло показывает картину, усилив интерес к тому, что на ней изображено. Побудить к исследованию можно, поставив конкретный вопрос: например, сколько мужчин или женщин изображено. Можно предложить представить, что происходит за рамками картины [1]. Эти приемы активизируют исследовательский интерес учеников, позволяют существенно повысить темп работы на уроке.

Т. В. Коваль предлагает алгоритм работы с графическим изображением, целью которого является осмысление произведения искусства:

- Люди. Кто изображен? Сколько их, каков их возраст, внешний вид? Что можно сказать об отношениях между ними?

- Пейзаж, предметы, растения, животные. Как показаны отношения между природой и человеком? Гармоничны они или нет?

- Пространство изображения. Где происходит действие? Можно ли выделить несколько планов изображения?

- Формы и линии. Какие линии (вертикальные, горизонтальные, диагональные), геометрические фигуры (круги, треугольники, четырехугольники) преобладают?

- Цветовые и световые эффекты и т. д. [6].

М. В. Короткова предлагает задания на восстановление истинной фактуры исторических событий на основе определения верного или ошибочного воспроизведения в версии художника. Примером могут служить полотна, отражающие восстание декабристов: акварель К. И. Кольмана «Восстание на Сенатской площади» и картина В. Ф. Тима «Восстание 14 декабря 1825 года». «В ходе сравнения выявляются различия в отображении восстания декабристов художниками, выясняются разные моменты хода восстания. Для того, чтобы учащимся было легче познавать реальную картину события, привлекаются документы, картосхемы и цифровые данные»[7].

Эти приемы помогают ученикам осмыслить картину как источник, сделать ее содержание доступным для понимания, устанавливают связь между изображением и реальными историческими событиями.

Исторические картины, используемые в школе, различаются характером сюжета. Это важно учитывать при определении методики работы с картиной.

Так, событийные картины, как правило, требуют яркого рассказа учителя, так как именно в форме рассказа учитель сможет более глубоко раскрыть драматизм и динамику изображенного события, более эмоционально передать содержание картины. Замена рассказа беседой снизила бы эмоциональный тонус урока, его образовательный и воспитательный эффект. Очень часто содержание событийной картины вообще невозможно раскрыть методом беседы. Что могут сказать учащиеся по содержа-

нию картины «Ян Гус на Констанцском соборе»: начало или конец заседания изображен на картине? Кого из присутствующих они могут назвать, кроме Гуса и императора? Что они могут сказать об отношении того или иного лица к Гусу? Все это должно быть раскрыто в живом рассказе учителя. По событийной картине возможны лишь элементы беседы, относящейся к второстепенным подробностям, скажем, к описанию одежды, предметов быта, после того как разобрано основное содержание.

Типологическая картина представляет бытовые сцены, повседневные эпизоды хозяйственной жизни, в которых наглядно выражены общественные отношения своего времени.

По существу, хорошая типологическая картина дает учащимся ответ на все основные вопросы, связанные с изучением данного явления. Поэтому типологическую картину целесообразно и необходимо использовать в качестве наглядного источника для активного извлечения знаний учащимися в ходе беседы либо при выполнении самостоятельной работы с картиной по заданию учителя.

В 6 классе мною на уроке по теме «Правление князя Олега» была предложена работа по картине К. В. Лебедева «Полюдь». После рассмотрения картины школьникам было предложено ответить на вопросы:

1. Кто собирал дань?

Н. князь

Б. старейшины родов

В. Воевода

2. Кто сопровождал князя в полюдь?

В. греки

Б. старейшины родов

А. дружина

3. В какое время князь выезжал в полюдь?

Г. летом

Л. поздней осенью

В. В начале весны

4. Какие вопросы решал князь помимо сбора дани?

О. разбирая жалобы славян

Б. пировал

В. охотился

5. Какими продуктами выплачивали дань?

А. меха, ткани, воск

Б. ремесленные изделия

В. пиво, мед, зерно

Г. все вышеперечисленное

- Из полученных букв-ответов составить кодовое слово.
- Определить, какова связь между понятиями «полюдь»

и «налог»

Задание было рассчитано на слабых учеников. Они без труда отвечали на поставленные вопросы. Кодовое слово — налог. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть свои предположения, они имели возможность обратиться к учебнику. (Т. В. Черникова. История России. IX – XVI вв.: Учеб. для 6 кл. М.: Дрофа, 2002. С. 17). Отсюда — полученное представление о полюдь как форме сбора налога.

Для более сильных учеников было предложено другое задание. Его идея была взята из книги Дж. Никола.

Автор утверждает, что вопросы детей могут служить основой для исторического исследования. Действительно, после того как ребята рассмотрели картину, они получили задание сформулировать на отдельных листочках пять вопросов, которые хотели бы задать учителю по ее содержанию. После самостоятельной формулировки вопросов они объединялись в группы по 5-6 человек и самостоятельно отвечали на те, ответ на которые очевиден. В основном это вопросы, перекликающиеся с теми, что были заданы группе слабых ребят. В конечном итоге каждая группа должна была представить один вопрос, ответ на который картина не дает. Далее — поиск ответов в документе.

«Ключевский В. О. Курс русской истории.»

«НАЛОГИ. Главной целью княжеской администрации был сбор налогов. Олег, как только утвердился в Киеве, занялся установлением дани с подвластных племён... Дань обыкновенно платили натурою, преимущественно мехами, «скорою». Впрочем, из летописи узнаём, что неторговые радимичи и вятичи в IX и X вв. платили дань хозарам, а потом киевским князьям «по шлягу от рала», с плуга или сохи. Под *шлягами* (skilling) надобно разуметь, вероятно, всякие иноземные металлические деньги,

обращавшиеся тогда на Руси, преимущественно серебряные арабские диргемы, которые путём торговли в изобилии приливали тогда на Русь.

Дань получалась двумя способами: либо подвластные племена привозили её в Киев, либо князья сами ездили за нею по племенам. Первый способ сбора дани назывался *повозом*, второй - *полюдьем*. Полюдье - это административно-финансовая поездка князя по подвластным племенам. Император Константин Багрянородный в своём сочинении, писанном в половине X в., рисует изобразительную картину полюдья современного ему русского князя. Как только наступал месяц ноябрь, русские князья «со всею Русью», т. е. с дружиной, выходили из Киева в городки, т. е. на *полюдье*. Князья отправлялись в славянские земли древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян, плативших дань Руси, и кормились там в течение всей зимы, а в апреле месяце, когда проходил лёд на Днепре, спускались опять к Киеву.

Между тем, как князья с Русью блуждали по подвластным землям, славяне, платившие дань Руси, в продолжение зимы рубили деревья, делали из них лодки-однодеревки и весной, когда вскрывались реки, Днепром и его притоками сплавливали к Киеву, вытаскивали на берег и продавали Руси, когда она по полой воде возвращалась с полюдья. Оснастив и нагрузив купленные лодки, Русь в июне спускала их по Днепру к Витичеву, где поджидала несколько дней, пока по тому же Днепру собирались купеческие лодки из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода. Потом все направлялись вниз по Днепру к морю в Константинополь.

Дань, которую собирал киевский князь как правитель, составляла в то же время и материал его торговых оборотов. Данью он делился со своею дружиной, которая служила ему орудием управления. Дружина действовала как главный рычаг в том и в другом обороте, и политическом и экономическом: зимою он правил, ходил по людям, побирался, а летом торговал тем, что собирал в продолжение зимы».

Среди вопросов, на который ученики не имели возможность ответить по картине, были следующие: как распорядился собранной данью князь? Куда и с какой целью вывозили дань? Какие города объезжал князь с целью сбора налога?

Картина может стать основой для использования приема драматизации. Так, на уроке «В гаванях афинского порта Пирей» в качестве закрепления вопроса о путях попадания в рабство применялась картина «Продажа рабов в древней Греции» Х. М. Лопеса. Данный прием обусловлен необходимостью время от времени концентрировать внимание пятиклассников на конкретных моментах прошлого. Чтобы понять некоторые процессы и явления, необходимо проникнуть внутрь их, выразить собственные чувства и переживания.

В качестве домашнего задания предлагалось «оживить» происходящие события с целью актуализации следующих моментов: античный мир был основан на рабстве, рабы не имели прав, являлись собственностью господина, существовало несколько путей попадания в рабство: плен, пиратство, продажа за долги, дети рабов; на рабов греки возложили наиболее тяжелую работу.

Были созданы две творческие группы, состоящие из 8-9 человек. Исходя из сюжета картины, были определены роли: торговец, дети, женщина, рабыня, мужчины, рабы, покупатели, надсмотрщик. В качестве материала был использован текст учебника и ряд детских иллюстрированных энциклопедий и мультимедийных дисков по истории древнего мира. (Вигасин А. А. История Древнего мира.: Учеб. для 5 кл. М.: Просвещение, 2003. С. 166 – 167; CD «Энциклопедия для детей», «Аванта+», CD «Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия»).

Готовясь к уроку, исполняющие роли рабов подготовили себе таблички, где было написано, из какого района привезен раб, сколько ему лет и что он умеет делать. Например, один ученик, указал, что его кличка Фракиец, ему 17 лет, работать он может на рудниках и каменоломнях, была указана примерная стоимость — 120 драхм. Были изготовлены бумажные кандалы, плети из указки и веревки, нарисованы и отскерокопированы изображения афинских монет.

Желая достичь точности, некоторые копировали картину вплоть до деталей одежды. Поверх формы они намотали на себя красную ткань, а на ноги — сандалии.

Драматизация началась с попытки школьников принять те позы, которые на картине занимают их герои. Знакомство с

картиной осуществлял «экскурсовод». Постепенно «оживали» отдельные группы персонажей, раскрывая особенности своих взаимоотношений. Здесь и трагедия матери, которую разлучают с ребенком, являющимся от рождения рабом; и обреченность военнопленных, и страх перед будущим девочки, которую силой тащит надсмотрщик к новому хозяину. Учащиеся предположили, что девочка была похищена финикийцами и продана в рабство. «Экскурсовод» акцентировал внимание слушателей на важных моментах, особенно на том, как относились греки к рабам: «Обратите внимание на то, что большинство рабов, выставленных на продажу, — иноземцы» или «посмотрите, как покупатели рассматривают и ощупывают «живой товар», проверяя его силу и физическое здоровье».

Таким образом, через прием «оживления» картины ребята показали свои знания о путях попадания в рабство и о положении рабов в Древней Греции.

Подчеркнем, что развернутая беседа, а тем более самостоятельная работа по типологической картине возможна лишь при условии, если элементы ее содержания в какой-то мере знакомы учащимся. Если картина содержит незнакомый бытовой материал, необходимы соответствующие объяснения учителя. Беседа по картине требует умения сформулировать продуманную систему вопросов, активизирующих внимание, наблюдательность и мышление учащихся.

Замена беседы рассказом оправдана лишь в двух случаях: во-первых, когда типологическая картина сравнительно бедна наглядным познавательным материалом для беседы, а сюжетный рассказ, разработанный учителем, содержит богатые образовательные и воспитательные моменты и насыщен эмоционально. Во-вторых, при том условии, если рассказ по типологической картине организует мышление учащихся на решение познавательной задачи, то есть когда рассказ представляет собой разновидность проблемного изложения.

Рассмотрим использование данного приема на уроке, посвященном Новгородской республике в 6 классе. Здесь использовалась картина К. В. Лебедева «Вече в Новгороде». Урок начинается с рассказа учителя, примерное содержание которого может быть таким: «По удару вечаемого колокола собрались люди с

разных концов и улиц Новгорода на Ярославово дворище (на Торговой стороне).

В центре двора на вечевой ступени (помосте) расположились новгородские власти — посадник, тысяцкий, старые посадники, кончанские и уличанские старосты, вечевой дьяк. Посадник стоя держит речь. На площади вокруг ступени собрались бояре, «житьи люди», купцы и «черные люди». Вече в полном разгаре. В глубине площади, у самых ворот, — кучка людей, которые держатся в стороне, чтобы бежать в случае схватки. Остальные принимают то или иное участие в происходящем — кто сосредоточенно слушает, что говорится с вечевой ступени, кто прислушивается к толкам соседей.

На первом плане картины представлены два основных класса, две главные борющиеся силы — простые люди (ремесленники) и бояре. Они ожесточенно спорят.

На боярах шапки из бархата и сукна. Поверх кафтанов накинута свита из заморского сукна, с длинными широкими рукавами, с отложными, богато украшенными воротниками. Холеные руки — в перстнях. Это крупные землевладельцы. В своих землях они — полные господа: определяют оброк и дань, судят, содержат дружины, предпринимают походы, чтобы пограбить соседей и обогатиться. Кроме богатства бояре имеют власть и почет. Все важные должности в Новгороде занимают их ставленники. Бояре не останавливаются ни перед чем, стремясь не допустить на эти должности, особенно в посадники, человека не из своей среды.

Ремесленники стоят в рубахах из грубого холста, с засученными рукавами, в войлочных колпаках или с непокрытой головой, с ремешком-повязкой на волосах, в кожаных передниках. Это — кузнецы, скорняки, сапожники, седельники, овчинники, гончары, плотники. С горящими глазами, с бледными от волнения лицами наступают «простая чадь», хватая за плечи «вячших людей», бурно жестикулирует. Опершись руками на костыль, укоризненно говорит боярин: «Зачем творите вы междоусобия, раздоры, ярость, многонародные собрания?» В ответ слышатся озлобленные голоса: «Себе творят легко, а меньшим зло! Совет сотворили вы зол, чтобы побить меньших. Нет в наших старейших ни милости, ни правды!» «Вы супостаты наши!»

— кричит один, хватая крест на шее, как бы желая показать, что бояре совсем ограбили простой народ, даже хотят и последнее взять у него».

Неизвестно, чем окончится вече. Бояре заранее договорились в Совете господ, который собрался под руководством владыки — архиепископа новгородского. У бояр есть связи во всех «концах» города, где они держат в своих руках должников — купцов и «черных людей», среди которых они могут наберечь себе людей, чтобы те кричали за них на вече. Бояре и их сторонники хорошо вооружены. Если боярам удастся запугать, уговорить народ — пройдет их решение. Если нет, то вече разделится, ударит одна сторона на другую, в ход пойдет оружие»[8].

После рассказа учащимся предлагалось ответить на вопросы:

- Соответствует ли содержание картины современным научным представлениям о новгородском вече и его роли в управлении республикой?

- Используя картину, расскажите о происходящих событиях с точки зрения персонажей, на ней изображенных

- Инсценируйте действия ремесленников и бояр после того, как вече закончило свою работу. Как они поведут себя?

- Определите отношение художника к происходящим событиям.

Типологическая картина содержит более широкие возможности активизации умственной деятельности учащихся. Тем не менее они не являются все же достаточным основанием для признания ее более полноценным видом исторической картины и для отказа для привлечения событийных картин на уроках истории. При отборе картин для школьного курса, освещающего различные стороны и явления общественной жизни, основным критерием является многообразие познавательно-воспитательных задач, решаемых с помощью наглядных средств обучения.

Типологическая картина предпочтительна при изучении вопросов экономики, социальных отношений и быта. Но при оз-

накоплении учащихся с важнейшими событиями истории она уступит место событийной.

Разновидностью исторической картины являются исторические портреты. Они привлекают большое внимание авторов учебников и учебных пособий. Портрет — один из самых сложных для восприятия жанров изобразительного искусства. «Проблема сходства, образа, идеи достигает в портрете высшей остроты»[9].

На уроках истории учителя не касаются вопроса техники портретной живописи, но дают характеристику изображенного на полотне исторического деятеля и определяют отношение к нему художника, автора портрета.

Дж. Никол предлагает ряд упражнений, направленных на извлечение из портрета максимума информации:

- Рассмотрение портрета: лицо, тело, фон, расположение фигуры.

- Выявление идеи.

- Изучение языка тела.

- Значение одежды.

- Поддерживающие опоры и окружение.

- Почему позирующий объект был изображен именно так, одет именно так, почему был изображен именно такой фон? Какую идею несет портрет? Что пытался сказать нам художник? [2].

Эти идеи мы использовали на уроке в 8 классе. Учащимся можно предложить найти черты сходства и различия в портретах А. С. Пушкина, исполненных художниками О. А. Кипренским и В. А. Тропининым. Каковы причины отличия? Оба портрета написаны в 1827 году, в период расцвета творческих сил поэта. Оба отражают отношение к Пушкину представителей прогрессивных сил русского общества, отношение, запечатленное кистью замечательных художников первой половины XIX века.

О. Кипренский изобразил Пушкина с задумчивым взглядом, со скрещенными руками. Через плечо небрежно накинут плед. Выхоленные пальцы напоминают о принадлежности поэта

к аристократическим кругам. За его спиной — бронзовая фигура Музы, символ его творчества.

В. Тропинин не прибегает к внешним знакам для определения призвания поэта. Пушкина он показал как человека «с душой и сердцем», чуждым всякой официальности. Поэт изображен в бархатном халате, с живым, устремленным вдаль взглядом, рука прикрывает листы бумаги на столе. Создается впечатление, что поэт оторвался от рукописи и прислушивается к голосу вдохновения.

Что говорят вещи о времени, изображенном на портретах? Что могли бы сказать о портретах жена поэта, друзья-декабристы, Николай I?

Процесс учебного восприятия является активной умственной работой учащегося над объектом восприятия. Он неразрывно связан с овладением, усвоением его содержания, т.е. с пониманием, осмыслением. Задача учителя – организовать эту активную деятельность восприятия, придав ей планомерный и целенаправленный характер. Учащихся надо приучать прежде всего сосредотачивать внимание на главном, на предмете в целом, затем переходить к анализу его деталей, устанавливать связь и соотношение его частей и таким образом подходить к обогащенному пониманию действительности.

Итак, работа с исторической картиной как источником должна занимать важное место в процессе формирования и закрепления знаний. Особенно это актуально для учеников 5 и 6 классов, т. к. именно в этом возрасте формируется конкретно-образное мышление. Исторические картины, используемые в школе, различаются характером сюжета. Это важно учитывать при определении методики работы с картиной.

Библиографический список

1. Никол Дж. Ремесло учителя истории. Ярославль, 2001.
2. Никол Дж. Ремесло учителя истории. Ярославль, 2001. С. 165-166.
3. Коваль Т.В. Методика организации работы с визуальными источниками // Преподавание истории и обществознания в школе. 2006. № 10. С. 22

4. Коваль Т.В. Методика организации работы с визуальными источниками // Преподавание истории и обществознания в школе. 2006. № 10. С. 23.

7. Короткова М. В. Наглядность на уроках истории. М., 2000. С.141.

8.Короткова М. В. История России IX –XVII века. 6-7 классы. Учебно-методическое пособие. М., 2002. С. 123-125.

9. Стасевич В. Н. Искусство портрета: Пособие для учителей. М.,1972.

© Б.Е. Смирнов (ЯГПУ)

Особенности формирования исследовательских умений студентов средних профессиональных учебных заведений в процессе обучения историко-обществоведческим дисциплинам

В современном стремительно изменяющемся мире все большее значение придается способности человека во всех сферах деятельности самостоятельно приобретать знания и творчески применять их в жизни. От него требуется быстро ориентироваться в постоянно меняющейся ситуации и быть способным занимать достойное положение в обществе на протяжении всей жизни. Для этого необходимо уметь обрабатывать большие объемы разнообразной информации, обладать высокой коммуникативностью, умением работать в команде, постоянно повышать свой интеллектуальный, культурный и нравственный уровень. Таким образом, общество требует от современной школы создания таких условий, чтобы сформировать человека с вышеперечисленными качествами.

Становится все более очевидным, что методические системы, основанные лишь на теориях ассоциативно-рефлекторного учения, не вполне соответствуют новым запросам современности, особенно в профессиональном образовании. Возникает потребность в новых педагогических технологиях и усовершенствовании уже существующих методик. Однако речь не идет о радикальном отказе от прошлого опыта. По-видимому, еще долгое время в организации учебно-воспитательного процесса будут применяться в зависимости от выдвигаемых педагогических за-

дач теории ассоциативно-рефлекторного учения и более современные деятельностные теории учения. А.М. Новиков обуславливает их существование исторически определенными различными типами организационной культуры. Он полагает, что обучающийся в ходе саморазвития последовательно осваивает способы деятельности, свойственные организационным типам культур, сформировавшимся в процессе общественно-исторического развития человечества: традиционной, ремесленной, профессиональной, проектно-технологической.

Если в раннем возрасте ребенок осваивает традиционную и ремесленную культуры, то в школьные годы подросток начинает овладевать элементами профессиональной и проектно-технологической культур. Он становится способным к осуществлению проектной деятельности, которая, на наш взгляд, и воспитывает в нем те самые востребованные современностью черты.

Особую ценность приобретает проектная деятельность в профессиональном образовании, в том числе среднем специальном. В техникуме или колледже студенту предстоит выполнять курсовые и дипломный проекты. То же самое ему предстоит при дальнейшем обучении.

В проектной деятельности студента мы видим средство формирования у молодого человека способности самостоятельно исследовать окружающий мир и принимать на этой основе взвешенные решения.

В колледже студент может приобрести исследовательские умения, если будет обучаться на повышенном уровне (курс «Основы исследовательской деятельности»), то есть в конце срока обучения. Однако мы считаем, что таким образом теряется драгоценное время, что студенты в основной своей массе способны приобрести определенный комплекс исследовательских умений и реализовывать их не только в учебной деятельности, но и в других жизненных ситуациях уже на первом году обучения после окончания основной общеобразовательной школы. Это мнение опирается на выводы возрастной педагогики о смещении границ возрастов на более ранние периоды. Очевидно, что эти границы в силу более раннего интеллектуального взросления подростков будут и далее смещаться.

Анализ литературы показывает, что проблема поиска наилучших методов и способов формирования исследовательских умений у молодых людей не нова. Исследования проводились в условиях общеобразовательной и профессиональной школы разных уровней, во внешкольном и дополнительном образовании. Эта проблема разрабатывается и в педагогике среднего профессионального образования. К сожалению, нам не удалось обнаружить научных трудов, связанных с формированием исследовательских умений студентов средних профессиональных учебных заведений в процессе обучения историко-обществоведческим дисциплинам.

При анализе литературы выявились некоторые общие подходы авторов к содержанию и организации работы в данном направлении. Так, методологически формирование исследовательских умений учащихся основано на личностно-деятельностном подходе. Оно возможно только в исследовательской деятельности учащихся, которая основана на своем прототипе – научном исследовании. Учебное исследование должно обладать объективной, а чаще субъективной новизной. Необходимо педагогическое (научное) руководство исследованием. Исследованию должна предшествовать теоретическая подготовка учащихся. Для этого разрабатывается специальный учебный курс, рассчитанный на срок 2-3 года. Ведется планомерный поэтапный контроль сформированности исследовательских умений. Итоговый контроль включает в себя проведение исследования в соответствии с общепринятыми правилами, оформление его в виде научного сочинения при сохранении общей логики построения, а также публичную защиту результатов научного поиска.

Расхождения между авторами касаются преимущественно оснований классификации исследовательских умений, специфики исходных условий экспериментальной деятельности, программного содержания специального учебного курса, критериев оценки результативности формирования исследовательских умений, сроков обучения.

Рассмотрев различные варианты, которые предлагает литература по теме и выделив общее в позициях авторов, мы предположили, что в наших конкретных условиях можно сформиро-

вать определенный набор исследовательских умений в проектной исследовательской деятельности студентов при обучении истории и обществознанию уже на первом курсе. Приобретенные исследовательские умения студенты будут способны применить при изучении специальных дисциплин, на производственной практике по специальности и в прочих жизненных ситуациях.

Принято разделять исследовательскую деятельность студентов на научно-исследовательскую и учебно-исследовательскую. Главными различиями здесь являются цели и результаты этой деятельности. Если первая преследует цель получения нового научного знания, то вторая – овладения методикой научного поиска, развития у студента исследовательского типа мышления.

Разумеется, в реальности далеко не всегда видна четкая граница между учебно-исследовательской и научно-исследовательской деятельностью студента. Выполняя микроисследование, студент в ряде случаев, так или иначе, получает новое объективное научное знание. Это особенно проявляется при исследовании каких-либо реальных объектов и явлений, например, небольшого социального объекта. Однако главная наша цель – формирование исследовательских умений студентов СПО, как представляется, может быть достигнута и в учебно-исследовательской, и в научно-исследовательской деятельности.

Реализовать эту цель помогает проектная деятельность студентов. Е.С. Полат выделяет несколько типологических признаков проектов. В наших условиях проект должен иметь исследовательский характер по признаку доминирующей деятельности. В ходе осуществления исследовательского проекта по историко-обществоведческим дисциплинам достигается наивысшая самостоятельность студента. Происходит переход от имитации научного поиска к действительно научному исследованию. По предметно-содержательной области это может быть монопроект в рамках одной области знания (например, истории, социологии, права, философии и т.д.) или межпредметный проект, что встречается на практике гораздо реже.

Вначале студентам рекомендуется выполнить несложное индивидуальное исследование, обычно по истории или социоло-

гии, а затем, уже имея некоторый опыт, включиться в состав творческой минигруппы, которая действует по определенному алгоритму в течение заранее отведенного на осуществление проекта времени. Обычно на осуществление индивидуального проекта отводится шесть-восемь недель. Групповой проект требует больше времени – не менее четырех месяцев. Поскольку на осуществление нашей цели учебным планом отводится десять, а реально девять месяцев, постольку проекты не могут превышать указанных временных границ.

Обычно в практике само осуществление проекта проходит в три крупных этапа, которые, в свою очередь, можно разделить на более мелкие. На подготовительном этапе решаются организационные вопросы, студенты осваивают алгоритм исследовательской деятельности. Основной этап предполагает само осуществление запланированной деятельности по реализации целей проекта. Наконец, на этапе презентации студент (или минигруппа студентов-исследователей) защищает результаты научного поиска.

Вводный контроль сформированности исследовательских умений показывает, что абсолютное большинство выпускников основной школы не знают, как конструируется научное сочинение, не могут составить план исследования, оформить библиографический список, делать сноски, писать аннотации, не умеют выбрать и грамотно применять методы исследования и т.д. Поэтому в начале своей деятельности преподаватель-научный руководитель на уроках и во внеурочное время при помощи специально подобранных упражнений развивает полученные еще в школе и формирует новые исследовательские умения. Одновременно каждый студент и каждая минигруппа самостоятельно или с помощью преподавателя определяют тему исследования, составляют план-график работы над проектом и приступают к его выполнению под контролем преподавателя. Необходимо подчеркнуть важность постоянного контроля на всех этапах осуществления проекта.

Особенностью начального этапа является недостаточное осознание студентами важности развития у себя исследовательского типа мышления. Создание, сохранение и развитие положи-

тельной мотивационной среды – одна из главных задач педагога, как в начале работы, так и на последующих ее этапах.

Одной из особенностей нашей работы по формированию исследовательских умений студентов является использование компьютера на всех этапах осуществления проекта. По-видимому, уже в настоящее время компьютер необходим исследователю как один из основных инструментов. В ближайшей перспективе серьезная исследовательская деятельность, в том числе по социальным и гуманитарным наукам, не будет возможна без применения компьютера. От студентов требуется искать необходимую литературу и другие данные в Интернете. Для этого преподаватель демонстрирует на уроке возможности глобальной сети, например, поисковых систем, выходит на сайты виртуальных библиотек, учит студентов пользоваться электронными каталогами и т.д.

Компьютер необходим при оформлении исследования. Преподаватель знакомит студентов с требованиями, предъявляемыми к оформлению научного сочинения, показывает при этом возможности компьютера.

Наконец, обязательной для студенческих исследовательских проектов является их мультимедийная презентация во время публичной защиты. К ней предъявляются особые требования: логичность композиции, предельная лаконичность, иллюстративность, соответствующий дизайн и т.д. Презентация, выполненная в одной из специальных программ, должна подчеркнуть реальные результаты исследования и тем самым повысить убедительность публичного выступления.

К защите допускаются все групповые и лучшие индивидуальные исследовательские проекты. Сама публичная защита осуществляется либо на учебном занятии, либо на студенческой научной конференции.

Опыт нескольких лет работы показывает, что практически все студенты первого курса колледжа в той или иной степени овладевают основными исследовательскими умениями и способны применять их при изучении историко-обществоведческих дисциплин. Можно обоснованно предполагать, что на старших курсах приобретенные в начале обучения в колледже исследовательские умения в историко-обществоведческой области могут

быть применены в других областях учебной и практической деятельности с учетом их специфики. Исследование в этом направлении уже начато, и первые его результаты обнадеживают.

Библиографический список

1. Макотрова Г.В. Учебно-исследовательская культура учащихся // Педагогика. 2007. №1. С.47-52.

2. Новиков А.М. О развитии методических систем // Специалист. 2006. №10. С.21-25.

3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров/ Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров; Под. ред. Е.С. Полат. 2-е изд., стер. М., 2005. 272 с.

Содержание

Конструирование образов в истории, историографии, культуре и политике

Н.В.Новикова. “Антропологический поворот” в отечественном гуманитарном знании и наследие Клиффорда Гирца.....	3
А.А.Турыгин. История понятий Райнхарта Козеллека в контексте развития германской историографии.....	9
Е.Е.Лях. Отражение особенностей восприятия и повседневной жизни христиан в образах раннехристианского искусства	16
Ю.Е. Барлова. Конструирование образа политика в визуальной и вербальной пропаганде нового времени: на примере Ч.Дж.Фокса.....	26
А.Н.Савинова. Король, армия и власть в трудах Фридриха II	37
А.Э.Афанасьева. Кочевники Казахской степи в отчетах русских наблюдателей.....	43
А.В. Литвинов. Влияние эфиопского духовенства на преобразования в Эфиопии конца XIX- начала XX в.	49
Ю.А.Климова. Досуг англичанина в оценке русских путешественников: представления о спорте и физических упражнениях во второй половине XIX – начале XX в.	57
А.С.Ходнев. Особенности конструирования образа Лиги Наций в пьесе Дж.Б.Шоу «Женева» (1938).....	63
А.М.Ермаков. “Сестра Марта”, “стерва Шарлотта” и другие: образы немецкой женщины в советской периодической печати 1933-1945 гг.	69
Т.М.Гавристова. Презентация истории Африки в литературе и изобразительном искусстве.....	78
Т.А.Федорова. Колониальная власть в оценке индийских предпринимателей (1885-1946).....	85
А.В.Мильто. Исторические сюжеты в произведениях Нуррудина Фары.....	91
А.С.Загрузина. Образ современной Сирии в отечественной учебной литературе.....	98
Н.В.Бородкина. Ближневосточная политика президента Ж.Ширака по материалам французской прессы.....	103

А.А.Хортов. Образ сербов и югославской армии в западных СМИ в период косовского кризиса.....	110
А.А. Соловьева. Галлиполийская кампания и коллективная память австралийцев.....	117
Народ, политика, власть в истории России	
М.В.Талашов. Проблема дуализма верховной власти у хазар в советской и современной российской историографии.....	121
А.С.Калянова. Влияние состава французской армии на ее нравственно-психологическое состояние к началу Отечественной войны 1812 г.	128
Е.Л.Сараева. Интерпретация классическими западниками причин проведения реформ Петром I	137
В.В.Кудрявцев. Современники о причинах поражения России в Крымской войне.....	144
Т.В.Куперасова. Исторические условия формирования культуры народнической интеллигенции 1870-х гг.	151
Г.В.Карандашев. Социально-экономические последствия казенной винной монополии в России в конце XIX – начале XX в.	157
А.М.Новоторцева. Территориально-отраслевые особенности развития промышленного законодательства в России в конце XIX – начале XX в.	162
А.Е.Коняев. “Новые технологии” в ярославской тюрьме в конце XIX – начале XX в.	173
Е.Е.Белова. Деятельность благотворительных организаций Ярославской губернии по призрению детей на рубеже конца XIX – начала XX вв.	179
В.В.Таточенко. Роль провинциальной прессы в становлении гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в.: к постановке проблемы.....	187
О.В.Дубичев. Роль агрономов в развитии агрокультуры в Ярославской губернии в начале XX в.....	196
М.В.Александрова. Жилищный вопрос в Ярославле первых лет советской власти.....	201
О.Н.Литвинова. Быт населения оккупированных территорий Брянщины в партизанских краях и зонах в 1941-1943 гг.	208

Актуальные проблемы политологии и социологии	
В.П.Басков, А.В.Кузьменко. Социальные проблемы российского гражданского общества.	217
В.Н.Шеминов. Трансформация структур политической системы и мотивационно-ценностных ориентаций электорального поведения.	222
Л.Н.Талызина. Молодежный вандализм и преступность.	230
И.А.Мамзелев. Коммуникативный подход к изучению электорального процесса в Ярославской области: актуальность и задачи.	234
В.А.Соколов. Феномен «партии власти» в современной политической системе России.	241
Духовные основы современного образования	
В.В.Добродеев. Наука и религия: педагогический аспект.	249
А.Н.Филькин. О христианских истоках нехристианских цивилизаций.	257
С.А.Кудрина. «Опрокинутые» ценности на пути к полицейскому государству.	261
Н.И.Лихоманов. Новомученики российские – выпускники Ярославской духовной семинарии.	269
М.Л.Петрачкова. Автобиографические записки священнического рода Альбицких-Елховских как источник для изучения традиций русской семьи.	257
А.В. Еремин. Религиозные аспекты национального самосознания современной России.	282
Методика преподавания истории и обществоведческих дисциплин	
В.Н.Пирогов. Альтернативность в преподавании отечественной истории (1917-1939 гг.).	285
Н.А.Валеева. Использование метода проектов при организации внеклассной историко-краеведческой работы со школьниками.	293
Я.С.Соловьев. Использование интернет-ресурсов в преподавании гендерных курсов по истории и обществознанию.	297
И.Н.Баранова. Диалог в учебном процессе: особенности восприятия студентами и преподавателями.	300

И.В.Копыл. Историческая картина и ее роль в формировании и закреплении знаний учащихся на уроке истории.....	306
Б.Е.Смирнов. Особенности формирования исследовательских умений студентов средних профессиональных учебных заведений в процессе обучения историко-обществоведческим дисциплинам.....	318

Вопросы отечественной и зарубежной истории,
политологии, образования
Материалы конференции «Чтения Ушинского»
исторического факультета

Редактор Л.К. Шереметьева
Компьютерная верстка – Ю.В. Машонина

Подписано в печать 10.12.07
Формат 60х90/16.
Объем 20,5. Тираж 100 экз. Заказ 1280.

Редакционно-издательский отдел
Ярославского государственного педагогического университета имени
К.Д. Ушинского
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108
Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44